ИТАЛМАС

Литературно-художественный и публицистический журнал

№ 1 (09) 2011

Выходит 6 раз в год

Журнал основан в 2007 году

Учредители-издатели:
НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий»,
Благотворительный фонд имени писателя Михаила Петровича Петрова

Редакционный совет:
В.А. Никулин – Президент Благотворительного фонда имени писателя Михаила Петровича Петрова и президент-научный руководитель НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий»
О.А. Дегтева – ректор НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий»
Е.Е. Загребин – председатель правления Союза писателей Удмуртии
С.М. Решетников – профессор Удмуртского государственного университета
Н.Д. Украинец – член Союза писателей России

Редакционная коллегия:
З.А. Богомолова – главный редактор, член Союза писателей России
Н.В. Варламова – заместитель главного редактора
Е.В. Никулина – дизайнер и оформитель, председатель правления Благотворительного фонда им. М. Петрова, член Союза дизайнеров России
О.В. Парфёнова – член редакционной коллегии, член Союза писателей России
Д.В. Стрелков – член редакционной коллегии

Адрес редакции:
426003, г.Ижевск, ул.Сивкова, 12а.
Тел./факс (3412) 501-751, 501-761. E-mail: kigit@bk.ru.
Подписано в печать 15.03.2011. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Century Schoolbook.
Уч.-изд. л. 15,24. Усл. печ. л. 15,34.
Тираж 500 экз. Заказ №.
Отпечатано в МУП «Сарапульская типография».
427900, г. Сарапул, ул. Раскольникова, 152.
Тел./факс (34147)4-12-83, 4-12-85.

© Камский институт гуманитарных и инженерных технологий, 2011
© Благотворительный фонд им.М.П. Петрова, 2011
© Авторы, постатейно, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Зоя БОГОМОЛОВА Российские писатели и современность 4

ПАМЯТНЫЕ ПОСВЯЩЕНИЯ

Наталия ЗАКИРОВА «Словес постигнувши секрет...» *Стихотворение* 7

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Зоя БОГОМОЛОВА «За пределы холста...» *О поэзии Сергея Гулина и Дениса Бесогонова* 8

Елена ВЕЛЬДЯЙКИНА Развитие национально-эпических традиций в романе И. Калинкина «Женщина и река» 11

Анна ЗУЕВА-ИЗМАЙЛОВА Архетип Мировой горы в удмуртской поэзии 13

Людмила БОГДАНОВА Поэмы Кузебая Герда 18

Елена КРАСНОВСКАЯ Путь к мечте *О сборнике Фёдора Пукрокова «В пути»* 22

Тамара ПАНТЕЛЕЕВА Художественный мир новелл Риммы Игнатьевой 24

Роза КИРИЛЛОВА Романы «Начало года» Г. Красильникова и «Белые цветы» А. Абсалямова: нравственные аспекты 27

Ольга СТЕПАНОВА Персонификация как литературный прием раскрытия характеров 30

Людмила БУСЫГИНА Традиции и новаторство в творчестве поэтов начала XXI века 34

Александр ШКЛЯЕВ Об Аркадии Клабукове-Багае, письмах к нему и его стихах в переводе на русский язык 36

ПРОЗА

Римма ИГНАТЬЕВА Недоносок *Рассказ* 39

Галина ПРОНИНА Game over *Рассказ* 43

Ольга ПАРФЁНОВА Осенняя романтика *Рассказ* 46

Александр АБДУЛАЕВ Колян *Рассказ* 50

Евгений ЧЕПКАСОВ Бухта Барахта *Рассказ* 53

Глеб ПАВЛОИД Иссык-Куль: вокруг озера за десять дней *Повесть* 56

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Наталья БЕЧКОВА Диалог о музыке и музыкантах 82

Ариадна ГОЛУБКОВА Трисестры *Из истории хорового исполнительского искусства Удмуртии* . . 84

Наталия ГУЩИНА Корни старые – ветви новые 87

Денис МОДЗЕЛЕВСКИЙ Пятьдесят лет и два часа с Анатолием Мамонтовым. 88

РЕЦЕНЗИИ

Вениамин ИВШИН Новый труд переводчика *«Евгений Онегин» А.С. Пушкина в переводе Р.И. Яшиной*. 92

Сергей РЕШЕТНИКОВ Женщина-дипломат *Рецензия на книгу Михаила Труша «Жизненный путь Александры Коллонтай»* 93

ИСТОРИЯ. ФОЛЬКЛОР. ЭТНОГРАФИЯ. КРАЕВЕДЕНИЕ

Надежда БЕСОГОНОВА Тридцать лет в «тридцатке» 97

Владимир ВЛАДЫКИН Самобытная религия удмуртов 102

Пётр ПОДАЛКО Русское посольство в дни Кантоского землетрясения 1923 года 109

ПОЭЗИЯ

Лев РОДНОВ

«Хватаю прошлое, как ящерку за хвост...» 115

«Случайность, тихая случайность...» 115

«В немоте языка, вне движения...» 115

«Тобою живущий друг...» 115

«В безжизненной провинциальной глубине...» 115

«Лихой пилот, водитель тела...» 116

«Сквозь клочковатый мрак полунакальных ламп...» 116

«Насладившихся битвою мучает дух перемирия...» 116

«Тело что вопль, наднемотная веха...» 116

«Наитие стечет в мечту и в мысль...» 116

«Осенняя дача, калоши и насморк...» 116

«Сказочник в сказку не верил...» 116

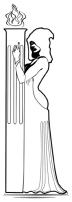
«На всякий день ума не напастись...» 117

«Хранил мой город деревянный...» 117

«Легко сказать: «Любви не существует!..» 117
«Границы пали, жизнь сбежала...» 117
«Жизнь не рассчитана на «дальность» 117
«Учеников остаться не должно!..» 117
«Нет времени прошедшего...» 117
«О, память, память!..» 117

Валерий НИКУЛИН
Зима 118
«Из любви сосуда...» 118
«Как земля от гроз...» 118
«Мне лучше слов не говори...» 118
«Когда-нибудь случится...» 118
«Чаще частого в откуп от бед...» 119
«Скажи, что любишь, очень любишь...» 119
«Как солнце моя жизнь иль как тайфун...» 119
«Чтобы прочной стала...» 119
«Только люди рождаются в муках...» 119
Осенний поезд. 119
«По жизни и по совести грешу...» 119
«Сияющие знаки неба...» 120
Расклад 120
Ссора 120
«Только было встрепенулся...» 120
«Ой, не влюбляй, ой, не терзай!..» 120

Илья МАРКОВ
«От А до Я совсем короткий путь...» 121
«Я тебя никогда никому не отдам...» 121
«Сшейте куклу, дайте имя...» 121
«Наклонись над рекой и взгляни на свое отраженье...» 121
«Поднимаю палочку – раз, два, три...» 122
«За минуту до смерти просить о прощении многих...» 122
«Выйдя из житейского тумана...» 122
«Новый век приносит свои законы...» 122
«Оторвись от манящей сиреневой бездны экрана...» 122
«Раннее утро. Пушистый май...» 123



ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ
Зоя БОГОМОЛОВА «Вечная» Алла Кузнецова 124
Евгения КОПЫСОВА Гимн жизни и любви 127
Надежда БОЧКАРЁВА Мои встречи с Аллой Кузнецовой 128
Юлия РАЗИНА Три соприкосновения *Стихи* 129
Милитина РЕШИТЬКО «А что было, то было...» 130
Габдулла ТУКАЙ Стихотворения. 132

ДЕБЮТ
Григорий СТАРОВОЙТОВ
«Ты говоришь...» *Стихотворение.* 133
«Прыгает точка-дочь...» *Стихотворение.* 133

«Валяется в пыльной неба прихожей...» *Стихотворение.* 133
«Город меньше, чем есть на деле...» *Стихотворение* 133
«Вселенная дремлет в режиме он-лайн...» *Стихотворение* 133
Ася ВАРЛАМОВА Абхазская тетрадь *Повесть (Отрывок)* 134

ТЕАТР
Анна ЕВСЕЕВА «Не играть на сцене, а жить...» *Слово об актере Вячеславе Байкове* 139

ДИЗАЙН
Елена НИКУЛИНА «Время... Лица...» *Новые работы.* 141

ПУБЛИЦИСТИКА
Сергей РЕШЕТНИКОВ Романсовая лирика в Удмуртии *Слово об Элеоноре Тамаркиной* 143
Александр ФОМИНОВ Живет село Верхняя Талица 145

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

«Литературная газета» на первой странице 4-го номера за 2011 год опубликовала статью заслуженного учителя России, директора издательства «Академия развития» из Ярославля М. Нянковского «Был экзамен по выбору», посвященную реформе образования в стране, печальные итоги которой мы ощущаем сегодня сполна. Он пишет: «Нет, не телевизор, не компьютер и не Интернет отвернули подростков от литературы. Люди, которым доверена образовательная политика, своими руками задвинули этот некогда главный предмет на задворки учебных планов. И это в России, где сознание людей абсолютно литературоцентрично, где человек живет не столько в географическом пространстве, сколько в пространстве литературных цитат, где вся культура: и театр, и кино, и даже балет, – основаны на литературе и где, наконец, столько говорят о духовности, сколько не услышишь во всех других странах мира, вместе взятых…». Сегодня «Колонка главного редактора» – продолжение полемики, развернувшейся на страницах «Литературной газеты».

РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Нельзя спокойно читать статьи, опубликованные в «Литературной газете» под общим заголовком «Плачь, Русская земля...». Но все, что будет написано ниже, не означает, что я не вижу завоеваний демократии, касающихся изменений положения творческой личности. Прежде всего, речь идет не только о свободе творчества, мышления, выбора темы, материала, но и о свободе идейной, идеологической: отсутствие цензуры, свобода общения, возможность выезда за границу и т.д. (Например, в те, теперь уже далекие, 80-е годы организаторы собраний, съездов писателей не могли свободно решать, с какими по содержанию докладами выступить, кто должен быть в президиуме собрания или съезда). Но если бы к упомянутым свободам прибавилось еще и то, о чем будет сказано в статье...

По профессии учитель средней школы, преподаватель литературы в вузе, я начала педагогическую деятельность в годы Великой Отечественной войны и прошла все ступени: учитель, завуч, директор школы; работала в трех педагогических институтах, университете, руководила практикой студентов в школе. На протяжении всех лет работы встречалась с учителями, выступала на учительских конференциях. Таким образом, специфику школьной жизни знаю не понаслышке и понимаю, какое место занимает литература в образовании учащихся, студентов: одно из главных. Это хорошо объяснил М. Нянковский в статье «Был экзамен по выбору».

Начиная со Второго съезда писателей СССР в 1954 году, мне пять раз довелось быть делегатом писательских съездов СССР, РСФСР, России, а затем – приглашенной на все последующие съезды страны, а также Удмуртии. Довелось увидеть и услышать почти всех советских писателей-классиков: М. Шолохова, А. Фадеева, К. Федина, А. Суркова, С. Маршака, К. Симонова, О. Берггольц и многих других, слышать выступления гостей съездов из многих стран мира.

О чем говорили зарубежные писатели? Об огромном авторитете русской классической литературы, о влиянии творчества А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, А.М. Горького, В.В. Маяковского, А.Н. Толстого на формирование литературы Европы, стран Азии и Африки, об индивидуальном влиянии творчества А.М. Горького на Р. Роллана, В.В. Маяковского – на Л. Арагона и т.д. На всех союзных и республиканских съездах речь шла об авторитете русской, советской литературы во всем мире.

Современная многонациональная литература России занимает одно из ведущих мест в общечеловеческом литературном процессе. Достаточно вспомнить имена Ю. Бондарева, В. Распутина, В. Белова и многих других, литературу Великой Отечественной войны. Но разрушены институты переводчиков и у нас в России, и в Европе – в бывших социалистических странах. Сожаление о том, что и русская, и советская литература не переводится на венгерский язык слышала от бывшего выпускника МГУ, венгра, переводчика, когда была вместе с А.С. Зуевой, А.Г. Шкляевым в Венгрии в 1996 году. Едва ли сегодня изменилось положение и в других странах, например, в соседней Польше. Лучше обстоят дела с переводами произведений писателей национальных финно-угорских литератур (Удмуртии, Мордовии, Мари-Эл, Коми) в Финляндии и Эстонии.

С распадом советского государства разрушился единый литературный процесс, создалось множество писательских союзов (в Москве – шесть, в Санкт-Петербурге – три, Карелии – три, Чувашии – три,

Якутии – два и т.д.). В Удмуртии Союз писателей сохранил свое единство.

Писатели разошлись по причине мировоззренческих, национальных противоречий по разным «квартирам», редакциям журналов, газет, издательств. Почему? Произошли коренные изменения не только в государственном устройстве, но и в экономике, ставшей рыночной. Изменения коснулись всех сфер жизни. Произошло социальное расслоение общества, что, несомненно, отразилось на общественной психологии, которая всегда, как и политика, подпитывалась литературой, искусством.

Мне не раз приходилось вспоминать об участии в международной конференции на тему «Духовные основы политики...», проходившей в 1997 году в Москве, в МГИМО. В понятие «духовная основа» входит много компонентов. Кроме литературы и всех видов художественного творчества, ее составляют этика общества, его мироотношение, формирующие подходы в науке: истории, философии, педагогике, психологии, обществознании и т.д. Все это прямо или косвенно имеет отношение к воспитанию, образованию молодого поколения, к школьному бытию, к программам и предметам обучения. Социально-общественные перемены в стране не могут не касаться школ и вузов и не вызывать желания внести новое в систему образования: делается это, очевидно, с благими намерениями. Что же происходит на самом деле?

Помню такой эпизод: мы с Е.Е. Загребиным приехали на пленум СП России. Стоим в приемной, входит взволнованный В.Н. Ганичев и говорит нам: «Сейчас мы с Сергеем Владимировичем Михалковым были в Министерстве образования, участвовали в широкой дискуссии на тему, какие и сколько произведений классиков русской литературы должны остаться в школьной программе. Удручает стремление сократить не только список имен великих русских и советских писателей, ранее включенных в школьную программу, но и часы преподавания литературы».

Это не повседневные заботы, это проблемы общественно-государственного значения. По московскому радио передали, на мой взгляд, чудовищную информацию, рассказав о применении уголовной ответственности к лицам, уклоняющимся от службы в армии, и о деятельности органов, которые должны эту процедуру осуществлять. О ком идет речь? О выпускниках школ и студентах вузов. А ведь было время, когда юношу по состоянию здоровья или каким-то иным причинам не брали в армию, и это была трагедия. Об этом повесть русского прозаика Удмуртии Юрия Шарычева «Запас второй категории» (1980).

Речь веду о воспитательной работе в школе, которая, на мой взгляд, насколько бы она ни была «многожанровой», по-прежнему должна содержать главное: она должна опираться на литературу, художественную словесность, а также изучение родного языка, историю, общественные науки.

Закончилось все печально: ЕГЭ, до конца не осмысленный и не принятый окончательно ни учителями, ни родителями, ни профессионалами. И экзамен, и программа связаны не только с теми, кто в нее вошел, но и с теми, кто пишет учебники, хрестоматии, учебные пособия. Пишут писатели (чаще члены СП), литературоведы, историки литературы, критики (члены Союзов писателей республик), создающие необходимую учебную литературу для национальных школ.

А что произошло в нашей стране и, прежде всего, в сфере культуры и жизни творческих союзов?

Трудно найти точное определение, кроме одного: *разрушение*. Творческие союзы перестали быть предметом государственной заботы, внимания, оказания материальной, финансовой помощи.

Что же потеряли писатели после 1991 года? Трудовой стаж за творческую деятельность, творческие командировки, оплачиваемые больничные листы, возможность получить квартиру, работать в Домах творчества, надежду на публикацию своих произведений, гонорары и т.д.

Я глубоко уважаю, более того, не могу не выразить свое восхищение тем, как работают на строительстве новой России президент Д.А. Медведев, премьер В.В. Путин, не раз посещавшие Удмуртию. Масштаб их международной деятельности, широта знаний жизни в решении множества важнейших проблем государственной, организационной, правовой, производственной деятельности поражает. А рядом с ними – их помощники, консультанты, главы ведомств, департаментов, министры, Государственная Дума, Общественная палата и многое другое. Почему же их не беспокоит современное положение культуры, науки, образования, школ, вузов – институтов и университетов? Почему до сих пор не принят закон о творческих союзах? Отсутствие его – отсутствие материальной поддержки, заботы об одной из самых необходимых сфер формирования нового человека, созидателя новой России.

Один из примеров – положение Союза писателей России, одного из очагов высочайшей духовности, ибо он объединяет более девяноста писательских организаций страны, куда входят представители всех национальностей. Как живет этот союз, возглавляемый одним из талантливейших организаторов, ученым-историком, профессором, издателем, журналистом, автором исторических романов, блестящим публицистом, заместителем главы Всемирного русского народного собора патриарха Московского и всея Руси Кирилла В.Н. Ганичевым?

В последние два года Союз писателей России обременен судебными заботами. Была серьезная попытка лишить его особняка (Комсомольский проспект, 13), которым он законно владеет с 1970 года, когда председателем Союза писателей РСФСР был избран легендарный С.В. Михалков, сменивший первого председателя Союза Л.С. Соболева. Полностью особняк не отобрали, оставив два этажа, но лишили арендной платы. Аппарат жил за счет аренды, которую он получал с редакций, разместившихся в особняке. Теперь больше года работники аппарата не получают заработную плату, но почти никто не покинул Союз.

Работают два дня в неделю. Остается только развести руками.

Церковь оказывала и оказывает посильную материальную помощь в издании журнала СП России «Роман-журнал XXI век», в проведении пленумов, съездов. Церковь понимает общественную роль и значение литературы народов России. Не верится, что это недоступно тем, кто непосредственно должен быть озабочен состоянием и положением писателей, художников, композиторов, театральных деятелей. Нам с председателем СП Удмуртии народным писателем Е.Е. Загребиным не раз довелось участвовать в работе народных соборов, куда приглашаются главы и руководители всех партий, конфессий, где свободно и демократично обсуждаются вопросы политики, религии, культуры.

Съезды писателей раньше проходили в Кремле в Георгиевском зале, в Колонном зале Дома Союзов, в новом Кремлевском дворце с участием многотысячных делегатов и гостей со всех стран мира, а теперь проходят в конференц-зале СП, который вмещает сто человек, к тому же в сокращенные строки: в течение одного-двух дней.

Между тем, за последние десять лет СП России буквально «прорубил окно в Европу»: проведены выездные секретариаты в Каире, налажены творческие связи с писателями балканских стран, с литературным сообществом «Глаголъ» во Франции, открыт памятник А.С. Пушкину в Болгарии, проведены презентации книг нескольких российских писателей за рубежом, осуществлены поездки в Грецию на те острова, которые с конца XVIII века связаны с именем великого русского флотоводца, адмирала Ф.Ф. Ушакова (о его подвигах – романы В.Н. Ганичева).

Все не перечислишь, но в 2010 году свершилось одно из самых значительных событий в литературной жизни нашей страны: воссоединение двух писательских Союзов – писателей России и Белоруссии, что имеет большое политическое значение. В этой акции принял участие член СП России, известный государственный деятель УР Н.Д. Украинец.

Союз писателей России – это патриотический, интернациональный, подлинно гражданский Союз. Именно это определяет отношение к нему семи с половиной тысяч его членов.

Кто пользуется авторитетом в сельской местности России? Учитель, врач, писатель. С уважением и интересом к творчеству поэтов, прозаиков и к самой творческой личности до сих пор относятся в деревнях. Но, к сожалению, Дни литературы, Дни книги почти ушли из культурного быта сельского населения. Да разве только это! Исчезли книжные магазины, а если они есть, то в них редко поступают новинки литературы, потому что тиражи книг настолько малы (двести, триста, пятьсот, редко – тысяча экземпляров), что не могут удовлетворить районные, поселковые потребности.

А положение писателя? Рукописи нередко лежат годами в издательствах из-за отсутствия финансирования, а если книга поэта или прозаика увидела свет, она трудно доходит до широкого читателя из-за высокой цены.

По сведениям директора издательства «Удмуртия» Ю.В. Кузнецова, с 2005 по 2010 год вышло всего 113 книг прозы и поэзии. Из них 70 – на удмуртском языке. Получается, что в год выходило всего 18-19 книг. Это настолько мало, настолько удручающе недостаточно и никак не может обеспечить ни библиотеки нашей республики, ни книжные магазины, ни читателя. То есть положение с изданием книг просто катастрофическое.

Россия перестает быть самой читающей страной. Между тем в стране немало новых издательств (к сожалению, с замысловатыми, на зарубежный манер названиями), а если посетить книжные магазины в Москве, Санкт-Петербурге и в Ижевске, поразит обилие редких книг разных жанров, изданных на многих языках, в том числе, – ранее не видевших свет исторических романов, мемуаров отечественных и зарубежных. Но они из-за дороговизны почти недоступны широкому читателю. Особенно огорчает высокая цена на детские книги, разнообразные по жанру, прекрасно художественно оформленные; непомерно высока цена на учебники.

Огорчает постепенное охлаждение образовательных учреждений к писателям, их роли в педагогическом процессе. Их все реже приглашают в школы, на учительские конференции, на торжественные вечера по какому-либо случаю. Почему? Дирекции школ нередко нечем заплатить за выступление писателя в аудитории учащихся и учителей, школьные библиотеки не всегда могут приобрести новинки литературы, книги писателя, с которым могли бы встретиться. Это связано с тем, что в бюджете страны нет строки о расходах на обеспечение жизнедеятельности писательских Союзов. Не выделяются достаточные средства на издание книг, редко выплачиваются гонорары за вышедшую книгу. Иногда гонорар компенсируется автору частью тиража, и он вынужден продавать свои книги...

Никогда еще писатель не оказывался в таком трудном, униженном положении. Хорошо, если он получает пенсию, а если нет? Тогда он должен искать работу, чтобы существовать. Зачастую это значит, что он не сможет написать новую книгу...

И, тем не менее, несмотря на все трудности писательского бытия, нельзя не видеть: художественный процесс не остановим, и желающих стать членами Союза писателей становится все больше.

Это особый разговор. И он требует осмысления. Иногда прозаик или поэт, почти не известный читателю, за свой счет и зачастую без участия редактора издает свои две-три книги и настойчиво стремится вступить в члены СП. Наличие немалого количества творческих объединений, в которых «создатели» стихов или прозы варятся в «собственном соку» без руководителя-профессионала, «заполняют» своими книгами те ниши, в которых должны быть книги талантливых писателей. С одной стороны, радует тяга, особенно молодых, к литературному творчеству, с

другой, – настораживает: снижаются критерии мастерства, художественного профессионализма.

В некоторых областях и республиках руководители, несмотря на отсутствие закона о творческих союзах, оказывают посильную материальную помощь писателям: в Орле, Белгороде, Волгограде, Якутии, Оренбурге.

Следует выразить глубокую признательность Президенту УР А.А. Волкову, Председателю Правительства Ю.С. Питкевичу, Председателю Госсовета А.В. Соловьёву, мэрам г. Ижевска В.В. Балакину, А.А. Ушакову, министру национальной политики В.Н. Завалину, министру культуры, печати и информации Д.Е. Иванову, попечительскому фонду «Край родниковый» («Удмуртнефть») за финансовую помощь в издании книг русских и удмуртских писателей, открытие памятников художникам слова, деятелям культуры С. Самсонову, Г. Ходыреву, О. Поскрёбышеву, Г. Корепанову-Камскому, К. Герду и другим, а также за проведение юбилейных вечеров, посвященных писателям-классикам УР, и за индивидуальную помощь писателям.

Член Союза писателей России

ПАМЯТНЫЕ ПОСВЯЩЕНИЯ

Наталия ЗАКИРОВА

* * *

Леониду Смелкову

Словес постигнувши секрет
И тайны мира,
Искомый всеми нам ответ
Дают кумиры.

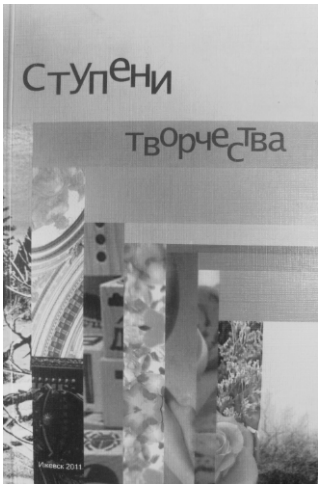
Не сотвори себе его –
К чему: не стоит.
Вот здесь стоит, недалеко,
Смеется, спорит.

Поможет дело сотворить,
Устроит разом, –
Не будет много говорить
И мерить глазом.

За окнами его очков –
Очей пучина.
Поэт он и отец детей,
Муж и мужчина.

Отважный, сильный и прямой
Смелков недаром,
Сююмбике певец одной
С любовным жаром.

Нам поэтический ответ
Дают кумиры,
Словес постигнувши секрет
И тайны мира.



НОВАЯ КНИГА

Ступени творчества. Ижевск: КнигоГрад, 2011

Ижевское литературное объединение «Прикосновение» выпустило юбилейный, десятый сборник произведений своих авторов. Под одной обложкой в этот раз собраны не только стихи и рассказы, но и эссе, и критические заметки. Имена Николая Мрыхина, Веры Красовской, Павла Манохина известны читателям журнала «Италмас» по нашим публикациям. С творчеством школьницы Леониды Богомоловой, чьи произведения вошли в сборник «Ступени творчества», мы познакомим вас в следующем номере. Вот что говорит в предисловии к сборнику руководитель «Прикосновения» Л.П. Васильев: « В нашем объединении... люди разных профессий и специальностей. Они очень разные и по своему внутреннему миру, и по своим способностям к литературному творчеству. Но всех их объединяет любовь к поэзии, желание поделиться с кем-то своими мыслями и переживаниями. Помочь им быть услышанными – в этом я вижу задачу объединения».

Наталия Николаевна Закирова – кандидат филологических наук, доцент, декан филологического факультета Глазовского государственного педагогического института имени В.Г. Короленко, заслуженный деятель науки Удмуртской Республики.

Зоя БОГОМОЛОВА

«ЗА ПРЕДЕЛЫ ХОЛСТА...»

О поэзии Сергея Гулина и Дениса Бесогонова

За прошедшее десятилетие литература республики пополнилась новыми именами поэтов, прозаиков, публицистов, литературоведов, да и те, творчество которых приходится на последнюю четверть ушедшего столетия, имеют право не только быть названными, но и по достоинству оцененными.

Поэт, переводчик и журналист **Сергей Гулин** в прошлом успешно преподавал русский язык на кафедре профессора В.М. Маркова в Удмуртском государственном университете, а в бытность студентом блистательно выполнил дипломную работу по творчеству одного из известных поэтов-сибиряков, преподавателя Литературного института Л. Мартынова. Эта работа на Всесоюзной научной студенческой конференции в Новосибирске отмечена как одна из научно состоятельных. Стихи Сергея Гулина печатались в коллективных сборниках, журналах «Сторона света», «Студенческий меридиан», «Урал», «Италмас», «Луч». Журналист, редактор популярной молодежной газеты «Комсомолец Удмуртии», журнала «Город», депутат Верховного Совета УАССР, Сергей Петрович известен и как талантливый исполнитель авторской песни, отмеченный вниманием известных мастеров этого жанра. По роду занятий он встречался с людьми разных социальных слоев, обогащая себя знаниями реалий жизни, творческого процесса, связанного, что особенно значимо, с формированием нового поколения художественной интеллигенции. Музыка, театр, радио, телевидение, поэзия, журналистика – не полный перечень его интересов.

Поэзия С. Гулина традиционна в той мере, в какой молодой поэт или прозаик осмысляет опыт классиков, а затем начинает активный поиск своей формы, стиля, изобразительной системы, руководствуясь и жизненной, и мировоззренческой позицией, стремлением вырваться из плена не только творчества, но и личности великих предшественников. Это особенно сказалось на развитии женской поэзии Удмуртии и России, начиная с 60-х годов XX века, под влиянием магической поэзии М. Цветаевой, А. Ахматовой, позже В. Высоцкого, а также модернистской, постмодернистской поэзии, связанной с традициями поэтов серебряного века.

Не могу сказать, что С. Гулин избежал этого, но его трезвый взгляд на жизнь в период социально-общественных перемен уберег его от воздействия модных течений. Зоркий глаз журналиста, подмечающего в окружающем мире много несоответствий и в человеческих, и общественных отношениях да и в самом времени, а, значит, и в истории, уберег его от влияния наносного в искусстве слова. Поэзия С. Гулина дает основание для серьезного и нелицеприятного разговора, но для меня это в будущем. Выскажу лишь некоторые наблюдения.

На первый взгляд, в стихах С. Гулина нет масштабных тем, конфликтов, ситуаций. Даже название последней книги его стихов «Домашний концерт» с разделами «Кухня», «Зала», «Детская», «Темная комната» как бы уводит читателя в быт, в семью, в интимный мир лирического героя, в частную жизнь. Но это только кажется. Подчас через бытовые детали, случайные встречи, рождающие всплеск чувств, воспоминания возникает мгновенная реакция, по смыслу далеко уводящая от оценочного результата. Ибо возникает значимый морально-нравственный аспект.

С. Гулин как поэт привлекает то ортодоксальностью мышления, открытой и скрытой иронией, то нарочито распахнутой душевной исповедальностью, то острой публицистичностью. Нередко за этим скрывается не один план подтекста. По складу мышления и отношению к явлениям жизни Сергей Петрович аналитик. Я знаю его со студенческой поры, когда он учился в Удмуртском государственном университете, отличаясь от сверстников и образом мышления, и поведением.

Смена занятий (кроме поэзии, песни) – это поиск себя, но у него на первый план выдвигалось не служебное утверждение себя под солнцем (характер занятий), а себя как личности со своим мировоззрением, складывающимся взглядом на мир. Читатель это почувствует, познакомившись с книгой его стихов «Домашний концерт», в заглавии и содержании которого открыты и скрыты творческие замыслы автора, его интеллектуальный потенциал. Через быт, подчас обыденность, привычные предметы и явления С. Гулин помогает четко увидеть и раскрыть сложность отношения личности с миром людей и вещей.

Стоит лишь прочитать первый раздел книги «Кухня», во введении к которому есть такие ключевые слова: «Переезжая, надо брать с собой не мебель и шмотки дома, где ты был счастлив». Раздел «Кухня» открывается стихотворением «Картинка из детства», в котором изображен бег ребенка по миру, свету, снегу, временам года до поры зрелости:

Мне сегодня полста,
Прыти той уже нет,
Но задача проста –
За пределы холста
Унести этот свет.

В сборник вошли стихи разных лет (от 70-х годов XX века до начала нового века). Тематика их: жизнь

в ее повседневном многообразии, любовь, дружба, потери, обретения – все это в жанрах лирических, песенных стихов, раздумьях, посвящениях.

В последнем разделе «Темная комната» содержатся как бы пояснения, дополнения к стихам всех разделов сборника, которые чем-то похожи на уточняющие комментарии. «Темная комната» в известной мере раскрывает то, что рождено в подсознании поэта, указывает на генезис возникновения сюжета стихотворения с уточняющими подробностями, деталями.

Таким образом, мы имеем дело с художником слова, у которого сложились устойчивые взгляды на прошлое, настоящее, на роль поэта и поэзии в общественном и культурном процессе, на роль личности в современных сложных общественно-политических условиях и в разных жизненных обстоятельствах...

* * *

Денис Бесогонов (1970–2003) – поэт и журналист, представитель более молодого поколения, названного С. Гулиным «новыми интеллигентами». Поэзию Д. Бесогонова С. Гулин определил как «тонко организованную стихию чувств».

«Ответственный, надежный, инициативный, прекрасный организатор, замечательно контактный человек», – так сказал С. Гулин о личности молодого коллеги, которого приглашал к сотрудничеству в «Эксперт-клубе» на ГТРК. Об этом С. Гулин написал в посмертном издании книги стихов Д. Бесогонова «В синих потоках звезд молчит чистота...», любовно собранной и изданной его родителями Анатолием Павловичем, кандидатом технических наук, и Надеждой Георгиевной, народным учителем Удмуртской Республики. Ныне они собрали для издания объемный том журнальных и философских (диссертационных) работ сына.

Денис Анатольевич трагически ушел из жизни на взлете научных и поэтических поисков и свершений. О нем горячо и страстно отзывались на презентации его поэтической книги в библиотеке имени Н.А. Некрасова его сослуживцы, товарищи по Российскому Союзу профессиональных литераторов, в котором Денис Анатольевич снискал авторитет не только как одаренный поэт, но и как лидер молодых.

После его гибели о нем заговорили, его стихи стали охотно печатать в журнале «Луч», в литературных альманахах. В газете «Удмуртская правда» опубликованы статьи о нем, подборки его стихов. Отклики на книгу его стихотворений «В синих потоках звезд молчит чистота...», которая вышла в свет благодаря родителям Дениса и вызвала интерес и к творчеству, и к личности поэта-философа, появились в разных московских изданиях, журналах.

Когда читаю стихи Дениса Анатольевича, возникает впечатление, что это его поэтический дневник, которому он доверял сокровенное, где был раскован, свободен в выражении своих мыслей, сомнений, очарований и разочарований, где он «апробировал» свои публицистические, философские замыслы, записывая стихи, уже сложившиеся в душе и сознании, и те, которые только что рождались, требовали доработки, шлифовки. Если сказанное суммировать, то так он общался с миром, с близкими людьми, с любимой женщиной.

Умело, с пониманием, как ярче высветить образ сына, собрали, подготовили к изданию книгу его поэзии «В синих потоках звезд молчит чистота...» его замечательные родители. Они бережно отнеслись к поэтическому творчеству сына, собирая лучшее из того, что осталось в наследство им и читателям.

Разделы книги составлены по хронологическому и тематическому принципу. После слова о сыне, поэте, журналисте, философе книга продолжается разделом «Из детского альбома. 1984–1985», затем «Против ветра править. 1986–1987», «Реквием времени. 1988–1989», «1990–1991», «1992–1993», «1988–1998». Затем идут сборники: «Август», «Хоры» (№ 1, № 2, № 3). Разделы «В моей душе немыслимые звуки», «Падение в бездну без расчета» претендуют на отдельный сборник.

В книге как бы несколько «рам», вставленных одна в другую, а в целом книга создает впечатление повествования автора о себе, о своем времени, о социальных переменах в стране в 90-е годы XX и начале нового столетия, о любви, о предметах любви, к которым у поэта взыскательное отношение.

О поэзии Д. Бесогонова однозначно не скажешь не только потому, что стихи написаны в разные годы, а потому, что с изменением реалий жизни – политических (государственных), экономических – менялся взгляд поэта на происходящее: он взрослел, обретал разнохарактерный жизненный опыт.

Когда талантливый человек уходит из жизни раньше срока (С. Веневитинов – в 28, Лермонтов – в 26, Байрон – в 36, Пушкин и Маяковский – в 37, а сколько молодых погибло на фронтах освободительных войн?), принято говорить: не успел реализовать себя, осуществить свои замыслы и т. д. А мне кажется, людям, отмеченным трагической метой, удается за тот срок, что им отпущен судьбой, сделать главное, что дает основание по достоинству отметить поэта, художника, музыканта по наследию, что он оставил.

Денис Бесогонов пророчески сказал о себе: «Берега моей жизни /Скрылись из виду, /Бреду по молочной реке» (1998). Ему оставалось недолго жить, и он, словно предчувствуя это, старался писать «обнаженно»: предельно искренне, откровенно (сборник «Август»). Его художественная система усложнялась, ассоциативность и метафоричность углублялись, определяя стилевую особенность его поэзии, а рядом – стихи, в которых жизнь предстает в «формах самой жизни», на уровне бытового восприятия окружающего мира:

Поздний ужин. Лампа.
Не так жарко.
Днем потерял терпение –
Почему же теперь спокоен?
Студеный февраль
В эмалированной кружке.
Два огурца.
Разрезанные помидоры.
Кусок сыра.
Ломоть черного хлеба.

Стихотворение называется «Натюрморт» – предметное содержание его легко воспроизводится на полотне.

Манера письма поэта постоянно изменялась: рядом с простым и доступным песенным стихотворением – стихотворение-загадка с двойным сюжетом. Например, стихотворение «Беспощадное танго»:

И каждый раз из пропозиций грозных
Я дорогую славу раздаю
Насмешливо и честно, как создатель...

Несомненно, учеба в аспирантуре и занятия философией, активная журналистская деятельность наложили печать на содержание, форму, словарный состав его поэзии, ее изобразительную систему.

Денис Бесогонов пробовал свои силы в разных стихотворных жанрах и словесных формах – от разговорно-просторечной до усложненно-замысловатой, зашифрованной. В книге есть стихи-«заготовки» с неразвернутым сюжетом и стихи объемные, законченной формы, с отточенной строфой, рифмой. Ему доступен свободный стих – верлибр, есть попытки создать жанр научной, философской (маленькой) поэмы («Бог Лейбница», «Утро в раю», «Обыкновенный человек», «Рождение трагедии из духа террора» и др.). Внутри текстов можно встретить парадоксальные заявления, в которых логика глубоко запрятана:

Сумасшедшие, которых я знал,
всегда оказывались правы.
Безумие – неоспоримая часть их праздности,
как иголка для нитки,
Которая оставила их людьми, как дыры в ладонях,
Не механически, но с полной самоотдачей.

Широкая начитанность (античная, средневековая, классическая русская, европейская литературы), образованность, острый интерес ко многим отраслям знаний, к людям разных профессий, наукам – физике, философии, истории, искусству – позволяли Д. Бесогонову свободно вводить в стихи малоизвестные широкому читателю термины, понятия, имена, факты.

Не случайно в эссе «О сказке» он писал: «Настоящая литература подобна роднику, текущему из-под каменной кладки». Родник его знаний и одаренность его как поэта, осведомленность в разных сферах жизни (социология, экология, политология и т.д.) выделяли его из среды профессионалов.

Поэзию, как и все творческое наследие Д. Бесогонова, еще надо вдумчиво изучать, чтобы создать более или менее полное представление об авторе, – человеке, несомненно, разнообразно талантливом, к сожалению, так рано, на взлете творческого, интеллектуального развития покинувшего этот мир...

* * *

Все, что сказано о русских поэтах С. Гулине, Д. Бесогонове – это только малая часть обзора поэзии Удмуртии. За пределами статьи остаются имена русских поэтов *Л. Смелкова*, *Н. Бушкова* (о них – в книге «Голоса эпохи», 2003), *О. Хлебникова* (в книге «Песня над Чепцой и Камой», 1981), *Т. Тарановой* (сборники «Стеклянная дверь», «Проекция души»), *С. Зяблицева* (сборники «Непрохожий человек», «Вятский волок»), *В. Сазонова* (сборники «Быть на высоте», «Сирень»), *А. Баранова* («Ранние желуди» и др.), *В. Тяптина* – автора многих разножанровых книг басен, стихотворений, переводов сонетов Шекспира, получивших высокую оценку профессионалов. Особо следует отметить активную творческую деятельность *Н. Мрыхина*, в 2007 году принятого в Союз писателей России. Его перу принадлежит шесть стихотворных книг, более ста двадцати песен, написанных на его стихи.

Почти в каждом городе и районе Удмуртии работают литературные объединения, старейшие – в Глазове, Воткинске, Сарапуле, Можге, Малой Пурге. Результат работы литературных объединений – сборники стихов, достойные серьезного литературоведческого разговора. Например, коллективные сборники членов литературного сообщества, организованного в ИжГТУ, ныне работающего в содружестве с членами Славянской академии. В том числе – посвященные юбилеям ИжГТУ («Ты был всегда талантами богат», 2005), 250-летию Ижевска («Главный город республики нашей», 2010), а также сборник «Ступени творчества» (2011), посвященный 50-летию ИжГТУ. Из множества имен, собранных в сборнике, мне наиболее знакомы *В. Красовская* и *П. Манохин*, поэзия которых достойна профессионального разговора.

Среди поэтов – выпускников филологического факультета УГПИ и УдГУ, – несомненно, выделяются *В. Лешуков*, *М. Зимина*, всю жизнь посвятившая педагогическому труду и поэзии. Помню, как еще в ранние годы ее литературного творчества талантливые и уже зрелые поэты *А. Демьянов*, *Г. Иванцов* восхищались ее стихотворением «Боярыня Морозова», стихами, посвященными М. Цветаевой. Прошли годы, М. Зимина опубликовала разные по жанру книги, в том числе – сборники стихов. Ее творчество достойно монографического исследования.

В последние годы в УдГУ, а затем и в литературных кругах все чаще стало звучать имя *А. Арзамазова*, выпускника факультета удмуртской филологии УдГУ – поэта, критика, историка и теоретика литературы, которому доступны многие жанры: эссе, эскизы художественной словесности, в том числе и лингвистические, о чем свидетельствует один из разделов книги «Эскизы» (2005), блистательное предисловие к которой написал профессор В. Владыкин. Один из разделов книги «Эскизы» называется «Финно-угорский футурум-язык – эсперанто. 100 слов (словарь)». Это не только лингвистическая новинка. Это работа интеллектуала высокого уровня. А. Арзамазов за короткий срок написал и защитил кандидатскую диссертацию (руководитель профессор Т.Г. Владыкина), побывал вместе с поэтом *А. Захаровым*, редактором журнала «Инвожо», в Париже, выступил в Сорбонне. У А. Арзамазова, молодого поэта и ученого, большое творческое – научное и литературное будущее.

Елена ВЕЛЬДЯЙКИНА

РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ЭПИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В РОМАНЕ И. КАЛИНКИНА «ЖЕНЩИНА И РЕКА»

Примечательным явлением последних лет в мордовской литературе стал стихотворный роман народного поэта республики И.А. Калинкина «Ава ды лей» («Женщина и река»). Такое событие как выход стихотворного романа в любой национальной литературе в наши дни – явление редчайшее.

Роман в стихах – своего рода философия современной жизни, история в конкретной поэтической форме. Этот жанр требует от писателя особой полноты и точности знаний, глубокого понимания прошлого, большой личной мысли. Талант автора романа в стихах особый, требующий полноты и всесторонности в восприятии и воссоздании картины мира, широкой и мощной кисти, которая бы живописала эту картину. Наличие нескольких языковых пластов также является характерным признаком романа в стихах.

По жанровым признакам «Женщина и река» – многоплановый роман. В нем писатель сумел органически соединить картины разного масштаба. Причем все сцены, эпизоды, линии стали звеньями образности большого масштаба, а движение отдельных событий и судеб слилось в поток времени. Все это и придает стихотворному роману эпическую направленность, предопределяет его структурные и композиционные особенности.

Роман «Женщина и река» создавался И.А. Калинкиным на протяжении десятилетий. В аннотации к нему отмечается: «Произведение охватывает большой период жизни эрзянского села. Герои произведения – рядовые труженики. Их заботы и радости близки и понятны автору. Поэтому его персонажи правдивы, индивидуальны и глубоко национальны». (Калинкин И. Женщина и река. Саранск: «Живое слово», 1997. – 227 с.).

Действие романа развертывается в эрзянском селе Чей (Челдаево) Инзенского района Ульяновской области – на родине И.А. Калинкина, что дает повод говорить о некоторой автобиографичности произведения. «В моей жизни случилось так, что я имею как бы две малые родины. Родился я в селе Чей Инзенского района Ульяновской области. Война занесла сначала в поселок Семеновка, а затем – в Коммунары Большеигнатовского района Мордовии. Но сердце чаще зовет в Коммунары и в село Старое Чамзино, где я некогда начал свою трудовую жизнь. Туда, где из-под моего пера легли первые стихотворные строчки, где отзвенело лето, отцвела юность, откуда началась моя дорога в большую жизнь», – с нежностью отмечает Иван Алексеевич. (Личный архив И.А. Калинкина. – *Е.В.*).

Детство поэта, как детство главной героини романа Нади Калиной, как детство многих тысяч их сверстников, было обожжено войной. Иван Алексеевич, как и эта девочка, испытал голод и нужду, потерял отца на войне. Даже фамилии их звучат почти одинаково: Калина – Калинкин. Различие всего в несколько букв.

Прототипами некоторых действующих лиц произведения являются жители Челдаева. Персонажей в произведении достаточно. Все они связаны с Чеем и с жизнью Надежды. «Рядом с героиней – персонажи менее значимые, но выполняющие свои функции в художественном воплощении авторского замысла. Здесь и члены семьи Нади, руководители колхоза и односельчане, работники района и области, близкие и дальние знакомцы. Словом, перед нами сонм живых людей, объединенных композиционно образом главной героини», – справедливо подчеркивает Г.И. Горбунов. (Там же. – *Е.В.*).

Особенности изображаемой эпохи художественно убедительно раскрываются в романе «Женщина и река» через судьбы женщин. В героинях И.А. Калинкина наиболее привлекает человечность. В большинстве случаев женщины в романе обаятельны, обладают не только внешней, но и внутренней красотой. Образы Катерины Куликовой, Насты Калиной, Надежды Калиной, ее подруги Галины и другие глубоко индивидуальны. Это подлинно национальные женские типы, которые вобрали в себя лучшие черты мордовских женщин. Автор стремится возвысить, облагородить своих героинь, что продиктовано желанием показать лучшие качества мордовской женщины, рассказать о ее радостях и горестях. Хотя женщины у И.А. Калинкина и наделены высокими человеческими достоинствами, они не идеализированы.

Для придания произведению эпического размаха И.А. Калинкин вводит в ткань повествования образ реки. Отсюда и название романа – «Женщина и река». Образ Талы не есть художественный вымысел. Река и ее название реальны. Автор с любовью вспоминает: «Самое интересное, что осталось в памяти из раннего детства, это когда отец брал меня походить за стадом. Паслось оно обычно на широком лугу, по которому текла звонко-струйная речушка Тала. Се-

Елена Ивановна Вельдяйкина – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры педагогики и методики преподавания общеобразовательных дисциплин Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск.

ребряным лучом тянулась она по лугу и уходила в сосновый лес, который густым зеленым облаком стоял вокруг села. Между деревьями спешила в Суру». (Там же. – *Е.В.*).

Символический образ реки Талы несет большой эстетический смысл. Она предстает ярким олицетворением жизни мордовского народа. Этот образ дается в романе в развитии: автор показывает реку то неподвижной, закованной льдами, то стремительно несущей свои воды. Образы народа и реки тесно сливаются воедино, и это усиливает эпическую направленность произведения.

И.А. Калинкин построил свое произведение таким образом, что ритм времени в нем соответствует плавному шествию времен года, их последовательной и регулярной смене. Поэтому мир предстает перед читателем в непрерывном движении. Использование писателем картин природы только обогащает произведение в идейном и художественном отношении. Пейзаж может выполнять множество разнообразных функций: он незаменим для тонкого анализа психологического состояния героев, для усиления картин каких-либо событий, яркой характеристики обстановки, в которой развертывается действие. Так, весна возникает в конце романа не только как время года, но и как символ новой любви главной героини. Картины природы могут служить и для выражения определенной мысли автора или его чувств, переживаний, выполнять идейно-композиционную роль, помогая раскрытию идеи произведения.

По стилевой манере воссоздания картин природы можно судить и об отношении автора к героям, его взглядах на природу и ее роль в жизни человека. Зарисовки природы в романе «Женщина и река» лаконичны. Они часто занимают несколько строк и почти растворены в характеристиках персонажей. Наиболее примечательная особенность пейзажных зарисовок в романе И.А. Калинкина состоит в том, что это не столько более или менее развернутые картины природы, сколько пейзажные детали, которые поглощены повествованием о человеке, его трудах, думах и чувствах. Мастерство И.А. Калинкина как художника-психолога достаточно определенно сказалось в области пейзажной живописи.

Жизнь Надежды Калиной прослежена автором с военных лет и до наших дней: она взрослеет на глазах читателя. В ее жизнь вошли события и факты, личные, общественные, интимные переживания и раздумья о родном Чее и большой Родине. И.А. Калинкин пишет поэтическую летопись формирования главной героини, подробно останавливаясь на всех этапах ее судьбы.

Стихотворный роман «Женщина и река» состоит из четырех частей – «Тяжелые годы» (детство и отрочество главной героини), «Ошибка» (юность), «Стремления», «Дела и сомнения» (взрослая жизнь). Эти части романа вполне самостоятельны. Их объединяет лишь образ главной героини. Уже сами названия частей дают определенное представление о сюжете произведения. В романе рассказывается о детстве Нади, ее взаимоотношениях с людьми, рождении первой любви, острых драматических ситуациях в жизни девушки и ее близких. В каждой главе автор не оставляет вне поля зрения возрастную психологию героини, поэтому мы видим динамическое развитие ее характера.

Ч. Айтматов писал: «Я вижу свою задачу в том, чтобы подвергнуть нравственную основу героя максимальному испытанию. В сущности, вся современная проза занята такой проверкой…». (Айтматов Ч., Плавиус Х. Человек и мир. Семидесятые годы // Новый мир. – 1977. – № 12. – С. 252). И.А. Калинкин сумел показать свою героиню в водовороте коллизий.

Композиция «Женщины и реки» представляет собой сложную, но, в то же время, стройную структуру. В романе развивается множество сюжетных линий. Судьбы героев нередко пересекаются, сплетаются, образуя сложную сюжетную канву, которая ярко раскрывает сложность жизни мордовского народа в военное и послевоенное время.

Роман в стихах И.А. Калинкина радует масштабностью, четкостью и многоплановостью композиционной структуры, логической обоснованностью сюжета, выпуклой очерченностью и реалистической достоверностью образов главной героини и второстепенных персонажей. Сложность сюжетно-композиционной структуры стихотворного романа, насыщенность ее самыми разнообразными событиями, эпизодами и картинами жизни, многочисленность персонажей определились основной авторской задачей – развернуть в произведении широкую панораму жизни мордовского народа на протяжении почти полувека.

В романе «Женщина и река» множество черт и признаков национального. Историческая конкретность темы, национальный материал, картины народного быта, нравов и обычаев, пейзаж – все это, так или иначе, несет следы многовекового исторического опыта мордовского народа, его прошлого и настоящего, придает роману национальное своеобразие. Трудно перечислить все компоненты и особенности произведения, составляющие его народную основу. Они – во всей атмосфере изображения жизни: в особенностях быта, традициях, песнях и легендах мордвы. Дело не только в трудолюбии героев и их бесконечной любви ко всему родному – все это может быть мордовским, но не только. На наш взгляд, национальный характер «Женщины и реки» проявляется во всей художественной структуре романа.

Идейный замысел и художественная концепция автора определяют, прежде всего, расположение и соотношение крупных частей повествования, расстановку основных персонажей, то есть наиболее общие особенности структуры романа. И.А. Калинкин умеет найти правильное соотношение главного и второстепенного. Он постоянно переносит действие из одного места в другое, переходит от событий, связанных с одной сюжетной линией, к другим, от частных судеб – к историческим картинам. То мы в мордовском селе

Чей в семье Калиных, то в Саранске или в Украине. Все это воспринимается как нечто естественное. И.А. Калинкин мастерски переходит от одного сюжетного узла к другому, как этого требует художественная логика. Вплетая в художественную ткань повествования множество самых различных событий, писатель стремится добиться того, чтобы в наиболее значительных эпизодах по возможности принимали участие основные персонажи. Это важно с точки зрения единства и целостности композиционной структуры произведения и в то же время дает возможность полнее и глубже раскрыть характеры действующих лиц через их конкретные поступки.

И.А. Калинкину свойственно умение строить сюжет таким образом, чтобы ситуации, в которые поставлены герои, вытекали из логики их характеров, их положения в обществе, чтобы их поступки были социально и психологически мотивированы. А это достижимо лишь при глубоком знании жизни. Автор опирается на весь запас своих знаний, впечатлений, чтобы представить во всей полноте характеры своих героев, их мысли и поступки.

Стихотворный роман «Женщина и река» не получил еще должной оценки со стороны критиков и литературоведов, наверное, потому, что «лицом к лицу лица не увидать, – большое видится на расстоянии». Один из поклонников таланта И.А. Калинкина Г. Горланов в статье «Тиринь мастордо арсезь» («Думая о родной земле») заметил: «…создать роман в стихах, в котором более четырнадцати печатных листов, может не каждый писатель. Сказать прямо, в отечественной литературе произведений такого жанра не так много. Конечно, для этого нужно много терпения, сил и писательского мастерства. Иван Калинкин, по нашему мнению, выбранную тему раскрыл очень хорошо. Заботой о родной земле дышит каждая строка произведения». (Горланов Г. Тиринь мастордо арсезь /Думая о родной земле // Эрзянь правда. – 1999. – 25 марта). Не согласиться с этим трудно, так как произведений такого жанра, как было отмечено выше, немного не только в мордовской литературе, но и в других национальных литературах.

Единогласно отмечено рецензентами превосходное знание И.А. Калинкиным родного языка. Мордовский писатель В.Л. Алтышкин писал: «Роман написан на чистом, звонком, легко читающемся эрзянском языке. Рифмы, скажешь, полны, как поздние орехи…». (Алтышкин В. Седейс совиця, а ступовиця /В сердце входящий, незабываемый // Эрзянь правда. – 1996. – 3 августа). Надо признать, что И. А. Калинкину созданием романа в стихах «Женщина и река» удалось главное: он создал произведение о современности, ставшее достойным украшением мордовской стихотворной романистики.

г. Саранск

Анна ЗУЕВА-ИЗМАЙЛОВА

АРХЕТИП МИРОВОЙ ГОРЫ В УДМУРТСКОЙ ПОЭЗИИ

В традиционной культуре удмуртов существенное место занимает архетип Мировой Горы, воспринимаемой как модель Вселенной. В ней отражены основные элементы космического устройства. Гора находится в центре мира, на «пупе земли» («музъем гогы»), где пересекаются все оси мира. На вершине горы ее продолжением является Мировое Древо. Через центр горы проходят горизонтальные оси мира (пути), соединяющие четыре угла и четыре стороны Вселенной. На каждом из четырех углов Горы растет дерево, указывающее соответствующую сторону света.

В работе «Остатки язычества у вотяков» Г.Е. Верещагин указывает на сакральный характер Мировой Горы, описывает ее топографию и связывает с молельными обрядами. Молельня «находится вдали от деревни, преимущественно на горах, откуда даль виднеется верст на десять кругом. Места молелен избирались стариками на горах, по отзывам их, потому что на горах даль виднеется кругом как на ладони, и все это при созерцании окружающего более располагает к исполнению религиозных обрядов (…). В таких местах молелен, равно как и во всех священных местах, воспрещается срубить какое бы то ни было дерево под опасением жестокой кары обитающих в

Анна Сергеевна Зуева-Измайлова – критик, литературовед, доктор филологических наук, профессор УдГУ, общественный деятель, член Союза писателей России, лауреат Государственной премии Удмуртской Республики.

них богов и духов. Понятно, что деревья в подобных лесах остаются нетронутыми все время существования деревни, которой принадлежит священный лес». (Верещагин Г.Е. Остатки язычества у вотяков. – Вятка, 1895.– С. 15-16).

Современный археолог Н.И. Шутова на широком историко-этнографическом материале конца XIII – начала XX вв. в статье «Горы/возвышенности в обрядах и мифологии удмуртов» подтверждает, что на склонах возвышений и гор располагались постоянные культовые места (святилища Великая куала и Луд: здесь обитал хозяин леса Нюлэсмурт). Во время ритуальных молений удмурты обращались с просьбами не только к локальным родовым покровителям и божествам, но и к верховной триаде небесного пантеона: богу неба Инмару, богу погодных явлений и атмосферы Куазю, богу-творцу Кылдысину» (Шутова Н.И. Гора в обрядах и мифологии удмуртов // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. – Ижевск, 1999. – С.188-189).

Н.И. Шутова высказывает предположение о трехчленности (трехуровневости) Мировой Горы: над нею в небесах обитали высшие боги Инмар, Кылдысин, Куазь; на ее вершине располагались божества и духи среднего мира Нюлэсмурт, Лудмурт, родоплеменные боги Воршуд, Инву, Мудор; нижняя часть горы, ее внутренность находилась в ведении представителей подземного мира Музъем-мумы или Му-кылчина. Такая гора выступала как недостижимое священное место, своеобразная земля обетованная. Она служила символом богатства, плодородия, изобилия.

На священной горе проводили различные празднества календарно-аграрного цикла и другие обрядовые действа: праздник первой проталинки Гуждор, праздник первой борозды Гырыны потон, проводы льда Йӧ келян, масленицу, пасхальные игры и т.д. В сакральном топосе горы происходит активизация жизненного пространства, коллективная психотерапия.

С весенним равноденствием, с поворотом солнца на весну и до весеннего солнцестояния удмурты проводили обряд «Айкай». Каждое воскресенье вечером на вершине горы собиралась молодежь, зажигала костер и водила вокруг него хороводы, слушала завораживающую музыку крезя, пела песни, славя весну, молодость, жизнь:

Гурезь но бамын	На склоне горы
Векчи но шалы	Тоненькой палочкой (битой)
Чале лэзьяса	Перекидываясь,
Шудоме, ай-кай…	Будем играть, ай-кай…
Зарни но кырезь	Когда золотые гусли
Луон но дыръя,	В руках,
Шудэме потыса	С настроением
Шудйсько, ай-кай.	Играю, ай-кай.
Лул-гажан эше	Когда любимые друзья
Луон но дыръя,	Со мной,
Шудэмъя шудэме	С желанием гулять
Потэ ук, ай-кай.	Выхожу, ай-кай…

Жингырты, удмурт кырӟан. 1987. С. 97.

Фольклорист В.И. Костин в работе «Традиционная обрядовая и необрядовая поэзия русского и финно-угорского народов Поволжья» отмечает особую роль горы в проведении обряда масленицы. «Заключительным актом зимнего периода являлась масленица. В удмуртских селениях молодушки с венками из искусственных цветов собирались на горе, носившей название «масленичная гора». Солдатки возили их с горки на пучках конопли, за это получали по кольцу. Кольцо – символ брака и любви – давали молодушки солдаткам, чтобы быстрее приехали их мужья. Здесь мы видим соединение двух магий – семейной и земледельческой, ибо катание на санках с высокой горы и особенно на пучках конопли представляло собой земледельческую магию, направленную на получение высокого, обильного урожая льна и конопли». (Костин В.И. Традиционная обрядовая и необрядовая поэзия русского и финно-угорских народов Поволжья. Автореферат…доктора филологических наук. М., 1994. – С. 15-16).

Образ Мировой Горы неоднократно запечатлен в народных песнях. По представлениям удмуртов, она необыкновенно высокая («Жужыт-Жужыт гурезе»), плодородная, на ней растут высокие деревья, – вероятно, аналог Мирового Древа (сосна, черемуха, ель), а также спелые ягоды земляники, клубники. В песенной традиции закреплен образ цветущей горы, символизирующей красоту, богатство, радость бытия:

Жужыт гинэ, жужыт гурезьёсыд!
Вож-вож гинэ льӧмпу, льӧмпуосыд
Гурезь, гурезь вылтӥ мерттылэмын
Юг-юг солэн, юг-юг сяськаосыз…

Высокая, довольно высокая гора!
Зеленой-зеленой черемухой
Гора обсажена,
Белые-белые ее цветы…

Жингырты, удмурт кырӟан. 1987. С. 101.

Мировая Гора – универсальный знак удмуртской литературы, представленный писателями разных поколений. Художник, говорящий языком архетипов, и сам приобщается к вечности. Степень его таланта определяется способностью подсознательно, а, может быть, в какой-то мере и сознательно ощутить ритм пульсирующей традиции, истоки которой – в «коллективном бессознательном» (К. Юнг). Архетип Мировой Горы позволяет поэтам раскрыть традиционную систему ценностей, воссозданных в истории литературы на разных этапах ее развития.

Рассмотрим архетип Мировой Горы, реализованный в стихотворениях о горе Байгурезь, созданных тремя удмуртскими поэтами.

С легкой руки мэтра удмуртской литературы Михаила Петровича Петрова (1905–1955) этноним «Байгурезь» (гора, расположенная у реки Чепцы в Дебесском районе) становится поэтическим символом родины. Его стихотворение «Байгурезь йылысен» («С горы Байгурезя», 1951) по праву считается хрестоматийным.

Поэт удачно выбрал пространственную точку зрения: лирический герой находится на вершине горы, в локусе, позволяющем ему обозревать близкое и далекое, настоящее и прошлое, свое и чужое. Хронотоп горы заведомо предполагает все эти смыслы и сводит их в единое целое, придавая повествованию эпический характер. В тексте проступает скрытая метафора: сравнение жизни удмуртов до и после революции 1917 года, в то же время передается непреходящая национальная сущность, воплотившаяся в образах родной природы, одушевленной и очень человечной. Как поэт советской эпохи, Петров идеализирует колхозную жизнь, которая описана в гармонии ее с природой. В тексте сосуществуют и взаимодействуют агитационно-митинговое начало (в духе требований времени) и песенно-лирическое, восходящее к устно-поэтическому творчеству, к языческим архетипам. Атмосфера жизни советского общества была проникнута обязательным оптимизмом, и поэзия развивалась в русле революционно-романтической традиции. В стихотворении Петрова ряд особенностей, роднящих его с официальной поэзией эпохи: возведение лирического начала к пафосному, обобщенность самочувствия лирического героя, проявляющаяся в переходе от индивидуального Я к коллективному Мы:

Байгурезь йылысен учкисько тон шоры,
Тӧдьы Кам кадь паськыт Чупчи шур.
Тон котыр вӧлмытэсь, сяськаё возь вылъёс –
Кошкыны йыдонтэм ик шулдыр.
С горы Байгурезь смотрю на тебя
Как белая Кама широкая Чупчи.
Вокруг тебя – широкие, цветущие луга,
Не хочется уходить от такой красоты.
Татысен, та ӝужыт Байгурезь йылысен,
Адӟисько кадь быдэс шаерме,
Адӟисько мон, кызьы паськытэсь лудъёсын
Тыр юос веттасько тулкымен.
Отсюда, с этой высокой горы Байгурезь
Как будто вижу весь мой край,
Вижу, как на широких полях
Спелые колосья плещутся, как волны.
Бадӟымесь нюлэсъёс кыдёке, кыдёке
Ярдуртэм вож заресь кадь вӧлмо.
Ӝытъёсы Байгурезь йылысен ке учкид,
Пиштылйсь тылъёслы паймылод.
Большие леса далеко, далеко
Простираются, как зеленый океан.
Если же вечером смотреть с Байгурезя,
Сверкающим огням удивишься.
Со тылъёс пиштыло котырысь гуртъёсын
Вож садо сюрестӥ ортчыло,
Байгурезь котырысь Чупчи шур дуръёсын
Шулдыресь кырӟанъёс вӧлмыло.
Эти огни сверкают в окружающих деревнях,
Проходят по дорогам с зелеными садами...
У Байгурезя (расположенной) Чупчи
Веселые песни распеваются.

Подстрочный перевод А. Зуевой-Измайловой

Байгурезь у М. Петрова представляет собой национальный вариант Мировой Горы, являющейся символом богатства, плодородия, успеха. В то же время она воплощает реалии социалистической Удмуртии: расцвет колхозов, электрификацию сельского хозяйства, коллективную общность людей. В опосредованной форме (цветущие сады, широкая река, сверкающие огни) М. Петров выразил свое отношение к советской власти, которая дала ему, сироте, возможность получить высшее образование, стать известным писателем, поэтом, общественным деятелем. Пережитые им в детстве нищета, страдания, унижение отразились в таких произведениях, как «Гожтэт» («Письмо»), «Мынам сюресэ» («Мой путь»), поэме «Ортчем сюрес» («Былое»). Тем не менее, детство поэта «обрамлено» не только горестными, порой трагическими ощущениями, но и яркими, светлыми красками родного края. Удмуртская деревня Вандэмо, расположенная в Татарской Республике, односельчане, их оптимизм, богатые народные традиции сыграли основную роль в формировании его мировоззрения и эстетических взглядов.

В стихотворении о горе Байгурезь поэт создает величавый в своем эпическом спокойствии образ послевоенной Удмуртии. Лирика М. Петрова во многом эпически-повествовательна, размеренна по звучанию. Этому способствует и выбор стихотворного ритма и размера. М. Петров часто использует четырехстопный анапест, мужскую рифму. На эпическую канву пейзажного текста накладывается лирико-эмоциональное восприятие картин природы: удивление, восхищение, признательность. Размышляя о народности, он выражает национальный склад мышления в его неразрывной связи с природой, привычками, преданиями и устным народным творчеством.

Степан Широбоков (1912–1983) заложил в удмуртской литературе другую не менее значимую и плодотворную традицию восприятия родины. Этому поэту в высшей степени присуще то, что впоследствии будут называть чувством «малой родины». В образе «малой родины» огромную роль играют природа, традиции, обычаи. Поэт-«соловей», вдохновенно воспевший свой край, Степан Широбоков оставил глубокий след не только в литературной, но и в музыкальной, театральной культуре республики, а, главное, – в благодарной памяти народа.

Его стихотворение «Байгурезь» (1965) являет собой образец патриотической лирики с элементами пейзажной и натурфилософской. Поэт расширяет географические границы понятия «Удмуртия», ощущая ее как часть Советского Союза и Европы. Участник двух войн (Финской и Великой Отечественной), С. Широбоков прошагал фронтовыми дорогами по земле Польши, Югославии, Румынии, Венгрии и Австрии, перенося ранения и все невзгоды солдатской службы. Личный жизненный опыт, легший в основу его поэтического мироощущения, позволил поэту создать, нарисовать наиболее выразительный и конкретный образ удмуртской земли. Тема патриотизма у него неотделима от интернационализма, что проявилось в стихотворениях «По степям Украины», «По Балканским горам»,

«День победы», «Девушка с Днепра» и др.

В стихотворении «Байгурезь» Карпаты и Балканы, Ай-Петри и Казбек сопоставлены с удмуртской горой Байгурезь. Смена ритмики и повышенная экспрессия передают глубину чувств лирического героя:

Я ӵок, ӧвӧл ӝужыт Казбек кадь со,
Уг тупа со Ай-Петрилы Крымысь,
Нош самой вож, небыт бабля лысо
Пужымъёсты адӟод Байгурезьысь.
Пусть она не высока, как Казбек,
Не похожа на Ай-Петри в Крыму,
Но самые зеленые, с мягкой кудрявой хвоей
Сосны увидишь только на Байгурезе.

Уроженец Шарканского района, С. Широбоков большую часть своей жизни провел в селе Дебесы: учился в Дебесском педучилище, после войны работал инспектором и заведующим районо, сотрудником районной газеты, был писателем-профессионалом. Переехав на постоянное место жительства в Ижевск (1979), он не утратил связей с Дебесами.

Лирический герой произведений С. Широбокова любит рыбачить на берегу Чепцы, восторгается горами Байгурезь и Галанча, прекрасными во все времена года и в любое время суток, пьянящим воздухом, лесом («Оло нюлэс кырӟа весь ас понназ, оло со вераське Чупчи шурен»), пением соловьев, что напоминает бесконечный концерт («Ӟар потытозь шулдыр концерт мынэ»). «Гору Байгурезь... что возвышается над Дебесами и Чепцой, любил поэт, знал все тропинки, которые ведут к ее вершине. На фотографиях, на портрете народного художника П.В. Елкина мы видим поэта на берегу реки Чепцы задумавшимся или сидящим с удочкой», – пишет З.А. Богомолова. (Богомолова З. Воспоминаю…// Неумолкнувшая песнь соловья. О творчестве Степана Широбокова. Составление, подготовка текста З.А. Богомоловой. – Ижевск, 2005. – С. 83).

Ӵошатонтэм чебер суредъёсын
Чупчи котыр вунэтонтэм луэ.
Несравненно красивыми картинами
Окружности Чепцы всегда незабываемы.

Как пишет народный художник С. Виноградов в книге памяти «Неумолкнувшая песнь соловья», «…в Дебесах о С.П. Широбокове еще раз напомнила мне гора Байгурезь. Когда я, любуясь природой, поднялся на очень известную в тех краях гору, она меня заворожила. С верхней точки Байгурезь открывается вид как бы на всю Удмуртию. Такое там возникает ощущение. Небесные просторы, бескрайние леса, а внизу зеркальными чешуйками, сверкая, змейкой вьется красавица Чепца. Смотришь вниз и начинаешь, раскинув руки, читать стихи собственного сиюминутного сочинения. Настроение возвышенное, словно ты летишь над этой красотой, а слова, как птицы, вылетают из уст, руки, жестикулируя, выпускают их с вершины Байгурезь!.. Значит, есть такие места в природе, которые поднимают настроение, возвышают человека, и к нему приходит вдохновение. Я вспомнил С.П. Широбокова и его стихи о реке Чепца. Вот стихотворение «Чупчи тупалан-а?..» («Напев соловьиный»). В нем ощущается подъем сил, рождение патриотических чувств, он славит любовь и поет гимн любви». (Виноградов С. «Его речь – как бурный поток»// Неумолкнувшая песнь соловья. О творчестве Степана Широбокова. Составление, подготовка текста З.А. Богомоловой. – Ижевск, 2005. – С. 195).

Стихотворение «Байгурезь» завершается многозначно и оптимистично с обозначением Горы, Реки и Дерева – того, что составляет национальное богатство края: Байгурезь, Чепца, Сосна. Лирический герой соотносим с эпохой, он сливается со своей родиной и своим временем.

Я шаугетэ, веськрес вож пужымъёс,
Я шуд, Чупчи, азвесь пырыосын.
Вунонтэмесь тӥ, вордӥськем палъёс,
Шаугетыса сылӥсь нюлэсъёсын!
Звените же, стройные зеленые сосны,
Играй, Чепца, серебряными каплями,
Незабываемы вы, родные края,
Своими звенящими лесами!

Доминируя в авторских размышлениях, чувство родины приобретает у Широбокова особую глубину, обогащаясь множеством образно-эмоциональных коннотаций. В стихах, написанных в годы военных испытаний, слышится чувство тревоги за судьбу родного края. В послевоенной лирике поэта тема родины представлена как плод многолетних авторских раздумий. Широбоковские сюжеты географически типично удмуртские и могут быть представлены как центр системы, где человек вписывается в мир природы и социума.

Символом удмуртского самосознания в лирике С. Широбокова выступает сосна. «Пужымо Байгурезь» («Сосновый Байгурезь») – не только название поэтического сборника (1970), но и визитная карточка его автора. Родовая гора Байгурезь, ассоциируясь с пространственной, временной гармонией и магической функцией, воспринимается как образ Удмуртии. Она находится в центре Вселенной, где пересекаются все оси мира – Запад и Восток, горы и равнина, лес и степь. На вершине горы как ее продолжение находится родовое древо – сосна. С. Широбоков поэтизирует связь человека с природой, домом, родом, поколением, этносом как причастность его к прошлому, настоящему и будущему, к общему круговороту жизни.

Поэт и ученый-фольклорист Петр Кириллович Поздеев (1931-2007) предлагает новое, фольклорно-мифологическое прочтение архетипа Мировой Горы. Разностороннее творчество П. Поздеева отмечено глубоким профессиональным интересом к мифологии, и в названиях шести его книг (на удмуртском и русском языках) художественный мифологизм обозначен как ведущее направление его поэтического творчества: «Зоринча» («Зарница», 1965), «Тылси» («Луч», 1972), «Визыл» («Стремнина», 1979), «Нодья» («Костер», 1985), «Ньыльдон шур йылын» («С сорока речных истоков», 1990), «Заповедная песня» (2001).

Будучи научным сотрудником Удмуртского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, Поздеев-фольклорист предпринял успешную попытку теоретического осмысления песенного жанра, опубликовал более десяти научных изысканий по проблемам поэтики удмуртской песни, а за фольклорный труд «Жингырты, удмурт кырӟан» («Звени, удмуртская песня») был удостоен Государственной премии УАССР (1961). Его учитель М.П. Петров наставлял в письме своего подопечного 26 января 1953 года: «Поздеев эш, ас гожъян манердэ эн ышты, тон тужгес ик берло потылэм кылбуръёсыныд аслэсьтыд куарадэ шедьтйд..». («Товарищ Поздеев, не теряй своей творческой манеры, в своих последних стихах ты нашел свой голос…»). (Петров М.П. Собрание сочинений в 6 томах. Т.6. – Ижевск, 1961. – С. 146). Речь шла именно о народности и фольклоризме, изначально свойственных поэтическому мышлению Поздеева.

Автор лиро-эпической поэмы «Бакгурезь», поэт называет своих литературных предшественников:

Михаил Петровмы,
Широбоков Степан,
Чупчи Шур кадь вӧлмыт
Гожтйзы выль кырӟан.
Михаил наш Петров,
Широбоков Степан
Как широкая река Чупчи
Написали новую песню.

В эпиграфе к этой поэме говорится (со ссылкой на жителей села Дебесы), что после появления в «Удмуртской правде» 8 августа 1951 года стихотворения М. Петрова «Байгурезь» одну из самых больших гор у реки Чепцы переименовали: стали называть не «Бакгурезь», как прежде, а «Байгурезь». Сказались авторитет поэта и значимость его произведения. Дело в том, что этимологически слово «Байгурезь» означает «богатая гора», тогда как «Бакгурезь» – «безымянная гора». Эта легенда, связанная с переименованием горы, и легла в основу сюжета поэмы Поздеева «Бакгурезь». (По устному сообщению специалиста по удмуртской ономастике М.Г. Атаманова, первоначальное, более архаическое название горы Байгурезь – «Каргурезь»: Гора с городищем, Городищенская гора. – *А.З.*).

По логике поэта, давным-давно большая гора у реки Чепцы была безымянной. Древних удмуртов это не устраивало: ведь «имя – это судьба» (П. Флоренский). Быть безымянным – значит, оставаться безвестным. Смысл существования каждого народа, а впоследствии этноса – оставить на земле свой след, умножив сокровища человечества. Эти мысли звучат в первых трех главах поэмы:

Удмуртлы ке инмар
Чебер шуд сётымтэ ,
Если удмуртам инмар
Не дал красивого счастья,
Гурезьмес – ёк Макар –
Ми ум возе нимтэм!
Мы свою гору – ек Макар –
Не оставим без имени.
Ми солы асьмеос
Ним быръём но сётом.
Мы ей сами
Имя выберем и дадим.
Ойдолэ, эшъёс,
Дэменак кенешом.
Давайте, друзья,
Сообща решим.

После долгих споров, не придя к единому мнению, обратились удмурты к старейшине рода, который предложил устроить состязание между юношами: кто первым поднимется на вершину безымянной горы, того именем и назовут ее. Описание штурма горы в 4-й главе похоже на драматическую картину И.Е. Репина «Переход Суворова через Альпы»: кто-то судорожно цепляется за камни, кто-то за деревья, кто-то падает вниз, не достигнув и середины горы. Наконец, взору старейшин предстал юноша, которому удалось достичь желанной вершины:

Со пияш меч йылэ
Сьӧд урдкыч кадь жутске,
Зӧк, жужыт пужымлэн
Выжыяз жабырске.
Один юноша на вершину
Как черная летучая мышь взбирается,
За толстой, высокой сосны
Корни цепляется.

Обратим внимание, что юноше помогает сосна – инфернальная сила, которая является деревом Инмара, высшего божества. Достигнув вершины горы и священного дерева, юноша обретает новый статус. В 5-й главе описано, как победитель скромно спускается с вершины покоренной им горы, а его чествуют рыбаки, мукомолы, молодежь, старики, идентифицируя как батыра (богатыря). Согласно договору, его именем и должны назвать безымянную гору. Оказалось, что имя юноши – Бак (Немой), потому и гора обрела имя Бакгурезь (Немая гора).

Фольклорный материал позволил П. Поздееву выстроить социологическую парадигму горы: Безымянная – Немая – Богатая и воплотить в художественной символике образа идею поэтапного превращения безымянного, немого народа в богатый, могущественный этнос, имеющий государственный язык, богатые национальные традиции, обряды и обычаи. Художественному мышлению поэта свойственно сочетание мифологического (циклического) и исторического (линейного) времени.

Мысль поэта о социалистическом переустройстве мира звучит в стихотворении «Галанча». Так называется гора в селе Дебесы, расположенная рядом с Байгурезем. Их топографии удивительно схожи, как схожи художественные концепции, реализованные в них. Гора с растущей на ней сосной связана с верхним миром. Автор подчеркивает инфернальные черты горы:

Чупчи дорысен жужытаз Галанча,
Пужым йылъёсыз пыкисько пилеме.
Уг дйсьты вадьсаз дугдыны зоринча,
Толэзь но шораз учкыса палёме.

Галанча восходит с реки Чупчи,
Сосновые верхушки упираются в небо.
Боится остановиться над ней зарница,
И месяц, глядя на нее, смущается.

Описание среднего яруса вселенной связано с народной жизнью. Автор углубляется в историю, Галанча предстает как свидетель истории удмуртского народа, ее тяжелых и мрачных страниц. Напомним, что село Дебесы расположено на печально известном Сибирском тракте, который молчаливо хранит тайны российской истории. По нему вели по этапу в Сибирь А.Н. Радищева, декабристов, Н.Г. Чернышевского...

В книге П.К. Поздеева «Русские писатели об Удмуртии» (1978) впервые были систематизированы небольшие по объему очерки, отрывки из дневников, из историко-этнографических, эпистолярных, мемуарных текстов, касающиеся дореволюционного прошлого Удмуртии. В них воссоздан этнографический облик народа. Так, в дневниковых записях Радищева (1790) можно прочитать о том, что по нраву удмурты «более склонны к веселью, нежели к печали» и что они «почти как русские»: «едучи, поют как русские мужики». В своей книге П. Поздеев прослеживает процесс взаимного общения и проявления толерантности как ведущей черты енталитета удмуртского народа, что отразилось и в его поэтических текстах: мифологема «стаи журавлей» возвращает нас к национальным традициям и истокам, общим для удмуртского и русского народов, символизирует дружбу, проверенную временем.

Таким образом, благодаря поэзии Михаила Петрова, Степана Широбокова и Петра Поздеева гора Байгурезь в советскую эпоху становится поэтической формулой национального самосознания удмуртов. Их произведения отражают общественно-политическое пробуждение масс и концепцию новой рождающейся личности, органически слитой с народом. Им свойственна поэтизация жизни, ее романтическое восприятие. Это восприятие исходит из родников национального фольклора, преломленного через призму поэтической культуры каждого автора, его жизненного опыта и художественного мировоззрения.

В то же время стилевым началом и главным структурным элементом выступает во всех текстах архетип Мировой горы, сообщая им историческую и духовную глубину и обращая слово поэтов уже отошедшей эпохи в будущее страны и народа.

Людмила БОГДАНОВА

ПОЭМЫ КУЗЕБАЯ ГЕРДА

В.Я. Брюсов, размышляя о роли и судьбах искусства в работе «Ключи тайн», обращается к философии А. Шопенгауэра. Из нее, по мнению художника, «...мы получаем простую и ясную истину: искусство есть постижение мира иными, не рассудочными путями. Искусство – то, что в других областях мы называем откровением. Создание искусства – это приотворение двери в Вечность. Явления мира, как они открываются нам во вселенной, – растянутые в пространстве, текущие во времени, подчиненные закону причинности, – подлежат изучению методами науки, искусства, рассудком. Но это изучение, основанное на показаниях наших внешних чувств, дает нам лишь приблизительное знание... Исконная задача искусства состоит в том, чтобы запечатлеть мгновения прозрения... Ныне искусство... сознательно предается высшему и единственному назначению: быть познанием мира вне рассудочных форм, вне мышления по причинности...». (Брюсов В.Я. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М., 1987. С. 85-87).

Нам не известно, был ли знаком с данными материалами К. Герд, но рискнем предположить, что, считая В. Брюсова своим творческим учителем, удмуртский поэт мог не только читать художественные произведения одного из ведущих русских символистов, но и знать его теоретические работы.

З.А. Богомолова пишет: «Герда не мог не восхищать колоссальный заряд творческой энергии Брюсова, поэта-экспериментатора, прозаика-романиста, математика (в МГУ читал курс «История математики»), историка и критика литературы, великого поэтического «фантазера», пытавшегося создать эпопею «Сны человечества»... Вслед за М. Ломоносовым он создавал образцы научной поэзии: о теории относительности, о звездном мире, об атоме, о жизни и смерти...». (Богомолова З.А. Статья в книге: Как молния в ночи... К. Герд. Жизнь. Творчество. Эпоха. Ижевск, 1998. С. 339).

В ранних произведениях Герда мы видим особое восприятие мира. Наиболее ярко оно проявляется в поэмах «Над Шошмой» (1918) и «Керемет» (1915-1919). В определении времени написания последней

Людмила Анатольевна Богданова – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры литературы Глазовского государственного педагогического института имени В.Г. Короленко, критик, литературовед.

имеются разночтения. С нашей точки зрения, на протяжении нескольких лет была возможна авторская правка. Вполне вероятно, что окончательная редакция «Керемета» относится к более позднему периоду, нежели создание поэмы «Над Шошмой». Об этом свидетельствуют более совершенный стиль «Керемета», отсутствие «ученических красивостей», отточенный, лаконичный язык, углубление философских взглядов, изложенных в произведении. Сочетание в поэме эпического и лирического начал позволяет ее создателю вплотную подойти к философскому осмыслению жизни.

Что дает нам этот жанр? Наверное, прежде всего возможность лирической, то есть глубинной оценки различных явлений действительности.

Философская категория времени в поэмном творчестве Герда притягивает читательское внимание сложной системой символов и отношений. Вслед за Брюсовым удмуртский поэт соединяет в нечто целое бытие и инобытие, реальное и ирреальное время и пространство.

В литературе и философии начала XX века вопросы познания бытия и выхода за его пределы решались с преобладанием символических, мифопоэтических, эсхатологических моментов (Эсхатология. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 808). Один из интереснейших русских философов XX века А.Ф. Лосев напишет об этом: «...Диалектически необходимо, чтобы время имело конец. Но как это возможно? Что же будет после этого конца? Не опять ли время?.. Время должно стать по повелительной диалектической необходимости неоднородным... Мир представляет собою... систему разных уплотненностей времени и пространства… В разных мифологических системах это может быть, конечно, по-разному...». (Лосев А.Ф. Самое само. Сочинения. М., 1999. С. 284).

Высказывания Лосева интересны нам прежде всего потому, что в его работах мы находим логическое соединение таких понятий, как миф и символ; другими словами, благодаря работам философа, мы можем уточнить особенности художественного творчества Герда в начальный период. Влияние, с одной стороны, удмуртского народного творчества, а, с другой, – русского символизма не противоречиво, а закономерно, логично, взаимосвязано. Именно потому, что Герд прекрасно знал народную культуру, ему был близок символизм, и мифопоэтическая образность естественно вошла в его произведения по той простой причине, что увлечение символизмом подготовило для этого почву.

Исходя из вышесказанного, интересно сравнить поэмы Брюсова «Конь блед» (1903) и Герда «Над Шошмой» (1918).

Жизнь и Смерть сталкиваются у Брюсова по библейским мотивам; эпиграф взят из Откровения святого Иоанна Богослова: «И се конь блед и сидящий на нем, имя ему Смерть». Город, вместилище страстей и порока, воплощенный «в земные формы бред», на миг узрел видение:

Но восторг и ужас длились – краткое мгновенье.
Через миг в толпе смятенной не стоял никто:
Набежало с улиц смежных новое движенье,
Было все обычным светом ярко залито.
И никто не мог ответить, в буре многошумной,
Было ль то виденье или сон пустой...

Жизнь продолжается своим чередом: бездушные толпы, как волной, смывают все следы пророческого видения. Предчувствие революционных потрясений у Брюсова оформлено в произведении как преддверие Апокалипсиса.

В другом ключе видит прорыв из бытия в иное, запредельное Герд. Поэт опирается в своих представлениях на народные легенды. Мифопоэтическая образность соединяется у художника с символикой и изящным стилем: барышни и дамы, гуляющие «над Шошмой тихой и плавной, / под куполом синих небес», и не подозревают о том, какие таинственные видения возникают здесь в лунном свете.

Ф.К. Ермаков в комментарии к поэме приводит свидетельство историка М.Г. Худякова о том, что легенда о Болтуше была записана Гердом от удмуртского гусляра в Малмыжском уезде. Герд восхищался красотой родного фольклора: «Всякий народ, на какой бы стадии своего культурного развития он ни стоял, имеет свое народное творчество, или, иначе говоря, имеет то, что дает ему право на дальнейшее культурное существование. В этом отношении удмурты могут смело и громко заявить, что они это право имеют, они имеют богатейшие перлы народного творчества. Громадное количество сказок, легенд, красивых преданий, десятки тысяч песен, оригинальных загадок – разве все это не говорит о богатстве фантазии удмурта, о его поэтической душе?!». (Статья Герда «Удмуртское народное творчество»).

Удмуртская поэтическая душа просвечивает и в поэме Герда. Романтический фон: искрящиеся в ночи звезды, призрачная гурьба русалок, серебряный легкий туман – все это вплетается в драматический сюжет любви Болтуша и его жены, некрасивой, но одухотворенной героини. Этот призрачный мир прекрасен. Восхищение им приводит лирического героя к мысли о несовершенстве и легковесности реального мира: настоящие чувства там, а не здесь, в том, иррациональном мире, – счастье и красота:

Какое здесь счастье святое
И чудный здесь мир неземной!

Время и пространство перетекают по каким-то необъяснимым законам в *другое* состояние, но и оно, как это ни парадоксально, реально существует, ибо там есть любовь и верность, святые жертвы и летящая к небу молитва.

Романтическое повествование о ночном свидании вышедшего из могилы Болтуша с бледной, бедной феей – его былой женой – обрамляется вполне реалистическим пейзажем: «растет не густой, но красивый» лес, течет «тихая и плавная» Шошма, «проносятся утки», видны костры рыбаков над рекой... Тем достовернее фантастическая картина призрачной встречи. Художественное пространство пронизыва-

ется льющимися звуками, «дрожит и звенит» даже тишина, атмосфера любви окутывает весь мир: нет отдельных явлений, есть общее, всеохватное движение чувств:

Сплетаются страстные руки,
Поляна лобзаний полна.

Рефреном проходят строки о тишине. Оксюморон соединяет несоединимое: тишина не может звучать, но в особые минуты жизни человек способен слышать ее. Значит, в реальной тишине можно при желании различить смех русалок, плач феи, вознесенные к небу молитвы...

В поэмах и Брюсова, и Герда звучит мысль о сосуществовании двух форм времени и пространства. Ибо что такое смерть? Это конец человеческого бытия и начало инобытия, но это и конец реального времени и начало отсчета ирреального времени, иновремени. Причем время и иновремя существуют в одном пространстве, не изменяя его. Живущие люди либо не замечают, либо забывают о прорыве иновремени во время:

у Брюсова:

И никто не мог ответить в буре многошумной,
Было ль то виденье свыше или *сон пустой*…

у Герда:

И старый рыбак на мгновенье
Не плещет по струйкам веслом
И долго сидит, очарован,
В забытьи святом, неземном…

Восприятие времени как сложного и загадочного явления, обозначение его воздействия на пространство и человека проявляется в поэме Герда «Керемет». Вслед за Брюсовым удмуртский поэт соединяет в нечто целое прошлое, настоящее и будущее (брюсовская поэма «Замкнутые» написана в 1900-1901, гердовский «Керемет» – в 1915-1919 годах). Лирический герой первого произведения, наблюдая за жизнью «дряхлого», но «гордого» мира, мечтает о его «радостном» разрушении; в другом создается образ языческой молитвенной рощи удмуртов, которая переживает свои последние мгновения.

Эти произведения необычайно созвучны друг другу. У Брюсова «старинный и суровый» город почеловечески страдает:

Он жил былым, своим воспоминаньем,
Перебирая в грезах быль и сны,
И весь казался обветшалым зданьем,
Каким-то сказочным преданьем
О днях далекой старины.

Так же тоскует о прошлом гердовский керемет:

Горюет сотни лет
По старине
Ушедшей и забытой
Старинный
Керемет…
Иль он тоскует,
Иль гибель чует,
Иль просто сам собою,
Песни распевая,
Стоит
Один,
Вздыхая…

История не прошла бесследно для древнего города и молитвенной рощи. Время наложило свой отпечаток, иногда достаточно жестокий. Хотя и оно, по крайней мере, *пока* не всевластно. У Брюсова «истлевший ветрило» в музее соседствует с «еще сверкающим ножом», а герой Герда видит, как :

Иные
В глубине веков,
Как перегной,
Рассыпались
И *стали пылью…*
Стали пылью...
Но: стоят,
Готовые упасть,
Живые.
И каждой веткой шелестят
О том, что было в прошлом
Былью…

Былью... Жизнь города и керемета была наполнена действием и смыслом: человеческие судьбы с их многообразием, бытовыми проблемами, радостью и горем придавали особую значимость и «замкнутому» миру, и молитвенной роще. Но есть законы бытия: ничто не может жить вечно, ибо мудрость природы – в смене явлений; отсутствие движения – это смерть, прогресс же проявляется в рождении *нового* на основе смерти *старого*.

В понимании и Брюсова, и Герда жестокий ветер перемен принесет земле очищение от нравственной грязи и жизненной пустоты. «Замкнутые» и «Керемет» заканчиваются обращением в будущее:

Брюсов:

Но нет! Не избежать мучительных падений,
Погибели всех благ, чем мы теперь горды!..
И все, что нас гнетет, всю власть заветных слов,
И по земле взойдет неведомое племя,
И будет снова мир таинственен и нов.
В руинах…будет радостен детей свободных крик…

Герд:

Когда придет
Грозовых туч
Бесчисленная
Стая
И даст приказ ветрам:
Разрушить
Древний
Дряхлый
Храм!

В этих произведениях время, соединяясь с пространством, создает в данный момент данный особый мир (хронотоп); проходит время – изменяется пространство. Как невозможно остановить движение времени, так нереально сохранить нетронутыми явления прошлого.

Позже свое философское обоснование категории времени даст А.Ф. Лосев. В его словах: «Время – боль истории, не понятная «научным» исчислениям времени», – скрывается тот же смысл, что и наполняет поэмы Брюсова и Герда.

В работах Лосева философия и филология пересекаются и взаимообогащаются. Его судьба, как и судьбы многих других представителей русской культуры

XX века, сложилась трагично, но это не остановило интереса ученого к вопросам бытия. Более того, его монографии по мифу и музыке одинаково ценны как в литературоведении и искусствознании, так в истории и философии.

В работе «Музыка как предмет логики» Лосев прочно соединяет понятия времени и пространства; с точки зрения философа, эти категории нельзя противопоставлять, разъединять; пространство (так же, как и время) «жизненно, так же творчески напряженно, так же трепещет струями жизни».

У символиста Брюсова и его ученика Герда мы видим проявление данных философских взглядов: определенному времени соответствует в произведениях определенно оформленное пространство. Время разрушает и брюсовский старый город, и гердовский древний керемет, на смену им придет новое время и новая жизнь.

Уже говорилось, что поэтика Герда берет свое начало в удмуртском народном творчестве. Поэт бережно и трепетно относился к родному фольклору. И его понимание жизни и смерти (течения времени и его конца) своеобразно отразились в словах об удмуртской песне:

«Удмуртская песня имеет глубокие корни в древности. Из года в год, из века в век передавалась она. Как будто заброшенная лесная речка – заблестит серебристою чешуею на солнце, а потом снова спрячется в глубине сердца какого-нибудь седого старика или старушки. Те поют и рассказывают эти песни своим детям, внукам и правнукам.

Упадет песенка в их сердца золотой искоркой и долго-долго будет тлеть и разгораться маленьким огоньком, как светлячок в тихую Ивановскую ночь. А потом, когда разгорится в пламя, когда песня созреет в сердце и нальется, как зернышко в колосочке ржи, – тогда и появится песня снова на свет, тогда снова засверкает серебристою чешуею, как легкая змейка, как лесная речка. Снова тогда зазвенит она родным и тихим звоном, зажурчит говорливым родником, закачается зеленою волной и расцветет белою кувшинкой на спящей заводи.

Синим голубком-клубочком сядет она на окошко и заворкует, желтоголовой быстрой змейкой проскользнет в сердце каждому и свернется в кольцо, синим васильком закачается во ржи. И те, кто были стариками, пушистой головкой одуванчика улетят в страну небытия. И те, кто были детьми, белым ковылем закачаются и склонятся на дорогах жизни... И снова затрещит лучина в светце и желтеньким цыпленком побежит по ней огонь, снова горящими червячками будет падать в воду, и снова повторится великий обычай: старики в длинные зимние вечера и праздники передадут свои песни детям.

И снова дети будут стариками, и снежной пылью покроются их волосы, и снова дети будут петь своим детям».

Цикличность жизни ведет к ее бесконечности. Уходит один человек, но рождается другой, старшее поколение передает младшему свой житейский и нравственный опыт, – и так будет вечно. Кончина конкретного человека не означает конца жизни и духовного бытия народа.

Уже говорилось о влиянии на творчество Герда (как и многих других удмуртских художников), с одной стороны, удмуртского народного творчества, а с другой, – русской классической литературы. Способность художника учиться – это достоинство будущего мастера.

Человек живет в обществе, а не в космической пустоте, он не может просто воспринимать опыт предыдущих поколений. Но пройдя пору ученичества, он сам станет для кого-то Учителем, ибо, сумев построить свою систему человеческих и художественных ценностей, будет готов передать свой опыт другому. И снова проявится мудрый закон природы: да, новое рождается, уничтожая старое, но и вбирая в себя все лучшее от этого старого, иначе не было бы связи времен, поступательности движения, вечной жизни.

С окончанием периода ученичества Герд откажется от явных символистских приемов, не переставая восхищаться Брюсовым. Реалистические тенденции будут проявляться все более ярко, полно. Это приведет Герда к современной ему тематике: война, строительство нового мира... Но не уйдет из его поэм интерес к проблемам человеческого бытия, смысла жизни и смерти и т.д.

В гердовских поэмах 20-х годов, наверное, впервые в удмуртской литературе начинает решаться проблема маргинальной личности: человека, находящегося на границе между старым и новым миром, между деревней и городом, природой и цивилизацией, жизнью и смертью. («Маргинальность – социологическое понятие, обозначающее промежуточность, «пограничность» положения человека между какими-либо социальными группами, что накладывает определенный отпечаток на его психику... Маргинальная личность обладает рядом характерных черт: беспокойством, чувствительностью, стесненностью...». Философский энциклопедический словарь. М.,1983. С.341).

К периоду творческого расцвета относится поэма Герда (как выяснится позже, пророческая и одна из последних) «Моя смерть». Она станет новым этапом в выражении философских взглядов поэта. Вечность жизни определится им уже с точки зрения вклада человека в жизнь общества: память потомков сохранит творческий и жизненный подвиг даже вопреки существованию несправедливости и зла:

Нет! И нет! Не нужна мне кончина в уютной избенке.
Эта старая смерть не нужна ни душе, ни уму.
Надо так умереть, чтобы гордо сказали потомки:
«Не в потемках он жил. И доныне он жив потому!».

Перевод В. Емельянова

Что и произошло с именем и наследием поэта. Его умные, гордые поэтические строки прорвались к читателям из тьмы забвенья и стали фактом литературной и реальной жизни.

Елена КРАСНОВСКАЯ

ПУТЬ К МЕЧТЕ

О сборнике Фёдора Пукрокова «В пути»

Ушло, отшумело ненастье,
И слышно, как бьются сердца.
И все это – песня о счастье,
Которой не будет конца.
Николай Браун

Среди работ удмуртского поэта, драматурга и публициста Федора Пукроковича Пукрокова обращает на себя внимание сборник «В пути» (Стихи. – Ижевск: Удмуртия,1983, в переводе Сергея Зяблицева. Здесь и далее цитирую по этому сборнику. – *Е.К.*). Все стихотворения этой небольшой книги, а также отрывок из поэмы «Разговор с матерью», баллада «Кудрявая береза» и легенда «Эденей и Визь-Тэрек», написанная по мотивам удмуртского фольклора, могут быть рассмотрены как крупное музыкальное произведение, написанное в вариационной форме. Главной темой сочинения (сборника) является мысль о счастье, или «... все что счастьем / Нынче мы зовем» – так звучит заключительная строка стихотворения «Матери». Стихотворение «Родник» (или 2-я вариация) наполнено чистым звоном, музыкой родника и песней внука, лирического героя:

Журы-журы,
Чок-чок-чок,
Лейся,
Звонкий родничок!

Автор вопрошает:

В детские годы
Кто не стремился,
Кто не мечтал
Свой родник отыскать?..

В заключение мудрый дед из детства поэта говорит:

И родник тебя взбодрит,
Верой в счастье напоит,
Верой в будущие дни.

Стихотворение «Дороги-дороги» состоит из трех самостоятельных разделов, скрепленных лейтмотивом «верный путь найти»; его можно представить в виде темы и двух вариаций. В первом разделе (теме) утверждается мысль:

...в нашей власти
С чужих дорог сойти
И путь, ведущий к счастью,
Единственный найти.

В последующих разделах звучит авторский монолог-предостережение, обращенный к невидимому собеседнику, о нелегкой дороге: пусть и верно выбранной, но той, на которой подстерегают соблазны «уюта и покоя» и измены себе (1-ая вариация); о стяжательстве, накоплении богатств и духовной нищете, потере себя как личности (2-я вариация).

В творчестве Ф.П. Пукрокова нередки произведения, о которых можно говорить как об единственных в своем жанре в удмуртской литературе. Среди них – роман в стихах «Ошмес син» («Родник»), повесть-исповедь «Тайна трех иллюзий» (1981), в которой автор говорит о сложных вещах доступно и образно, тесно связывая философские размышления с жизнью. Это и стихотворение «Месяц замерзания рек», созданное в жанре медитативной лирики. Его своеобразие заключается не только в яркой образности и метафоричности языка, но и в контрастном показе времени года: «Нудный дождь моросит, как из сита, / Поздней осени верный слуга»/, и в душевном подъеме лирического героя:

Вопреки всем осенним законам
Предо мною – апрельская синь!
Словно вешним стремительным громом
Сотряслась моя прежняя жизнь!

Лирический герой стихотворения не знает, что ему делать со своим запоздалым счастьем.

И вновь нетрадиционный подход к теме – в стихотворении «Счастье наше все ждет». Ведь привычно суждение о том, что счастье надо завоевать, к нему надо упорно искать дорогу. У Ф. Пукрокова счастье само ждет человека, но когда, при каком условии оно дождется его, об этом мы узнаем из стихотворения:

Ждет нас терпеливо наше счастье,
Что найти нам вместе суждено,
Не боится долгого ненастья, –
Нас боится проглядеть оно.
Ждет оно, пронизано ветрами,
Не глядит на запоздавших зло,
А предзимье мглистыми снегами
К счастью подступает тяжело.
Мы пройдем к нему сквозь дождь и вьюгу, –
Верю я всем существом своим,
Если не оставим мы друг друга,
Если мы любовь не предадим!

Счастье всегда рядом с человеком, только нужно

умение его разглядеть, почувствовать, быть достойным его духовно, нравственно.

Два контрастных состояния переданы в стихотворении «Элегия: «Без любви» и «С любовью», – как минор и мажор, как тень и солнца луч. Сны лирического героя в первом разделе стихотворения состоят в оппозиционных отношениях со снами во второй его части. В первом разделе читаем: «И заботой сердце не терзали / Легкие, как снег, мечты мои». Во втором – «И запел я, окрыленный страстью, / И чудесной явью стали сны...».

В поэме «Разговор с матерью», в ее конструкции, в эмоциональном накале переживаний также угадывается поэт-драматург. В статье «Поиск пути к счастью» З.А. Богомолова писала: «Федор Пукроков всю жизнь связан с театром, сначала с самодеятельным, потом с профессиональным. Не пропускает ни одного удмуртского, русского, татарского спектакля. <...>. Им созданы пьесы в стихах «Чудо-скатерть» для театра кукол, пьеса «Новоселье», написана романтическая драма «Когда сверкает радуга». Утверждение высоких идеалов справедливости – лейтмотив драматических произведений Пукрокова». (Богомолова З.А. Голоса эпохи: статьи, воспоминания, эссе, очерки, письма. – Ижевск: Удмуртия, 2003. С. 458).

Поэма состоит как бы из двух контрастных частей и эпилога. В первой части душевный покой матери еще не нарушен, она «счастлива была» верой в Бога. Здесь нередко встречаются словесные конструкции: «счастлива была», «и счастье будет», «и счастье к нам спешит едва ли», «не видно счастья впереди». Но вера человека в чудо сильна, «пока живешь на белом свете». И мать лирического героя поэмы решает отправиться в куалу к священнослужителю. Ее слова звучат репликой персонажа из пьесы: «К восясю надобно идти, / Чтобы Воршуду поклониться».

Во второй части наступает страшное прозрение матери, чью веру жестоко осквернил жрец. В результате через страдания героиня пришла к выводу: «У бога правды нет!». А в эпилоге пророчески звучат строки автора:

Настанет срок: поверишь ты
В людскую доброту
И красоту людских сердец –
Земную красоту!

В сборнике Ф. Пукрокова «В пути» наряду с темой счастья неотступно звучит и мотив снов. Во сне становятся реальными мечты лирического героя стихотворения «Эмезьгурт» («Малиновка»), во сне он обретает счастье:

Люди нравом тут хорошие,
В душах помыслы чисты,
Жгучи девушки пригожие,
Как малинника кусты.
Твое горе – горе всех,
Здесь такой обычай,
Но и счастья звонкий смех
Умножат на тысячу!

Стихотворение это перекликается с поэмой-легендой «Эденей и Визь-Тэрек», во второй части которой автором дается широкий показ счастливой жизни в селе. Приведем два фрагмента легенды:

От Нюрдора день шагай, –
Сирпугурт найдешь селенье.
Гостю вынут каравай,
И соленья, и варенья.
Уваженье к старикам
В Сирпугурте вы найдете.
Доброту оценят там,
Ум всегда в большом почете.
Счастье там в дома идет...
Кто не любит Сирпугурт!
Хорошо живут на диво.
Солнце, что ль, другое тут, –
Каждый день у них счастливый.

Балладу «Кудрявая береза» можно назвать одной из самых развернутых вариаций сборника на тему о счастье. Это поэтическое произведение явно тяготеет к драматургии, к жанру лирической драмы, в которой звучит и частушка, и песня-плач, и протяжно-страдальная песня, приближающаяся к жестокому романсу.

В балладе просматривается трехчастность, так как есть репризная часть; повтор сюжета, но уже с иной молодой парой, живущей в другое время, без войны. В этой балладе-пьесе помимо Нати и Василия, березоньки кудрявой, родника и жителей деревни Измезьгурт активным действующим лицом выступает Луна как хор в древнегреческой трагедии. Она остро переживает все события, происходящие с влюбленными, сочувствует, страдает, радуется, стареет и возрождается вместе с новым поколением молодых людей, строящих мир: «Измезьгурт оглядывать / шла Луна красавица, / <...> Много видела Луна / Молодых влюбленных, / А счастливей не припомнит / Этих вот, бессонных/. Сердце сладко замерло, / как в былые дни...». Но облака скрыли деревню на три дня и «...бродит по небу, тоскует / Одинокая Луна/». Эти поэтические строки напоминают ремарки автора в драматической пьесе: «Над березою луна / Так и просияла»; «И позабытую Луну/ Обида разбирает». Луна появляется в третьей части баллады, когда повзрослела Нати – дочь погибшего на войне Василия: «И постаревшая Луна / Подслеповата стала»; и далее: «Смотрит радостью Луна / И не наглядится!».

В заключительных строках баллады автор обращается к читателю:

Вы говорите: «Холодна
Луна». Но даже ей
Так больно без счастливых лиц
Одной среди теней...

Не случайно появление в балладе упомянутых мной песенных жанров. «Впечатлительный, заинтересованно относящийся к любому дебюту начинающего или новому произведению маститого автора Ф. Пукроков вспоминал: «Роман М. Петрова «Старый Мултан» меня буквально потряс драматизмом судеб героев».(Богомолова З.А. Голоса эпохи: статьи, воспо-

минания, эссе, очерки, письма. – Ижевск: Удмуртия, 2003. С. 454).

Заметим, что роман М. Петрова насыщен музыкой. В нем звучат: рекрутская песня, частушка, жестокий романс, лирическая городская песня и т. д. Музыкальные включения произведения М. Петрова не могли остаться незамеченными автором «Кудрявой березы». Обратимся к балладе, во второй части которой звенят частушки, играют гармошки на свадьбе:

Кто-то лихо топает,
С присвистом поет:
– Наш Василий-гармонист
На басах балует,
Свою милую Нати
Сотый раз целует.
Наш Василий-тракторист
Камень возит с горушки,
В чисто вымытую клеть
Он ведет зазнобушку.

Но счастья век не долог. И вскоре Василий уходит на войну. Прощание с ним напоминает дореволюционный обряд проводов в солдаты (рекруты). Вся деревня собралась, гармонь надрывно заиграла, и Нати «запела, застрадала»:

Италмаса цветки
Не успели увидать.
Как простилася с любимым, –
Не успела и понять.
Плыла утка по пруду,
Перья растеряла.
Без любимого не жизнь,
А одна растрава.
Плачь, гармошка, говори,
Как меня любил,
Пусть алые цветы взойдут,
Где милый проходил.

Одна осталась Нати, и думы ее горькие вылились в песню:

В роще песенка соловушки
Веселая всегда,
Никогда ей не узнаются
Разлучные года.
Березку подрубили,
Струится белый сок,
А у солдатской женушки
Намок от слез платок.
Ах, если б эти слезы
В одно бы море слить
И всех врагов проклятых
В том море утопить!

В каждом стихотворении сборника «В пути» Фёдора Пукроковича Пукрокова ощущается песенный настрой. И это закономерно, ведь творчество, гармония в мире и в людях немыслима для поэта и драматурга без песни, без звучания гуслей, гармони и свирели. Вспомним заключительные строки легенды «Эденей и Визь-Тэрек»:

Все горести, как гуси,
Из сердца взмыли вон,
От заржавевших гуслей
Вновь прежний, чистый звон...

Тамара ПАНТЕЛЕЕВА

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР НОВЕЛЛ РИММЫ ИГНАТЬЕВОЙ

«Новелла – итальянское слово, обозначающее «новость»: яркая весть об успехах индивидума, ставшего всемирной силой», – утверждает Н.Я. Берковский. (Статьи о литературе. М.-Л., 1962. С. 259). Н.А. Гуляев считает, что «новелла обладает весьма динамичной интригой. <...> В онове новеллы лежит нередко какое-нибудь необычное происшествие из жизни отдельного человека или анекдотический случай с острой неожиданной развязкой. Этими чертами новелла отличается от рассказа, в котором повествуется о самых обычных событиях действительности, ничем внешне не примечательных». (Теория литературы. Учебное пособие для филологических специальностей университетов и педагогических институтов. М.: Высшая школа, 1977. С. 147-148).

В конце XX века в удмуртскую литературу смело вошла со своей темой и стилем Римма Серафимовна Игнатьева – одна из представительниц «новой волны». Интересная, самобытная личность, чуткий внимательный исследователь современности, Игнатьева

Тамара Григорьевна Пантелеева – кандидат филологических наук, автор книг и многих статей по литературоведению.

пишет как рассказы, так и новеллы, как повести, так и романы. На наш взгляд, писательница намного обогатила современный малый жанр прозы в удмуртской литературе. Особенно хорошо ей удается жанр новеллы.

Героями ее произведений являются наши современники – жители сельской местности и горожане. Игнатьевой одинаково близки судьбы и тех, и других, так как жителями города в основном являются выходцы из села. В качестве предмета изображения она выбрала внутренний мир человека, в центре внимания писательницы – проблема самоценности человеческой личности, смысла жизни. Жизнь, смерть, бессмертие – вот те вопросы, которые ее волнуют. Таким образом, главной проблематикой творчества Р. Игнатьевой является нравственно-философская.

Внимание писателя к внутренней жизни человека, к его сознанию и характеру ярко проявился в ее новеллах «Муржолын» («В подвале», 2001), «Сьӧлыкоос» («Грешницы», 2001), «Возьыт» («Стыд», 2001). Эти произведения представляют собой по жанру новеллы: малый объем, ограниченный круг действующих лиц, одна тема, актуальность и злободневность, отсутствие подробных бытовых, историко-этнографических зарисовок; их герои раскрываются в «моральной сущности». Новеллы обладают весьма динамичной интригой, в основе – драматизм положений, необычное происшествие из жизни отдельного человека с острой, неожиданной, подчас трагической развязкой.

Новелла «Возьыт» («Стыдно») посвящена морально-нравственным проблемам и построена на контрасте, антитезе. Главная героиня – Нина Петровна – молодой специалист, около полугода работает в сельской школе в самой глубинке. Для нее все ново: и школа, и учащиеся, и сельские жители.

Произведение начинается с описания весеннего дня: по-зимнему холодно, солнца не видно, по небу плывут черные облака. Описание пейзажа дается автором для подготовки читателя к событиям, которые разворачиваются в новелле: это фон действия. Далее писательница выводит на сцену девушку, у которой мрачное настроение, соответствующее погоде. Из ее внутреннего монолога читатель узнает, почему Нина Петровна воспринимает все окружающее так драматично: оказывается, вчера ее обвинили в воровстве. И кто? Сам директор школы...

Конфликт, возникший между директором школы Татьяной Ивановной и Ниной Петровной усугубляется и получает широкую огласку как в школе, так и в селе. В данной ситуации молодая учительница оказывается в безвыходном положении, она одинока: ее не поддержали ни коллеги, ни любимый человек. Девушка понимает возникшую ситуацию: женщины-учителя корнями вросли в эту деревню, школу, и если они возразят директору, Татьяне Ивановне, поддержат приезжую, значит, станут себе врагами, «подпишут себе приговор». Куда они пойдут, где будут работать? При молчаливом равнодушии к судьбе молодого специалиста коллег директор школы разворачивает бурную деятельность: по ее доносу Нину Петровну вызывает на допрос местный участковый милиционер. Девушка, может быть, и выдержала бы «атаки» директора, равнодушие учителей, но, узнав, что ее любимый человек ей не доверяет, Нина Петровна теряет смысл жизни. Кульминация новеллы, ее развязка неожиданно трагична: молодая учительница кончает жизнь самоубийством.

Трагичность событий усиливается, теперь в их водовороте оказывается участковый Андрей Сергеевич. Он узнает, что пропажа нашлась, но Татьяна Ивановна не поспешила объявить об этом окружающим людям. Вместо того, чтобы извиниться перед Ниной Петровной, она обвиняет в ее смерти Андрея Сергеевича.

Этим эпизодом, на наш взгляд, автор подчеркивает, что это не последняя жертва Татьяны Ивановны: она не получила должного урока, не сделала для себя выводов, но как была Цербером, так им и осталась: «Цербер мылкыдзэ уськытйз, вылды, – кылйз со Сашалэсь верамзэ. – О-о, со изьвер нокинлы шокчыны уг сёты, лэся». = «Цербер, наверное, испортил настроение, – услышала она сказанное Сашей. – Да-а, этот зверь, видимо, никому не дает дышать». (Здесь и далее перевод автора статьи. – *Т.П.*).

Далее Нина Петровна из случайно услышанного разговора детей узнает, что директор «распускает руки»: избивает учащегося во время занятий только за то, что тот не подготовился к уроку. Этот факт из жизни Татьяны Ивановны еще раз подчеркивает ее жестокий, неуравновешенный характер. Невольно возникает вопрос: почему женщина, которой природой суждено давать жизнь, по существу подталкивает человека к гибели? Ей доверены судьбы чужих детей, но вместо того, чтобы «сеять разумное, доброе, вечное», она представляет собой постоянную угрозу насилия.

Что превратило человека в зверя: неограниченная власть, воспитание подобными Татьяне Ивановне людьми, жизненные условия, общество? Вопросы напрашиваются сами собой, однако автор не дает на них ответы, – читатель должен сам решить их для себя.

Новелла написана психологически достоверно, поступки персонажей не вызывают сомнений: каждый соответствует характеру. В частности, Нина Петровна совсем недавно потеряла самого близкого ей человека – мать. Психологическая травма, полученная вследствие утраты, усиливается необоснованным обвинением, а «каплей, переполнившей чашу», стало предательство любимого человека, который в силу как жизненной, так и профессиональной неопытности совершает должностное преступление. Вместо того, чтобы спокойно, по деловому разобраться в создавшейся ситуации, он дает своеобразную «взятку» директору школы: чтобы та прекратила судебное преследование его любимой, забрала свой иск, возмещает ей «убыток» из своей зарплаты. Тем самым он подвергает девушку подозрению, как если бы верил

в ее виновность.

Нина Петровна оказалась не готова в одиночку выстоять против превратностей жизни. У каждого человека порог психологической чувствительности индивидуален, у героини Р. Игнатьевой он оказался невысоким, поэтому доведенная до отчаяния, она не справляется с ситуацией и видит единственный выход в самоубийстве. Это последняя возможность девушки достучаться до людских душ, последний ее протест – самый страшный и бесповоротный, который, возможно, многих отрезвит и заставит задуматься.

В своей предсмертной записке она написала: «Зеч лу, югыт дунне! Зеч кыль, яратоно Андрее! Мон ти азьын, гуртоос, чош ужась эшъесы, чылкыт. Янгыш кариськоды ке но, мон вораськись ӧвӧл. Та быдӟа возьытэз чиданы мынам кужыме уг тырмы. <...> Вождэс эн вае мыным адямиос, кызьы быгати, озьы улӥ. Ас тодэмея – валамея кошкисько тӥ дорысь...». = «До свидания, белый свет! До свидания, мой любимый Андрей! Я перед вами, односельчане, коллеги, чиста. Вы хотя и обвиняете меня, – я не воровка. Но такой большой стыд пережить у меня нет сил. <...> Извините меня, люди. Как умела, так и жила. Ухожу от вас по своим соображениям-понятиям...».

Другую грань человеческой драмы изобразила Р. Игнатьева в рассказе «Муржолын» («В подвале», 2001). Само название рассказа подсказывает проблему, поднятую автором. «Подвал» – тема для русской литературы не новая,она перекликается с темой пьесы М. Горького «На дне».

Что привело человека на дно жизни? Кто виноват? Вот вопросы, которые волнуют автора. Шаг за шагом Р. Игнатьева раскрывает уродство общества, где царит корыстолюбие, эгоизм, равнодушие, паразитизм одних и безволие других. Человек как ценность утратил свои позиции. Жизнь человека самого по себе не волнует никого: ни близких, ни знакомых, ни мнимых любимых, ни, тем более, – государство. «Маленький» человек оказался один на один перед «грозным монстром» – жизнью.

Главный персонаж новеллы, как обычно, – молодая женщина, на этот раз – учительница французского языка. На первый взгляд, ничего страшного не должно произойти, ничто не предвещает драму. Героиня – человек совершеннолетний, имеет высшее образование, специалист высокой квалификации, на работе ее любят, уважают, ценят: выделили жилплощадь.

Работа, летний отдых на южном побережье, – что еще надо человеку, чтобы почувствовать себя счастливой? Автор задает вопрос и отвечает на него: это любовь. Возможно, Зина начиталась «любовных романов», но ей мало, что ее любят коллеги и ученики: ей нужна большая любовь. Но вот что важно: сама героиня пока не в состоянии никого любить – ни родную мать, ни учителей-коллег, ни свою работу, ни молодых людей. Вместо того, чтобы согреть своей дочерней любовью стареющую маму, она напрочь забыла о ее существовании, узнав о ее смерти после похорон. В летние каникулы девушка устремлялась на юг – туда, где солнце, море, много молодых людей. Ей было весело, безмятежно, она «играла» в любовь, «отыгрывалась» за все дни, проведенные на нелюбимой работе. Погоня за «красивой» жизнью, за «длинным» рублем привели героиню в «подвал».

В том, что человек желает иметь больше от жизни, чем имеет, нет ничего зазорного, но когда человек мечтает получать все лучшее, не давая ничего взамен, этот путь зачастую бывает драматичным, а порою и трагичным. На такой путь встала героиня Р. Игнатьевой. Она связала свою жизнь с человеком, которого, в сущности, не знала, принимая мужскую игру за любовь. Оказалось, внешней красоты недостаточно для создания прочной семьи, да мужчина об этом и не думал. И когда его бизнес развалился, он заставил влюбленную женщину продать квартиру и все имущество.

Так молодая женщина оказалась на улице, стала бомжем. Чтобы жить в городе, она отказывается возвращаться в родную деревню, где ее ждет «родовое гнездо», рабочее место в школе (уже несколько лет в этой школе нет преподавателя французского языка). Но Зина устраивается уборщицей при домоуправлении, где ей выделяют каморку. Непрактичная, она снова влюбляется не в того, кого надо: очередной мужчина использует ее каморку как склад для хранения наркотиков, и Зина снова оказывается на улице. Но теперь она вич-инфицирована и ждет ребенка, чувствуя себя никому не нужной, всеми покинутой. В то же время героиня не любит даже ту новую жизнь, которая зародилась в ней. У нее осталось одно желание: быстрее найти дозу...

В композиционном плане этот рассказ сложен: сначала дается поток сознания живой женщины, затем – умершей от передозировки, душа которой, со стороны наблюдая за телом, жалеет его: «Макем вакчи даур. Нош кинлы кулэ, кызьы но малы со такем жӧг быре...», – маопа мугоры вадьсын лопыръясь лулы». = «Какой короткий век. А кому он нужен и почему так быстро проходит», – думает душа, трепеща над своим телом». Душа надеется, что найдет себе новое тело, и, возможно, младенец появится на свет. Но женщина не нашла в себе любви к своему неродившемуся ребенку, а малыш был недоволен ее образом жизни и протестовал против ее пороков всеми возможными, всеми доступными способами. Как он мечтал увидеть белый свет! Однако мать осталась «глухой» к его требованиям, и кроха, еще не успев родиться, умер.

Р. Игнатьева, на наш взгляд, обвиняет тех женщин, которые не дали возможности появиться на свет своему будущему ребенку. Она возлагает ответственность за это на самих женщин и только потом – на общество и государство.

Суицид – серьезная проблема в Удмуртии, и эта тема для литературы не нова: удмуртские писатели каждый по-своему анализируют это страшное

явление.

В журнале «Кенеш» был опубликован диалог литературоведа В. Шибанова и писателя Г. Перевощикова. Оба они не раз выступали с обсуждением этой проблемы: один – с лекциями и статьями, другой – в своих произведениях.

На вопрос о причинах суицида В. Шибанов ответил: «Уже совсем бессердечными становимся, только себя знаем, чужую боль не слышим и не стремимся понять». (Шибанов В. «Тирен» коть «тиртэк» (о творчестве Г. Перевощикова и не только... // Кенеш. Ижевск, 2001).

Решать глобальные вопросы в жанре повести или романа намного проще, чем в малой прозе, где необходимо мастерство писателя, чтобы суметь изобразить «в малом – большое». Это подвластно только талантливым авторам. На наш взгляд, Римме Игнатьевой это удалось.

В новелле «Сьӧлыкоос» («Грешницы») писательница продолжает тему, начатую в рассказе «Муржолын» («В подвале»). Здесь проблема материнства также раскрывается в сопоставлении, используется художественный прием сравнения. Действие происходит в больничной палате, где, как обычно, оказываются разные по возрасту и социальному положению люди: несовершеннолетние девочки, молодые девушки, взрослые женщины. Все они пришли сюда, чтобы избавиться от нежелательной беременности. Среди них есть и та, что пришла сюда в двенадцатый раз, и та, что попала сюда в первый, но, наверное, не в последний раз.

Героиня новеллы Мария Петровна тоже оказалась в этой палате по воле судьбы, ее беременность должна быть прервана по медицинским показаниям. Она – единственная, кого обстоятельства заставляют переживать, что она в этот раз не станет матерью. Автор новеллы использует христианские мотивы: тому, кто просит, – всегда дается. Мария Петровна, убитая потерей младенца, возвращается домой, где возле дома ее внимание привлекает стая собак. Она прислушивается: где-то раздается детский плач. Героиня воспринимает это как галюцинацию: ей померещилось, потому что она очень хотела ребеночка. Но присмотревшись, она ужасается: собаки достали из мульды сверток с новорожденным. Отогнав стаю, женщина забирает ребенка и уносит домой...

Автор не рассказывает о дальнейших событиях: читатель волен интерпретировать их. Ибо каждый решает проблему выбора сам, опираясь на свой жизненный опыт, каждый поступает согласно своим морально-нравственным принципам.

Роза КИРИЛЛОВА

РОМАНЫ «НАЧАЛО ГОДА» Г. КРАСИЛЬНИКОВА И «БЕЛЫЕ ЦВЕТЫ» А. АБСАЛЯМОВА: нравственные аспекты

Г.Д. Красильников жил и творил в 50–70-е годы XX века. Это было время, когда советская проза обрела многоплановость, стремилась к изображению жизни героев в многообразии их внутренних переживаний. С приходом Г.Д. Красильникова удмуртская литература обогатилась значительными произведениями, начался новый период ее развития. Г.Красильников привнес в нее пристальное внимание к личности человека, к его психологии, его душевному миру.

Острым проблемам современности посвящены наиболее значительные произведения Г. Красильникова: «Старый дом», «Пустоцвет», «Зеленое ожерелье», «Доброе имя». Писатель исследует борьбу нового и старого, определяет больные места общества, предупреждает об опасности опустения деревни, ухода молодежи в город и ищет решения этой проблемы: «Остаюсь с тобой», «Уходящий пусть уходит». Он неравнодушен к судьбе сельской интеллигенции, рассматривая мотивы деградации и нравственной стойкости личности («Начало года»).

Прозу Г. Красильникова отличает углубленное постижение действительности, обращенность к актуальным проблемам, а его литературные жанры – обновление структуры, поиск новых художественно-изобразительных средств. Внимание к внутреннему миру человека, постижение его психологии, его духовного потенциала становится главной задачей удмуртского писателя-классика, который успешно работал во всех жанрах прозы, обновляя и совершенствуя ее поэтику.

В центре внимания писателя прежде всего духов-

Роза Владимировна Кириллова – кандидат филологических наук, преподаватель Удмуртского государственного университета.

ные искания героя-интеллигента. Автора интересует не только и не столько, чем является его герой в мире, но, главное, чем является мир для героя и как он сам «в свободном акте самосознания и слова» (М. Бахтин) пытается осмыслить свою жизнь и судьбу. Именно поэтому в его романе «Начало года» большой удельный вес имеет диалог повествователя и героя, слово героя о самом себе и мире.

Критик-литературовед А.С. Зуева в монографии «Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций» отмечает, что проблема идеала – одна из основных в православной культуре. «Человек никогда не удовлетворен существующим положением вещей, он устремлен к чему-то недостижимому». Г. Красильников организует сюжет так, что его герои постоянно пребывают в состоянии спора и полемики, утверждая себя, свое миропонимание.

Г.Красильников усваивает метод М. Шолохова в постижении и изображении народного характера. Это сказалось на разработке образов Кабышевых («Старый дом), деда Парамонова, дяди Олексана («Остаюсь с тобой»). Писатель прослеживает сложность их мыслей и переживаний. В романе, как писала З.А. Богомолова в книге «Песня над Чепцой и Камой» (1981), «наметился поворот к мыслящему герою, который размышляет и спорит о добре и зле, о правах и обязанностях, о назначении человека, словом и делом утверждает свою философию и мировоззренческую позицию. Впрочем, это качество удмуртского романа является характерным, типологически общим во многих национальных литературах, в том числе – и в татарской, чувашской и марийской».

Роман «Начало года» – это вариант поиска Г. Красильниковым героев-современников, поэтому проблема положительного героя является основной. Г. Красильников творчески переосмыслил традиции великих русских и советских классиков, преломил их в аспекте национальных традиций, которые, в конечном счете, и определили жизнеспособность его исканий в романном жанре. В этом плане показательна и сюжетная линия «Соснов – Матвеев», которая отражает новые грани главного конфликта, в известной мере воссоздает драматические страницы национальной истории XX века.

Те же проблемы поставлены и в романе современного татарского писателя А. Абсалямова «Белые цветы». Татарская литература относится к группе тех национальных письменных литератур, которые развивались в течение многих веков и накопили богатое наследие. Истоки письменной татарской литературы восходят к раннему средневековью. В XIII–XVI веках известными были Кул Гали, Кутба, М. Булгари, Мухаммедьяр. В их творчестве преобладали религиозно-дидактические мотивы, идеи суфизма, в то же время присутствовала и светская тематика.

В послевоенные годы в татарской литературе важное место занимают проблемы гражданственности, патриотизма и, наряду с ними, проблема восстановления народного хозяйства. Создаются произведения эпического плана. В них обобщается нравственный опыт военного поколения. Литература обогащается произведениями, отражающими разнообразные аспекты истории современного татарского народа.

Образ человека труда, раздумья о его нравственном долге перед обществом в эпоху научно-технической революции – в центре повести и романов Г. Ахунова, А. Гилязова. Романы об истории татарского народа создает Н. Фаттах.

Татарская литература, опираясь на свои богатые традиции, развивалась в тесной связи с жизнью народа. В 60-е годы XX века татарская литература, как и удмуртская, обрела демократические традиции, возрос ее интерес к морально-этическим проблемам и вопросам формирования молодого поколения, углубилось мастерство психологического анализа. Для большинства произведений татарской литературы этого времени характерно стремление показать новое в людях, «акклиматизацию» этого нового в духовном мире человека через обыденную, повседневную жизнь при помощи запоминающихся деталей.

Советский человек 60-х годов со своим богатым и разносторонним внутренним миром становится главной фигурой удмуртской и татарской литературы, особенно острым становится вопрос о современности. Творчески осваивая положительный опыт и живые традиции прошлых лет, татарские и удмуртские прозаики в 60–70-е годы «штурмуют», образно говоря, новые высоты в художественном познании многосложной действительности

С конца 50-х – начала 60-х годов внимание читателей привлекли рассказы и романы татарского писателя А. Абсалямова и удмуртского писателя Г. Красильникова, повествующие о становлении характера молодого человека, о связи его личной жизни с общественной. А. Абсалямов и Г. Красильников жили и творили в то время, когда повысился интерес к проблемам нравственного, духовного роста личности, к проблемам морали, гуманизма. В это время тема интеллигенции и в татарской, и в удмуртской прозе получила широкое освещение: книги о студентах, инженерах, врачах, учителях, их гражданской зрелости, преданности делу.

Писатели изображали интеллигентов – выходцев из рабочих и крестьян, – которые служили делу народа. Произведения А. Абсалямова, как и произведения Г. Красильникова, близки произведениям Ф. Достоевского, А. Чехова, М. Горького не только углубленным психологизмом, но, прежде всего, гуманизмом, верой в человека и его высокое назначение, проблемами нравственного, духовного роста личности, проблемами морали.

Перу А. Абсалямова принадлежат многочисленные рассказы, романы «Орлята» (1949), «Газинур» (1953), «Огонь неугасимый», «Вечный человек» (1961), «Белые цветы» (1965), повести «Белые ночи» и «Любовь моей подруги» (1959).

Остановлюсь на романе «Белые цветы». Красильников и Абсалямов – писатели разных нацио-

нальных традиций, творившие самостоятельно. Они масштабно воспроизвели жизнь медиков в романах «Белые цветы» и «Начало года», рельефно изобразив нравственно-духовную сторону деятельности своих героев. В этих романах акцент сделан на психологию личности, на нравственность ее сущности и на оценку ее поступков.

«Белые цветы» – новое явление в татарской прозе. В романе поставлены вопросы значимости человека, подлинного и мнимого служения общественным идеалам. Благодарный труд медиков раскрывается не только в «узких рамках» профессии, в процессе труда, но, прежде всего, – психологически, через души героев.

...Главного героя романа Абсалямова профессора медицины Тагирова вызвали в больницу: больному Исмагилу стало совсем плохо. Все знают, что Исмагил уже не жилец на этом свете, медицина не в силах помочь ему. Можно только временно заглушать нестерпимые боли. Это сумеет каждая медсестра. Но профессор, невзирая на непогоду и неурочное время, все же едет к Исмагилу. На что он надеется? Он борется за человеческую жизнь, отдавая все свои знания и умения.

Как-то в руки Тагирова попадает странное письмо. Его написал бывший пациент. Когда письмо попало в руки профессора, больного уже не было в живых. В письме не было названо ни имени, ни фамилии. Но Тагиров вспомнил. Да, тогда в больнице, он думал об этом больном … нехорошо думал. А каким человеком тот оказался!..

Однажды Тагиров отважился на решительный шаг. Когда молодой врач Гульшагида обратилась к нему за советом, он сам вызвался пойти к тяжелобольному артисту Николаю Максимовичу. «Врач должен быть около больного, – сказал он. – Я еще не так ослабел, чтобы думать только о себе». Врачи заключили, что Николаю Максимовичу жить осталось не больше суток, но Тагиров не переставал возражать: «Это сердце знакомо мне, оно многое вынесло, думаю, что перенесет и это испытание». И он был прав. Николай Максимович поправился.

Только сердце самого Тагирова не вынесло этого испытания, слишком много оно впитало в себя чужого горя и ослабло. Профессор умер, пожертвовав собой ради спасения больных...

«Белые цветы» и «Начало года» – романы о «вечных» истинах: добре, зле, долге, любви, ненависти, чести. Эти проблемы приобретают такую остроту в произведениях, что появление каждого нового героя вызывает у читателя желание спросить: «Какое сердце у тебя, человек?».

Мотив сердца проходит через все повествование романов, приобретая высокую гуманистическую значимость. Кроме того, романы сближают столкновения разных характеров, жизненные конфликты, системы образов.

В романе Г. Красильникова Соснову приходится защищать себя от осуждения других, и это стоит ему жизни. Самой большой ошибкой Соснова было нежелание испортить анкету Световидова, которого было легко просто выгнать из больницы, но Соснов не сделал этого. Он удивился, узнав, что Матвеева «наставлял на путь истинный» Световидов, который мог прямо сказать пожилому хирургу свое мнение, но пошел окольными путями. Соснов даже представить себе не мог, что Световидова и Матвеева сближают чувство злобы и мести. Это известие становится для него ударом.

Г. Красильникова интересовало противоборство предрассудка и разума, эгоизма и доброты, в конце концов, – борьба нового со старым в их абсолютном нравственном максимализме. Ведь борьба добра и зла извечна.

В романе «Начало года» победу над жестокими и беспощадными людьми, как это ни странно, хирург одерживает своей смертью. Это духовная, нравственная и моральная победа личности, в характере которой было заложено гражданское мужество, смелость перед лицом жизненных противоречий.

Профессор Тагиров из романа «Белые цветы» А. Абсалямова и хирург Соснов из романа «Начало года» Г. Красильникова настойчиво повторяли значение морального фактора в успешной борьбе с недугом и неукоснительно требовали от своих коллег чуткости к больным. «Не излечив душу, нельзя излечить тело», – любил повторять Тагиров крылатое изречение древних мудрецов.

Оба они не уважали, не признавали врачей, не умеющих лечить вовремя сказанным добрым, подбадривающим словом. Врач, по их убеждению, в любом случае не имеет права лишать больного надежды. И чтобы убить человека, иногда бывает достаточно одного неосторожного слова.

Если в романе Г. Красильникова сильнее этическое, интеллектуальное начало, то в романе «Белые цветы» преобладает лирическая струя. Писатель все дальше отходит от событийности, сосредоточив свое внимание на внутреннем мире, на психологии героев. В основе конфликта – столкновения людей различных мировоззренческих и нравственных принципов.

А. Абсалямов так же, как Г. Красильников, испытал влияние своих предшественников – М. Шолохова, писателей народов России. Но результат этого влияния, конечно, не в схожести отдельных эпизодов, картин в их романах, а в идейной глубине, широте обобщений, в творческой смелости писателей.

Ольга СТЕПАНОВА

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРИЕМ РАСКРЫТИЯ ХАРАКТЕРОВ

Персонификация или прозопопея – стилистический термин, обозначающий «изображение неодушевленного или абстрактного предмета как одушевленного...». (А. Петровский). Персонификация как «понимание и изображение абстрактных понятий или неодушевленных вещей в качестве живых существ, наделенных, подобно личности, определенным характером» (Философский энциклопедический словарь. Составитель Е. Губский, 2003), – достаточно частое явление в литературе. Персонифицированными образами становятся не только абстрактные понятия или обожествляемые предметы, но и объекты природы, что весьма показательно в творчестве национального писателя Удмуртии Никвлада Самсонова (1946 – 2002).

В произведениях Н. Самсонова, по оценке литературного критика Т. Зайцевой, «на человеке лежит отпечаток его природной первоосновы. Его герои словно просвечиваются через природную призму, ибо они – ее неотъемлемая органическая часть, им свойственна постоянно ощущаемая слитность с вселенной». (Зайцева Т.И. Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: национальный мир и человек: Монография. Ижевск: «Удмуртский университет», 2009. С. 156-157). Естественное, фольклорное видение мира у писателя, конечно же, является своеобразной формой выражения его мифомышления, так как «главнейшей особенностью мифологического сознания является синкретизм, что достигается благодаря одухотворению (анимации) человеком всего окружающего его мира». (Телегин С.М. Мифореставрация. // Открытый урок по литературе. М., 2001. – Выпуск 2. С. 270).

В своих художественных произведениях писатели Удмуртии нередко обращаются к образам природы: образу дерева или леса, родника или цветка, птиц или животных. При этом архетип Мирового Дерева является одним из наиболее распространенных в удмуртской литературе. В языческой мифологии одна из универсальных моделей представлена образом Мирового Древа и его локальными вариантами (дерево жизни, небесное дерево и др.).

В мифологических традициях многих этносов Старого и Нового Света в течение долгого времени модель мира оформлялась в образе Мирового Дерева как «наиболее конкретного и зримого образа мироздания, лежащего в основе средневекового мышления». (Бахтин М.М. Творчество Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: «Художественная литература», 1965. С. 436).

С помощью этого дерева стало возможным свести воедино разные общие семантические противопоставления, установив между их членами отношения эквивалентности, и создать тем самым достоверно реконструируемый универсальный знаковый комплекс. Мировое Дерево – «это образ, который отражает осознание мира как конкретного целого путем отождествления микрокосма с макрокосмом». (Стеблин-Каменский М.И. Миф. Л.: «Наука», 1976. С. 43). Эту же идею выражает К. Юнг. Поразительная всеобщность «древесной» схемы привела Юнга к выводу, что образ дерева, стоящего в центре мира, является наиболее подходящим символом истоков бессознательного (корни), реализации сознательного (ствол) и «транссознательной» цели (крона, листва). Этот символ создается в ходе самопознающей индивидуализации, продолжающей на микрокосмическом уровне макрокосмический процесс.

Концепция Мирового Древа оставила по себе следы в религиозных и космологических представлениях, отраженных в мифологии и фольклоре, изобразительном искусстве, архитектуре, ритуалах, играх, в социальных структурах, словесных поэтических образах и языке, возможно, в ряде особенностей психики. Все эти описания и изображения, как правило, имеют своим предметом само Мировое Древо – его внешний вид, членение, атрибуты, связанные с разными его частями, и целый ряд деталей, относящихся, строго говоря, уже к интерпретации Мирового Древа.

«Мировое Дерево, – пишет Е. Мелетинский, – центральная фигура, прежде всего, «вертикальной» космической модели и в принципе связано с трихотомическим делением на небо, землю и подземный мир». (Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: «Наука», 1976. С. 214). Это интерпретируется так: крона, ствол и корни дерева символизируют трехчленную модель мира в его временных, анатомических или других параметрах: три времени (прошлое – настоящее – будущее); три части тела (голова – туловище – ноги); три вида стихий (огонь – вода – земля) и др.

Образ Мирового Дерева как универсальная концепция мира и человека присутствует и в удмуртской архаической культуре. По словам археолога К. Корепанова, «Важным центром, объединяющим все три сферы, являлось Мировое Дерево, которое проходило через все «миры»: корни его произрастали в подземном мире, ствол – в среднем, а крона – в верхнем

Ольга Викторовна Степанова – старший преподаватель кафедры английского языка Ижевского государственного технического университета.

мире. Находки таких изображений на стоянках эпохи бронзы в Прикамье показывают, что образ Мирового Дерева в крае существовал еще во втором тысячелетии до н.э. Это была своеобразная центральная ось, по которой осуществлялась «связь» между мирами».

Дерево, лес, роща стали неотъемлемой частью многих литературных трудов не только как фоновое полотно повествования, но и как самостоятельные, персонифицированные образы. И этому есть объяснение: этнографы отмечают культ растительности, священных рощ и деревьев у всех финно-угорских народов. В этом сказалась их долгая традиция ведения лесного хозяйства, откуда и берет свое начало почитание деревьев, которое своими корнями восходит, по-видимому, к древнему тотемизму. Образ дерева играет организующую роль по отношению к другим мифологическим системам, родовым понятиям и ценностям (культ воды, земли, солнца и т.д).

Как отмечает литературовед А. Зуева, в удмуртском фольклоре дерево является «доминантой, определяющей формальную и содержательную организацию вселенского пространства, мерилом нравственной оценки мира и человека». (Зуева А. Монография, 1997. С. 205). Дерево у удмуртов мыслится в тех же категориях, что и жизнь человека; отношения между деревом и человеком – отношения взаимодействия. При этом дерево представляется индивидуальным живым существом, обладает душой, проходит те же циклы развития, что и человек, наделено способностью чувствовать и общаться.

По представлениям древних, дерево обладает сверхъестественной силой, нельзя рубить дерево, не попросив у него прощения за содеянное зло. Связанное с предками, будучи их воплощением, дерево является объектом мифологизации и сакрализации. Обожествленная душа трансформируется в персонифицированный образ дерева-бога. В ритуалах и мифах почти невозможно выделить связи с собственно религией, – мифологизация дерева, обожествление его свойств дают возможность говорить о «религиозном контексте всего, что к нему имеет отношение. Каждый факт и действие наделены одновременно религиозным, социальным, психологическим и культурным смыслом». (Зуева А.С. Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций. Монография. Ижевск: Изд-во УдГУ, 1997. С. 206).

Деревья и лес вообще в значительной мере сформировали менталитет удмурта, типическими чертами которого являются миролюбие и приветливость, безграничная терпеливость и бережливость ко всему живому, мягкость характера и лиричность души, что в полной мере отражается в работах представленного автора. Никвлад Самсонов поддерживает культовую систему деревьев. В его рассказах неоднократно встречаются такие природные образы как «береза», «черемуха», «рябина», «сосна» и другие. При этом по частоте упоминания и духовно-этической значимости особое место среди них занимает береза.

Следует отметить, что в финно-угорской традиции береза – это дерево верхнего мира. Береза связана с божественными силами, устремлена к небесам и соединяет небо с землей, куда дерево уходит своими корнями. Как посредническое звено между небом и землей, береза хранит и излучает божественный свет, привносит в сердце героя рассказа «Березы танцуют» светлую радость встречи: «Вот и березовая роща... все белым-бело вокруг, аж глазам больно. Хоть и солнце сверху, а здесь кажется светлее, чем в чистом небе. И все от молодых, стройных берез... не думаю задерживаться. Но вот одну тронул рукой, другую нежно погладил, третью ласково потрепал...». (Самсонов Н. Березы танцуют. // Мой дом выше твоего: Повести, рассказы. Ижевск: «Удмуртия», 1995. С. 114).

Корни удмуртской культуры языческие, они основаны на мифологическом мировоззрении. Их цельность заключается в неотторжимости человека от природы и космоса. Как известно, все финно-угры обожествляют природу, всячески оберегают ее от осквернения и уничтожения, не противопоставляют ей себя, а определяют себя ее частью. Вполне правомерно замечание А. Зуевой относительно того, что «обожествление природы придает ей определенную суверенность. Это признание за ней права на существование по присущим ей законам, это признание ее совершенства, самодостаточности внутреннего порядка». (Зуева А.С. Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций. Монография. Ижевск: Изд-во УдГУ, 1997. С. 20).

Это весьма показательно в рассказах удмуртского прозаика, наделившего природу всеми этими качествами. Действительно, природа в творчестве Самсонова – действующее лицо, самодостаточное и совершенное. Приемы сравнения и метафоры весьма убедительно подтверждают это, наделяя природу в образе березы теми или иными человеческими чертами: «... а вместе с ней и другие березы, словно истосковавшиеся по женихам молодые девушки, начинают кружиться.. .звуки переливаются, все звенит, играет! Даже листья не шелестят, а серебряно напевают удивительные мелодии». (Самсонов Н. Березы танцуют. // Мой дом выше твоего: Повести, рассказы. Ижевск: «Удмуртия», 1995. С. 115).

Природа в произведениях Н. Самсонова, будучи персонифицированным образом, наделена человеческими качествами, чувствами и даже внешностью. Персонификация становится доминантным приемом в работах, где одним из главных «героев» является береза. Благоприязнь отношений между деревом и человеком показана в их полном взаимопонимании и согласии: «И вдруг вижу ту, свою Лебедушку, как я когда-то называл ее, самую пушистую, с которой не раз до армии встречался... кидаюсь к ней, обнимаю, прижимаюсь к ее коре щекой, губами, и кажется, не я ее, а она меня целует и с радости приглашает на белый танец... И я пускаюсь в вальс».

Метафора и символ, широко используемые в художественно-изобразительной системе автора, лишь усиливают антропоморфические свойства повествования: «Куда и почему тороплюсь, не сказал. Сама наверно, догадывается, понимает же мою душу... Лишь зеленым платком грустно машет мне вслед».

В рассказе «У ворот твоих четыре березы» сюжет-

ная линия воспоминаний героини о прошлом, осмысление прожитых лет, горечь одиночества неразрывно связаны с образом берез у ее дома, ставших олицетворением детей. На протяжении всего рассказа береза как будто вторит душевным порывам и переживаниям героини, она живет вместе с ней, чувствует как героиня, дополняет ее жизнеощущения. Тема семьи, выраженная в потере связи поколений, выводится в пристрастном описании автором психологических состояний героини через обращение к природе, а именно – к образу березы.

Нельзя не согласиться с литературным критиком Т. Зайцевой в том, что «пейзажные метафоры Самсонова, отражая саму форму, процесс мышления человека, символизируют неуловимость совершающихся от соприкосновения с природой в его душе изменений». (Зайцева Т.И. Проза Никвлада Самсонова: мифопоэтическая образность. // Современная удмуртская проза. Ижевск, 2006. С. 42). Трепетные чувства влюбленных, вера в ни чем не омраченное будущее, предвкушения радостных событий – все сопровождается упоминанием березы: «Тогда, протянув ей веточку, Илья привлек ее к себе, поцеловал...». (Самсонов Н. У ворот твоих четыре березы. // Голубые наличники: Повести, рассказы. Перевод с удм. А. Верещагиной. М: «Советский писатель», 1989. С. 43).

Береза, обрисованная в жизнеподобных формах, приобретает символический смысл. Эта «пейзажная метафора» становится связанной с животворящей силой и символизирует жизнелюбие, духовную красоту, семейные традиции. Она становится семантическим центром мироздания, ориентированного на бесконечность жизни в среднем мире. Дерево воплощает здесь идею продолжения жизни, круговорота в природе и воскресения. Именно в этом контексте большая семья сравнивается с деревом, рассыпавшим семена: «И верно, крохотные березки рассыпались по лужайке, как ребятишки, играющие в салочки. Это одинокая старая береза рассыпала семена, и теперь вокруг нее так весело». (Там же. С. 43).

Автор неоднократно обрисовывает многообещающие картины природы, сопоставляя их с верой в жизнь, в прекрасное будущее, продолжая сравнивать образ растущей березы и взрослеющих детей: «А березы год от года становились все красивее, каждой весной оживали, покрывались зеленым бархатом. Как бы соревнуясь с ними, росли... дети Ильи. Крепкие, ладные, на работу спорые...». (Там же. С. 45).

Прием персонификации, популярный в работах Н. Самсонова, более чем достаточно характеризует родственность природы и человека: березы чувствуют и, подобно людям, испытывают переживания и эмоции, размышляют, думают, совершают осмысленные действия, «...приветствуют меня, с благополучным возвращением поздравляют». Иногда выразительные описательно-сравнительные метафоры используются для изображения в какой-то степени субтильных, внешних или внутренних, деталей человеческого жизнеописания: «Попадаются пожилые березы-женщины, на тучноватых белых станах которых годы оставили черные линии-отметины».

Дерево в оценке автора величаво, одухотворено, и человек открыто доверяет ему свои истинные чувства любви и тоски по родному краю: «Эх, березоньки вы мои да сосеночки дорогие, как истосковался я по вас, по родной земле!». (Самсонов Н. Березы танцуют. // Мой дом выше твоего: Повести, рассказы. Ижевск: «Удмуртия», 1995. С. 117). В данном контексте береза рассматривается как знак возвращения на родину, словно издалека земля манит героя светом, излучаемым родными сердцу березами: «...что еще на свете есть красивее, милее своего родного края, той вот с детства знакомой рощи, березок-девушек и березженщин?!».

«Светлая», солярная природа березы, прослеживаемая в трудах автора, задается, по одной из народных версий, образом богини-матери (женой или матерью верховного небесного божества) и тесно связана со стихией огня, что маркируется через отношения родства с соответствующими персонажами пантеона. Этот мотив обыгрывается у писателя эпитетами «белый», «сияющий», «золотой», «светлый», «чистый», что явно продолжает тему небесного божества, отождествляемого с голубым сияющим небом как таковым.

Не менее явно прослеживаются связи березы с землей, символизирующей природное чрево. Такая амбивалентность задана самим образом, и традиционное мировоззрение как будто разрывается между небом и землей. Естественно, компромиссом становится объект, примиряющий обе противоположности. Автор поддерживает эту народную версию, береза в его рассказах символизирует центр мира, обладает всеми качествами последнего – это дерево непосредственно соотносится с местом рождения героя (в рассказе «Березы танцуют»), домом как символом семьи (в рассказе «У ворот твоих четыре березы») или внутренним миром субъекта (рассказ «Березки»).

Несомненно, все герои Самсонова заслуживают доверия чистотой нравственных помыслов и поступков; к дереву они относятся с уважением, похвалой и добрыми чувствами: «Уважаю это дерево за его приспосабливаемость, жизненную энергию, за цепкость». (Самсонов Н. Березки. // Рассказы. Перевод с удм. Вл. Емельянова. Ижевск: «Удмуртия», 2002. С. 79). Другому персонажу березы навевают воспоминания прошлого, исцеляя душу чудесной силой связи настоящего с прошлым: «Под легким ветром тихо раскачиваются ветви берез... думам о минувшем конца и края нет, вспоминаешь прошлое и будто в знойный полдень в глубокий овраг к роднику напиться спускаешься». (Самсонов Н. У ворот твоих четыре березы. // Голубые наличники: Повести, рассказы. Перевод с удм. А. Верещагиной. М: «Советский писатель», 1989. С. 421).

Как отмечалось выше, одна из особенностей мироощущения Самсонова – это одухотворение, «очеловечивание» природы, наделение ее своим характером. В рассказе «Березки» береза обладает особым «нравом» и становится символом жизнеутверждающего начала: «...на краю сгнившей церковной крыши,

почти что на голой кирпичной кладке, молоденькая береза зацепилась-приросла. Да так энергично поднимается вверх, с такой уверенностью тянется к голубому небу, что вряд ли у кого рука поднимется сковырнуть хваткую жизненную упрямость». (Самсонов Н. Березки. // Рассказы. Перевод с удм. Вл. Емельянова. Ижевск: «Удмуртия», 2002. С. 80).

Очевидны пейзажные метафоры, так полюбившиеся автору, – за каждой березой видится образ и характер человека. Схожесть человеческого и природного бытия выражена также и в установке жизненных принципов: через образ дерева показано миропонимание индивида, который может поставить перед собой «высокие», труднодостижимые цели: «... некоторые стрелою устремляются ввысь. Торопливо, будто бы боятся, что за свой век не успеют. И каждая веточка словно бы помогает вершине: пусть здоровается с поднебесьем!». Или, напротив, может жить бессуетной, «ровной» жизнью: «Есть и другие березы. Эти уже не устремляются в недоступные выси. Они живут как бы ссутулившись...».

В рассказе персонифицированный образ березы олицетворяет человека, его настроение, мировосприятие, судьбу: «...верхушки у них всех когда-то, еще в пору молодости, были сломлены или срублены. Поэтому у них весь задор, вся тяга к небесам с молодых лет... загублена. Разве не случается подобное и с людьми?..». (Самсонов Н. Березки. // Рассказы. Перевод с удм. Вл. Емельянова. Ижевск: «Удмуртия», 2002. С. 81).

Во многих трудах Н. Самсонова изображен гармоничный деревенский мир, где существование человека соединено с природным круговоротом, что неизбежно заставило автора обратиться к природным образам. В рассмотренных нами произведениях выраженным сквозным образом стал образ березы, проявивший себя в одухотворении человеческих судеб. В рассказе «Березы танцуют» березы олицетворяют девушек, приветливо встречающих солдата, спешащего домой. Рассказ «У ворот твоих четыре березы» представляет образ дерева в несколько другом аспекте. Каждое деревце у ворот – это часть семьи героини. Четверо детей оставили свою мать, и лишь березы у ворот становятся напоминанием о них и воплощением символа семьи. Другой рассказ, «Березки», раскрывает сущность человеческого бытия через внешнее отображение. Все березы разные, как и люди. Автор выражает мысль о том, что судьба человека неизбежно формирует его внутренний и внешний облик.

Т. Зайцева отмечает, что эти рассказы, возможно, «немного наивные, на сегодняшний взгляд, ...очень верно отразили типажи и характерные приметы времени. Обращение писателя к образным формам народного мышления определило специфику выразительности этих рассказов, отражающей нерасчлененность восприятия природы и человека». (Зайцева Т.И. Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: национальный мир и человек: Монография. Ижевск: «Удмуртский университет», 2009. С. 159).

Сознательно стремясь к синкретизму в изображении природы и человека, Никвлад Самсонов использует способ их «нерасчлененного изображения» через прием персонификации, обуславливающий художественную реализацию поисков гармонии. Определенно, стилистический прием персонификации, применимый здесь, оказался исключительно выигрышным средством в отражении характеров и настроений духовного мира героев. Обрисованный автором образ березы, игривый и лучезарный или задумчивый и заунывный, действительно, «создает богатую гамму образных возможностей и позволяет найти необходимую тональность для передачи самых противоположных чувств, которые вызывает в нас природа». (Эпштейн М. «Природа, мир, тайник вселенной...». Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: «Высшая школа», 1990. С. 304).

НОВАЯ КНИГА

Кучыран Юри. Каталог. Ижевск: Удмуртия, 2010

Книга посвящена лауреату Государственной премии Удмуртской Республики Ю.Н. Лобанову (Кучыран Юри), творчество которого – цельный, яркий, интерактивный художественный проект, направленный на поиски нового подхода к актуализации традиционной культуры и нового языка общения со зрителями. Это оживший в пластике и звуках голос истории, творение новой мифологии и новых форм искусства, помнящего свои корневые связи с ритуалом. В издание включены репродукции произведений художника и фотодокументализация его перформансов и хеппенингов.

Людмила БУСЫГИНА

ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Ученые не случайно отмечают поступательный, спиралевидный характер движения истории. Действительно, на каком-то новом витке общественно-политических перемен вновь повторяются события, судьбы поколений. Тем не менее, каждый новый виток проходит на качественно новом уровне. Так и явления современного российского многонационального литературного процесса во многом перекликаются с фактами литературного движения начала XX века.

В литературных эпохах, разделенных почти вековой историей, наблюдается немало сходного: свобода творческой мысли, многообразие жанров, широкий диапазон тематических и сюжетных вариантов, языковые эксперименты, поиски новых средств выразительности и т.д. Относительно удмуртской литературы это отмечают литературоведы А.С. Зуева, Т. И. Зайцева, В.Л. Шибанов.

Профессор А.С. Зуева в своих статьях, монографиях говорит о «неомифологической волне» в удмуртской литературе последних десятилетий. (Зуева А.С. Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций. Монография. Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1997. С. 352).

Т.И. Зайцева отмечает: «Новая литературная ситуация по напряжению идейно-стилевых и жанровых исканий напоминает, пусть и относительно, начало прошлого века (1920–30-е годы)». (Зайцева Т.И. Современная удмуртская проза (1980-2000 гг.). Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2006. С.6).

По утверждениям поэта и критика В.Л. Шибанова, «лирика Герда в какой-то степени созвучна с 1990-ми годами (вернее, этнофутуристы, хотят этого или нет, повторяют поиски 1920-х годов)». (Шибанов В.Л. Творчество Кузебая Герда в призме современного этнофутуризма // Гердовские чтения, посвященные 85-летию I Всероссийского съезда удмуртов. 27 января 2004 г. Ижевск, 2004. С. 4).

Действительно, повторяющиеся из века в век образы и мотивы, устойчивые комплексы представлений и переживаний (следует подчеркнуть, – в совокупности с современными типами мышления и поведения) запечатлены в произведениях таких современных удмуртских поэтов, как М. Федотов, Р. Миннекузин, П. Захаров, В. Ар-Серги, С. Матвеев и др. В этот период переоценки нравственных и этических ценностей, когда поэты не всегда могут реализовать себя, найти выход к читателю, найти выход к высоким идеалам, к подлинной, глубокой духовности, они, как и поэты 1910–20-х, обращаются к этнически-мифологическому началу. В их поэзии наблюдается особый интерес к архаике, к древней истории удмуртов, к мифопоэтическим традициям.

Но если в поэзии начала XX века мифопоэтические традиции удмуртов чаще предстают в неизменной сюжетной и образной форме, то в творчестве талантливых современных поэтов наблюдается активный процесс мифотворчества путем соединения традиционного и инновационного. В их художественном мире в пересечениях мифологии, вымысла и реальной современной действительности появляется «новая реальность», образный мир фантазий, что не всегда можно обнаружить в поэтическом мире мастеров художественной словесности начала прошлого века. В поисках самовыражения художники слова осознанно или неосознанно, но так же, как поэты столетие назад, обращаются к синтезу эстетик различных видов искусств. В их творчестве в известной мере стираются границы между поэзией и непоэтическими видами словесного творчества, между поэзией и музыкой, поэзией и изобразительным искусством, театром и кино и т. д.

Так, например, изменения в мировоззрении поэтов, стремление к преодолению духовного кризиса общества в перестроечное и постперестроечное время нашло выражение даже в графике поэтического текста. Как Кузебай Герд, обратившийся к графике вслед за русскими поэтами В. Маяковским, В. Хлебниковым, В. Брюсовым, так и современные поэты в поисках выражения своего мироощущения обращаются к графике, активно используя фонетическую символику, синтаксические конструкции, технику пунктуационных возможностей (П. Захаров, В. Ар-Серги, Арзами Очей, Л. Орехова и др.).

Например, в поэтическом мире П. Захарова, сотканном с помощью звуковых образов, игры слов, расширяется семантическая наполненность и ассоциативность поэтического текста:

Ноку-ноку эн кышка юаны,
Выны.
Юан – со Ю сямен Юа.
Никогда-никогда не бойся спрашивать,
Брат (мой).
Вопрос – он вопрошает подобно Жнивью.

или:

я ярды ярдурын ярдурлань

Людмила Васильевна Бусыгина – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории лингвистического картографирования и исторической лексикологии УдГУ.

яратэк ярамтэезлы
ярамаз ярамон
...ул улымтэ улонлэн улонэныз
улоно улондэ улытыса
улэм улондэ улэменыз улытытэк
кулэ кулонлэн кулонэныз кул
куләмтъёслэн
кулоноослэн
кулоназы
куләмзыя
куләмтъёслань
кулоноослань.
да воссияй же на берегу в сторону берега
чтобы беспричинно непонравившемуся
нравиться и нравиться
... живи жизнью непрожитой жизни
заставляя жить непрожитое
не заставляя прожитую жизнь жить прожитой
умри смертью нужной смерти
мертвых
тех кто умрет
в смерти
умирающих
стороной умирающих
и тех кто умрет.

(Захаров П. Думымтэ кылбуръёс: Не привязанные стихи // Инвожо. 2007. №№ 5–6. С. 70. – Здесь и далее подстрочный перевод наш. – *Л.Б.*).

Звуковая игра и художественная этимология наполняют на первый взгляд как бы бессмысленные звукообразы смыслом. В них вырисовываются контуры абсурдного мира (хотя, надо сказать, в этом мире есть своя логика), обозначаются новые подходы к осмыслению природы человека, смысла его жизни, вечных философских проблем бытия (добра и зла, жизни и смерти). В последнем стихотворении отсутствием знаков препинания автор, на наш взгляд, подчеркивает неопределенность, неограниченность этого мира, возможность выбора человеком своей судьбы. При том, что в привычном «нашем» мире все определено и замкнуто, все подчинено судьбе и непреложным, вечным законам.

В стихотворении П. Захарова «Муньылон азьысь кызлэн уйвӧтэз» («Сон ели, растущей над пропастью») звуковая природа текста также имеет фонологический характер, то есть связана со смыслоразличением:

Уй, уй...
У-ю-юй...
Ой, ой... У, у, а, а, а-я-яй...
А? Мар?
У-юй...

Каждый звук текста содержит в себе особенные значения и смысл. Пространство стиха наполнено гласными звуками *а*, *у*, *ы*. Как утверждает Г.Д. Гачев в своей работе «Национальные образы мира», «гласные – чистые координаты пространственно-временного континуума. Удельный вес гласных в речи представляет шкалу соответствующих измерений, ценностей, идей в национальном Космо-Психо-Логосе». (Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Курс лекций. М.: Издательский центр «Академия», 1998. С. 55).

Возможно, наши попытки обобщить знаковую природу звука в творчестве поэта, опираясь на систему Г.Д. Гачева, в какой-то степени приблизят нас к пониманию художественного мира П. Захарова. Так, в соответствии с фонетической классификацией Г.Д. Гачева, звук *а* определяется как вертикаль, верх-низ, открытое пространство, *ы* – горизонталь мира, *у* – глубь, нутро, недра.

В этих звуках можно условно представить природу удмуртского национального мира, можно приблизительно наметить иерархию ценностей в данном национальном космосе, увиденном, перечувствованном и отраженном удмуртским поэтом.

Это широкое пространство, открытое всему новому; но это новое – не всякий раз понятное, приемлемое; иногда это – «перевернутый» мир, неподдающийся осмыслению. Это и глубокие внутренние переживания человека, живущего в этом мире беспорядка и хаоса, где ему трудно разобраться не только в актуальных проблемах общества, но даже и в своих мыслях и переживаниях, – человека, чувствующего себя на краю бездны.

Не случайно в тексте использован прием обращения к сну – уход в другие измерения. Сон осмысляется в этом бренном мире как свободный полет, свободное парение, состояние, близкое к творчеству. Возможно, именно творчество явилось для поэтов спасительным актом в преодолении духовного кризиса общества в наше сложное, противоречивое время, когда «все перевернулось и еще только укладывается», как говорил великий Л. Толстой.

Формы нового синтеза текста и графики можно наблюдать и в творчестве известного удмуртского поэта и прозаика В. Ар-Серги. (Ар-Серги В. Засечки на тамге (стихослова). Ижкар-Шубашкар, 2005).

В его стихотворении «Сӥзисько СООСлы» («Посвящаю ИМ») уже форма стихотворения (ромб) как бы символизирует Вселенную, в центре которой находится мать-Земля. По вершинам ромба расположены Я и Ты. Возможно, это два полярных фактора жизненного процесса, Ян и Инь.

В оформлении текста, вероятно, скрыта мысль о сосуществовании и взаимопроникновении этих противоположностей: света и тьмы, тепла и холода, солнца и луны, души и плоти, мужского и женского начал, т.е. речь идет о возникновении и продолжении жизни. Не случайно рядом с образом Земли – образ птицы. Их можно интерпретировать как две стихии – стихии земли и воздуха, материального и духовного. Душа противопоставляется плоти, ибо она крылата. Но Вселенная так устроена, что жизнь продолжается в процессе борьбы двух противоположностей. Это взаимодействие и одновременно противостояние отражает противоречия времени и ощущение поэтом себя в этом мире.

Этот лаконизм поэта и амбивалентность его ху-

дожественного мира как бы приглашают читателя к со-творчеству, к поиску выхода из этого кризисного состояния, в котором находится наш современник, – человек, потерявший веру в прежние ценности и не нашедший новых, разочарованный, одинокий, ощущающий себя «по ту сторону» реального мира.

Следует отметить, что подобные тенденции наблюдаются и в соседних национальных литературах Поволжья и Урала. Кризисность мироощущения современного человека и стремление найти опору и подлинные ценности в этом шатком мире, на наш взгляд, не могли миновать и чувашскую литературу. Более того, согласимся с мнением Н.В. Ильиной, «что благодаря гению Г. Айги литература «новой волны» заявила в ней о себе гораздо раньше и сильнее, чем в других литературах Поволжско-Уральского региона». (Ильина Н.В. Художественный мифологизм бесермянского поэта М. Федотова в контексте удмуртской литературы 1980-1990-х годов: Диссертация ... кандадата филологических наук. Чебоксары, 2008. С. 28).

Новизна поэзии Г. Айги наблюдается на всех уровнях поэтики его произведений – свободный стих ассоциативного типа, словотворчество, необычность графического текста. Например, имя нарицательное превращается у него в собственное: обращаясь к Родине-Жизни с заглавной буквы, Г. Айги выражает сокровенные, затаенные мысли и чувства:

а из Родины-Жизни
иной
затаенной –
душа
золотится
в квадрате окна:
верба
цветет –
– лепечет
младенец! –
тайная встреча (цветенье и говор)
в той – незапамятной – Родине.

Легко обнаружить, что между строк высвечиваются подлинные и высокие для него ценности: Родина Г. Айги связана с жизнью, с сыном. В этих образах скрыты философские размышления поэта о продолжении человеческого рода. Автор сопоставляет цветенье вербы с детским лепетом, возникает цепь ассоциаций: цветенье – начало – истоки – продолжение жизни и рода. Ассоциации углубляет образ незапамятной Родины. Он невольно возвращает к прапамяти.

Через эту тонкую связь миров: природы и человека, мира предков и современного мира, мира души и разума – поэт выражает свои мысли и настроения. Как отмечает исследователь творчества поэта Г.А. Ермакова, его «поэтический стиль отличается частотой употребления сложных слов с дефисами, написанием слов с заглавной буквы, благодаря чему создается глубокий подтекст: соединяя разнокоренные слова, поэт стремится преодолеть разорванность слова, мира и языка». (Ермакова Г.А. Эстетические основы художественного мира Г. Айги. Диссертация ... доктора филологических наук. Чебоксары, 2004. С. 17).

Таким образом, именно стремление выразить кризисность мироощущения героя конца XX века объясняет интерес национальных поэтов к экспериментам в области формы произведений, к синтезу эстетик поэзии, музыки, графики и т.д. Их поэзия свободна, независима от множества правил и традиций, что не бесспорно, хотя, в свою очередь, отражает творческую и гражданскую независимость поэтов, их стремление к индивидуальному стиховому самовыражению. Но мы убеждены, что это предмет дальнейших исследований, размышлений ученых-филологов.

Александр ШКЛЯЕВ

ОБ АРКАДИИ КЛАБУКОВЕ-БАГАЕ, ПИСЬМАХ К НЕМУ И ЕГО СТИХАХ В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Аркадию Николаевичу Клабукову, писавшему в 20-е годы под псевдонимом Аркаш Багай, в марте этого года исполнилось бы 96 лет. 25 лет прошло после его смерти, а вокруг него все еще не улеглись страсти.

Он был не только поэтом, но и критиком, а вокруг критика никогда нет спокойствия: он кого-то задевает и вызывает огонь на себя.

Когда говорят о таланте А.Н. Клабукова, обо всем, сделанном им в литературе, его оппоненты обязательно скажут: да, мол, хорошую он поэму «Тю-тю Макси» написал, но ведь сюжет ее заимствован из картинок к учебнику; да, десятки лет удмуртские дети учились по его букварю, но ведь уже не издается букварь. И всегда так. А если и опровергнут эти суждения, вспомнят, что в 1937 году Аркадий Николаевич подписал статью «Враждебный роман», написанную обкомовским работником, направленную

Александр Григорьевич Шкляев – удмуртский критик, литературовед, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой факультета журналистики УдГУ.

против столь же талантливого писателя и столь же непримиримого своего оппонента М. Коновалова. Но при этом не вспомнят, что как только ни склоняли самого А.Н. Клабукова.

Уже в начале 1930-х годов его отец будет раскулачен, сам он будет назван «мелкобуржуазным писателем», а в 1937 году снят с работы в УдНИИ за, якобы, вредительство, за связь с К. Гердом и за халатное отношение к делу.

Конечно, он выжил и в 30-е годы, и на фронтах Великой Отечественной. Но разве есть в этом вина писателя?

А.Н. Клабуков начинал как юморист и сатирик, писал «под Зощенко», «чтоб читатели от смеха животики понадрывали». Во второй половине 20-х годов по совету В. Вильмона – журналиста и общественного деятеля – стал пробовать себя как детский писатель.

После первой публикации в 1923 году он в течение 60 лет трудился в удмуртской литературе и работал во всех жанрах, кроме романа. Он в шутку называл себя многостаночником.

Большая часть написанного им остается в подшивках газет и журналов. Его архив, бережно сохраненный Ф.С. Эшмаковой, приоткроет много неизвестных страниц удмуртской литературной жизни.

Уже в 20-е годы А.Н. Клабуков печатался в столичной печати в переводах русских поэтов. Он любил С. Есенина, посещал литературный кружок автора знаменитого роман «Чапаев» Д.И. Фурманова. Сильное влияние оказали на него его однокурсники по Московскому университету М. Светлов, А. Жаров, И. Уткин.

Он был в переписке со многими писателями, в постоянном творческом поиске. О его творчестве есть теплые отзывы К. Чуковского, С. Михалкова, Ю. Яковлева и др.

Представляем читателю письма М. Исаковского, Ашальчи Оки, адресованные А.Н. Клабукову, и стихи самого А. Клабукова, переведенные известным в 20-е годы поэтом Н. Полетаевым.

М. Исаковский – А. Клабукову

Дорогой т. Клабуков!

Простите, что на Ваше письмо отвечаю не сразу. Получил я его несколько дней тому назад, но был болен и ответить не мог. Сегодня я решил встать, хотя чувствую себя еще очень неважно.

О Вашем несчастье мы узнали сразу же после приезда из Ялты, когда звонили Вашим родственникам. (В 1939 году во время отдыха в Ялте А.Н. Клабуков получил телеграмму о трагической гибели дочери. – *А.Ш.*). Это действительно большое несчастье. И какой нелегкий случай: очень и очень сочувствую Вам. Дружески желаю, чтоб Вы стойко перенесли постигшее Вас горе. Как бы ни было тяжело, унывать и падать духом не следует. Ведь все равно ничем не поможешь беде и дочь Вашу, которую Вы так любили, не поднимешь из гроба. Будьте же стойки и мужественны.

Ваш привет Гольцовым мы передали (во время моей болезни жена разговаривала с ними). Они, в свою очередь, просили передать Вам теплый товарищеский привет и пожелание бодрости духа и успехов в работе.

Благодарю Вас за приглашение приехать в Ижевск. Только вряд ли я смогу это сделать. Очень меня замучили всевозможные болезни (и главная из них – болезнь глаз), и всякая поездка для меня затруднительна.

Живя в Москве, я по целым неделям не выхожу из своей квартиры, а уж о поездке и думать пока не могу. Это для меня закрытая дверь.

Если будете в Москве – буду рад видеть Вас у себя.

Желаю Вам всего хорошего.

М. Исаковский.

Москва, 13-го ноября 1939 года.

P.S. Большой привет передает Вам моя жена.

Ашальчи Оки – А. Клабукову

Дорогой Аркадий Николаевич!

Просимое Вами посылаю. Снимки от 1927 года, от 1940 и 1945 годов.

Последний снимок дали мне в военкомате, когда сняли с воинского учета. Охотно подарила бы его Вам, если бы была уверена, что в какой-то степени Вы этому подарку будете рады. Однако дарственную надпись не рискнула сделать. Надо бы послать Вам еще теперешний снимок, но, щадя эстетические чувства Ваших телезрителей, воздержалась. Выгляжу дряхлой старушонкой, страшной-престрашной. За последние два года очень сдала.

Очень интересно, состоялась ли Ваша поездка в Башкирию и каковы впечатления. Вы бы хоть брали с собой магнитофон и записали тамошние мелодии. Меня больше всего интересует это. Эх, была бы я моложе, здоровее, ездила бы по всем удмуртам и записывала бы мелодии!

Но жизнь прошла, и невольно думаешь иногда, то ли дело делала, которое было нужно больше всего. Одно лишь хорошо, что от своей медицинской работы я получила большое удовлетворение.

Мое последнее увлечение – огород. Почему я не замечала до прошлого года огород? Была домработница, все делала, а я совершенно не интересовалась этим делом. Все внимание поглощала больница.

Привет Вам от Ивана Ивановича и от Иви дадая (Иви дадай – брат Ашальчи Оки И.Г. Векшин, репрессированный по «делу Герда» и отбывавший наказание в ссылке на строительстве Байкало-Амурской магистрали, строительство которой было начато еще в 30-е годы. – *А.Ш.*). С апреля он гостит у меня. Ӟигараз ӧвӧл ни. Мырдэм ветлэ, куанер. (Силы уже нет. Еле ходит, бедняжка. – *А.Ш.*).

Собирается ехать в Ижевск, но говорят, что Сысо-

ев Петр Петрович в отпуске. Хочу хлопотать о персональной пенсии для брата. Он получает всего 297 рублей по инвалидности, стажа рабочего у него хоть лет 40, но справок с мест работы не набрал. А ведь теперь он нуждается в постороннем уходе. Выглядит он настоящей мумией, но сколько протянет? Сам он планирует жить до 70 лет.

А как Ваше здоровье? Надеюсь, старческих недугов нет еще? И возраст Ваш сравнительно молодой. Все еще жить да поживать, да творить, да на Марс еще прокатиться.

Что ж в наш космиче... Вот черт! Посадила кляксу на самом видном месте, и сразу настроение испортилось, и расхотелось фантазировать...

Привет большой-пребольшой всему составу правления Союза писателей. Храню бережно бланки с поздравлением меня по случаю праздника Великого Октября с 1959 года. И подписи в этом бланке Бутолина, Архипова, Клабукова и иже с ними. Мир да пребудет с Вами, дети мои!

Оки песяй.

P. S. Помидоры высадили уже?

Журавли

I

В городах зимы-зимушки нет,
В городах электрический свет,
Там веселый трамвайный гуд
И веселый в вагонах люд.
А в деревне у нас словно сон,
Только сонные окрики сов,
Грустен, темен зимой наш край,
Не бежит у нас быстрый трамвай.

II

Но придет, заиграет весна,
И деревни моей не узнать.
Ветерок по деревьям пошел,
Беленя словно бархат и шелк.
Вотяку на разе хорошо.
Жаворонок с лучистых высот
О весне свою песню поет.

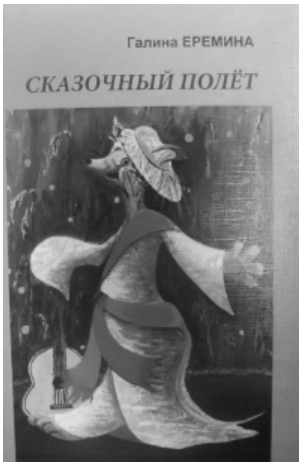
III

Не заметишь, в себя не придешь,
Зашумит, заволнуется рожь,
А деревья рубахи наткут
Зеленее, чем тенистый пруд.
На полях длинноногий журавль
Ходит важно, как в море корабль,
Ходит важно да лущит стручки.
Журавлей берегут вотяки,
Говорят, умирает жена
У того, кто убьет журавля.

IV

Но и лето пройдет, как весна,
Опустеют, озябнут поля.
Осень крадется ночью, как вор,
Опустел, опрозрачнел простор.
Ветер зябкий срывает с дерев
Пожелтевший помятый убор;
И под ветреный яростный рев
Мы увидим в туманной дали,
Как от нас полетят журавли.
И, оставшись одна без гостей,
Как хозяйка в избушке своей,
Затоскует деревня о них, –
Так тоскует, горюет мой стих
О вотяцких полях родных.
Эх, сроднить бы трамвайный гуд
И заросший осокой пруд!
Породнить бы сверканье огней
И весенний прилет журавлей.

Перевод Н. Полетаева.
Журнал «Октябрь», 1927, №12



НОВАЯ КНИГА

Галина Ерёмина. Сказочный полет: Стихотворения, сказки. Книга I. Ижевск, 2010

Галина Еремина – не профессиональный литератор. Она работает учителем технологии в школе, руководит школьным театром кукол, является активным членом литературного объединения «Прикосновение». Ее имя знакомо тем, кто знает и любит авторскую песню. От публикаций в периодических изданиях республики «сказочница» и «песенница» Еремина пришла к своей первой книге стихов и сказок. В сборник вошли произведения для детей младшего и среднего школьного возраста. Несмотря на то, что стихи и сказки адресованы детской аудитории, очень часто в них поднимаются серьезные «взрослые» проблемы: современная школа, экологическая безопасность, отношение к миру живой природы. У книги обещающий подзаголовок: «Книга I». Что ж, будем ждать следующую!

ПРОЗА

Римма ИГНАТЬЕВА

НЕДОНОСОК

Рассказ

Никита, несомненно, под несчастливой звездой родился. В этом он убедился с самого начала службы. А ведь он так стремился в армию. Постаралась и мать: по мнению деревенских женщин да и мужиков тоже, не проходивший воинскую службу мужчина похож на вечно кудахтающую, но не несущую яиц и не выводящую цыплят курицу. Поэтому Никита очень хотел отдать свой долг Родине. И никак не мог предположить, что служба в армии – не гулянки под луной.

«Слава Богу, хоть Роза не видела мой очередной позор...». Воспоминания снова заставили Никиту покраснеть. И недочищенная картофелина упала в бак... До армии ему ни разу не пришлось чистить картошку. Мама все успевала сама: и за общественными коровами ухаживать, и дома за скотиной присмотреть, и обед приготовить, и постирать-погладить, и в избе чистоту навести. После того, как в деревню газ провели, у Никиты даже дрова колоть надобность отпала. «Э-эх, мама, если бы ты знала...», – слезы застили глаза молодому солдату.

Помня про свое неумение обращаться с портянками, Никита с вечера приготовился к подъему: завязал онучи нитками и, довольный, заснул. Утром, вскочив вместе с сослуживцами, засунул ноги в сапоги, быстрехонько натянул на себя гимнастерку, уже на бегу застегнул пуговицы, поправил ремень и пилотку. На этот раз он не опоздает...

Когда командир, обходя строй, поравнялся с Никитой, тот, ожидая похвалы, вытянулся в струнку.

– Рядовой Чушьялов, выйти из строя!

Уверенный, что офицер объявит ему благодарность за сноровку, Никита с гордо поднятой головой встал перед строем. В этот же миг раздался оглушительный смех солдат. Никита недоуменно посмотрел на строй, затем опустил голову и оглядел себя: сапоги на месте – правый на правой ноге, левый... Елочки зеленые, а брюки-то, брюки надеть забыл!..

– Ты что, салага, картошку чистить не умеешь?

Возле склонившегося над кухонным баком Чушьялова как из-под земли возник рослый сержант Иванов. Глаза у помощника командира злым огнем горят, а команды как из пасти Змея Горыныча сыплются. И всего-то на полгода он старше Никиты...

– Перемоешь посуду – пол в казарме надраить не забудь! А то, смотри, фермером по выращиванию тараканов назначу!

Сержант, выросший в городе, перед деревенскими призывниками чувствовал себя гоголем. Будто невзначай наступив Никите на ногу, сержант вышел из кухни. Но не успел Чушьялов опомниться, как Иванов вернулся:

– Ты почему старшему по званию честь не отдаешь?!

Только Никита встал, чтобы исправить свою ошибку, как сержант пнул ему под зад со словами:

– Да ты, недоносок, устава-то, оказывается, не знаешь: с непокрытой головой честь не отдают!

«Откуда он знает, что мама меня недоношенным родила?». – Потянувшись за отлетевшей пилоткой, Никита крайне удивился. А Иванов все не унимался:

– На ногах устоять не можешь? Недоносок форменный и есть... А ну встать!

Только Никита успел подняться на ноги, прозвучала команда «лечь», а потом «встать». И снова: «Лечь!». И так до тех пор, пока изнемогший Никита совсем не выдохся...

Когда вымотавшийся за день Никита вернулся в казарму, солдаты сладко посапывали. Он и сам, как только голова коснулась подушки, провалился в сон. Во сне он увидел себя этаким удмуртским богатырем – Донды-батыром. Как только трехглавый Змей Горыныч с лицом сержанта Иванова начал выпускать языки пламени, Донды-батыр взмахнул своим волшебным мечом: раз – и полетела одна голова, два – другая. Свалившиеся головы покатились прочь от гадкого тела. А третья голова Иванова-Змея взмолилась: «Пощади меня, удмуртский батыр. Прошу, не убивай меня, я еще тебе пригожусь...». Никита уже хотел пожалеть мерзкого змея, но услышал взволнованный голос любимой Розы: «Не верь ему!». Удивленный появлением подруги, Никита опустил меч, и в следующую секунду тело богатыря пронзило ядовитое жало...

– Ты чего кричишь? – Спавший на соседней койке Тимур дотронулся до плеча Никиты. Спасаясь от кошмарного видения, Никита повернулся на другой бок и с головой укрылся одеялом.

Римма Серафимовна Игнатьева – удмуртский прозаик, член Союза писателей и Союза журналистов России, заслуженный журналист Удмуртской Республики.

Но, как говорится, от судьбы не убежишь. И на второй, и на третий день все продолжилось. Полы он драил до блеска, уже, кажется, в тысячный раз. А унитаз... Моешь, чистишь его, а ржавчина не исчезает.

– Коли руками не можешь, работай головой, недоносок!

Заставив Никиту несколько секунд подышать канализационными запахами, Иванов бросил парня на пол. В следующую секунду новобранец почувствовал текущие по щекам теплые, кисло пахнущие струйки мочи. От обиды Чушьялов готов был заплакать. Но сержант не унимался:

– Не забудь почистить мои сапоги, недоносок! Не сделаешь – убью! Понял, салага?!

В этот момент Никита готов был проклясть день, когда появился на свет. Вспомнил и райвоенкома, который удивлялся:

– Большинство косит от службы, а ты со своим низким ростом и маленьким весом прямо-таки рвешься в армию! Это похвально. Вот только маму со взяткой ко мне больше не посылай. Как наберешь вес, обязательно призовем.

Нет, не такой представлял себе армию Чушьялов, когда набирался сил в больнице. Обещая Розе вернуться домой с медалями и орденами на груди, был уверен, что армия – время героизма. А оказалось...

Услышав всхлипывания Никиты, сосед по койке проснулся.

– Тебя опять сержант достал, да?

С повадками Иванова Тимур Сабиров был тоже знаком: любил сержант поизмываться над слабыми. Только однажды Сабиров дал сдачи Иванову, и сержант от Тимура отстал. Да вот не мог Никита сам за себя постоять. Тимуру было жаль друга, но помочь ему он ничем не мог.

– Ты как-нибудь докажи сержанту, что ты не слабак.

– Как?!

Друзья не успели договорить – послышался недовольный голос:

– Да замолчите уже! Никакого покоя...

Рядовые притихли. Через некоторое время Тимур уснул. Только Никите невеселые мысли уснуть не давали: «До дембеля еще далеко. Как вынести столько унижений и оскорблений? Может, деру дать? Да только на первой же станции схватят... А, может, застрелиться? Капитан говорил, что скоро начнутся учения. Сначала убью Иванова, а потом себе пулю в грудь пущу...».

И Чушьялову стало жалко себя...

Мысль об отмщении обидчику всю последующую неделю не давала Никите покоя.

Роту вывезли в заранее намеченную местность. Очутившись в весеннем лесу, Никита словно опьянел: будто в березовой роще недалеко от родной деревни оказался. Кое-где еще лежал снег, но в основном земля уже освободилась от зимнего гнета. Радуясь теплу, весело щебетали птички. Все живое в природе просыпалось от сна. Хотелось жить: вдыхать этот будоражащий запах талого снега, радоваться первым листочкам и подснежникам. Никита очень любил эти нежные цветы...

Проваливаясь в снег, запинаясь за сучья, цепляясь за густые ветви хвойных деревьев, солдаты наконец добрались до опушки. Чушьялов надеялся, что будет стоянка, но прозвучала команда:

– По противнику – огонь!

Молодой солдат едва разглядел мишени. А разглядев, выбрал силуэт, чем-то напоминавший сержанта Иванова. Он старательно целился, не забывая про себя приговаривать: «Вот тебе за «недоноска»! А это за унитаз!».

Отстрелявшись, солдаты двинулись вперед. Теперь им нужно было отыскать «штаб противника». Автомат на плече отяжелел, и Никита еле передвигал ноги. Остановился перевести дыхание и услышал голос командира отделения:

– Рядовой Чушьялов, не отставать!

В отделении ефрейтора Павлова трое: Никита, Тимур Сабиров и Семен Лаптев. Чтобы не привлекать внимание мнимого противника, солдаты старались двигаться бесшумно. Но и тут судьба несчастливца не обошла Никиту стороной: нерасторопный солдат споткнулся об охапку еловых ветвей и в следующую секунду оказался в специально кем-то выкопанной ловушке-яме. Если бы не Тимур, то, как поется в песне, «отряд не заметил потери бойца». Но не в правилах Сабирова оставлять друга в беде. Матерясь и ругаясь, отделение повернуло обратно. Увидев яму, солдаты слегка оторопели: не в жилище ли хозяина леса решил заглянуть этот недотепа Чушьялов?

Каково же было удивление рядовых, обнаруживших не на жизнь, а на смерть сцепившихся Никиту и сержанта Иванова. Переодевшийся сержант пытался освободиться от по-щенячьи повизгивающего Чушьялова, но не мог. Находящиеся в землянке четверо новобранцев-«противников» в испуге сбились в кучку и не решались влезть в драку. Растерянных и удивленных, их повязали бойцы отделения ефрейтора Павлова.

Повернувшись в сторону Никиты, Тимур обомлел. В середине «блиндажа» лежало бездыханное тело сержанта Иванова, а Чушьялов сидел на нем верхом и побелевшими губами шептал:

– Я убил его, убил...

Ефрейтор пощупал пульс прикинувшегося мертвым сержанта и приказал:

– Сабиров и Чушьялов, ведите «раненого». Он арестован.

Не прошли и трех шагов, как достающий сержанту до подмышек Никита уже выдохся:

– Давай отдохнем.

Сабиров согласился:

– И впрямь этот мешок тяжеловат.

Арестованный не выдержал, с издевкой ухмыльнулся:

– Наберут в армию недоносков вроде Чушьялова,

а другие из-за них страдай.

Никита словно этого только и ждал. Он начал пинать полусидящего противника. Не ожидавший такой реакции Тимур схватил Никиту за руку:

– Лежачих и арестованных не бьют!

Но разъяренного Чушьялова уже ничто остановить не могло: он метался, как зверь...

После окончания учений солдатам отделения ефрейтора Павлова объявили благодарность. Одного Никиту «за неуставные отношения» отправили на «губу». Он решил сначала, что и на этот раз прикажут землю копать, но ему назначили наказание похуже – безделье. Теперь он сам убедился в правоте слов парализованного отца, который при ремонте трактора нарушил технику безопасности, что привело к мучительной инвалидности, а затем и к самоубийству:

– Хуже нет наказания, чем целыми днями и ночами лежать, как бревно: никому от этого нет пользы.

«Эх, папка! – тяжело вздохнул солдат. – Какой ты был могучий, как нелепо погиб...».

После смерти отца Никита завидовал друзьям, у которых родители были живы. А у него остались только мама и бабушка, по мнению которой именно из-за отсутствия мужчины в доме Никита вырос «ни рыба, ни мясо». Бабушка с мамой да и Роза тоже надеялись, что армия сделает из него мужчину. Но, видимо, зря надеялись...

«А ведь сержант сейчас пуще прежнего начнет издеваться надо мной...». От этой мысли молодому солдату захотелось плакать, как в детстве: уткнется, бывало, в колени всемогущей бабушки и наревется вволю.

Как птица в клетке, метался Никита из угла в угол. «Надо что-то предпринять... А, может, повеситься, как отцу? Нет, сержант только обрадуется, скажет, что я был слабаком и умер как слабак. Да и мама с бабушкой такого горя – потерю единственного кормильца – не переживут. И Розу, милую, добрую Розу жаль...».

Никита представил себе лица односельчан, которые придут на его похороны. Все будут плакать, говорить, каким хорошим, добрым, послушным, застенчивым был Никита. И только один человек – пастух Филька – будет улыбаться и при этом кивать головой...

«Филька – вот где выход! Вот что должно помочь!» – осенило солдата.

Так пришла пора обдумывать, как прикинуться Филькой, а, иначе говоря, – полоумным: говорят, таких из армии комиссуют...

* * *

Сослуживцы Чушьялова стали замечать, что в последнее время Никиту как будто подменили. Раньше глаза рядового выражали страх и робость, а теперь стали излучать неведомые другим свет и радость. На его всегда печальном лице отныне поселилась хитрая улыбка. Завидев сержанта Иванова, он бросался бежать куда глаза глядят, крича при этом благим матом:

– Бык! Спасайтесь, кто может!

Даже будучи в строю, Чушьялов указывал пальцем на Иванова, безумным голосом кричал: «Бык!», – и прятался за спинами солдат.

Перемену в поведении новобранца заметили и командиры. Было решено направить Чушьялова в госпиталь, откуда бедолагу перевели в специальную клинику. На вопросы командования медицинские светила разводили руками: никаких видимых отклонений в организме рядового не замечено, но...

– Понимаете, психика человека – штука тонкая и до конца не изученная.

Вопросы Тимура, приехавшего проведать друга, остались без ответа: медики молчали.

После недолгого лечения врачи провели консилиум и вынесли приговор: дальнейшее пребывание в армии рядового Чушьялова невозможно ввиду странной, неизученной до сей поры болезни...

* * *

Никита был уверен, что мать обрадуется его приезду. Увидев здорового и невредимого сына у калитки, тетка Параска всплеснула руками и засеменила навстречу:

– Я знала, сынок, что за отличную службу тебе отпуск дадут!

Но материнское сердце одолевала непонятная тревога:

– Ты ведь не сбежал оттуда, сыночек?

Женщина с мольбой смотрела на ненаглядное дитятко – Никитушка-кровинушка ее не опозорит, небось...

– Нет, мама, я не в отпуск. Да и не дезертир я. Меня навсегда уволили со службы в армии!

Никита рассмеялся, и его довольный смех колокольчиком прозучал в небольшой деревеньке. Отстранившись от сына, мать недоуменно смотрела на веселого сына:

– Как это? Как уволили? Срок службы еще не прошел!

Каждое утро срывая листок календаря, тетка Параска подсчитывала, сколько дней осталось ждать кровинушку. А тут – нате вам... «Неужели этот непутевый, как в детстве сбежав сначала из садика, потом из школы и училища, теперь и из армии тоже сбежал?».

Сердце матери заколотилось сильнее.

– Да не плачь ты, мама, все хорошо. Я дома, и нас с тобой никто теперь не обидит.

Никита обнял присевшую на ступеньку крыльца женщину. Такой маленькой и беззащитной показалась она сыну. И он поспешил успокоить ее:

– Говорю же: не сбежал я, а уволили. Уволили как психбольного.

Слезы матери мигом высохли.

– Что? Ты – писи... пси... психбольной?!

В ее голосе было столько горя и боли, что Никита заторопился, заспешил все ей объяснить:

– Понимаешь, мама, чтоб убежать от одного зловредного сержанта, я прикинулся полоумным, как деревенский пастух Филька. Мне удалось обмануть командиров и врачей. Они мне соответствующую справку и выдали.

Тетка Параска повернулась лицом к сыну, внимательно осмотрела его с ног до головы, а затем подошла к нему поближе и, как в далеком детстве, ощупала лоб, руки и ноги Никиты. «Слава богу Инмару и Кылдысину тоже, кажись, здоров. Только для чего ему нужно было такое про себя выдумывать? Говорит, что спасался от побоев какого-то сержанта...».

В голове по-деревенски наивной женщины закружила беспокойная пурга мыслей. А когда до нее наконец дошел смысл произнесенных с усмешкой слов сына, она, тихонько охнув, медленно сползла на ступеньку крыльца. Словно рыба, выброшенная на берег, она хватала воздух ртом. Губы ее дрожали...

От былой веселости Никиты ничего не осталось. Он побледнел. Но, понимая свою вину, подойти к матери он не решился. Тем временем тетка Параска немного оклемалась и слабым голосом проговорила:

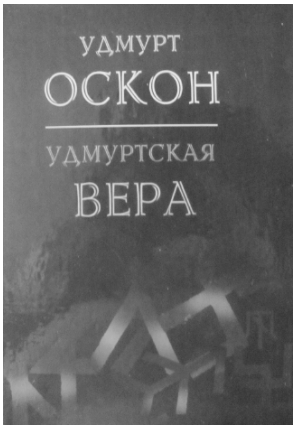
– Надеялась, что сын из армии вернется настоящим мужчиной, повзрослеет и поумнеет. А он, греховодник, опять меня перед соседями опозорил. Да и сам себе жизнь испоганил... Эх!

Махнув рукой в сторону Никиты, испуганно смотревшего на мать, тетка Прасковья вдруг зарыдала. Но плакала она недолго. Рыдания постепенно перешли во всхлипывания, а через минуту-другую женщина кончиком платка насухо вытерла слезы. Немного помолчав, мать прямо посмотрела в глаза сыну и строго произнесла:

– Ты хоть сам-то понимаешь, что соседи узнают про твою мнимую болезнь и даже в пастухи тебя нанять не решатся? Эх, горе ты мое недоношенное...

Женщина слабыми руками достала из кармана таблетку валидола и положила ее под язык. Никита стоял возле нее и нерешительно переминался с ноги на ногу.

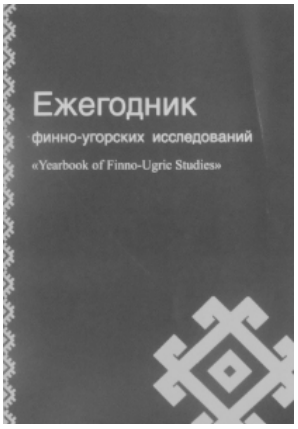
Авторизованный перевод с удмуртского.



НОВАЯ КНИГА

Удмуртская вера. Древние молитвы-заклинания, статьи. На удмуртском и русском языках. Ижевск: Удмуртия, 2010

В последнее время появился ряд серьезных исследований о древней, самобытной религии удмуртов. В книге, подготовленной к печати доктором исторических наук, профессором В.Е. Владыкиным (составление, фотографии) и народным художником Удмуртии, профессором С.Н. Виноградовым (составление, рисунки, фотографии), дана общая характеристика древней религии удмуртов как единой духовной целостности. Особый интерес вызывают сакральные тексты: обращения к божествам, благодарения и благоположения, «диалоги» с умершими родичами. Через традиционные воззрения удмуртов об идеальной жизни подробно анализируются молитвенные тексты. Книга «Удмуртская вера» издана при поддержке Финского общества М.А. Кастрена.



НОВАЯ КНИГА

Ежегодник финно-угорских исследований. Выпуск 4. Ижевск: Удмуртский университет, 2010.

В Ежегоднике представлены статьи и материалы, посвященные проблемам изучения социально-экономического, духовно-нравственного и культурного развития финно-угорских народов, опыт разработки инновационно-гуманитарных технологий, направленных на внедрение их в общественную практику, в процессы обучения и воспитания. Главный редактор издания профессор Н.И. Леонов отметил в колонке редактора: «Эксклюзив этого года – ежеквартальность. Состав авторов – международный... Четвертым выпуском завершается проект 2010 года, что является показателем ресурсности и перспективности участников Ежегодника. Если в прежних его выпусках реализовывался принцип взаимодействия культур, то в нынешнем отмечается влияние финно-угорского мира на другие миры».

Галина ПРОНИНА

GAME OVER*

Рассказ

Физиотерапевт сказал, что мышцы моей спины переплетены странным образом: одни – гипертрофированы, другие излишне напряжены. А гадалка, гадавшая по руке, удивилась тому, что заложенные во мне способности совершенно не совмещаются с профессией, которой я служу всю жизнь. Я и сама поражаюсь тому, как здравомыслие и логика сочетаются во мне с излишней доверчивостью и даже наивностью, а острый язык всегда соперничает с доброжелательностью. И так все, за что ни возьмись, перепутано, – не развяжешь. Вот хоть, к примеру, мое отношение к бывшей компартии.

Мой партбилет лежит в шкатулке вместе с другими документами. Я не сожгла его на костре, как это сделали некоторые, не швырнула его на стол в партком и не написала заявления о выходе из коммунистической партии Советского Союза. Просто все распалось и исчезло.

Я была скорее разочарована полным отсутствием жизнестойкости и разумной логики в самой большой и, казалось, хорошо отлаженной организации. Как будто кто-то из Главных крикнул: «Сто-о-йте! Стойте, ребята. Это надо делать не так». И ушел. Миллионы людей, строившие по единому плану что-то грандиозное и красивое, остановились, опустив руки, но другой команды не последовало. Зато всем объявили, что теперь они – свободные люди: свободные в смысле прав на свободу.

Слышать это было странно, ведь все предыдущие десятки лет их уверяли, что они уже – самые свободные в мире и счастливы самим фактом рождения в этой стране. Затем людям сказали, что будет «шоковая терапия» и они сами должны выбирать, как им жить, а, вернее, выживать. Люди стали расходиться в разные стороны: одни – в недоумении и растерянности, другие – в озлоблении, третьи – с надеждой на обновление, а иные, – прихватив ценные части того, что все так дружно строили. И была «шоковая терапия», и наступила свобода. Свобода всех от всего, свобода все с той же русской бесшабашностью «до основанья мир разрушить», а затем – свобода до абсурда. Так я ощущаю развал правящей партии Советского Союза, многомиллионной партии коммунистов.

КПСС была «большой игрой» (а что в нашей жизни не игра?), но в ней были правила и границы допустимого, хотя каждый из «игроков» и относился к этому по-своему. Я набила себе немало шишек, борясь с формализмом, пока помпезное здание с вывеской «Партия» не растеряло в моих глазах красивой лепнины и белоснежной штукатурки.

Первый основательный «кусок» упал и рассыпался в гипсовую крошку, когда меня послали выполнять первое партийное поручение. Партийной организации нашего завода было поручено проконтролировать готовность колхозных ферм к зиме с целью поднятия надоев молока. На помощь сельскому хозяйству области были мобилизованы парторги всех подразделений завода, но по какой-то причине парторг нашего цеха поехать не мог, и послали меня.

Мне – двадцать лет. Я – студентка вечернего отделения института, комсомольский вожак цеха – была в ту пору очень ответственной девушкой. Примерно два десятка мужчин в возрасте за сорок, молодая женщина и я, окрыленная возложенной на меня миссией и оказанным доверием, отправились поездом в двухнедельную командировку. В гостинице большой узловой станции организовали штаб, куда мы должны были каждые три дня доставлять отчеты о проделанной работе. Старший группы деловито распределил нас по колхозам, объяснил права и обязанности, и мы разъехались по деревням.

– Михалыч, – представился пожилой мужчина в синей телогрейке и огромных сапогах, заляпанных грязью до верха голенищ. – Тебя, значит, прислали, – сказал он скорее утвердительно. – А я тут – партийный секретарь, так что все вопросы ко мне.

Вид у Михалыча был усталый, мой приезд его совершенно не обрадовал.

– В деревне-то бывала раньше? – со вздохом спросил он, оглядывая меня с ног до головы. – У нас тут асфальтов нет.

Я осмотрелась кругом. В сгущающихся ноябрь-

Галина Николаевна Пронина – поэт, прозаик, лауреат Всероссийского литературного конкурса «Мастер».

* Игра окончена (англ.)

ских сумерках разглядела деревянный дом с освещенной вывеской «Контора», за ним – машинный двор с какой-то техникой, темные силуэты людей. Все это находилось на вершине холма, от которого круто вниз уходила дорога с глубокими колеями в подмерзших пластах грязи, припорошенная по обочинам первым снежком. Далеко впереди дорога поднималась на другой холм, на котором светилась бледно-желтыми квадратами окон деревня.

– Пойдем, – махнул Михалыч в сторону деревни, – определю тебя на квартиру.

В недавно справленном пальто из синего драпа с песцовым воротником, в блестящих сапогах-чулках я шла, цепляясь каблуками за окаменевшую грязь, и уже не казалась себе такой неотразимой, как всего несколько часов назад. Я основательно промерзла, но, представив, что завтра эта дорога может превратиться в непролазную хлябь, уже не желала ни солнечного дня, ни потепления.

Толкнув пухлую от набитых на нее кусков войлока и дерматина дверь, мы оказались в хорошо натопленной избе, где нас, видимо, ждали. Вся семья собралась в тесной прихожей. Два рыжеволосых мальчика лет четырех-пяти с любопытством рассматривали меня. Хлопотливая хозяйка показала приготовленный для меня топчан за занавеской рядом с входной дверью, начала рассказывать, как найти во дворе уборную…

Я представила, как две недели каждое мое движение будет провожаться несколькими парами любопытных глаз. Стало тоскливо. Михалыч как будто угадал мои мысли:

– Возле конторы есть еще дом для приезжих. Не забоишься одна-то жить?

– Я вообще ничего не боюсь, просто людей стеснять неудобно, – живо ухватилась я за предложение. Мы поплелись обратно.

В доме для приезжих было прохладно, просторно и пусто. Единственная ничем не перегороженная комната казалась огромной, а окна без штор делали ее еще более казенной. Едва теплая печь, стол, стул, умывальник, у окна железная кровать с никелированными спинками и пружинной сеткой.

– Ну вот, завтра принесу чайник, плитку, печь натопим, – с явным облегчением сказал мой спутник. – Я пошел. Хорошо выспаться на новом месте.

– Приснись жених невесте, – про себя продолжила я, закрывая двери на все крючки и засовы. Сняв, наконец, пальто и сапоги, я застелила постель, выложила книги и конспекты, захваченные с собой, и с наслаждением растянулась на кровати. Непрерывное движение в течение всего этого длинного дня так утомило меня, что не хотелось даже читать. Вдруг в окно постучали. Из темноты ночи на меня смотрели мужские лица, приплюснутые к стеклу.

– Девушка-а, открой. Поговорить надо...

Сердце екнуло и скатилось куда-то к желудку. Я крикнула, что устала и ложусь спать, подскочила к выключателю и погасила свет. В темноте отыскала сапоги, пальто, оделась и вышла в холодные сени. Мужские голоса кружили вокруг дома:

– Открой, девушка, не бойся. Поговорим!

Я трясущимися руками судорожно проверяла надежность затворов на окнах и дверях, а в окна непрерывно стучали. Так и заснула в пальто, сидя на кровати, прислонившись к простенку между окнами.

– Да это у нас зарплата вчера была, загуляли мужики, – с коротким хохотком объяснил ситуацию пришедший утром Михалыч, выслушав мои впечатления о первой ночи на новом месте. – Зря испугалась, здесь никто не обидит. Поговорить, наверно, хотелось, городские-то у нас в диковинку.

– Надеюсь, вчера они пропили всю зарплату, – буркнула я. Светлым днем происшедшее казалось уже скорее смешным, чем страшным.

На выделенном председателем газике мы с Михалычем и зоотехником поехали смотреть силосные ямы и фермы. Сразу за деревней начинались поля. Окаймленные прозрачной изгородью деревьев, уже потерявших листву, они были аккуратно причесаны плугом и припудрены неверным ноябрьским снежком. Солнышко, игравшее на подмороженном небосклоне, было единственным украшением поосеннему унылого пейзажа. Фермы были похожи на десятки таких же в любом из хозяйств округи: расхлябанные ворота, месиво грязной жижи и соломы перед входом. Не хватало одного-двух стекол в рамах под потолком. Стараясь не изображать комиссаршу, я записывала в тетрадку замечания, а зоотехник, моложавый улыбчивый мужик, пообещал:

– Это мы за час сделаем!

– Ой, а давайте лучше за день, а послезавтра снова сюда приедем, – сказала я и пошла к машине, дав возможность мужчинам обменяться впечатлениями.

Уснула я, как только добралась до кровати, уткнувшись лицом в тетрадь с конспектами. Разбудил меня какой-то шум. Часы показывали половину двенадцатого ночи. Я встала, щелкнула выключателем и тут же с визгом бросилась на кровать: кругом бегали мыши. От вспышки яркого света они чуть замерли на своих маршрутах, парочка шуршащих на столе фантиками моих конфет недоуменно повернула мордочки в мою сторону. Потом все прыснули по углам. Меня передергивало от отвращения: мышей я боялась до смерти. Добежав до одежды, я перетряхнула пальто, сапоги, быстро оделась и, прихватив у печи полено, забралась на кровать. Так и сидела до утра, зорко оглядывала комнату по периметру и постукивала поленом по полу, кляня себя последними словами за сговорчивость и глупость, загнавшие меня из родного дома в эту дыру.

Михалычу уже нравилось выслушивать истории

о моих ночных приключениях. Я видела, как его смеющиеся глаза пытались выразить больше сочувствия, но сбивались с настроя. Тем не менее, к вечеру он обещал принести своего кота для борьбы с грызунами.

День прошел плодотворно. Мне показали залатанные щели и вставленные на ферме стекла. С чувством выполненного долга я уселась писать отчет, собираясь утром отправиться на узловую станцию. Осмотр двух других ферм отложила на потом.

Прибывший кот Василий внушал к себе уважение – он был пушистым и очень упитанным. Флегматично обойдя комнату, он запрыгнул на печь, улегся на краю лежанки и медленно зажмурил глаза. «Ничего, ничего, – успокоил Михалыч, – он еще себя покажет». Василий действительно себя показал. Моя следующая ночь состояла из коротких промежутков забытья между его мощными прыжками с лежанки на пол. В большой полупустой комнате это напоминало по звуку падение мешка с картошкой.

Утром, вытрясая остатки жизненных сил, председательский газик доставил меня в наш «большевистский» штаб. В холле второго этажа гостиницы стоял сизый табачный дым. Лица медленно передвигающихся мужчин в спортивных штанах с вытянутыми коленками были тоже сизыми и небритыми. Я едва узнавала в них своих товарищей по партии.

«Ты откуда? Ты где была?», – старший тряс меня за плечи с таким выражением лица, как будто я вернулась, по крайней мере, из разведки по вражеским тылам. «Как откуда? Оттуда, куда вы меня послали. Мы же договаривались – через три дня отчет. Вот, привезла». Я в полном недоумении протянула исписанные листочки. Он бегло просмотрел мой отчет и плюхнулся на диванчик. «Ты – молоде-ец. Ты такая молоде-ец, – произнес он с такой странной интонацией, что я засомневалась, молодец ли я на самом деле. – А ты нас напугала, потеряли мы тебя, думали, что домой уже рванула». Я не понимала, в чем дело: «Как рванула? У нас же командировка на две недели». Старший усадил меня рядом: «Тут, понимаешь, такое дело… А как там дела-то в колхозе, нормально?». «Нормально. Я все написала, неполадки устраняют, работают мужики». «Вот-вот, работают! Мужики нормально работают! А мы тут…», – обрадовался он как-будто подсказке на уроке. «Тут такое дело… Район, в общем, хороший, я уж тут почти со всеми созвонился. Наши все вернулись, тебя вот только не было».

Старший отвел глаза в сторону: «Мы тут погуляли немного, сама видишь. Вчера половина домой уехала, сегодня еще некоторые собираются, а кто домой не рвется, здесь со мной остаются. Ты вот что, девонька, отправляйся тоже с мужиками». Он рукой остановил мои вопросы: «Командировку я тебе оформлю, как надо. Ты же учишься, вот: учи, повторяй там, только из дома – ни ногой, чтоб ни одна собака не узнала. На работу выйдем все вместе. Ну, ты не ребенок, понимаешь все». Я только и могла, что выдавить «угу», чувствуя себя совершенной идиоткой, просто пионеркой третьего класса.

В поезд сели поздно ночью, плацкартный вагон был почти полон. Рядом с нашим купе расположилась компания явно нетрезвых мужчин. Я, отказавшись от угощения, забралась на верхнюю полку и, отвернувшись к стене, попыталась заснуть. Наши парторги расстелили на столик газету, разложили закуску и за бутылочкой начали делиться впечатлениями: кто-то по случаю мяса подешевле закупил в колхозе, кто-то – картошки. Я поняла, что никто из них не бывал на фермах, не совался со своими советами в колхозные дела.

В соседнем купе играли в карты, оттуда доносились возбужденные мужские голоса. Под метроном колес все это начало сливаться в единый монотонный шум, я засыпала. Разбудили меня крики, у соседей разгорелся скандал, там орали, не сдерживая голоса и не выбирая слов. Кто-то из наших сказал: «Мужики, дело плохо. Братва уже за ножи взялась, надо что-то делать». Двое встали и пошли утихомиривать дерущихся, я напряженно прислушивалась. Тон разговоров снижался, и вдруг в проходе рядом с моей полкой раздался голос: «Смотри, а здесь девка лежит….». Я поняла, что это обо мне, у меня даже зубы заломило: видимо, и в эту ночь не удастся уснуть. Наши мужики вскочили, шепнув мне, чтоб лежала тихо, и начали вполголоса убеждать, что я совсем не девка, то есть девка, но не совсем, что я у них главная и если меня потревожить, то я накатаю такую «телегу», что их всех с работы попрут, и так далее. Голос не унимался: «Да я только за ноги потрогаю, за ноги-то можно?». «Ни за ноги, никак, вот спит и спит от греха подальше», – уговаривали наши. Вдруг один из парторгов предложил главным буянам: «А давайте сядем вот тут у окошка и будем сочинять стихи о том, что видим. Кто не сможет продолжить – проиграл». И полились вирши. Такой чепухи в таком исполнении я больше не слышала никогда, лежала и едва сдерживала смех. О, волшебная сила искусства! Вагон затих, мы ехали домой.

В срок, указанный в командировке, мы все вышли на работу, а потом состоялся партийно-хозяйственный актив предприятия. Партсекретарь завода долго говорил о руководящей роли партии, о помощи селу, о блестяще проделанной работе посланцев завода и зачитывал результаты. Надои молока повысились во всех колхозах. В «моем», как сейчас помню, на три процента.

Ольга ПАРФЁНОВА

ОСЕННЯЯ РОМАНТИКА

Рассказ

Последний сентябрьский денек с утра выдался теплым и ярким. Сплошное «очей очарованье». Ниночка, студентка второго курса, светловолосая и улыбчивая, быстрым шагом шла через парк. Она спешила в читальный зал ближайшей городской библиотеки.

Спешила и мысленно прикидывала, как бы все скопившиеся лабораторки да еще и реферат написать за один присест.

– День потеряю, а целую неделю освобожу, – рассуждала Ниночка.

За уживчивость, легкость характера и наивную, обворожительную улыбку ее все так и называли – Ниночка.

Она была натурой впечатлительной, романтической, но достаточно собранной и целеустремленной, что, согласитесь, редко сочетается в одном человеке.

Ниночка очень любила осеннюю пору! Убегая из общежития по делам, она старалась выбрать такой маршрут, чтобы лишний раз увидеть осень во всей красе. Для этого стоило только зайти в парк!..

– Право, жаль терять такой денек, – думала Ниночка, любуясь всем, на что падал ее взгляд.

Надо отметить, это было в те годы, когда реклама – двигатель торговли – еще не успела оккупировать улицы, телевидение и головы граждан. Поэтому в парке царствовала природа!

Стройность аллей не портили рекламные щиты и растяжки. Их перспективу не перекрывали киоски и ларьки. А тяжелые, старого образца скамьи с изогнутыми спинками и подстать им высокие фонари с белыми матовыми стеклами в черной оправе, установленные вдоль дорожек, придавали шарм.

Парк был в меру ухожен, естественен и старомодно элегантен.

В нем, как, собственно, и в самом городе, была некая изюминка: деревья, которые со временем засыхали, не вырубались, а превращались в сказочные скульптуры. Некоторые фонари имели человеческие лица, таинственно прикрытые качающимися ветками клена, липы или широколистного вяза.

Секрет в том, что самый главный местный руководитель поддержал, как тогда говорили, почин студентов и преподавателей Художественного училища, направленный на благоустройство и украшение города.

Выбирая темы для диплома, новоиспеченные художники, скульпторы объединялись в творческие группы и намечали объект. Им могли стать: засохшее дерево, одиноко стоящий фонарь, облупившаяся стена старого дома или пустырь, размеры которого не позволяли что-то построить, но он вполне годился для создания живописного, уютного уголка со скамейкой, необычной скульптурой или светильниками в окружении экзотических растений.

Город хорошел, а жители радовались!

Наслаждаясь видом парка, Ниночка слегка замедлила шаг, вдыхая терпкие запахи осени, пропитавшие воздух. В этом аромате отчетливо читались горькие нотки увядающей зелени.

А от парада осенних красок просто захватывало дух...

Всюду было золото, золото, золото! Всех цветов и оттенков. Желтое, красное, сплавленное с медью и серебром! Золото лежало под ногами, парило над головой. Золото обрамляло пурпурный сафьян узорных листьев. Подчеркивало яркость багряного бархата с темно-зелеными разводами в пышных кронах деревьев и кустарников. Оттеняло замшу стволов старых кленов, вековых лип, могучих дубов.

И все это вместе — на фоне синего-синего неба!

Потрясающе!!!

Природа который век подряд на бис исполняла осеннюю увертюру.

Это вызывало восторг и сопереживание даже у самых прагматичных личностей. А Ниночка? С ее отзывчивой душой, поэтическим настроем и острым восприятием...

Она шла, подставив лицо прощальному солнцу, охваченная эмоциями, словно волшебным коконом, через который весь мир воспринимался ею как умная, добрая сказка.

– Гениально! Не-ве-ро-ят-на-я красотища!!!

Увидев вьющуюся над газоном запоздалую бабочку, подумала: «Почему полет бабочки всегда интереснее, когда нет ни минутки, чтобы остановиться, полюбоваться?». И сама себе ответила: «Наверное, потому, что навевает другое настроение. Плавное,

---

Ольга Владимировна Парфёнова – прозаик, член Союза писателей, член Союза журналистов России. Автор книг «То, из чего растет счастье», «Звонок из Парижа».

неспешное, светлое и немного грустное...». А когда спешишь, грустить некогда! Даже смешно – грустить на бегу. Скорее всего, интерес возникает на контрасте или когда чего-то не хватает? Встряхнула челкой и решительно прибавила шаг.

Все важные, значимые события в жизни Ниночки в основном приходились на осень. Осенняя романтика будоражила ее намного сильнее, чем весеннее пробуждение природы. Чаще всего именно в это время нисходило философское настроение, томили радостные предчувствия, обуревали лирические чувства.

А желание чуда сидело в ней, как пробка в бутылке шампанского. От этого Ниночка становилась намного уязвимее.

И как следствие – влюблялась!

– Осень – это Ахиллесова пята моей жизни, – говорила она подругам.

Подруги согласно кивали и готовы были оградить Ниночку от неверного шага, подставив под удар судьбы самих себя.

В читальном зале было малолюдно. Набрав гору книг, Ниночка быстро и уверенно начала писать.

Иногда она устраивала себе вот такие своеобразные полезные выходные. Уходила в восемь утра из общежития и не возвращалась до глубокой ночи. Фактически жила в библиотеке, где, обложившись книгами, усердно работала ручкой.

Но книжным червем ее назвать было очень трудно.

Рядом с библиотекой, в которой находился читальный зал, было все, что нужно, чтобы развеяться. А именно: кинотеатр «Родина» и кафе под вкусным названием «Пирожковая».

Сначала Ниночка заходила в кассы и покупала билет в кино. Иногда на два фильма сразу, на дневной и вечерний сеансы, но с таким расчетом, чтобы все успеть написать да еще и пирожки пожевать.

Это были те счастливые для студентов времена, когда румяный, горячий пирожок с мясом стоил десять копеек, а с повидлом – пять.

Перекусывать стоя заходила в кафе в основном молодежь. Вот здесь Ниночка и трапезничала, ненадолго отлучаясь из читалки, а затем – после кино.

Меню было четко отработано: стакан томатного сока и пирожок с мясом – завтрак; стакан горячего какао, а к нему пирожок с повидлом – ужин. Если взять все это вместе, то получался сытный обед.

В этом заведении со столов убирала удивительная женщина. Очень маленького роста, чуть выше мраморной столешницы, с которой она стряхивала крошки и собирала посуду. На вид нельзя было определить ее возраст. Эта женщина была вне времени. На лице всегда загадочная полуулыбка, глаза лукаво прищурены, и казалось, что она вот-вот доверит, шепнет что-то такое, о чем никто не догадывается. И это будет – То! Самое главное! Счастливое-счастливое! Чего очень давно ждешь.

Поэтому Ниночка называла кафе – «У маленькой феи». И заходила туда с замиранием сердца. А вдруг?!. После таких выходных бродила притихшая, заинтригованная неизведанной тайной, полная чувств и информации.

В этот осенний день Ниночка не стала отвлекаться на кино. Надо было успеть сделать намеченное. А когда закончила, с удивлением обнаружила, что уже стемнело. Очень хотелось есть. Поздно, кафе уже закрывалось. Сегодня она забыла пообедать, заодно и поужинать. С ней это иногда случалось.

«Пустой желудок пусть потерпит и согреется «чувством полного удовлетворения от проделанной работы», – усмехнулась про себя Ниночка. В голову навязчиво лезли штампы из докладов генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. Доработалась.

Надо сказать, что ее настораживало и даже огорчало одно обстоятельство, об этом нельзя было говорить вслух: в этих докладах она ничего не понимала, не улавливала смысла. «Как на чужом языке писано», – мысленно сокрушалась Ниночка, подозревая себя в неполноценности. Но рефераты оформляла прилежно и сдавала вовремя. Вот и сейчас слепила из цитат очередной «шедевр».

Выйдя из библиотеки, решила не идти в темноте через парк. А направилась к автобусной остановке. К тому же начал накрапывать мелкий дождик. «Как хорошо иногда быть немножечко растяпой», – подумала Ниночка, нашарив на дне сумки зонтик. Несмотря на солнечные дни, он так и пропутешествовал с ней почти две недели. Ну, забыла убрать на место после последнего ненастья. Ниночка категорически протестовала, когда ее называли рассеянной.

«Я – машинальная, а не рассеянная! Рассеянные вечно все забывают и что-то путают, потому что не в силах сосредоточиться. А я, когда увлекаюсь, задумываюсь, то очень-очень сильно сосредотачиваюсь. Ну, и бывает иногда похожий эффект… Понимаете разницу?!».

Вдруг в раскрытый зонт сверху постучали, и послышался заинтересованный голос:

– Милая девушка, можно к вам?

Ниночка увидела высокого, статного парня лет на пять-шесть старше себя. Он, согнувшись, смотрел под зонт. Прямо на нее. Светлые, коротко стриженые волосы. Большие, кажется, серые глаза. Крепкая шея, плохо выбритый твердый подбородок и лучезарная, прямо-таки гагаринская улыбка.

«Вполне киношная физиономия, – подумала Ниночка. – Но странно, какая-то не очень располагающая. Почему? Да еще этот запах спиртного».

А парень, не дожидаясь разрешения, сгорбившись, встал под зонтик. Вернее, только засунул под него голову, а широкие плечи так и остались под дождем. Его правая нога была загипсована до бедра. Под мышкой – костыль. Он, не переставая, что-то говорил. И говорил таким доверительным, задушевным тоном, будто расставались они лишь на минутку, а знакомы – давным-давно.

Ниночка буквально впала в транс от происходя-

щего. Даже машинально ответила на несколько вопросов. Хотя это было не в ее правилах.

Узнав, куда едет девушка, непрошеный гость радостно заявил, что ему туда же.

Подошел автобус. Парень из-под зонтика, галантно пропуская Ниночку вперед, бережно прикрыл ее от натиска других пассажиров.

Подъезжая к своей остановке, она уже знала, что попутчика зовут Сергеем, ему двадцать шесть лет, учился в политехническом, но не закончил. Также новый знакомец поведал о роковой, неверной любви и о том, что ранее всерьез занимался большим спортом, а именно борьбой. Даже в каком-то году выступал за СССР. Глядя на его фигуру, в последнее охотно верилось. Потом то ли он заболел, то ли еще что-то случилось... Ниночка не стала уточнять.

Вместе вышли из автобуса. Пора расставаться.

И тут ее осенило! Ниночка поняла, что в этом парне не так. Глаза!

На широко улыбающемся лице – настороженные глаза. К тому же в его речи довольно часто проскальзывали блатные словечки, сказанные в особой манере с усиленной мимикой и жестикуляцией.

В те годы крайне редко можно было услышать такое. Студенческий жаргон, молодежный сленг – да, процветали, а язык блатных – феня – и манеры с пальцовкой еще не внедрились в широкие массы. Это произошло гораздо позже, в перестройку. Новые русские и некоторые депутаты привнесли эту экзотику через средства массовой информации и кино в повседневную жизнь граждан.

Также Ниночка подметила, что Сергей очень словоохотлив, но в то же время постоянно что-то не договаривает. Он знал множество сентиментальных стихов наизусть.

«Значит, имел много свободного времени», – про себя подумала наблюдательная Ниночка.

Все это выдавало героя с головой: сидел.

А Сергей от желания понравиться все говорил, говорил, говорил...

В нескончаемом потоке своих слов он с удивлением обнаруживал все новые и новые доказательства собственной правоты, превосходства над окружающими и буквально шалел от этого. Его поведение в некоторых моментах было неестественно и скорее напоминало первую репетицию новой роли. Роли положительного героя!

Надо отдать должное, – делал он это с настроением, с большим удовольствием и в общем-то не бездарно. Местами, правда, переигрывал, потому что слишком старался. А в целом получалось весьма убедительно, даже трогательно. Только Сергей никак не мог понять: почему же его спутница не прыгает от счастья и не пищит от восторга?

А Ниночке было неловко и страшно.

Рядом был Чужой. Противоречивый. Непонятный. Нахрапистый. От него исходила реальная угроза чуждого ей мира. Она ощущала это на уровне инстинкта, нутром и готова была убежать. Но...

Удерживали жалость, любопытство и, как ни странно, безусловное обаяние нового кавалера. Он что-то врал, сочинял и делал это весьма остроумно. Тут же верил сам в себя – хорошего! Как рассказчик, Сергей находился на высоте! Да и в артистизме ему нельзя было отказать. Некоторые стихи читал так, будто произносил вслух свои собственные мысли, которые только что пришли ему в голову. Такого интересного собеседника Ниночке еще не приходилось встречать. Но что-то подсказывало ей: лучше разойтись сейчас. Миром и без обид. Она ничего не успела сказать...

Сергей заявил, что завтра познакомит Ниночку со своей мамой, у которой они будут жить после свадьбы. И что у них будет много-много детей.

Во как!!!

От такого натиска Ниночке стало еще хуже. Поколебавшись, она все же решилась на прямой вопрос:

– За что сидел?

Сергей, словно споткнулся, замолчал...

А потом, округлив честные-пречестные глаза, ответил:

– Ни за что! Подрался в кабаке, тут менты и привязались. Из института выгнали с третьего курса. Присудили пятерку, но по амнистии вышел. Уже полгода гуляю. Пить практически бросил. Ногу сломал, потому что поскользнулся. Как подживет – буду искать работу.

Все очень убедительно.

Но на Ниночку дохнуло холодом!.. Холодом чужой жизни, в которой совершенно непонятно, где – право, где – лево, где – правда, а где – ложь. Сергей, кажется, это почувствовал. Понял, что в развитии отношений он явно перебрал с темпом, и стал быстро договариваться о следующем свидании. Ниночка отказывалась, ссылаясь на занятость... Тогда новый знакомец, сняв со своей руки часы, вложил их в ее ладошку со словами:

– Жду завтра в шесть часов у кинотеатра «Родина!».

И, несмотря на загипсованную ногу, ловко исчез в темноте. Как не бывало!

Ниночка предстала в общежитии перед своими подругами по комнате в легком шоке, с чужими часами в руках. Когда она более-менее связно рассказала о сути произошедшего, предъявив часы как вещдок, то в ступоре оказались подруги.

Совет на тему – что делать? – закончился глубоко за полночь.

Было решено:

– Ниночке никогда больше с этим субчиком не встречаться!

– Часы, конечно же, надо отдать.

– Сделает это самая собранная и невозмутимая из них четверых – Вера. Подойдет и скажет, что, мол, так и так, ничего не знаю, велели передать – и все.

– Ниночка в этот момент должна находиться как можно дальше от места свидания. Например, в сквере напротив. И оттуда указать на своего «жениха».

– Валя с Ольгой будут неподалеку, в засаде. Подстрахуют, если что.

Никому не было понятно: как подстрахуют и от чего? Но все согласились с тем, что под их наблюдением Вере будет не так тревожно и одиноко. Подруги, конечно же, деликатно промолчали об истинной причине, для чего нужно такое массовое участие. Им нестерпимо хотелось посмотреть на неординарного жениха.

На свидание все четверо собирались по всем правилам. Всерьез. Помогали друг другу делать прически. Подолгу советовались – кому что надеть. Тщательно накладывали праздничный макияж. Даже немного поспорили из-за украшений. Волновались.

...Операция прошла успешно. Если не считать, что Сергей не ожидал такого поворота. Он был уверен в порядочности своей избранницы, а значит, был уверен, что Ниночка вернет часы. И принесет их сама. Ему в голову не приходило, что часы можно передать через подруг.

Когда подошла Вера, Сергей был обескуражен, но тут же догадался: раз подруга опознала и нашла его на многолюдной площади, значит, Ниночка где-то рядом!

Он метался из стороны в сторону. Его крупная фигура как-то сразу сникла. Отчаянье было сильным и искренним.

Расстроенный, потерянный вид новоявленного жениха вызвал в душе Ниночки бурю сопереживания. Слезы застилали белый свет... Но бдительные подруги увели ее прочь.

Прочь от новых ошибок и разочарований!

...Иногда Ниночка вспоминала красивого, интересного и такого неоднозначного парня. Чем-то он зацепил, запомнился крепко-накрепко. А потом – эта статья...

Однажды, листая подшивку старых газет, она наткнулась на статью с фотографией, в которой клеймили позором одного спортсмена, подающего большие надежды. Журналист, рьяно выполняя задание, призывал строго наказать хулигана и дебошира, устроившего драку из-за девушки в многолюдном ресторане. Предлагал осудить и вынести самый суровый приговор мастеру спорта по вольной борьбе, привлеченному к уголовной ответственности за нанесение тяжких телесных повреждений нескольким уважаемым посетителям. А также за то, что оказал жесткое сопротивление представителям органов правопорядка.

На фотографии был Сергей!

...Прошло много месяцев. И эта история получила свой эпилог. Яркий, краткий, незабываемый!

По странному стечению обстоятельств опять стояла осень. Только самая поздняя, которая зовется «унылая пора». Хлябь на дорогах, свинцовое низкое небо, ну и все такое. Ниночка возвращалась от родственницы, которая жила на окраине города. Стоя на задней площадке троллейбуса, она, от нечего делать, рассматривала через стекло вечерние улицы и людей, спешащих по своим делам.

Вдруг ее внимание привлекла компания парней, которая примостилась с бутылками пива прямо на скамейке у остановки.

Один из них, светловолосый, в грубом, темно-синем свитере, показался знакомым. Парень поднял голову и нечаянно глянул в заднее стекло остановившегося троллейбуса...

Нина обмерла: Сергей!

Их глаза встретились.

Сергей тоже узнал Ниночку. Вскочил, бросился к троллейбусу. Но двери закрылись раньше.

Машина набирала ход, а он что-то кричал и бежал по мостовой следом. Бежал мастерски – красиво и легко.

«Видно, гипс давно сняли. Нога зажила хорошо... А пьет, кажется, по-прежнему», – подумала Ниночка.

Ее сердце словно дрожало. В груди стало горячо-горячо. Она чувствовала сильное смущение и беспокойство, как будто была в чем-то глубоко виновата...

А Сергей не отставал. Он бежал и бежал в глухом отчаянии. По мостовой, по лужам, не разбирая дороги. На него обратили внимание некоторые пассажиры: «Как упорно бежит-то... Бедолага! Да что же это?!». Граждане волновались, просили водителя немедленно остановить.

Тут троллейбус повернул за угол. Ниночка уже хотела выйти на следующей остановке... Но!.. Из-за поворота Сергей так и не появился.

...За эти две осени наша Ниночка заметно повзрослела.

Впереди – жизнь, и ей еще многое предстоит узнать, осмыслить. Как говорят мудрецы: «Пока глаза не научатся видеть то, что видит сердце». А в тот вечер, потрясенная встречей, она никак не могла успокоиться. Ниночке хотелось понять: избежала она несчастной судьбы или потеряла своего человека?

Избежала ль? Потеряла ль? Кто знает?! Наверное, – осень...

Александр АБДУЛАЕВ

КОЛЯН

Рассказ

Ночью Колян плохо спал. Где-то вдалеке грохотало, и этот звук, сдавивший воздух, приближался. Яркие всполохи молнии на короткое время освещали комнату, и причудливые тени растягивались по домотканым дорожкам на полу. Внезапно дождь крупными каплями застучал по металлической крыше.

Война приходила к нему во сне только летом вместе с грозой и рвущим воздух на части громом. В эти минуты у Коляна стекленели широко открытые глаза, и мозг пронизывали беспокойные импульсы.

...Безбрежна пустыня возле ирано-афганской границы. Хотя понятие государственной границы там достаточно относительное: племена со стадами и скарбом кочуют туда-сюда, и на это не требуется виз и штампов. Таковы местные традиции и многовековой уклад жизни.

В сторону кишлака Чашманрам пылили три бронетранспортера. Боевая задача была до простоты ясна: отсечь душманов, чтобы не ушли в горы. Для этого требовалось совсем немного – повоевать.

Соблюдая предосторожность, бронетранспортеры ехали след в след. Колян сидел на броне, подложив под себя армейский бушлат. Ехать по пересеченной местности было крайне неудобно, но шанс остаться живым после подрыва на фугасе был велик. Пыль из-под колес идущих впереди колонны транспортеров, настоянная на зное, забивала рот и нос, ложилась тонким слоем на лицо. Сидели, крепко держась за скобы на броне, припорошенные пылью и оттого похожие на братьев-близнецов. Старшина роты – татарин с раскосыми глазами Галянов – приговаривал:

– Суровая проза войны: пока пушки стреляют, музы молчат. Песни будем петь дома.

Переехав грязный арык, машины остановились, ломая виноградник. В горах были видны разрывы артиллерийских снарядов: сначала в воздух поднимался клуб пыли, и только потом доносился звук.

...Казалось, дождь окутал все вокруг плотной водяной завесой. Внезапно створка окна сильно хлопнула, стекло задребезжало, и холодный воздух, разогнав занавески, стал стелиться по деревянному полу, подкрадываясь к кровати.

Жена безмятежно спала, уголки полных губ были слегка приподняты, и казалось, она улыбается ему. На ее лице при рождении ангел-хранитель рассыпал горсть мелких веснушек. От нее пахло молоком, здоровым молодым женским телом и еще чем-то, пробуждая в нем желание. Она повернулась и уткнулась носом в его шею, жарко дыша.

– Коля, что тебе не спится?

Ему показалось, что она спросила его, не просыпаясь. Он откинул простыню, быстро подошел к окну, чтобы закрыть его на шпингалет. Из темноты ночи пахнуло свежестью. Вдалеке у горизонта пробивалась робкая полоска нового дня. Он вернулся к кровати и снова лег, не разбудив жену.

Сухое, жилистое тело гудело, не отдохнув как следует после тяжелой физической работы. Два выходных Колян с сыновьями ставил новую конюшню. Старая сгнила в углах и стала заваливаться на бок. Чтобы не было стыдно от соседей, прикупил на дешевом пиловочнике леса-кругляка. Махал топором долгое время. Старший сын, видя как отец берется за комель, сказал:

– Батя, давай помогу. Тяжело, смотрю.

– Ладно, сынок, еще наработаешься. Какие твои годы – еще успеешь пуп надорвать...

На некоторое время Колян провалился в приятную темную бездну. Сквозь пелену короткого забытья будто издалека услышал голос жены:

– Вставай, засоня, а то вахту проспишь.

Тягучий сон не хотел отпускать. Мужчина повернулся на другой бок и накрылся с головой одеялом.

– Ну что ты как маленький! С работы уволят, смотри. Вставай давай. Петух у соседей уже голос надорвал. Не поднимешься – вылью на тебя ведро воды, так и знай!

Женщина отошла от него и загремела посудой, собирая на стол. На столе, как на скатерти-самобранке, появилась домашняя снедь: творог, обильно политый густой сметаной, вчерашний борщ, над которым дымился парок, куски ноздреватого хлеба домашней выпечки.

Колян приоткрыл один глаз и посмотрел на часы, стоявшие на телевизоре. Было около семи утра. «Пора-пора», – произнес он, опустил ноги на пол и креп-

---

Александр Шарифович Абдулаев – автор нескольких книг прозы, член Союза писателей России. Принимал участие в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, награжден Орденом мужества. Живет в городе Чайковском.

ко потянулся, вставая на цыпочки. Тело скрипнуло от напряжения, что-то щелкнуло в суставах.

В длинных семейных трусах он подошел к зеркалу, потускневшему от времени. На него смотрел невысокого роста худощавый мужчина лет сорока. На скуластом лице сидели два темных, чайного цвета глаза. На узком подбородке пробилась щетина. Он провел рукой по щеке: «Побреюсь завтра». Плеснув несколько раз колодезной водой в лицо, потер влажной рукой загорелую до коричневого шею. Дремота прошла, уступив место реальности нового дня: как знать, что он принесет.

Жена надела резиновые галоши и пошла кормить скотину, тихо приговаривая, что солнце уже давно встало, а живность еще не кормлена.

Плотно позавтракав чем Бог послал, он вышел из дома и присел на лавку около летней веранды. Небо, умытое ночным дождем, казалось бездонным: ни единого облака. Денек обещал быть жарким. Трава, прибитая к земле дождевыми каплями, выглядела зеленым ковром, раскинувшимся перед домом. Колян достал из кармана мятую пачку «Примы», закурил. Дым в прозрачном воздухе висел плотным слоем. Жена появилась в дверном проеме с ведром в руке:

– Все еще здесь? Иди скорей, небось, мужики на автостанции заждались.

На прощанье она махнула ему рукой.

Колян шел по узкой дорожке. Солнце выкатило свой красный диск из-за верхушек деревьев, солнечные блики отражались в небольших лужицах. Терпкий запах разнотравья, казалось, окутывал его и разливался по окрестности. Так, наблюдая, как просыпается природа, он дошел до так называемой «автостанции». Его уже поджидали товарищи по работе в НГДУ. Они стояли полукругом, курили и чему-то смеялись. Рыжеватый полный мужик с лицом дружелюбного алкоголика размахивал руками и рассказывал анекдот, который он повторял из месяца в месяц: «Встречаются двое: «Слушай, Васек, как мне избавиться от пагубной привычки руки ночью в трусах держать?..».

Хотя анекдот был с бородой, все разом засмеялись, разогнав привокзальных голубей. Те взлетели, поднимая кверху серую пыль и шелуху семечек.

Ехать в Куеду на нефтяной промысел было недалеко.

В гараже он подошел к своему «Уралу», видавшему непроходимые дороги и хляби небесные. Зеленая кабина с облупившейся краской иногда была вместо убежища, где можно было вздремнуть на дежурстве. С машиной Колян разговаривал как с живым существом. Обошел вокруг, пнул для порядка по колесу, залез на высокий бампер: ««Так, что у тебя с маслом? Пора тебе, старушка, на покой, отработала свое, помесила грязь на проселках». Завел машину с полоборота. Та выхлопнула в воздух клуб удушающей гари.

Подъехав к трехэтажному блочному зданию административного персонала, он достал из бардачка путевку и пошел отметиться в диспетчерскую. В коридорах слышался гомон людей, смена только начиналась. Колян толкнул дверь и шагнул в небольшое помещение.

– Здравствуйте, красавицы. Как отдохнулось?

Одна из диспетчерш, полноватая молодая женщина с ярко подведенными глазами, ответила:

– Да какой отдых – прополка замучила. Одна трава на грядках прет. Наказание да и только.

Присел на край колченого стула. Пытаясь держать равновесие, мельком, боковым зрением посмотрел на настенные часы. Большая стрелка переместилась на одно деление, показывая без четверти восемь. В это время затрещал телефон у диспетчера по транспорту Ольги. Она сняла трубку:

– Алло, слушаю. Да-да, хорошо, сейчас приду, – вопросительно посмотрела на шофера, будто говоря: «Подождешь немного? Я скоро буду», и торопливо вышла на улицу, закрыв за собой дверь.

Откуда-то снизу раздался грохот. Воздух вокруг стал зыбким. Грохот отозвался болью в ушах, казалось, он заполонил все пространство, проникая внутрь тела. Пол вздыбился, стены зашатались. Последнее, что Колян успел увидеть, – падающий потолок...

Очнулся от того, что яркий лучик солнца слепил глаза, пробиваясь через завал бетона и железной арматуры. Было тихо. Он слышал только биение собственного сердца. Попробовал пошевелить сначала одной, потом другой рукой – ничего не получилось. Изнутри стал подкрадываться страх. Мучительно хотелось встать и уйти из этого места. Попробовал крикнуть, но с губ слетел какой-то хрип. Удушливая микроскопическая пыль забивала глаза, нос, скрипела на зубах. И если бы не спасительный лучик...

В тишине, изматывающей сознание, послышались мужские голоса:

– Колян, ты здесь?!

Диафрагмой вытолкнул воздух из легких – получилось что-то вроде жалкого мычания. Но его услышали. Тот же голос сказал:

– Значит, жив. Давайте ножовку, арматуру пилить будем.

Раздался ширкающий звук, что-то треснуло.

– Вот, черт, опять полотно сломалось. Арматура закаленная что ли? Второе полотно лопнуло. Ты, Колян, потерпи немного, технику из Чернушки вызвали. Освободим тебя.

Позже, когда его выносили на носилках к санитарной машине, он увидел, что осталось от здания: часть была совсем разрушена, уцелевшая смотрела разбитыми проемами окон.

Боли Колян не чувствовал, он тогда еще не знал, что плитой ему сломало позвоночник.

Желтый вертолет санавиации, взметнув клубы пыли, завис на короткое время над землей и стал набирать высоту в небесном колодце, взяв курс на Пермь.

В приемном покое его переложили на деревянную

кушетку: сначала – верхнюю часть, а следом – неподвижные ноги. Подошли две юркие санитарочки:

– Вставай, пойдем на рентген, – сказала одна.

Другая посмотрела и добавила:

– На каком вокзале тебя подобрали? Сам пойдешь или прикидываться будешь? Некогда нам тут с тобой... Врач сказал, тебя помыть надо и наголо побрить, а то у тебя вся башка в грязи.

Колян отвернулся к стене. От обиды и беспомощности из глаз потекли слезы, оставляя на щеках грязные ручьи. В приемник быстрым шагом вошел дежурный врач. Мягкая, будто шелковая, бородка обрамляла его лицо. Он внимательно посмотрел на Николая, потом перевел взгляд на санитарок и удивленно спросил:

– Почему больной все еще здесь? Бегом на рентген и в ванную! И в операционную срочно. Что-то вы быстро расслабились, девочки!

...Операция длилась около пяти часов. Поврежденный позвоночник скрепили титановыми скобками.

Долгими ночами, когда летние яркие звезды заглядывали в окно палаты, Колян, заложив руки за голову, думал. Мысли, как черви, выгрызали всю душу: «Кому я такой нужен, инвалид? Ходить не могу!». Становилось тоскливо. Глубоко вздыхая, коротал он длинные ночи.

Спустя месяц лечащий врач, держа в руках областную газету «Звезда», после обхода попросил разрешения присесть на кровать:

– Это правда, что в Куеде в административном корпусе был взрыв?

Колян отвел глаза в сторону:

– Может быть, там баллоны были с пропаном, но взрыв был очень сильным, все здание, как карточный домик, собрало. Извините, не хочется вспоминать.

Врач положил руку ему на грудь:

– Вот что я тебе скажу как мужик мужику. Ты сам волен решать, как жить. Но раньше смерти умирать нельзя. У тебя была сложнейшая операция. Сейчас многое от тебя зависит. Во-первых, без паники. Все восстановится. Ты еще молодой, могло быть хуже. Во-вторых, водку для самоуспокоения не употребляй – это временное убежище.

И уже в дверях добавил:

– Я твоей жене все рассказал.

...Колян начинал заново жить в родном доме. Держась за угол беленой печки, сделал первый шаг. Боль прострелила вдоль позвоночника. Ноги сами сложились, и, не успев вытянуть вперед руки, он упал на пол, ударившись лбом так, что искры из глаз полетели. Отлежался и пополз к кровати с высокими металлическими спинками, цепляясь за домотканые половики.

...Через три года Николай шел к своему дому с резными наличниками, опираясь на деревянную тросточку, которую сам вырезал из ветки вереска.

Ночью прошел дождь, принеся с собой тепло юга, и смыл пыль с кустов сирени в палисаднике. Налетевший ветерок о чем-то пошептался с кустами и, поиграв умытой листвой, полетел дальше.

Жизнь продолжалась.

г. Чайковский

НОВАЯ КНИГА

Елена Бухтулова. Сквознякам и дождям вопреки: Стихи. Ижевск: Книго-Град, 2010.

«Я радости чудо ищу в мелочах!» – заявила Елена Бухтулова о своем жизненном кредо, поставив эту поэтическую строку в название своего первого сборника стихов. «Сквознякам и дождям вопреки» – второй сборник поэтессы, примкнувшей к литературному объединению «Прикосновение». Ее стихи являются отзвуками повседневной внутренней жизни автора. Они наполнены раздумьями, в них немало языковых и поэтических находок, житейских открытий и наблюдений. Автор предисловия к книге Анна Верина написала: «...новая книга Елены Васильевны Бухтуловой – очередная ступенька на крутой лестнице поэтического мастерства и духовного самосовершенствования... Главное, чтобы в серости буден не погасла творческая искорка. Поэтому необходимо всегда прислушиваться к голосу своей Музы, не отмахиваться от ее призыва, не всегда громкого и настойчивого».

Евгений ЧЕПКАСОВ

БУХТА БАРАХТА

Рассказ

Дача моя находится на горе. Гора представляет собой один из тех маленьких лоскутков, из которых сшито нищенское одеяло, натянутое на большой земляной горб. Одеяло сшито искусно: отсюда, сверху, практически не видно швов между лоскутками.

Я шел в гору по колдобистой дороге. Парило, и воздух загадочно шевелился, словно раздумывал: а не показать ли мне что-нибудь настоящее вместо этого зыбкого мира...

«Если бы напала вдруг блажь рассказ обо всем этом написать, можно было бы начать так...». Но мысль мгновенно обрубилась, когда я восхищенно застыл перед калиткой следующей дачи.

Дачу, похоже, ни разу не обрабатывали, лишь голые пока древесные прутья, симметрично пробившиеся в пьяно поваленном сухом бурьяне, свидетельствовали о человеческом вмешательстве. Ограды не было никакой, но зато между двумя столбами высилась полутораметровая ржавая калитка, запертая на замок. Вид массивного, совсем не дряхлого замка, равно как и самой калитки, был настолько дик, что я не сразу осмелился дотронуться до них. Ступив на заброшенную дачу, я зашел за калитку, посмотрел перед собой и не увидел ничего примечательного.

«Странно!» – подумал я, недоверчиво вложив пальцы в прогалину между металлическими ребрами внутренней стороны калитки. Вернувшись на дорогу, обернулся и посмотрел вниз, на озеро. С озера совсем недавно сошел лед, оно казалось хмуро-тяжелым и если не мертвым, то сонным. Но на его берегу, закинув удочку в небольшой бухточке, уже сидел рыбак. «Не клюнет у него ничего. Вода не прогрелась, – подумал я, глуша зависть. – А ведь бухточка безымянная! Озеро, возможно, кто-нибудь как-нибудь окрестил, а вот бухточку... Назову-ка я ее бухта Барахта».

– Бухта Барахта! – торжественно произнес я и, перекинув сумку из одной руки в другую, бодро зашагал дальше.

Больше ничего примечательного на пути не встретилось, и я добрался до дачи – земляного клока, ограниченного столбиками соседних участков и малинником. Я прошел между двух обломков лопатных черенков, вонзенных в землю и изображающих калитку. О том, что построек на даче не числилось никаких, пожалуй, можно и не говорить, но обработана она была вполне сносно.

«Вполне сносно!» – с какой-то первобытной мужицкой радостью думал я, глядя на черную землю, истыканную тем, что показалось нам важнее бурьяна.

Честно говоря, дача была невыгодна во всех отношениях: урожай, если и случался, вряд ли оправдывал проезд и, кроме того, приходилось тащить его на себе пару километров до автобусной остановки. А уж работы-то, работы!.. Бесчувственные безмен и калькулятор вполне могли бы доказать очевидную глупость этих поездок. Но где же в городе можно взять такое небо, такой воздух, таких жаворонков?..

Я скинул ветровку, с утра теплую и приятную, а теперь жаркую и тягостную, извлек из сумки белые перчатки и тут же измазал их, экгумируя лопаты, грабли и прочее. Рабочий инструмент мы захоранивали, обернув полиэтиленом, в мелкой яме, а когда вздымалась малинная чащоба, прятали уже в ней. Стряхнув с полиэтилена земляные комья, я достал лопату и долго с жадным весенним любопытством разглядывал толстого, совсем еще ленивого червя.

...Благополучно завершив окопку, я решил пообедать. Отыскал сперва грядку с ранним многолетним луком и сорвал несколько перьев – через пару недель он никому не будет нужен, а сейчас, с солью да хлебушком... Я пошел к сумке и увидел на земле связку ржавых ключей. «Откуда?», – изумился я и отчего-то вспомнил про загадочную калитку, про Алису в стране чудес и, только приблизившись, понял, что на земле лежит всего лишь сухой корень.

Под стол был приспособлен квадратный обрезок широкой толстой доски. Я аккуратно покрыл его клеенкой, выгрузил из сумки термос и провизию, помолился и сел есть. Маринованные огурцы были вкусными, и я пожалел, что взял так мало. После я пил обжигающий чай с печеньем и сыто смотрел на жаворонков. Они, действительно, штопали небо: то зависали высоко-высоко, точно иголка в руке швеи, подтягивающей нить, то проваливались, пронзая воздушную толщу.

Неделей ранее я собрал прошлогоднюю травяную труху в маленькие кучки, чтобы не загребалось слишком много земли и лучше горело, а затем поджег. Кучки не спешили полыхать, они лишь тлели и дымили. Когда мы уходили с дачи, она была похожа

Евгений Валерьевич Чепкасов – прозаик, преподаватель литературы в РГПУ им. А.И. Герцена, кандидат филологических наук. Уроженец Пензы, живет в Санкт-Петербурге.

на долину гейзеров.

Теперь нужно было раскидать золу, – впрочем, я лишь цеплял ее граблями и подбрасывал, а остальное делал ветер – непостоянный, сильный, хмельной. Зола весело хваталась за хвост ветра и неслась далеко-далеко, а порыжевшие печеные комочки почвы возвращались в землю.

«Если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретище и пепле покаялись; но говорю вам: Тиру и Сидону отраднее будет в день суда, нежели вам», – внезапно вспомнились евангельские слова. Переменившийся ветер бросил в меня горстью золы, я с досадой отряхнулся. «Сколько раз перечитывал этот отрывок, даже наизусть заучил, – думал я, – а все никак не мог понять, что же такое вретище. Пепел – ясное дело, а вот что такое вретище?..».

И тут мне вспомнилась Пасха. С пасхальной ночи не прошло и месяца, так что воспоминание было ярким. Вспомнились ночь, предательское отсутствие троллейбусов, поход через темный пустынный город.

Я шел к собору, пристроившись в хвост развеселой компании. Долгое время видел их перед собой, но догонять не хотел. Однако пришлось.

– А кому пива? – спросил кто-то из группы, и молодежь облепила круглосуточный киоск. Я догнал их, присоседился, решив идти вперед под таким «прикрытием», пока не разойдемся. К моему величайшему изумлению мы не разошлись до церковной ограды.

У массивной каменной калитки, ведущей в церковный двор, дежурили зоркие омоновцы. То и дело они вытягивали из сплошного людского потока изрядно подвыпивших людей, участливо интересовались: «Больше двухсот?» – и отправляли их восвояси. Меня молодцы в униформе справедливо проигнорировали.

Миновав калитку, я едва не забыл перекреститься: столько народа я не видел ни разу. Двор был буквально затоплен людьми. Сзади подтолкнули, и я пошел по узенькому проходу, пока наглухо не уткнулся в спины. Совершенно потерянно я стал оглядываться.

Над пустословящей толпой густо вился сигаретный дым. Позади меня какие-то шутники устроили, как в школе, «коридор смерти» и толкали пробирающихся сквозь него из стороны в сторону. Затем «коридор смерти» естественным образом преобразовался в «таможню». Улыбчивый бритоголовый парень пропускал собравшихся по половому, возрастному и социальному признаку. Особенно придирчив он был к красивым девушкам.

– Эй, деда пропустите! – повелительно крикнул он и дружески похлопал по плечу невысокого старика в очках. Тот заулыбался благодарно и заискивающе, – мол, сами были молодыми, шутки понимаем. Старик стал неподалеку и молчал, зашуганно озираясь. Лишь через некоторое время он заговорил с другими стариками, доказывая, что после крестного хода толпа схлынет и можно будет войти в храм.

«Таможня» надоела самой себе и распалась. Ворота заперли из-за большого стечения народа, и припозднившиеся не попали даже на церковный двор. Успевшие до закрытия переговаривались и поглядывали на часы: близилась полночь. Кое-кто стоял с невостребованными покуда свечами. На словах: «Говорила же, что надо выйти пораньше, так нет...», – я прервал тихую семейную ссору и полюбопытствовал, где брали свечи. Мне объяснили, и я удалился. Удивительно, но за свечами совсем не было очереди.

Возвращаясь, я углядел одноклассницу — невысокую, некрасивую, с плоским монгольским лицом. Обхватив рослого парня с мясистым затылком, она так прижималась к нему, так смотрела ему в глаза, словно только-только поймала и боялась, как бы он не вырвался. Вспомнилось, что в детском саду меня наказали вместо нее. В школе я с ней ни разу не заговорил.

Настала полночь. Двери храма отворились, и на узкое пространство вокруг него, оцепленное омоновцами, вышел крестный ход. И архиепископ с жезлом, и священники с хоругвями – все было обыкновенно. Но как же я мечтал, пробираясь сюда по темному злому городу, участвовать в крестном ходе!

Хорошо я рассмотрел все, когда ход, обогнув храм, появился с другой стороны. Кто-то поднял над толпой ребенка. Тот чуть не плакал от неудобного положения, от выставленности напоказ, от непонимания, куда смотреть, но скоро просиял и закричал:

–Папа, вижу! Там дедушка в шапке с крестиком и дяденьки с флажками! И со свечками еще.

Я тоже это видел в просветах между головами, но удивился численности прихожан, шедших с горящими свечами за священниками, – всего каких-то два-три десятка. Другие, вероятно, остались в храме из боязни не вернуться, не попасть обратно.

У входа в собор архиепископ троекратно воскликнул:

– Христос воскресе!

Я шепотом, поскольку все вокруг молчали, отозвался:

– Воистину воскресе!

А сам безмерно хотел быть с теми, кто в крестном ходе, и восклицать так же громко, как чувствовал...

Зрелище, ради которого сюда стеклась большая часть людей, завершилось, и толпа схлынула в открывшиеся ворота. Оцепление вокруг храма сняли, но туда, где шла служба, устремились очень немногие. Все они, и я в их числе, поместились, хотя было тесно.

В первые полчаса службы любопытствующие, не выдержав всеобщего ликования, сопричастности к которому они не ощущали, чуть пристыжено исчезли. Так исчезают с непонравившегося спектакля, не дожидаясь антракта, протискиваясь спиной к опостылевшей сцене между спинками кресел и чужими коленками, непрестанно бормоча «извините». В храме, единодушно певшем: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!» – стало свободнее.

Я молился и одновременно наблюдал за стоящей рядом парочкой. Густо накрашенная простоволосая девица громко шептала и с силой дергала за рукав своего парня. Но разве сдвинешь с места такого бугая? Он, один из тех бритоголовых, что устраивали «коридор смерти» и «таможню», стыло стоял и с остекленелым изумлением глядел перед собой. Она ушла, зыркнув на него так, что он отвел глаза, и лишь тогда впервые стыдливо перекрестился. Крестные знамения, вначале робкие, скоро стали уверенными, а затем и ожесточенными. От ударов щепотью в лоб, солнечное сплетение, плечи он содрогался всем телом, над бровями у него болезненно покраснело. Казалось, он хотел наказать себя за то, что допустил и эту бритую голову, и эту размалеванную девицу, и многое, многое!..

Когда я, как этот парень, как все, на возглас священника умиленно восклицал: «Воистину воскресе!» – я подразумевал не только Спасителя.

Великая служба закончилась глубокой ночью, и верующие стали расходиться по домам. С полдюжины человек шли в мою сторону, и я к ним присоединился.

Улицы были пустынны, машин тоже не было, и мы, покинув узенькие тротуары, пошли прямо по проезжей части как на демонстрации. Мы неосознанно радовались совершению недозволенного и молчали. Вероятно, каждый боялся потревожить то особенное хрупкое чувство, которое уже днем рассеется и не возродится до рождественской ночи или до следующей Пасхи...

Я стоял, опершись на грабли, и смотрел в небо: солнце высветило прореху в облачке и тотчас же скрылось. Хотел отругать себя за то, что опять замечтался и прекратил работу, но отчего-то не смог. Торопливо и тщательно закончив начатое, сделал еще что-то необходимое, и вскоре оказалось, что на сегодня все: пора собираться. Я с почестями захоронил лопату и грабли и пошел. «Осталось время даже порыбачить, – подумал я, спускаясь с горы. – Да ладно, все равно не клюнуло бы ничего: вода не прогрелась...».

Еще не доходя до загадочной калитки, я вдруг понял, что не увижу ее: она невозможна. Не мог же я ее не замечать раньше! Ржавая, словно век здесь, а замок... Короче, очередная шутка воображения и ничего больше.

Но калитка стояла на месте, лишь замок исчез, словно и не было. Я кинулся к ней, пока можно, пока не поздно, и потянул за прутья. Зашуршало, заскрипело, посыпалась рыжая ржавчина, и калитка распахнулась. Я шагнул, и мне почудилось, что гигантский парус неба всколыхнулся от ветра и стал еще синее. А предо мной расстилалось все то же озеро. Какое все-таки оно огромное, почти берегов не видно! Странно, но мне показалось, что озеро разлилось и сильно изменилось...

Рыбак сидел в той же бухточке. Я подошел к нему, глянул на его одеяние и словно проснулся. Он поприветствовал меня на незнакомом, но отчего-то понятном языке. Я ответил на том же языке и спросил, далеко ли до Капернаума. Он сказал, что я, верно, нездешний, и, махнув через плечо на городские очертания, сообщил, что нам по пути. Вот только поймает рыбину.

Удочка его была замечательна: вместо лески – тонкая бечевка, вместо поплавка – тростинка, а крючок, хоть и металлический, явно не фабричный. Он закинул удочку и, – не успел я изумиться, почему без наживки, – выудил огромную рыбину. Вместе с крючком человек вытащил из рыбьей пасти монету.

– Ты Петр? Ты из Его учеников? – спросил я.

– Да, – ответил он и, глянув на меня, поинтересовался: – Откуда ты меня знаешь?

– У тебя в руке статир. Это плата за вход в храм для тебя и Учителя...

– Учитель говорил только со мной, – удивился Петр. – Откуда ты можешь это знать?

– Откуда?.. — переспросил я с легким восторгом и отложил перо...

Я собрал исписанные мною листы в аккуратную стопочку, взял Библию – благо, что была под рукой, – прерывисто вздохнул и раскрыл наугад.

г. Пенза

Глеб ПАВЛОИД

ИССЫК-КУЛЬ: ВОКРУГ ОЗЕРА ЗА ДЕСЯТЬ ДНЕЙ

Повесть

«Путешествия потеряли бы половину своей прелести, если бы о них нельзя было бы рассказывать».
Н.М. Пржевальский

I

Что бы ни произошло, что бы ни случилось, куда бы ни забросила вас судьба и как бы ни изменился со времен детства ваш характер, – никогда не забывайте детские мечты. И более того, как только выпадет малейшая возможность, – стремитесь эти мечты осуществить. Я почти наверняка уверен в том, что в них – в детских мечтах – и кроется наше человеческое предназначение.

Сейчас уже и не вспомнишь, какая благородная и счастливая муха нас укусила – дай бог ей здоровья и семейного счастья! – и как мы вдруг решились отправиться в наш медовый месяц в авантюрное путешествие на озеро Иссык-Куль.

– Всю жизнь я мечтала когда-нибудь побывать на Иссык-Куле. В школе мне досталось задание написать об этом озере реферат. С тех пор моя самая заветная мечта, мечта моего детства – искупаться в Иссык-Куле, – наверное, что-то подобное сказала однажды моя суженая.

– А, черт возьми, – уже совершенно точно ответил ей я, – почему бы нам не махнуть этим летом к твоему Иссык-Кулю?

Нагруженные исследовательской аппаратурой типа палатки, блокнота и термоса, а также спальными мешками и наилучшими предвкушениями первой степени, в славной столице Урала городе Екатеринбурге мы залезли в чрево железнодорожного чудовища с курсом на Бишкек. Внутри этого дракона нам предстояло провести двое с половиной суток, разглядывая в мутное окно проплывающие мимо Курган, Петропавловск, Кокшетау, Астатну, Караганду, озеро Балхаш и безграничные знойные степи Казахстана.

Путь в рай не легок. Об этом известно каждому. Особенно тем, кто пытался когда-нибудь осуществить свою детскую мечту.

Нам предстояло пройти две границы и множество испытаний. Первая граница – русско-казахская – по лучшим традициям советского сервиса предстала в полночь. И хотя нам не нужно было в отличие от многих наших соседей по вагону бежать в темноту с раскрытыми паспортами и искать заветную будочку, где бы джинн в пограничных погонах поставил на трепещущих страницах документа заветную печать, мы не были спокойны. Ибо не привыкли мы еще к виду нервного столпотворения, устроенного на русско-казахской границе.

Первыми из испытаний стали зной и жажда. Наш вагон был купейным, но азиатская сорокоградусная жара уравняла и объединила все слои пассажиров. Окна и двери поезда были распахнуты навстречу степным суховеям, купе превратилось в плацкарт.

Весь путь в «Казахстан Темир Жолы» по вагонам шныряли в штатском мрачные агенты всевозможных безопасностей и отделов по борьбе со всем-чем-угодно, но мы, предупрежденные о хитрости и меркантильности некоторых представителей казахских народов, не поддавались на их сверхпристрастные сличения наших лиц с фотографиями в документах. Улыбались, поворачивались фас и в профиль. Даже показывали самосочиненную бумагу с печатями о том, что мы двое – «этнографическая экспедиция, посланная Удмуртским государственным университетом для изучения традиций и поверий населения, живущего на побережье озера Иссык-Куль». И добавляли, что у университета дела идут не лучшим образом и что из всех материальных благ и вспоможений он смог нам выделить лишь сей серьезный документ.

Агенты качали головами, перегоняли спички в зубах из одного угла рта в другой и уходили отлавливать врагов родного государства в следующий вагон.

Утром 22 июля на севере выросла стена гор Алатау и провожала нас пристальным взглядом до самой кыргызско-казахской границы, где мы, отдав паспорта в неизвестность, куда отнесли их равнодушные

Глеб Павлоид – прозаик, дипломант Рунета, обладатель премии «Серебряное перо Руси». Живет и работает в городе Ижевске.

руки пограничников, в палящий полдень коптились часа три без масла и приправ.

Еще до границы по поезду начали ходить обездоленные, агенты других «спецслужб», воткрытую просившие помочь, кто чем может. С двух сторон, двигаясь навстречу друг другу, фильтровали пассажиров два «секретных агента».

Первой к нам в купе успела заглянуть нищая бабушка с протянутой рукой и жалостливыми глазами. Она с благодарностью приняла от нас последний персик. На смену бабушке прихромал дедушка в сером потрепанном пиджаке. Ему помочь было уже нечем, в чем мы честно признались, посетовав на бабушку. Взамен на эту информацию дед неожиданно выдал нам секретный портфель компромата на «такую-рассякую старуху», у которой, оказывается, в Зеленограде есть целое стадо свиней и…

Досказать он не успел, потому что пенсионерка явилась лично и запустила в информатора пожертвованным персиком с криком: «Ах ты, козел паршивый! Железнодорожник почетный! Корчишь из себя нищего, а у самого дача в Бишкеке…».

Дед втянул голову в плечи и без возражений испарился. Позже оказалось, что он закрылся в соседнем свободном купе, где спокойно просидел вплоть до самого Бишкека. В это же купе чуть позже, скрываясь от посторонних глаз, скользнула и бабушка. У нее тоже оказался универсальный жэдэ ключ, открывающий любые двери в поезде. Там старики мирно болтали, жевали пожертвованные фрукты, пока пограничники досматривали вагоны, а после бабушка, оставив деду все свои пожитки, пошла в хвост состава. Заметив мой внимательный взгляд, она встрепенулась и стала прикрывать свое отступление воплями о смертных грехах «почетного железнодорожника». Тот только проворчал, что никогда не брал взяток, и запустил ей вслед огрызком.

На станции перед Бишкеком деда встретил внук – прилично одетый юноша лет двадцати. Молча принял одну за другой семь пузатых сумок с добычей и меланхолично потащил первую партию к припаркованному неподалеку «BMW».

От Екатеринбурга с нами ехала швейная машинка в деревянном футляре. Тихо стояла под сиденьем, не привлекая особого внимания. Наши соседи по купе выходили на станции Чу и на наши предупредительные возгласы только пристально посмотрели на это чудо доперестроечной техники. Оказалось, что машинка едет совершенно одна: ни с ними, ни с нами, а сама по себе.

Мы пожали плечами, вздохнули и махнули руками: пусть себе едет, есть вроде бы не просит, а с другой стороны, – вещь не самая дешевая даже на хваленом ошском базаре. Глядишь, – и продадим.

С продажей мы, конечно, пошутили, но, так или иначе, подвинули черный футлярчик ближе к выходу, чтобы избавить купе при высадке в Бишкеке от бесхозной вещицы. Вдруг на подарок кому сгодится.

Километров за пятьдесят до Бишкека вдруг откуда ни возьмись материализовались в нашем вагоне два шустрых молодых человека. Эти загорелые и стройные архаровцы, похожие друг на друга как братья-близнецы, деловито, не обращая внимания на удивленные возгласы пассажиров, обошли по порядку все купе, заглядывая на все полки и под все сиденья. Нашей швейной машинке они обрадовались, как родной. И исчезли с нею, унося с собой тайну ее молчаливого транзита через две государственные границы.

В Бишкек мы въехали в половине десятого вечера. Быстро собрали узлы, мешки и рюкзаки и двинулись по заранее припасенному адресу знакомиться с Оксаной и Димой, с которыми нас свел Интернет и которые согласились приютить нас в столице солнечного Кыргызстана.

Только потом в густых южных сумерках я вдруг смутно почувствовал, что рюкзак, кажется, стал легче, чем в Ижевске, Агрызе и Екатеринбурге… Точно! Мы забыли в поезде спальные мешки. На том самом месте, где ехал таинственный швейный станок. Вот тебе, бабушка, и контргамбит – хотели завладеть машинкой, а отдали спальники.

P.S. Легенда. Иерусалимский контргамбит.

Тот образ, который официальная христианская церковь приписывает Иисусу Христу в рамках своей ортодоксальной традиции, вряд ли соответствует действительности. В этом нет ничего удивительного – общеизвестный факт, что понять мессию и войти в царствие небесное могут лишь избранные единицы (вспомним про узкие врата в царствие небесное), а, скорее всего, даже и того меньше.

Мессия, по определению, перпендикулярен сложившейся общественной традиции и призван для того, чтобы спасти народ, установить царство божие на земле. Для закоренелого общественного обывателя он неприятен, неприемлем и вообще «белая ворона», подлежащая осмеянию и изгнанию, что фактически и подтверждено историей. И только потом, когда мессия обезврежен, его можно умыть, причесать, приодеть, повесить поясняющую табличку и вогнать в рамки обывательского миропонимания (и это тоже мы сейчас наблюдаем). Однако, о чем «на самом деле» говорил Христос и к чему он призывал своих последователей, останется понято лишь единицами: в лучшем случае – немногими из апостолов, в худшем – только ему самому, то есть никому.

Процент соотношения «понимающих» и «непонимающих» весьма пессимистичен: общество – апостолы, то есть миллионы – дюжина… Узко игольное ушко. Но на самом деле все обстоит еще хуже.

Христос был мессией для общества, вразрез убеждениям которого он вещал. Однако, создав собственную «общественную» структуру «Апостолы и Учитель», он перестал быть в ней мессией. По закону фракталов, мессией в стане апостолов стал тот, кто, в

свою очередь, пошел вразрез с традицией и стал изгоем и «уродом в семье».

Иуда – мессия среди апостолов Христа.

Воистину узки ворота в царствие небесное. Контргамбит в эндшпиле. Христос хотел пожертвовать собой, но принес в жертву Иуду.

II

Уже в темноте мы отыскали дом Димы и Оксаны. Они – пара молодых ребят, любезно откликнувшихся на объявление в Интернете и согласившихся пустить переночевать Великую экспедицию, – встретили нас со сдержанной радостью, которая постепенно переросла, подогретая обоюдными спиртосодержащими сувенирами, в интенсивное общение. Пришлось сходить в магазин за топливом, способным поддерживать нашу беседу, затянувшуюся далеко за полночь. Утро следующего дня началось позднее обычного, но не менее приятно. Оксана решила познакомить Великую экспедицию с кухней Кыргызстана, а именно – с дунганским блюдом лагман, рецепт которого был скрупулезно записан для Инге и в настоящее время хранится за семью печатями и под бдительным присмотром.

Когда мы, наконец, нашли в себе силы оторваться от лагмана и встать из-за стола, часы отсчитывали вторую половину дня. Согласно нашим планам на Иссык-Куль мы должны были добраться именно в этот день, так что далее действовать нужно было не иначе как стремительно. Но по общеизвестному вселенскому закону, – человеки планируют, а боженька смеется.

Поход на Ошский базар отпал сам собой как неуместная шутка. Оставалось совершить быстрый обзор национальных сувениров на четвертом этаже ЦУМа, заскочить по дороге на вокзал в поисках пропавших спальников и взять курс на Иссык-Куль.

Вокзал был закрыт на ремонт. Строительными тропами мы в сопровождении Оксаны, Димы и их друга Ильяса, рассыпающего щедрые комплименты всем проходящим девушкам, пробрались к отдыхающему на запасном пути знакомому поезду.

– Один пусть проходит, остальные пусть ждут воо-он там, – сказал омоновец с собакой, охраняющий покой железного дракона.

Этим «одним» были я и Инге. На следующем круге контроля, как раз возле нашего вагона, перед нами предстал кыргызский джинн – лысый дородный дядька в клетчатой рубашке, восседающий на табурете прямо у дверей вагона.

– Чего тебе, дарагой? – ласково спросил джинн.

Я сходу назвал все наши желания. Их, кстати, оказалось меньше трех, так что можно было надеяться на незамедлительное исполнение. Однако, джинн имел свои соображения по поводу техники исполнения желаний.

– Спальники хатите атыскать? – с хитрым отблеском на загорелой лысине переспросил он. – Ну, зайди, что ли, пасматри…

Инге заскочила на подножку вагона и исчезла в чреве жэдэ змея. Через минуту ее грустное лицо однозначно проиллюстрировало результаты поисков.

– Нету? – почти утвердительно спросил джинн. – Вай-вай, что же делать? Зачем же вы их решили здесь на ночь оставить? Надо было с собой взять. Теперь если только сам проводник сможет их из-под земли достать…

В устах кыргызского джинна слово «проводник» приобретало сакрально-эзотерический оттенок.

– А как нам найти проводника? – полушепотом спросил я, как будто вопрошал о великом коане.

– Если только завтра он придет. Попробуйте с утра подойти.

– Завтра мы уже будем на Иссык-Куле…

– Эх, вах! – разделил наше горе джинн. – Ну, если только пришлете кого-нибудь заместо себя.

Мы с сомнением оглянулись на мающихся от жары в тени карагача наших бишкекских друзей.

– Ну, может быть, завтра друзья подойдут, – на всякий случай сказал я джинну.

– Вот и хорошо! – лысина его засверкала веселей.

Мы вернулись к ребятам и не спеша побрели в сторону ЦУМа. Солнце раскаляло бишкекскую реальность. В животах булькал холодный и кислый максым.

Мы почти покинули территорию перрона, как из-под колес поезда, стоявшего на первом пути, снова материализовался наш сиятельный джинн.

– Эй, пс-с-с… – делая вид, что прогуливается, пшикнул в мою сторону темнолицый суккуб.

Я, тоже напустив на себя конспиративного тумана, отошел к нему боком.

– Слушай, – сказал джинн, вычерчивая носком тапочка загадочные письмена в пыли под ногами. – Эта самое… Я тута подумал, что, наверное, ваши мешки местные ребята себе взяли. И эта… ну, в общем, у них там свои такие законы, что как бы договариваться, в общем, надо…

– Ну и?.. – я делал вид, что не понимаю намека.

– Ну, так ты завтра, когда снова придешь, ты эта… захвати с собой сомов двести-триста, чтобы я им отдал. Ну, чтобы они точно вернули твои вещи. Я им отдам. Понимаешь?

– Понимаю, – ответил я.

– Хорошо, – джин уже начал испаряться. – До завтра, байке…

Ясное дело, назавтра никто ему денег не принес, да и вообще никто не пришел. Нелегкое это дело путешествовать по нестерпимой бишкекской жаре. Вот если бы дело было зимой…

Дом наших бишкекских друзей находится на южном краю города, где горы видны прямо из окна. Мало того, у Димы на балконе стоит мощная подзорная труба, глядя в которую можно оценить их истинный масштаб и величие. Хотя горы можно увидеть в Бишкеке повсюду, да и во всей Чуйской долине, где и колышется в жаркой дымке столица Кыргызстана.

У местных жителей, в чем мне по секрету признался Дима, распространена специфическая разновидность агорафобии, один из симптомов которой – грустные (или гордые, это у кого как) воздыхания типа: «Да я и чистого горизонта в жизни своей не видал». А если вы не в курсе, что это за зверь такой «агорафобия», то в данном конкретном случае слово это можно расшифровывать буквально: а-гора-фобия – то есть «боязнь-не-гор» или попросту «любовь-к-горам» – горафилия.

Как честный и неподкупный исследователь, вынужден признать, что болезнь сия крайне заразна. Лично мне хватило одного взгляда на горные хребты, оккупировавшие горизонт, как присутствие вируса в крови дало о себе знать. Инге оказалась крепче, но и она продержалась всего лишь до первого похода в горы.

Не знаю, как обычно, но в течение всего времени, что мы были в Кыргызстане, горы стояли вокруг в нежной молочной дымке, отчего казались еще более нереальными, словно нарисованными на гигантской, небесного цвета стене. Но в их реальности я сомневался недолго, в конце концов коварный вирус подточил мою иммунную систему и безнадежно воспалил и без того гипертрофированное воображение. Симптомы моей горафилии по долгу службы вынужден привести письменно.

Они – горы – щадят твою психику и вначале не кажутся такими уж большими. Но все равно их молчаливая дымчатая стена поражает воображение, приковывает взгляд. Когда их белесые зубцы видны повсюду на том месте, где раньше был горизонт, кажется, что ты прямо в ладонях Бога, что он набрал горсть воды Иссык-Куля, чтобы омыть лицо, и замер на несколько мгновений, заметив тебя, твоих близких, твоих друзей из тех, кто оказался рядом. Смотрит, не мигая, невидимый, не дышит, решает твою участь: быть выпитым или быть размозженным вместе с прохладной водой о его светлое чело. А когда ты впервые видишь у самого подножья гор небольшой аил (хотя совершенно все равно – маленькая ли это деревня, или огромный город, пусть такой, как Бишкек), то сначала удивляешься: какие же эти людские домишки маленькие по сравнению с Ними… А потом понимаешь, что они не просто маленькие, а ничтожные в ладонях Гор. И все людское становится таким же ничтожным – все наши дела, поступки, чаяния, планы, вещи, мысли.

Сплав этих двух чувств – ощущение, что тебя держит в ладонях и разглядывает Бог, и чувство ничтожности людского бытия по сравнению с Его величием – похож на легкое опьянение. Но главное, что я впервые ощутил в Чуйской долине, чего ни разу не чувствовал нигде в другом месте, – это полная уверенность, не отступающая ни на мгновенье, в присутствии высшего здесь, рядом, вокруг.

Аминь.

В ЦУМе мы поспешно купили себе несколько сувениров, сначала выбирая сами, а потом запуская на переговоры к продавцам Диму. Дело в том, что для местных здесь все гораздо дешевле, чем для туристов, особенно для таких, как мы. Нас почему-то всю дорогу принимали за англичан или американцев, дети кричали: «Хелоу!», подростки спрашивали: «Уат из ё нейм?», старики кивали, как непонимающим русский, а таксисты заламывали астрономические цены. Но в присутствии величественных гор приходилось улыбаться и спокойно отвечать: «Hi, my name is Pavel, I am from Russia, how are you? Are you American?»...

С автовокзала на Иссык-Куль выехали в маршрутке уже после шести вечера. До аила Бостери в центре северного побережья оставалось ехать часа четыре. В дороге на нас напали сумерки, скрыв в темноте горы, плотно обступающие дорогу с севера и юга. Был вечер воскресенья, все возвращались в Бишкек с озера – непрерывный поток фар и сигнальных огней тянулся навстречу. Наш водитель нервничал, рискованно шел на обгон, рвал скорость и, как кегли, раскачивал пассажиров в сиденьях. Смотреть вперед на дорогу не было сил.

Балыкчи – первый населенный пункт на берегу Иссык-Куля – мы проехали с опозданием почти на час, но дальше поток встречных машин уменьшился по крайне мере вполовину, и атмосфера в салоне разрядилась. На заднем сиденье ехали три парня и совсем молодая девушка. Тараторили что-то на кыргызско-русском, смеялись, а потом стали петь песни. Особенно старался веселый парень с хрипловатым голосом. «У меня в Бишкеке собственная звукозаписывающая студия, – объяснил он попутчикам, – и образование музыкальное».

Под аккомпанемент кыргызских песен в половине двенадцатого мы въехали в Бостери. «Музыкальный» парень окликнул водителя:

– Э, байке, остановите, пожалуйста, возле перекрестка.

Мы поспешили выйти там же.

– Вы очень хорошо поете, – сказали мы парню уже на улице.

– Большое спасибо, – улыбнулся он. – Вы отдыхать приехали?

– Почти.

– Где остановились?

– Пока нигде. А что посоветуете?

– Пойдемте со мной, – он махнул рукой и повел нас в темную подворотню.

P.S. Легенда. Байка о байке.

– Слушай, – спросил я у Димы, – а что это за обращение такое – «байке»?

– О-о-о… – многозначительно затянул Дима и задумался минуты на две. – Я тебе лучше анекдот расскажу, – сказал он после раздумий. – Приходит чувак в зоомагазин, видит – продаются три одинаковых попугая: один стоит три тысячи сомов, второй – четыре, а третий – все десять. «Эй, а что это у вас за цены? –

спрашивает он продавца. – Чем птицы отличаются?». Продавец отвечает: «Тот попугай, который дешевле всего, умеет только петь. Второй, что подороже, умеет еще и танцевать». «А третий что умеет?». «Ничего». «А почему же он дороже всех?». «А потому что те двое его «байке» называют».

III

Талант – так звали парня – устроил нас к своей знакомой. Пять долларов за ночь: чистая комната, побеленные стены, две кровати, навесной замок.

Несмотря на темноту и поздний час, нам во что бы то ни стало захотелось поужинать. В некоторой растерянности вышли на темный двор, и тут из теплого мрака материализовался молодой кыргыз:

– Хотите, я вам покажу, где тут можно поесть?

– Давай. Как тебя зовут?

Он ответил, но я тут же забыл его экзотическое для моего слуха имя. Парень показал нам кафе у самой дороги на втором этаже глинобитного дома и растворился в темном воздухе. Мы заказали полпорции уже знакомого лагмана и пиалу бульона с вареными овощами под названием шорпо. Тут же на пороге кафе появился наш знакомый Талант и, поужинав с нами, резюмировал, что лагман здесь никуда не годится.

Выспались мы великолепно, махнув рукой на скрипучие кровати и постелив себе прямо на полу. При свете утреннего солнца, умываясь, я разглядел вчерашнего молодого кыргыза, указавшего нам путь в кафе и на этот раз, вскинув наизготовку блокнот, спросил еще раз:

– Как, говоришь, твое имя?

– Каныбек.

Я ловко подцепил имя кончиком карандаша и вшил в клетки блокнотного листа.

– А что оно означает? Есть какой-то перевод?

– «Крепкая кровь», вроде бы.

– Ты тут живешь?

– Нет, я из Бишкека, уже третий год сюда езжу. Раньше продавал вату на пляже. Сейчас стесняюсь – много знакомых на пляже стало. Просто так езжу. Маленькие сестренки торгуют самсой, пирожными всякими. Вы сегодня на пляж идете? Давайте вместе пойдем. Я вам покажу, где хороший пляж.

С полотенцами на плечах мы втроем пошли к озеру.

Впервые Иссык-Куль принял нас в свое лоно ровно в полдень под прямыми лучами палящего солнца, от которого позже мы спрятались под зонтом, – Каныбек договорился с знакомым мальчиком, раздающим зонтики в аренду.

– Говорит, спроси у них деньги, – улыбаясь, рассказал Каныбек. – Я говорю, это мои друзья, зачем тебе их деньги? У них, наверное, их много, говорит. Они всегда деньги просят. Зачем, говорю? Всегда договориться можно, правда же?

Он щурил и без того узкие глаза, спокойно оглядывая пляж, заполненный телами отдыхающих.

– Вечером можем на катамаране покататься, я договорюсь. Сейчас вода еще холодная, но через час самый раз теплая будет. Народу придет купаться много.

Мимо прошел юноша с гроздьями черешни – желтой, красной, алой…

– Спроси, пожалуйста, сколько стоит? – шепнула Инге Каныбеку.

– Эй, байке, – окликнул он продавца черешни и заговорил с ним на кыргызском. Через минуту мы уже доедали отданные нам даром ягоды.

На обратном пути Каныбек купил нам в подарок бутылку кымыса.

– Нам сказали, что к нему нужно привыкать, это правда? – спросил я. – Говорят, с непривычки расстройство желудка может быть.

Каныбек пожал плечами.

– Нет. У меня никогда такого не было.

На ларьке организаторов экскурсий висела большая карта Иссык-Куля со всеми санаториями и домами отдыха, а также со всеми достопримечательностями: водопадами, ущельями, музеями, радоновыми источниками, древними постройками. Оказалось, где-то в окрестностях нашего аила севернее в горах есть водопад. Недолго думая, мы направились к нему по полуденной жаре.

Объясняя дорогу, – просто махнув в сторону гор, – хозяйка дома посмотрела на нас, как на сумасшедших, но отговаривать от авантюры не стала.

По дороге мы встретили местных строителей – полдюжины загорелых до черноты пацанов, месивших ногами глину. Вокруг сушились на солнце глиняные кирпичи, посыпанные древесной стружкой.

– Как этот кирпич называется?

– Кыш. – По лицу парня в ковбойской шляпе было видно, что ему очень нравится отвечать на такие вопросы.

– Из чего вы их делаете?

– Из белой глины. С гор ее привозим.

– А дальше что?

– Просто месим глину. Потом вот в этой форме делаем кирпичи, – он показал деревянную рамку из досок на шесть прямоугольных кирпичиков. – Кальп называется. Потом сушим на солнце дня два. Потом дом строим.

В саду за жидким плетеным забором уже просушенные желто-серые кирпичи были сложены в аккуратные пирамидки-зиккураты.

Из аила мы выехали на попутке – в кузове ЗИЛа с улыбчивыми сенокосцами. Дальше немного прошли пешком, и нас подобрали двое аксакалов на серебристом «BMW».

– Эй, садись скорей! Спешим к чабанам в кошар, теленка хотим резать. Сдавать в санаторий будем, пусть туристы кушают, – объяснил нам поджарый дедушка с продубленным лицом.

За рулем сидел его взрослый сын, давил на газ и

резко крутил баранку, бросая потрепанную иномарку влево-вправо по горной дороге.

– Вы к водопаду идете? – переспросил дедушка. – Мы как раз почти туда едем. Вам еще надо будет пешком пройти по реке. А вон его видно, – он ткнул пальцем в лобовое стекло.

Мы разглядели в зеленоватом ландшафте маленькую белую черточку.

– Сколько метров высота водопада?

– Ну, метров сорок, – ответил дед.

«Он, наверное, имеет в виду четыре метра», – подумал я про себя, скептически рассматривая молочную черту и прикидывая на глаз расстояние до нее. «Ну, максимум – километр, никак не больше».

Однако, как я уже говорил, человеки думают, а всевышний насмехается. И лучше всего это можно почувствовать в горах.

Мы протряслись в «BMW» среди завораживающих горных декораций еще километров шесть, а черта водопада если и увеличилась, то я этого совсем не заметил. Зато менялся пейзаж вокруг, и менялся он с каждой секундой. Казалось, горы движутся и клубятся, как облака: еле-еле менялось освещение, солнце на сантиметр продвигалась к западу, сдвигались тени, менялись тона зеленого и серого, – и пейзаж тут же становился неузнаваем. Происходило все за неуловимые мгновенья: опустил глаза или перевел взгляд в сторону, – и впереди уже все по-другому.

– Все, дальше наша машина не проедет. Если только «Нива», – сказал дед, когда мы выехали на вершину склона, дорога с которого вела вниз к горной реке. – Дальше вам надо идти вдоль реки наверх, и скоро вы дойдете.

– А вы когда обратно?

– Не скоро еще. Нам сначала надо чабана найти, потом лошадь, а потом за быком ехать. После посмотрим, где его резать будем, – здесь или в аиле.

Мы вышли из машины, а аксакалы въехали на пригорок и с чувством высокого эстетизма вписали свою потрепанную иномарку в горный пейзаж под названием «BMW» в небесах».

Путешествие к водопаду стало незабываемым… experience-ом, черт возьми, – другого слова не подобрать. Мы не просто сместили свои точки сборки, как сказал бы Кастанеда, мы оставили их где-то внизу и пробирались с девственным восприятием вдоль горного потока – вверх, вверх и еще раз вверх по крутому склону, пахнущему душицей, навозом, горячими камнями. Как оказалось, кроме нас, к водопаду никто не ходит уже тысячу лет (ну, если не лет, то хотя бы тысячу часов там точно никого не было!). Несколько раз мы были на волосок от смертельной опасности. Земля осыпалась из-под ног в молочный бурный поток, шумящий внизу метрах в двадцати, кусты в руках рвались с корнем из земли, из груди рвался крик, вопль, хрип. Когда этот смертельно опасный участок остался позади, перед нами встала еще одна преграда – река: бурлящая, кипящая, лукаво поблескивающая мокрыми камешками. Мы долго искали безопасную переправу, но, оказалось, река протекает между нами и водопадом (который, кстати, вырос ввысь уже метров на двадцать, да еще и двумя ярусами один выше другого) не случайно, а с намеком, да что там, – с однозначным вызовом: «Кто вы такие, хилые червячки? Ну-ка, брысь! вжш! вжш! Прочь !..».

Но мы не испугались. Вернее, разве только немного оробели, смутились слегка, но от намерений не отступились, а даже напротив – стали пробираться на берег.

Я перебрался, правда, не запомнил, по каким камням: или они, хитрецы, тут же перемешались, или и вовсе уплыли вниз по течению. В общем, дело обстояло так – я на том берегу, Инге на этом. А это, скажу вам, страшно, когда прекрасная девушка мечется по ту сторону потока.

– Иди ко мне! – кричу я, тыча пальцем в движущиеся камни, и понимаю, что зря трачу слова, заглушаемые шумом воды.

– !!! – в ответ кричит мне Инге.

Ничего другого не осталось, как броситься обратно. Вернулся я почти сухим. Если кто и намок, то не я, а всего лишь ботинки да пара носков, ну и брюки слегка. Но брюки не есть я.

Оказавшись вместе, мы успокоились. Река скептически урчала и брызгала пеной, даже камни перестала ворочать. А зря. Мы этим вмиг воспользовались и, не выпуская больше ладоней из ладоней, устремились на противоположный берег.

Вода ахнула и сменила тон. И цвет...

Мы подошли к водопаду, пройдя еще метров сто. Он был высокий и красивый. Двухступенчатый и холодный. Гордый, как наше отражение, искристый, как наше настроение, бодрящий, как шампанское. Мы тут же влезли в воду, скинув одежды, как оковы.

На обратном пути нам восторженно свистели суслики, выбегали фотографироваться и брать автографы. Мы были щедры и радостны. С тех пор и навсегда. Ибо горы теперь были в нашем сердце, а мы побывали в сердце гор. И пусть никто не говорит, что это неправда.

IV

Впоследствии мы встречали людей, способных целый день провести на пляже Иссык-Куля. Они обычно уходят рано утром и возвращаются с озера уже в сумерках.

Инге тоже мечтала стать таким человеком. Но все наши попытки приближения к подобного рода мутации рушились.

Вот и в тот день уже после полудня нас вдруг потянуло с пляжа в горы.

– А поехали-ка поглядим это самое Григорьевское ущелье, – заявил я, глядя на Каныбека, сидевшего в тени зонта в своей излюбленной позе.

– Поехали, – с флегматичной готовностью согласился он, – только надо договориться с таксистом. За сто сомов отвезут.

– Не, Каныбек, что за дела, что за местная бестактность, дружище? Поехали автостопом, тут всего-то километров двадцать. Или ты бишкекский Рокфеллер?

– Нет, не бишкекский… – покачал головой парень.

– Значит, ты никогда не ездил автостопом?

– Не ездил.

– Ну, так что ж ты раньше молчал?! – радостным хором воскликнули мы и побежали к трассе, плавящейся под кыргызским солнцем.

Каныбек подхватил свое бессменное полотенце и, надевая на ходу шлепки, поспешил за нами.

– Эй, байке, подвези в сторону Григорьевки, – первым открыл рот Каныбек.

– Я только до Булан-Соготту, – водитель блеснул темными очками.

– Мы согласны, байке, – кивнул Каныбек и полез на правое переднее.

– Только у нас денег с собой нет, бесплатно довезете? – успел, наконец, вставить фразу и я, причем, совершенно правдивую фразу, ибо на пляж мы взяли с собой всего лишь несколько монет, которые уже успели потратить.

– Эй, какие хитрые! – закричал водитель, но, тем не менее, машина уже тронулась с места. – Нашли, значит, лопуха, бесплатно их везти!

– Э, байке, пожалуйста, подвези. Ты совсем не лопух, что ты, это неправда! – Каныбек сложил руки на груди.

– Ну вы даете, – смеялся сам над собой водитель. – Ну, блин, фраера! Где ж это видано, чтоб за так возили, студенты что ли?

– Да, – ответили мы хором, имея в виду Каныбека. – В Бишкеке на гаишника учится.

– Чон рахмат, байке, дай тебе Аллах здоровья, – Каныбек задом вперед вылез из салона, не переставая кланяться водителю и горячо трясти его руку.

– Давай, брат, – кивнул водила и тронулся с места.

– Что ж ты, Каныбек, так их уговариваешь? – спросил я. – Мы же не напрашиваемся. Если они не хотят, пусть не подвозят. Это дело добровольное, понимаешь? Найдутся те, кому по пути и кому не жалко нас немного подвезти без оплаты.

– Ладна, я буду молчать. Вы сами показывайте, как вашим автостопом ездить.

– Совсем другой разговор!

– Здравствуйте! Вы нас не подбросите по дороге в сторону Григорьевки? – заглянул я в окно притормозившего перед нами авто. Внутри, как на террасе для отдыха, сидела пожилая пара.

– До Григорьевки? – переспросила женщина, в уме подсчитывая километраж.

– До Григорьевки, – кивнул я, вздохнул и добавил: – Бесплатно.

– Нет, – отрезала женщина, отключая внутренний калькулятор, а ее муж нажал на газ.

– Подожди, Каныбек, – я откашлялся. – Тут главное поймать нужный настрой…

Еще минут двадцать мы стояли в тени старого карагача, провожая проезжающие мимо автомобили. Кто не останавливался, а кто отказывал в бесплатном проезде. «Подожди, это обычная практика автостопа, надо войти в ритм», – оправдывался я. Каныбек серьезно, без оттенка иронии кивал в ответ.

Напротив нас на той стороне дороги в охристом поле, поросшем ковылем и колючками, сохло в лучах солнца кыргызское кладбище. Высокие неровные оградки из глиняного кирпича напоминали остатки обрушившихся зданий. В тоскливом множестве примыкающие друг к другу почти без зазоров и промежутков могилы образовывали подобие лабиринта. Там и тут в этом лабиринте возвышались мавзолеи – кумбезы, отделанные керамической плиткой или просто оштукатуренные, со сводом в виде мечети или юрты, что придавало кладбищу еще большее сходство с разрушенным городом. И по всему кладбищу в небо были устремлены металлические исламские полумесяцы на тонкой ножке – как смертоносные серпы, секущие людские жизни. Зловещий некрополь.

– Знаешь что, – вывел меня из мистического созерцания Каныбек, – пускай Инге машину остановит. Ей сразу остановятся. Точна говорю. Вот увидишь.

– Ладно, – согласился я. И увидел.

– Так, значит, вы вокруг Иссык-Куля путешествуете? – искренне удивлялся за рулем молодой интеллигентный кыргыз. – Здорово. Я бы тоже так хотел, только вот работа не позволяет. Все достопримечательности хотите посмотреть?

– Да, сегодня решили побывать в Григорьевском ущелье, – сказала Инге.

– Там красиво, я был однажды. А вы не слышали о могиле апостола Матфея на берегу Иссык-Куля?

– Нет!! – мы с Инге подскочили на месте.

– Ну, я вообще-то сам толком ничего не знаю, – смутился парень нашей заинтересованностью, – но мельком слышал, что где-то на …Светлом мысе, что ли... похоронен апостол Матфей. Тот самый, который одно из Евангелий написал.

– Да-да. Очень интересно, – я наклонился вперед к водителю. – Хотелось бы посмотреть на это место. Где, говорите? На Светлом мысе?

– Да, что-то такое – то ли Светлый, то ли Ясный мыс… А вот и Григорьевка, вам тут выходить. Видите вон там перекресток? От него налево и в горы поднимайтесь, эта дорога как раз в ущелье ведет.

– Спасибо большое, чон рахмат!..

– Да не за что.

Мы зашагали по пыльной грунтовке. Слева в кустах урчал арык, впереди дымились горы.

– Еще, наверно, километров десять будет, – сказал Каныбек.

– Ничего, сейчас маршрутку с туристами поймаем, – поспешил заверить я, и, как по команде, в клу-

бах пыли явился микроавтобус. Водитель неохотно притормозил. Мы распахнули дверь.

– Места есть?

– Только одно место! – закричали из глубины салона. – Ну, еще одного на пол посадим…

– Хорошо, – я мотнул головой, пропуская вперед Инге и Каныбека.

– Эй-эй, больше двоих нельзя! – заорал водитель, – мы просто не поднимемся, там склон крутой!

Я скинул рюкзак и протянул Каныбеку.

– Я на следующей попутке. Езжайте, – и захлопнул дверь.

Инге попыталась протестовать, но автобус уже тронулся, как каракатица, прыснув в кильватер желтой пылью.

Минут через пятнадцать меня подобрал старенький ПАЗик с группой алмаатинцев. Но, еще не доезжая до ущелья, экскурсовод остановил автобус у вагончика пчеловода – старого татарина, – с которым туристы торговались и шутили битых сорок минут.

Когда въехали в ущелье, я понял, что найти здесь Инге и Каныбека будет нелегко, – на протяжении нескольких километров по всему ущелью стояли юрты, и туристы могли останавливаться, где угодно. В автобусе мне досталось место, с которого следить за дорогой было крайне неудобно, в итоге я не был уверен, что маршрутка с Инге не осталась позади. В какой-то момент мне показалось, что среди елей мелькнула знакомая розовая юбка. Когда мы, наконец, остановились, я решил немного вернуться, но чем дальше я шел вниз по ущелью, тем большие сомнения одолевали меня. В конце концов, я развернулся и направился обратно вглубь ущелья.

Фотоаппарат болтался на груди, и, чтобы не поддаваться возрастающему беспокойству, я попытался отвлечь себя фотографированием окружающего: стены ущелья, нависающие над дорогой и бурлящей рекой, ели, растущие прямо на голых скалах, юрты, молодые джигиты с соколами и беркутами.

Прошел вверх еще километра два и по совершенно иссякшему потоку туристов понял, что идти вперед нет никакого смысла. Снова развернулся, снова пошел в обратную сторону. Пытался заинтересоваться огромными чучелами архаров, пацанами с беркутами, беркутами с пацанами, но полностью отдаться созерцанию местных диковин у меня не получалось.

– Эй, брат, давай садись на коня, – пристал ко мне парнишка на лошади. – Давай, братан, покатайся.

В ответ я накинулся на него с расспросами, не видел ли он кыргыза с девушкой в розовой юбке. Парень качал головой и продолжал предлагать мне своего коня.

Наконец, впереди расцвела эта самая розовая юбка, потом я разглядел и карие сверкающие глаза…

– Каныбек, где будем ждать Пашу?

– Не знаю, пойдем вниз, где пост экологический. Ух, красиво, да, здесь?

– Идем, да, красиво. Сколько автобусов... Ну, ничего, он мою юбку розовую сразу увидит.

– Девушка, а, девушка, хотите, на лошади покатаю?

– Вы там, внизу, случайно не заметили молодого человека в зеленой кепке с фотоаппаратом?

– Не-а. Садись, покатаю: пятьсот сомов.

– Каныбек, где лучше стоять – там или здесь?

– Лучше тут, видишь, все автобусы здесь останавливаются. Смотри, ели какие высокие, я еще таких не видел, а воздух!.. Гляди, – там водопад.

– Сколько времени прошло? Он уже должен приехать. Почему его нет?

– Еще только пять минут прошло, не волнуйся, сейчас придет.

– Идем, у продавца меда спросим, может, он его видел?

– Драсте, байке, вы тут парня в зеленой кепке с фотоаппаратом не видели?

– Нет, не видел. Идите, я вас макой угощу.

– Что такое мака?

– Нет, не мака, а …м-м-м-м-аааака!

– Как вас зовут?

– Рафаэль.

– Если увидите молодого человека в зеленой кепке с фотоаппаратом, – его Паша зовут, – скажите, мы его у юрты ждем.

– Конечно, обязательно скажу. Ну, как вам ммммаааака?

– Каныбек, вон машина едет, спроси на кыргызском, может, они видели.

– Саламатсызбы, байке, сиз биякта жашыл шапкечен жана фотоаппараты бар баланы кордунузбу?

– Жок, коргон жокмун.

– Ты из самой деревни едешь?

– Да. На дороге никого нет.

– Давай у других спросим.

– Здравствуй, байке, ты тут парня в зеленой кепке с фотоаппаратом не видел?..

Нет больше ни ущелья, ни гор, ни рек, ни водопадов, ни соколов-беркутов, – ничего. И меня тоже.

…Карие сверкающие глаза, наморщенный лобик… Обнял, поцеловал. Инге обожгла мое плечо брызнувшими слезами.

– Ну, не плачьте, все же хорошо, – вздохнул с облегчением смущенный Каныбек.

На обратном пути мы зашли к пчеловоду-татарину.

– Паша! Ты нашелся! – закричал лучезарный пчеловод, завидев издали мою зеленую кепку и фотоаппарат. – Эй, Паша, где ж ты потерялся, мы же так беспокоились. Слушай, давай-ка в честь такого счастья выпьем по стаканчику м-м-м-аааааки!

– Это он медовуху так называет, – шепнул Каныбек.

Татарин отвернул кран у деревянного бочонка, стоящего на прилавке, но золотистой жидкости на-

бралось только полстакана и семь капель.

– Эх, кончилась… – вздохнул Каныбек.

– Не раскисай! – скомандовал пчеловод. – Давай перевернем бочонок, глядишь, еще чего вытечет.

Они с Каныбеком подняли бочонок, мы с Инге подставили баночку. В дар нам пролилось еще полтора литра араматнейшего напитка горных богов. Татарин с шутками и прибаутками налил каждому по стаканчику, и, когда очередь дошла до него, провозгласил тост, подмигивая нам с Каныбеком:

– Выпьем за здравие женщины! У нас в доме все будет хорошо, если все хорошо будет у женщины. Когда женщина здорова и счастлива, мы, мужики, тоже счастливы и здоровы! А? Парни, правильно?! Ха!

Медовуха благоуханным запахом своим кружила голову.

P.S. Легенда. И жили они душа в душу.

Рафаил повторял наизусть как мантру отрывок из «Послания к Коринфянам», и крылья его заискрились золотом, как будто тлели, подожженные:

– «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится. Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое…», – замолк, как радио с резко убавленной громкостью, дождался, когда высохнут слезы, и спросил нетвердым голосом у Гавриила, взбалтывающего ногами край розового облака, на котором сидел:

– За что же, за какие заслуги дано тебе охранять сразу двоих, Гавриил, да не просто двоих, а влюбленных?

Гавриил улыбнулся, как будто пролился мед на лицо его. Сказал: – Ты разве не знаешь Секрет Любви? Мы охраняем не тело, но душу. Младенцев и вьюношей стережем мы, как привратников, то есть как пристанище многих душ, ибо великое их число проходит чрез малых сих в пору их созревания. Когда же созреют, душу в себе обретут бессменную, одну навсегда. И только влюбленным дарована одна душа на двоих, ибо кажется только, что тела у них порознь, а по сути же они одна плоть. Объемлет их душа одна на двоих, мечется между, ежели в разлуке они окажутся, и я не даю ей заблудиться. Представь, ежли такое случится…

Еще одна слеза сбежала с позолоченного лица Рафаила, устремилась вниз с облаков к земле, но на полпути обернулась голубем, который затрепетал бело-голубыми крыльями и, вернувшись ввысь, испарился в облаках.

V

На третье утро пребывания в центре туристической суеты Иссык-Куля мы почувствовали, что начинаем превращаться в банальных отдыхающих, коих вокруг и без нас было кишмя кишащее множество.

Но панике мы не поддались. Решение приняли мгновенно: сию же секунду отправляться на восток. Рюкзаки собрали за полчаса, распрощались с Каныбеком и его многочисленными сестрами, сотворив мистический ритуал обмена е-мейлами, и вышли на дорогу.

Вырваться из сетей бизнес-туризма первым же марш-броском не удалось. Часа через два мы снова оказались на туристическом пляже. На этот раз в пансионате «Аврора». Но он уже был гораздо ближе к востоку и гораздо дальше от эпицентра туризма. Тихий, немноголюдный пляж – лучшее место для обеденного перерыва.

– Помнишь, вчера нам рассказали про могилу апостола Матфея? – спросил я.

– Да-да, очень интересно… – отозвалась Инге.

– Осталось только выяснить, правда ли это…

– Пообедаем – и в путь.

На все наши расспросы местные жители и проезжающие водители пожимали плечами. Никто больше не слышал о евангелисте Матфее и его иссык-кульской могиле. В аиле Ананьево над побеленными домами мелькнул купол православной церквушки.

– Остановите! – выпалил я, еще сам не сообразив, что делаю.

Инге вопросительно посмотрела на меня, когда мы распрощались с владельцем джипа, подбросившего нас до аила.

– Если уж кому дано знать о могиле святого апостола, – ответил я, – так, в первую очередь, прихожанам православного храма.

И я ткнул пальцем в сторону гор, где над крышами домов блестела выкрашенная ярко-желтой краской маковка.

«Храмъ святаго Николая-чудотворца» – было вырезано на арке входных ворот. С заднего двора от хозяйственных построек доносились оживленные голоса. Судя по всему, у настоятелей храма были гости.

– О! – воскликнул высокий мужчина лет сорока, завидев нас, и обратился в темный проем сеней: – Батюшка Валентин! Тут к вам путники пожаловали. Мы их, кстати, видели по дороге – на обочине стояли с рюкзаками. Но у нас, уж простите, – он обратился к нам, – полная машина, посадить вас было некуда.

Из сеней вышел невысокого роста старичок в серых брюках и клетчатой рубахе, седые волосы были как-то по-древнеславянски сцеплены в хвост на затылке. Сухим загорелым лицом его владела эйфория.

– Здравствуйте-здравствуйте, – он осенил нас благим крестом, не совсем еще понимая, кто мы такие, но без меры изливая на нас свою радость.

Мы поздоровались, представились, объяснили суть наших поисков.

– Могила святого Матфея! – воскликнул блажен-

но батюшка и заискрился еще большим радушием. – Как же, ну, как же! Конечно, знаем! Да мы сейчас с вами туда поедем. Эй, Федор! Где же он? Сейчас Федор появится, он же как раз в ту сторону направляется, да я и сам давно хотел там еще раз побывать. К тому же, и тебя, Игорь, с девочками свозить обязательно надо.

Высокий мужчина смущенно закашлялся.

– Ну, может быть, не стоит так спешить, батюшка?..

– Ах, вы же с дороги, – всплеснул руками отец Валентин, посмотрев на нас. – Вы, кстати, познакомьтесь. Это отец Игорь, из Бишкека приехал, прихожанок своих юных привез. А сколько сейчас времени? Ну, так еще же рано, может, все же съездим на могилку-то? Давай, Игорь...

– Не знаю, батюшка… – пожал плечами Игорь. – Ребята наверняка и не обедали еще.

Отец Валентин тут же отрядил нас на кухню, где круглая и румяная кухарка Фекла налила нам холодного постного борщика. После трапезы нам показали убранство храма, алтарь, иконостас. Отец Игорь, припадая на одну ногу, ходил по храму кругами и рассказывал историю православия на Иссык-Куле: где, когда и сколько на побережье строилось церквей, какие из них действуют и поныне. Когда появился Федор – страшно худой, невнятно разговаривающий мужчина с белесым пушком на голове, – снова возникли дебаты о поездке на могилу евангелиста. Но батюшка Валентин так и остался без поддержки. Федор пожимал плечами и мямлил что-то про бензин и время. В конце концов было решено, что нас просто по пути подкинут до ближайшего к святыне аила.

– Я вас могу до Курментов добросить, там недалеко, – вяло улыбнулся Федор.

– Зачем им в Курменты! – замахал руками батюшка. – Им надо до Техникума. Перед заправкой там будет мельница, – хотя никакая это не мельница, но все местные называют ее так. В каждой деревне есть своя достопримечательность, а в этой деревне – она, кажется, зовется Ак-Булун, но все иначе как Техникум ее не называют, – мельница и есть эта самая местная достопримечательность… – он подмигивал нам, источая в пропахший ладаном воздух лучистую иронию.

Батюшка благословил нас на дорожку и подарил сборник молитв для паломников.

Федор посадил нас в свой старый бежевый «Форд». И, прежде чем завести своего тезку, сосредоточился на ближайших целях, которые и пробубнил вслух полушепотом: «Заехать в Жаркынбаево, купить хлеб, рыбу, капусты, арбузов, забрать Машу…». Мы аккуратно выехали на трассу и так же аккуратно покатили на малой скорости к востоку. На перекрестке в Жаркынбаево Федор с озабоченным лицом вышел за покупками. Через пять минут принес хлеб и ушел за рыбой.

– Не нравится мне этот дяденька, – дрожащим голосом сказала Инге. – Он, между прочим, хлеб завернул в какую-то подозрительную простыню с багровыми пятнами…

Я хотел сказать что-нибудь успокаивающее, но вернулся Федор с рыбой. Я спросил:

– Давно вы в храм ходите?

– Не так давно, – вздохнул Федор, нахмурился, завел машину. – Со мной же несчастье произошло. Вот с тех самых пор, как выжил… Господь сподобил. После этого и хожу к батюшке.

Он вдруг схватил мою ладонь, сжал мои указательный и средний пальцы, как сжимают карандаши, когда хотят ими что-то написать, и поднес к своей плешивой голове.

– Не бойся, – проговорил еле разборчиво. – А то ты сам не сможешь, а я тебе покажу, – вот тут у меня кости нет…

Он провел подушечками моих пальцев по своему черепу, очерчивая неровную окружность. Я почувствовал под теплой кожей границу мягкого провала. Заросшая дырка в голове… На несколько секунд я впал в ступор. А Федор отпустил мою руку и уже болтал о чем-то своем – про больницу, двухмесячную кому, сестру, заботившуюся о нем. Но потом снова принял сосредоточенно-напряженный вид и замолчал, глядя на дорогу.

Он свернул с трассы на пустынную улочку, провез нас по безлюдному аилу и заехал в какой-то узкий, поросший пыльным урюком тупичок. Остановился возле ворот деревянного, совершенно русского на вид дома, не похожего на кыргызских глинобитных соседей. Напевая, Федор вышел из машины и скрылся во дворе дома.

Инге заерзала на сиденье, оглядывая безлюдный тупик.

– Может, мы дальше уж как-нибудь сами, пешком… – предложила нерешительно.

– Думаешь, он пошел за бензопилой?

– Мне, между прочим, и батюшка этот подозрительным показался, – перешла Инге на трагический шепот. – Зачем он ему рыбы-то столько заказал? Видел, сколько денег на эту рыбу Федору дали? Может, это у них код какой секретный…

– Точно, – подхватил я зловещую интонацию, – о какой рыбе может идти речь в среду, среди бела дня… Тут явно что-то нечисто… Ты давай открывай потихоньку дверь и беги во-о-он в те кусты, а я тебя прикрою…

– Нет, я боюсь…

– Тогда давай наоборот. Сначала я тихонечко выберусь из машины и позову кого-нибудь на подмогу…

– А я?

– Ну, ты уж отбивайся, как можешь, а там и я с подмогой подоспею.

– А если…

Пронзительно скрипнула калитка. Появилась лысая голова Федора. На лице – кривенькая улыбка. За ним вышла молодая женщина с грудным ребенком.

– Познакомьтесь, это моя племянница с сынишкой, – прошамкал Федор, сев в машину.

Мы стали знакомиться. И за этим занятием позабыли о своих страхах.

А пока ехали дальше, решили выйти в Чон-Орукту – аиле, где были горячие источники, которые мы обязательно хотели посетить по дороге. К тому же время близилось к закату, и нужно было определяться с ночлегом.

Федор высадил нас, объяснил, как пройти к источникам, и пожелал удачи.

До заката мы успели искупаться в Иссык-Куле, вымыться в струях горячей радоновой воды и устроиться на ночлег у местного аксакала – старенького деда Асеина.

Он плохо говорил по-русски, выговорить мое полное имя мог с огромным трудом, поэтому попросил разрешения обращаться ко мне просто «Пашка».

– Не абижаешься? – спрашивал несколько раз, заглядывая мне в глаза. Но не думаю, что в сгустившихся сумерках он что-то смог разглядеть.

Мы засиделись во дворе на скамейке. Инге ушла стелить постель, а я, дед Асеин и еще один байке из Казахстана, тоже снявший комнату у деда, тревожили темноту мужскими голосами.

– Так вы откуда, говоришь? – переспросил меня казах, рисуя широкую дугу огоньком сигареты.

– Из Ижевска, там Калашников живет, делали раньше мотоциклы «Иж-Юпитер»…

– Знаю-знаю… Это какая республика? Мордовия?

– Удмуртия.

– Дак ты, Пашка, удмурт? – спросил дед Асеин.

– На одну четверть. У меня бабушка удмуртка.

– А удмурты кто? Они язычники, мусульмане или… – продолжал интересоваться дядя с Казахстана.

– Сейчас православные. А раньше язычниками были, поклонялись лесным богам.

– Ну, примерно, как и кыргызы. Да, байке? – Обратился он к деду. – Я даже могу рассказать, как дело было. Вот он, почтенный аксакал, не даст соврать. Раньше кыргызы были кочевниками, жили, знаешь, где? На Алтае. Алтай в переводе с кыргызского значит «девять месяцев», там же Енисей протекает, по-кыргызски значит «мать-природа». Вот они ей, природе, и поклонялись. Так, Асеин-байке?

Дед во тьме заворчал что-то с утвердительной интонацией.

– Так вот, – продолжал вещать казах, – потом кыргызов стали монголы притеснять. Вплоть до того дошло, что возникла угроза полного исчезновения их с лица земли. Вот тогда и появился национальный герой Манас. Слышал про него? Он собрал весь свой народ и увел на юг в наши казахские степи. И казахский народ подарил кыргызам как братьям, оказавшимся в беде, эту землю вокруг Иссык-Куля и ту, что дальше на юго-запад простирается. Потому что здешний климат оказался наиболее похож на алтайский. Так было дело, байке?

– Так… – ответил дед и добавил что-то на кыргызском.

P.S. Легенда. Манас великодушный.

Мужчина из Казахстана докурил и ушел спать. Дед Асеин тоже уковылял в темноту в сторону дома. Я задержался послушать сверчков.

Ночь стояла темная, безлунная, только холодные песчинки звезд честно пытались осветить землю. Со стороны озера послышались негромкие шаги, копыта стучали о мягкую землю. Я заметил черный силуэт человека, который вел под уздцы высокого коня. Они остановились в пяти шагах от меня возле тополя. Конь мягко фыркнул, хлестнул хвостом атласный бок. Темный человек молчал. Насколько я смог разглядеть, он был в кыргызском колпаке, за спиной – что-то очень похожее на колчан с гребешками оперенья, в руке змея камчи – плетеной нагайки.

– Здравствуйте, – сказал я скорее из страха, чем из вежливости.

– Саламалекум, – с легкой иронией, как мне показалось, ответил человек. – Кто ты?

Я открыл рот, чтобы произнести обычный в таких случаях набор предложений. Но после неловкой паузы я назвал только свое имя.

– Откуда ты? – с той же ироничной интонацией незамедлительно спросил незнакомец.

– Из Удмуртии, – негромко ответил я. – А сам-то ты кто будешь, незнакомец?

– Я – Манас, – ответил черный гость, рассмеялся тихим хрипловатым смехом и побрел со своим конем дальше, во тьму.

VI

Чон-Урукту – маленький аил. Еще меньше – опорный пункт за Чон-Урукту вблизи горячего источника. Всего шесть или семь дворов. Сия скудная россыпь домов и носит гордое название Академия. «Это потому, что здесь институт почвоведения был», – объяснил мне на следующее утро дед Асеин, диктуя свой почтовый адрес. Мою попытку перевести Чон-Урукту как «большой урюк» он высмеял, обнажив прокуренные кривые зубы. Младший его сын Медербек только смущенно улыбался в стороне.

– Эй, Пашка, фотографии пришлешь? – спрашивал дед, тыкая сухим корневидным пальцем в мою записную книжку.

Дед круглыми днями просиживал на лавочке возле горячего источника. Следил, чтобы все посетители исправно вносили плату за возможность постоять в душе из радонового кипятка. Когда нужно было отлучиться, его подстраховывал соседский пацаненок лет десяти с хитрыми черными глазами.

Году в 96-ом, когда и был открыт источник, душевые «кабинки» сделали на скорую руку из железобетонных заборных плит, какими в советские времена огораживали стройплощадки. Сверху эти клетушки накрыли шифером, который со временем потрескался. Вход в каждую кабинку открывала кривая дверь с крючком из загнутого гвоздя. Внутри – бетонный пол, под потолком – труба с насадкой из продырявленной пластиковой бутылки, через которую непрерывно льется горячая вода. Привыкнуть к высокой

температуре – практически невыполнимая задача. Приходится то и дело выскакивать из-под обжигающей струи, а потом, собравшись духом, шагать обратно.

В самой крайней кабинке стоит чугунная ванная, ее тоже можно наполнить целебной водой. «Только будет дороже, – скажет тебе маленький напарник деда Асеина и протянет смуглую ладошку. – Давай не пятнадцать, а двадцать пять сомов». Но погрузиться в ванную с кипятком ничуть не проще, чем принять душ. В общем, есть чем развлечься на радоновом источнике Чон-Урукту.

В доме деда Асеина и его жены Канымбубу, помимо младшего и старшего сына, живет еще и средняя дочь Самара с годовалой доченькой Умют, что означает «Надежда». Два года назад Самару украли. Прямо с работы в поле подхватил и увез ее нынешний муж, с которым она познакомилась только в машине во время инцидента. По обычаю сыграли свадьбу, несмотря на то, что в то время был у Самары другой милый дружок. Пришлось смириться. Однако до сих пор Самара живет с родителями, говорит, что к мужу пока «не привыкла», а разводиться… не то, чтобы нельзя, но как-то неприлично. И без того в Кыргызстане слишком много разводов после подобных краж.

Об этом Самара рассказала Инге наедине. Шепнула на ушко красивой гостье из России, что хочет поговорить, и отвела в дальнюю комнату, где излила, как родниковую воду из ладошки, свою печальную историю.

С приютившей нас на ночь семьей Чаныровых прощались долго. Перепроверяли адреса, раскланивались. Дольше всех нам вслед махала мать семейства бабушка Канымбубу, поначалу показавшаяся строгой и необщительной. Еще долго, оглянувшись на пыльной дороге, можно было видеть ее фигуру в темном платье.

На этот день мы поставили себе цель-максимум – добраться до Каракола. Цель-оптимум – найти могилу евангелиста Матфея… А там уж как получится, может быть, и заночевать придется где-нибудь поблизости от святого места.

Через полтора часа мы доехали до аила Курменты, фигурирующего в координатах, данных нам батюшкой Валентином. Однако местные жители отправили нас на километр назад, в аил Светлый мыс или по-кыргызски Ак-Булун, а среди местных просто Техникум.

С транспортом повезло – лошадка, запряженная в арбу, а в ней трое детишек с взволнованной байбиче:

– Эй, – замахала на нас женщина, – арба не выдержит, идите пешком!

Но в следующее мгновенье сжалилась, позволила закинуть рюкзаки и взобраться самим. Мы медленно под цокот копыт затряслись в повозке, устланной сеном. Дети – две девчушки лет десяти и парнишка лет шестнадцати на поводьях – с интересом посматривали на нас.

– Вы со Светлого мыса? – спросил я.

– Да.

– У вас там старая мельница есть?

– Есть.

– А останки монастыря?

– Есть. И техникум есть. Сельхоз-хозяйственный.

– А могила апостола Матфея?

Дети пожали плечами, переглянулись.

– Спросите в техникуме у преподавателей или в библиотеку зайдите…

Мы свернули с трассы. Дорога тянулась вперед еще на километр. Как темные своды тоннеля, склонились над потрескавшимся асфальтом кроны многовековых деревьев – то ли карагача, то ли тополей, разросшихся по обе стороны дороги. Такая же древняя, как и старые ветви, тень приняла арбу в прохладные объятья.

– Боже мой, как у вас тут красиво… – вырвалось у меня.

Дети смущенно улыбались.

Мы рассматривали толстые, морщинистые стволы деревьев, плотно обступивших дорогу и внушающих невольный трепет, как стены древнего храма. От каждой морщинки веяло вечностью.

– Откуда у вас такие деревья? Мы нигде на Иссык-Куле таких не встречали…

– Монахи посадили много-много лет назад, – ответила старшая из девочек. – Если сверху с гор посмотреть, они растут как большой крест. Так и так… – она скрестила ладошки.

– А что это за монахи такие?

– На месте нашего аила давным-давно монастырь был. С тех времен осталась только мельница да библиотека. Ну, и деревья еще.

Долго и молча ехали мы по аллее.

В конце соскочили на повороте.

– Дальше пройдете, увидите мельницу с правой стороны, – махнули нам на прощанье ребята.

Одноэтажное здание из древнего почерневшего дерева со скатной низкой крышей, с разрушенным крыльцом и воротами, на которых висел тяжелый амбарный замок, – вот что называли местные жители старинной мельницей. Мы скинули рюкзаки и обошли вокруг постройки.

– Не понимаю, – сказал я, – это какая мельница была – ветряная или водяная?.. Где здесь мукомольный жернов спрятан, и чем он приводился в движение, – ослами?

Со стороны озера, поблескивающего за холмиком и глинобитными домиками, появились смуглые пацанята на велосипедах. Остановились в нескольких шагах, с озорными улыбками стали рассматривать нас и наши рюкзаки.

– Здравствуйте, ребята, – крикнул я, – это мельница?

Они закивали в ответ.

– А библиотека где?

Мальчишки синхронно указали в сторону, откуда мы приехали.

– Значит, мы ее пропустили, – сказал я.

Мы вернулись назад и сразу же узнали древнее здание по темным массивным бревнам, – из таких же была выложена мельница. Зашли в прохладные сени по скрипучим рассохшимся ступеням. В прохладе читального зала беседовали две пожилые женщины: одна, судя по всему, – библиотекарь, вторая – постоянная читательница.

– Здравствуйте, мы ищем могилу апостола Матфея, вы нам не поможете?

– С радостью, – улыбнулась библиотекарь, – но лучше всего вам обратиться к Хариной Лидии Михайловне, она больше всех знает, специально занималась этим вопросом.

– А как нам ее найти? В техникуме?

– Нет, она уже там не работает… Вам лучше всего к ней домой зайти. Как же вам дорогу объяснить…

– А что объяснять, – сказала женщина со стопочкой книг, – я как раз туда иду, покажу...

По дороге она рассказала нам, что все древние постройки, сохранившиеся в аиле со времен монастыря, сложены из дубовых бревен, которые готовились монахами особым образом: пять лет отмачивались в воде и столько же после тщательно просушивались. Поэтому древесина приобретала необычайную прочность, становилась твердой, как камень.

– До сих пор в библиотеке забить гвоздь в стену – большая проблема, – сказала женщина. – Вот мы и пришли, – она указала на дом с заросшим палисадом и снизила голос: – Знаете что… Потеплее к Лидии Михайловне! Она женщина такая, к ней особый подход нужен, – тогда она и разговорится, и все расскажет. А знает она ой как много, никто столько не сможет рассказать. Она этим монастырем занимается уже столько лет… И в библиотеки ездила, и в архивах сидела, американцы эти тоже с ней только советовались… В общем, давайте, не теряйтесь, – ее, главное, разговорить… Лидия Михайловна! – женщина окликнула хозяйку. – Вы дома?

Застучала в калитку.

В доме послышался шум, потом раздался озабоченный голос:

– Иду-иду…

С крыльца к нам быстро спустилась пожилая женщина с красным лицом: рыхлая, лоснящаяся от пота кожа, мутные глазки над большим носом, придававшие ей сходство со старушкой из мультфильма о поросенке Фунтике.

– Здравствуйте-здравствуйте, что случилось? – она говорила громко, отрывисто и смотрела на нас внимательным, холодным взглядом, хотя и улыбалась при этом, – за ярко-накрашенными губами сверкали железные зубы.

– Гости к вам, про могилу апостола хотят расспросить, – представила нас женщина из библиотеки.

– Так, – кивнула Лидия Михайловна. – Кто такие? Откуда?

– Мы из Ижевска, просто путешествуем вокруг Иссык-Куля и по дороге случайно узнали… – пустились мы в объяснения, вложив в них весь оставшийся энтузиазм.

– Ясно, – подытожила Лидия Михайловна. – Знаете что… Вы давайте еще полчасика погуляйте вокруг, а то мне прибраться надо и переодеться. Я только из Каракола вернулась, в дом вас пригласить не могу. Вы в детский дом сходите, – она махнула рукой через дорогу, – посмотрите там часовенку, кладку старинную, что от монастыря осталась. И минут через тридцать возвращайтесь, я вам все расскажу про Матфея.

– Хорошо, можно мы только рюкзаки оставим?

– Конечно-конечно...

Налегке мы направились в детдом.

P.S. Легенда. Говорящие не знают, знающие не говорят.

Чего не знаю, я, конечно, вам не скажу. Но об этом вашем Матфее каких только слухов не ходит. Говорят, что американец, который приезжал сюда с аквалангами да кинокамерами, Мельникофф по фамилии, откопал все же раку серебряную с мощами апостола. И все на камеру заснял, как полагается. Но он хитрый, американец этот. Просто так клад свой отдавать не хотел. В общем, он к президенту Кыргызстана пришел и говорит: забирай у меня и раку, и фильм, прошу всего ничего – сорок миллионов баксов. Зато как только, говорит, во всем мире узнают, что у вас тут Матфей погребен был, сразу толпы туристов ринутся, как на Голгофу в Израиле или в Рим с Ватиканом. Ох, и разбогатеете тогда, говорит, и кассетой с фильмом подманивает.

Ну, а наш президент? Да кто ж его знает! То ли не поверил, то ли не нашлось у него сорока миллионов. Остался американец без денег. Но, говорит, я терпеливый, найдется другой миллионер, который раку и кино купит. Подожду, говорит.

А сам тем временем, как люди говорят, тайно вывез кости апостола прямиком в США на военном самолете с ихней базы. То есть, если посудить, мимо носа нашего президента туристическое счастье пролетело.

А, может, и вранье все это. Пока достоверно ничего никому не известно. Время рассудит. Если только еще больше не запутает.

А то ведь как оно бывает: клады эти драгоценные с мощами имеют хитрое свойство размножаться. Глядишь, – то тут, то там Святой Грааль или Плащаницу найдут и признают подлинной. То тут, то там череп Иоанна Крестителя отыщут, – где четырнадцати лет, где сорока двух. Матфей-то тоже прожил немало, глядишь, и наши иссык-кульские мощи размножатся в руках американских, на каждый год жизни по раке отыщется, так может больше восьми десятков получиться. И если за каждую по сорок миллионов платить, много еще аквалангов и кинокамер американцу Мельникоффу можно будет купить для развития культуры и отдыха, а также для закрашивания белых пятен мировой истории.

VII

Лидия Михайловна уже ждала нас на крыльце, вышла навстречу, открыла калитку, а сама не сводила с нас внимательного, изучающего взгляда.

Войдя через калитку – деревянную, окрашенную в синий цвет, – мы будто из знойного Кыргызстана попали в солнечную Украину. Именно такое впечатление производил двор Лидии Михайловны, густо засаженный низкими раскидистыми яблонями, сливами, кустами малины и крыжовника. В углах толпились заросли крапивы и лопуха, перед ними – ровные грядки морковки и лука. Вместо тропинок к домику вели тротуары – широкие доски, утопленные в землю. Повсюду – совершенно русская трава-мурава с желтыми пятнами одуванчиков. Нигде еще в Кыргызстане не видели мы такого типично малороссийского или нетипично кыргызского хозяйства. Сверкающую побелку глинобитного дома подчеркивали ярко-синие резные наличники, глиняная крынка на подоконнике, деревянная скамейка под окном и русская кошка на ней. Откуда-то из-за дома доносилось кудахтанье куриц.

– Извините меня, но прибраться я так и не успела, в дом не пущу, – сказала Лидия Михайловна, вынося во двор, под тень яблонь табуретки и кастрюлю борща, запах которого окончательно перенес нас в украинскую пастораль.

– Ну, так что вас интересует? – спросила женщина.

Я рассказал, как мы случайно услышали в дороге про могилу апостола Матфея и как захотели увидеть ее воочию.

– А путешествуете, значит, сами собой, без особой цели? – спросила Лидия Михайловна, как мне показалось, не особенно поверив в мои слова.

Мы делали вид, что увлеклись борщом, отгоняли котенка, нападавшего на наши ноги, и неторопливо рассказывали подробности дорожных приключений, надеясь, что, может быть, нам удастся преодолеть настороженность хозяйки.

– Вы, говорите, из Ижевска? – переспросила она. – У меня там родственники живут. Чиликины, не слыхали? Они в сельхозтехникуме работают преподавателями. Оба агрономы. Я их адрес давным-давно потеряла, знаю только, что они в Ижевске, и все.

Я сказал, что мы могли бы попытаться разыскать родственников Лидии Михайловны, если для нее это важно, и передать им ее адрес или письмо.

– Вот было бы хорошо. Ты запиши: Николай Иванович и Лия Авраамовна Чиликины.

Я записал в давно приготовленный, но пока так и не пригодившийся блокнот.

– А вы сами тут давно живете?

– С тысяча девятьсот пятидесятого года. Отец мой белорус, мать – украинка. В пятидесятом году отца со всей семьей сюда перевезли. Так называемая операция «Красные маки». Здесь была община ВЧК, тридцать хохлов и мой отец. И была у них общая задача – доказать местному кыргызскому населению, что коллективный труд – наиболее эффективный вид труда. Вот с тех пор мы здесь и осели. Из семьи я одна осталась, дочь моя в Эстонии сейчас живет. А насчет могилы Матфея вы меня зря не пытайте, я вам многого рассказать не могу, хотя ко мне всегда посылают. Меня саму очень эта легенда интересовала, я и в архивах рылась, и даже в Москву ездила. Но это долгая история, а вы, наверное, спешите. Вот когда напишете мне письмо из Ижевска, как там мои Чиликины поживают, тогда я вам обратным письмом кое-какие материалы вышлю. Сайт еще есть в интернете хороший, там все написано. А если вкратце говорить, то на месте этого аила находился раньше армяно-христианский монастырь. По преданиям, апостол Фома оставил на хранение в монастыре мощи апостола Матфея, когда путешествовал через эти места. Но позже землетрясение разрушило часовню, и рака с мощами ушла под воды Светлого мыса. Но достоверно никто ничего не знает.

– Нам сказали, что американцы тут с аквалангами что-то искали.

– Искали. Перерыли тут все, даже реку осушили, чтобы устье изучить.

– Ну, и нашли что-нибудь?

– Кто-то говорит, что нашли, а кто-то, – что придумали больше, чем нашли.

– Так, значит, здесь нет никакой могилы или пещеры с останками?

– Да бог с вами, какая пещера…

Больше разговорить Лидию Михайловну мы так и не смогли, как ни старались. И чем с большим подозрением она смотрела на нас, тем более подозрительно мы себя вели. В конце концов, нам осталось только пообещать, что мы разыщем семью Чиликиных в недрах ижевского сельхозтехникума, и надеяться, что с ответным письмом получим какие-нибудь ценные сведения о мощах Матфея. На большее рассчитывать было трудно. Мы продолжили курс на Каракол.

Вернувшись по древней монашеской аллее до трассы, мы поймали попутный газик.

Солнце садилось со стороны Иссык-Куля, подкрашивая горы розовым цветом. Дорога медленно изгибалась: мы въезжали на восточный берег озера. Мое внимание привлекла группа юрт, рассыпанных вдоль небольшой реки, как огромные войлочные шапки.

– Тут, в Тюпе, завтра будет большой праздник, – кивнул на юрты водитель. – Вам, наверное, будет интересно.

– Какой праздник?

– Большой национальный праздник. Пятьсот лет основателю рода Белек-ата. Со всех окрестных аилов народ приедет. Если хотите, могу здесь высадить…

Мы очень хотели.

Оставшись одни на перекрестке, вскинули рюкзаки и пошли по проселочной дороге прямо к юртам, розовевшим в стороне от трассы. Вечерний воздух стремительно остывал. Я подумал, что в войлочных юртах ночью должно быть тепло, уже представил,

как будем проситься на ночлег у хозяев. Мы даже разглядели одного из них – мужчина лет сорока в белом киргизском колпаке, в сером свитере и брюках сидел на пороге юрты, подперев кулаком подбородок, и с любопытством смотрел на нас. Мимо пронеслась «копейка» и с запозданием притормозила. Из нее вышел кыргыз в милицейской форме.

– Эй, вы куда путь держите? – крикнул он.

– На праздник, – ответили мы.

– Какой такой праздник? – спросил милиционер, подходя к нам. – Кто вас пригласил? Откуда вы?

Я достал паспорта и справку об этнографической экспедиции. Лейтенант долго изучал документы, потом сказал:

– Праздник завтра с утра начнется. А где вы ночевать собираетесь?

– Мы хотели в юрту на ночлег попроситься, – сказала Инге.

– Не надо, – покачал головой лейтенант, – люди сейчас волнуются, к празднику готовятся. Не надо им мешать. К тому же сейчас много пьяных в округе может быть…

– Эй, Докдурбай, ну что там?! – окликнули милиционера из машины.

– Сейчас! – махнул рукой лейтенант и вернул нам документы. – Давайте-ка лучше сегодня у меня переночуйте, а завтра видно будет. Я за вас теперь лично отвечаю. А если юрты хотите посмотреть, то это можно и сейчас устроить, а то завтра народу будет, – не подойти.

Наш новый знакомый лейтенант Шершеев погрузил наши рюкзаки в багажник и сказал приятелю за рулем:

– Давай ребятам юрты покажем.

Мы подъехали к мужчине в национальном колпаке.

– Здравствуй, Бакыт, тут друзья из России твоей юртой интересуются, не покажешь?

– С удовольствием, – улыбнулся Бакыт и поднялся с порога. – Проходите, смотрите.

Мы вошли. Вверху у круглого отверстия дымкана светилась электрическая лампочка.

– Видите, пол у нас из деревянных щитов, не как раньше, – шкуры и войлок стелили. Деревянный настил практичней. А все остальное – как у наших предков было. Сначала мы каркас ставим, видите деревянную обрешетку, – она складывается и раскладывается, как гармошка. Из особого дерева сделана – турпантал называется. Причем каркас без единого гвоздя собран, только кожаные ремешки используем. Сверху накрываем войлоком как одеялами. Обвязываем веревками, чтобы закрепить. Только наверху отверстие оставляем, – дымкан или тундук по-кыргызски, чтобы дым выходил. Видели, на флаге Кыргызстана тундук изображен? Вот, очень важная деталь юрты, – как солнце в небе, так и тундук в юрте. От тундука вниз спускаются сорок деревянных лучей, видите? Это по количеству сподвижников Манаса, их тоже было ровно сорок. Завтра на праздник придете – увидите, как тут внутри красиво будет. Мы ковры постелем, одеяла, стол накроем, чтобы гостей угощать. Завтра большой праздник будет. Много больших людей придет, смотреть юрты будут, выбирать самую красивую.

– Одна такая юрта стоит восемь тысяч долларов, – шепнул нам Докдурбай, когда мы садились в машину, – не каждый может себе позволить юрту иметь.

Докдурбай привез нас к себе домой и познакомил с женой.

– Это моя красавица Шахрезада. Это ее настоящее имя, а то все переспрашивают, не верят с первого раза. Еще у меня два сына и маленькая дочь, старший в Бишкеке учится в университете, а малыши сегодня у дедушки с бабушкой. Завтра утром придут, познакомитесь. Сейчас садитесь чай пить.

– Давно вы в милиции работаете?

– Давно. В отставку уже пора. В следующем году, думаю. Вот дом надо достраивать, а то с этой службой уже пять лет не можем стены оштукатурить. Хорошо хоть сейчас меня на более спокойную работу перевели, на бумажную, так сказать, а то раньше все по горам бегал, браконьеров да наркоманов отлавливал. У нас с этим беда. На архаров с вертолетов да с автоматами Калашникова охотятся, придурки. Еще в горах целые плантации мака и конопли незаконно выращивают. И все эти отбросы общества я уже пятнадцать лет за решетку сажаю. Встречаются такие, которых еще вычислить надо, а после хорошенько побегать, прежде чем поймаешь.

Вот был один такой отморозок по фамилии Фирсов. Я его три года выслеживал. Он, значит, служил здесь еще срочником в армии, откуда сбежал в конце девяностых и незаконно поселился в одном горном аиле. Никто ничего не знал. Сожительствовал он с одной кыргызской женщиной, а она работала в сберкассе, зарплату выдавала. Фирсов пять лет пробыл с ней в сожительстве чин чинарем, никаких подозрений не вызывал, ничего противоправного не совершал. Никто во всем аиле и не подозревал, что он дезертир. Но, оказывается, он к законопослушной жизни возвращаться не собирался, просто выжидал, как бы поудобнее кассу, где его сожительница работала, ограбить. А может быть, хотел вернуться к честной жизни, да только в нем преступная жилка все же взыграла. И спустя пять лет Фирсов, воспользовавшись доверием сожительницы, выкрал у нее ключ от сберкассы и похитил деньги. Да причем так хитро все обставил, что когда рассказываю, – не верят…

Докдурбай то и дело кивал жене, чтобы подливала нам чай в пиалы, а сам с азартом рассказывал витиеватые подробности своих служебных дел, словно угощал неведомыми сладостями. И чем дальше, тем слаще были угощения, чем ближе к полуночи, тем запутаннее дела и изощреннее их фигуранты. Докдурбай помнил их всех пофамильно, словно школьная учительница своих выпускников. Рассказывал наизусть об их особых приметах и сроках лишения свобо-

ды, которые они получили благодаря его усердию. В глазах его светился огонь и тем больше разгорался, чем больше звезд зажигалось на ночном небе за окнами кухни, будто кто-то наверху вел счет его «подопечным», – Фирсов, Кондеев, Матушкин, Джабула, Сергеев, Виноградов, Кошкин, Рамзанов, Кирик, Крючков… Да разве можно всех упомнить и про всех рассказать за одну кыргызскую ночь?

Нам, извиняясь, постелили на полу, ибо и сами хозяева спали на полу в доме вечного ремонта. Наши глаза слипались, а неутомимый лейтенант Тюпского отделения внутренних дел Докдурбай Шаршеев вещал нам о тысячах дьявольских хитростей, кишащих в головах наркоторговцев, как змеи в серпентарии...

Инге уже сопела мне в ухо, когда я, из последних сил борясь со сном как пограничник на высокогорном посту, слушал подробности изготовления «пыли» и «пластилина», которые с неугасимым энтузиазмом сообщал мне Докдурбай. Я уже не слышал его слов, но все еще видел его горящие глаза. И представлялось мне, будто идет он по маковому полю, широко расставив руки с раскрытыми смуглыми ладонями, потом медленно трет их друг о друга, и что-то черное и липкое скатывается между ними и осыпается вниз. Но тут воздух разрывает лай собак, клацанье затворов – и много-много, очень много Докдурбаев в милицейской форме с автоматами наперевес бегут, затаптывая маки в свете полной луны.

P.S. Легенда. Спасение от Избавления.

– Ну, кх-кгх… – закашлялся учитель, пряча взгляд от внимательных глаз учеников, – значица так… Спасение хотите? Это дело хорошее. Спасение можно обрести, если прозреете или, как пишут в книгах, спасение посредством прозрения. Ну, а прозрение вы обретете только через это… через избавление от личности. О! Как избавитесь от своей личности, так сразу раз – и спасетесь. Точно говорю. А спастись, кстати, забыл сказать, спастись, значит, это… войти в высшую реальность. Реально, понимаете? Это вам не шухры-мухры, в общем…

Он некоторое время молчал, пуская изо рта густые струи дыма, а потом добавил:

– Тут, вишь ли, не так-то все просто, понимаешь. Спасение – оно для всех, то бишь, дело всеобщее, единое, можно сказать. А вот это самое… избавление от личности – оно-то как раз дело сугубо индивидуальное. Понимаешь? Спасение же это и есть избавление от личности. Тут вона как – одно для всех, а второе только для каждого. Парадокс, одним словом...

VIII

Солнце светило ярче обычного в этот великий из дней. А было еще только утро. Докдурбай доставил нас на своей старенькой машине обратно в долину реки к украшенным кыргызскими орнаментами юртам. Столпотворение смуглых радостных людей с широкими скулами и темными глазами поражало воображение. Действительно можно было подумать, что все до единого потомка великого Белека-атаги, почившего с миром пятьсот лет назад, явились помянуть и восславить его. И с каждой минутой их становилось все больше и больше.

Вокруг юрт дымились казаны с кониной, вокруг казанов ломились столы, на которых женщины готовили салаты и выпечку, вокруг столов сновали дети, вокруг детей бегали собаки. И только почтенные аксакалы в красивых войлочных колпаках с черным бархатным подбоем сидели в тени юрт, неспешно перебрасываясь словами, будто вспоминали каждый прошедший за эти пятьсот лет день.

Все улыбались и удивленно смотрели на нас, единственных бледных среди тысяч смуглых. Мы вели себя подобающим образом – я щелкал объективом, Инге задавала вопросы. Женщины наперебой диктовали ей рецепты фунчозы, гурсука, шурпы, быжы. Мужчины поддакивали, кивали и помешивали сочные куски баранины в недрах дымящихся казанов. И только как обкыргызившиеся сто лет назад славяне, весело дымили и блестели на солнце знакомые самовары – русское изобретение, лучше и удобнее которого для кочевой жизни не придумал еще никто.

Нас пригласили в юрту отведать угощение. Поклонившись низкому входу, мы попали в царство байковых одеял с белыми лебедями и пестрыми узорами. Низкий стол утопал в яствах, и люди, сидящие за ним, улыбались, кивали и поздравляли друг друга и нас. Во главе стола сидели мудрые байбиче в национальных головных уборах – элечеках. Я оглянулся и понял, что в юрте только женщины.

– Мужчины трапезничают под небом, а не под дымканом, – шепнули мне. – Но гостям можно и здесь. Если хотите, не вставайте.

Нам протянули пиалы с чаем на самом дне, ибо чем меньше плещут здесь чай, тем больше уважения оказывают гостю. Лучшие куски конины и баранины тут же оказались в наших тарелках. Мы благодарили хозяев, с аппетитом пробуя вкуснейшие из блюд. А когда мы насытились, нам протянули целлофановые пакетики – выбирайте куски посочнее и берите с собой, пожалуйста: конины надо кушать много.

Мы прощались и фотографировались на фоне ярких ковров, развешенных по стенам юрты. Нас спрашивали, где мы остановились. У Докдурбая Шаршеева, отвечали мы. Не обижает ли, спрашивали нас, если что, возьмите адрес, можете у нас ночевать… Байбиче дала померять Инге свой белоснежный элечек и расшитый тончайшим узором халат. И когда я взглянул через объектив на молодую и сверкающую счастьем юную кыргызскую принцессу, мою жену, то испугался, не украдут ли ее сегодня горячие потомки Белека-атаги.

Мы вышли под свет яркого солнца, и я испугался еще больше: много крепких парней пришло на праздник. Некоторые возвышались над толпой, пересекая ее на лучших тюпских скакунах – тулпарах. Другие блестели темными очками под шикарными ковбойскими шляпами, а кто-то хрипло смеялся в стороне, показывая солнцу золотые зубы.

У реки в эпицентре азартной мужской толпы на войлочном ковре сходились загорелые батыры, хватая друг друга за разноцветные пояса и пытаясь прижать друг друга к земле. Мускулистые торсы, бритые затылки, напряженные зрачки. Судьи не сводили глаз с пыхтящих соперников. Бросок – и один из двух оказывался внизу. Толпа вскипала одобрением, а зазывала кричал, что любой желающий может сразиться с чемпионом Бишкека и по праву получить первое место и главный приз. Вызвался один крепкий батыр в адидасовских тренировочных штанах. На краю ковра он скинул кроссовки и стянул футболку. Ему повязали синий пояс, и он вышел босиком перед спокойным чемпионом в красивых борцовках. Профессионал против самородка. Тренировочные штаны против красных шорт. Они схватились, овладев поясами друг друга и зрительским дыханием. Надо ли говорить, на чьей стороне были потомки Белека-атаги. И он победил. В конце тяжелой борьбы опрокинул чемпиона на лопатки.

Рядом на большом открытом пространстве состязались другие крепкие парни. Они как влитые сидели в седлах, их крепкие торсы сливались с атласными мускулами их коней, беспокойно переступающих по траве. Они натягивали поводья, их кони храпели друг другу в холку, а сами батыры напряженно ловили момент поколебать монолитность соперника, слитность его с конем, чтобы, выдернув из седла, скинуть в пыль, под копыта.

Но главные игры были впереди. Им предшествовал большой концерт, перед началом которого почтенный имам в белоснежной тюбетейке обратился к присутствующим с наставлением и мудрым словом. Уважаемые люди в первых рядах внимали ему, медленно кивая красивыми войлочными колпаками.

Имам освободил сцену щуплому мальчишке. Прячa свою худобу в расшитом шелковыми нитками халате, он сел на стул посреди сцены и закрыл глаза. Одобрительный гул зрителей стих. Повисла тишина. И сначала, казалось, робко, несмело, но с каждым звуком все громче, отчетливей и мощней полилась из груди пятнадцатилетнего мальчика песня о Манасе. Зазвучал над горами и рекой великий эпос.

– Кто это? – спросила Инге.

И нам объяснили, что этот мальчик – манасчи, то есть певец эпоса о Манасе, великом кыргызском богатыре. Манасчи впадает в транс и наизусть, слово в слово, поет все предание. Говорят даже, что он никогда не читал его, говорят даже, что он и читать не умеет, что свыше снизошла на него благодать в виде дара быть манасчи.

А тем временем голос мальчика с закрытыми глазами действительно налился гипнотической силой. Казалось, горы и небо отражают эхо его слов.

– Видите, он в трансе? К нему в это время лучше не подходить. Случайно махнет рукой – улетишь на десять метров, хорошо, если жив останешься…

Мы заслушались, захваченные магическим ритмом песни.

Когда же звуки эпоса стихли, взорвалась музыка, вышли на сцену кыргызские красавицы с комузами, и их аккорды зазвенели под аплодисменты зрителей. Потом были пляски театральных батыров с щитами и саблями. В красивой меховой шапке с перьями совы пела заслуженная артистка Кыргызстана Рыскан Кашкарбаева.

Мы подошли к юрте за сценой. Артисты выскочили к нам сфотографироваться и рассказать о своих саблях, щитах, комузах и песнях. Мы спросили о манасчи. Кто-то позвал его. Мальчик, взбив морщинами лоб, неохотно подошел. Молчал и слушал, не отвечая на вопросы.

– Можно тебя сфотографировать? – спросил я.

Он, наконец, неуверенно кивнул и встал, вытянув вперед худую шею, так и не освободив от морщин лоб и аккуратно придерживая ладонями карманы халата, который был ему велик на несколько размеров.

Другие гости праздника стали подходить к нам сфотографироваться. С удовольствием позировали и оставляли адреса: кто постарше – почтовые, кто помоложе – электронные.

Мы отошли к реке отдохнуть от столпотворения и шума. Стая голых пацанят плескалась в ее быстрых мутных водах, взрывая тысячи брызг.

К нам подошел Докдурбай.

– Эй, я вас совсем потерял. Ну что, нравится вам? Никто не обижает, не пристает?

– Что ты, Докдурбай, кто тут может обижать? Наоборот. Не беспокойся. Нам даже на лошадях дали прокатиться.

– Ясно. А вы не голодные?

– Сыты, как никогда!

– Тогда пойдемте, сейчас скачки начнутся.

Мы прошли к временным, сколоченным из бруса трибунам, вокруг и на которых уже собрались почти все участники праздника. Еле нашли место на пригорке, с которого можно было обозреть овал импровизированного ипподрома. На старте уже топтались разгоряченные скакуны. В седлах, к нашему удивлению, сидели будто родные братья нашего знакомого манасчи – один другого моложе, один другого худее.

– Что это? Первый забег маленьких всадников, младшая группа? – спросила Инге у Докдурбая.

– Почему младшая группа? – удивился он. – Простые всадники, как везде. Ты имеешь в виду, почему мальчишки такие маленькие? Это специально так. Если бы ты видела хозяев этих скакунов, то поняла бы, что лучше маленький мальчик, чем толстый бай! Понимаешь? Это для того, чтобы лошади было легче скакать. Чем меньше и легче джигит, тем она быстрее к финишу придет. Тут же не всадники соревнуются, а скакуны!

Судья выстрелил в воздух, и кони рванули с места. Сколько напряжения и азарта выплеснулось в воздух вместе с криками зрителей! Пацанята, каким-то чудом державшиеся в огромных седлах, – а кто-то был и вовсе без седла, – хлестали скакунов, поднимались в стременах, пригибались к буйным холкам

своих питомцев, что-то шептали и кричали им в оттопыренные уши и неслись, неслись над пылью, считая круги до финиша. Старшие джигиты вокруг, не слезая с лошадей, следили за состязанием со знанием дела, читая гонку как книгу, написанную простым и ясным языком. Наверняка они с первого взгляда могли понять, кто выйдет в следующий круг, кто доберется до финала, а кто безнадежно отстанет уже на первом круге.

В финале призы разделили по степени важности: за третье место – телевизор, за второе – холодильник, а первый, лучший из скакунов, принес своему неизвестному хозяину автомобиль. Что досталось мальчишкам, осталось для нас тайной.

Люди стали расходиться, разбирать юрты.

– Все, праздник закончен?

– Нет, – сказал Докдурбай, – скоро начнется самое важное. Кок бору.

– Что это?

– Козлодрание. Кок бору – национальное кыргызское состязание для настоящих джигитов. Никогда не слышали? Это, конечно, зрелище не для слабонервных. Я даже думаю, что вам не стоит на него оставаться. В общем, дело там вот в чем. Джигиты разбиваются на две команды. Берут тушу специально приготовленного, обезглавленного козла или барана и… играют им. Задача – выхватить у противоположной команды барана и забросить в специальный колодец вроде ворот в футболе. Только все это на лошадях.

– Очень интересно. А когда начало?

– Не знаю. Скоро. Наверное, дадут юрты убрать, а потом по всему полю будут носиться. Все-таки вам не стоит оставаться. После игры тут такое начнется… Раньше, по преданию, туша барана доставалась выигравшей команде. Сильнейший джигит имел право схватить ее и, прискакав к дому самой красивой девушки, бросить барана к ее ногам. Тогда она обязана была выйти за него замуж. А сегодня после игры, я боюсь, вакханалия начнется. Джигиты могут выпить лишнего. Начнут по всему Тюпу на лошадях носиться, тушу барана друг у друга отбирать, людей пугать. Не дай бог, кто-нибудь под копыта попадет.

– Ну, мы краем глаза хотя бы начало посмотрим, – улыбаясь, попросила Инге.

Но дождаться интригующего зрелища нам не было суждено. Начало состязания затягивалось, люди расходились. Юрты были разобраны и сложены в грузовики. Над рекой повисла розовая предзакатная дымка. И Докдурбай сказал:

– Ну все, поехали домой. Завтра рано вставать, если вы хотите, чтобы мы вас до Каракола довезли и в музей Пржевальского заехали.

Только дома Докдурбай успокоился, приняв опять свой добродушный вид. Видно было, что он удовлетворен праздником, закончившимся без особых происшествий.

– Давайте-ка и мы помянем, как пологается, Белек-атагу, – подмигнул он мне и достал из кухонного шкафчика бутылку водки. По блеску его глаз я понял, что нам не избежать сегодня очередной порции эпоса про службу Докдурбая Шаршеева.

Засыпая, мы прислушивались к звукам на улице, пытаясь расслышать дробь копыт скакуна лучшего из джигитов, несущего в сумерках свой трофей к ногам любимой девушки.

– Как нам повезло попасть на этот грандиозный праздник, – шепнула мне моя любимая. – У нас с тобой настоящее свадебное путешествие…

– Да, – прошептал я в ответ и вспомнил русскую народную примету: благословенны и счастливы будут молодожены, если на пути их свадьбы встретится похоронная процессия.

P.S. Легенда. Ордусь.

Запад насквозь пропитан духом материальных ценностей. Вещи правят бал и беззастенчиво порабощают душу. На востоке же главное – Дух. Все мелко на фоне высоченных гор и бескрайних степей. Там даже вещи – произведения искусства. Юрты, шатры, стремена, мечи, колчаны. И среди всего этого великолепия вдруг встречаешь наш русский самовар – нет лучше для зеленого чая в кошаре.

Китайцы пытаются производить западные вещи. Но у них выходят только дешевые подделки, грозящие сломаться в руках сразу после покупки. Потому что материальное чуждо востоку. Оно суть прах. И рассыпается, в лучшем случае, через полгода.

Не мной подмечено, что православие гораздо ближе к исламу, чем к католицизму. Это мы с половцами спасали Константинополь, пока католики-крестоносцы собирали свои отряды. Они опоздали и теперь озабочены проблемой террористической исламской угрозы. Нам же с востоком нечего делить. Мы не жили под игом татар – мы жили с ними бок о бок. Об этом вам расскажут и в Казани, и в Башкирии, где даже города – часть великой природы, а не вавилонское столпотворение. Мечети и православные церкви стоят рядом, блестят под одним солнцем, стремятся к небу шпилями и маковками, серпами и крестами. Поднимите головы, вглядитесь пристальнее – среди православных крестов на церквях есть и такие, что имеют в своем основании серп-полумесяц.

Ордусь – не такой уж фантастический мираж.

Аминь, и да благословит вас Манас.

IX

В восемь утра на старенькой машине Докдурбая мы впятером – с нами были еще Шахрезада с дочерью – выехали в сторону Каракола.

– У тебя голова не болит? – спросил Докдурбай. – Надо будет в Караколе на базар заехать, отведать лучшее средство от похмелья – ашлямфу. Не пробовали еще? Тогда обязательно заедем.

Перед Караколом, проехав села Николаевку и Михайловку, мы свернули к берегу Иссык-Куля, где на невысоком мысе стоял музей Пржевальского.

– Вы знаете, что при Советском Союзе Каракол

назывался Пржевальском? – спросил Докдурбай. – Села назвали так, чтобы увековечить память о нем. Если ехать от Тюпа, то по дороге встретятся Николаевка, Михайловка, а дальше город Пржевальск. Получается Николай Михайлович Пржевальский. Ясно?

Вход в музей охраняли бетонные, покрытые золоченой краской архары. Нам навстречу вышла древняя служительница музея – худая женщина в очках с толстенными линзами, с редкими седыми волосами. Казалось, она ровесница Пржевальского.

– Николай Михайлович Пржевальский родился 31 марта 1839 года в селе Кимборово Смоленской области, – не спеша начала рассказывать старушка на великолепном русском языке с интонациями, будто рассказывала о родном и близком человеке. – Предок его – польский пан Паровальский – прославился в битвах, за что был награжден королем, и с тех пор фамилию его в польской транскрипции стали произносить так, как она звучит и сегодня: Пржевальский, что означает «сильный, смелый». Росту Николай Михайлович был метр и девяносто сантиметров, вес – сто сорок килограмм. Настоящий русский богатырь. Он совершил четыре путешествия по Центральной Азии, пройдя в общей сложности со своими соратниками сорок тысяч километров, и по праву считается первым в истории исследователем природы этого края. Умер в сорок девять лет: подхватил брюшной тиф, напившись воды из ручья. Похоронить себя Пржевальский завещал на берегу Иссык-Куля. Теперь рядом с его могилой стоит часовня и наш музей.

Мы прошли по залам с древними экспонатами и изъеденными молью чучелами местных животных от манулов до знаменитой лошади Пржевальского.

– Экспедиции Пржевальского, – продолжала рассказывать сотрудница музея, – кроме уникальности своих маршрутов, знамениты своей феноменальной, по-военному четкой подготовкой, благодаря чему в них не погиб ни один человек. Ни один путешественник не смог пройти более протяженный маршрут, чем Пржевальский. Все участники его экспедиций состояли на службе в российской армии. Во многом благодаря этому в экспедиционных отрядах удавалось поддерживать железную дисциплину и сплоченность. Пржевальский был человеком, абсолютно равнодушным к чинам, званиям и наградам, но всегда питал страсть к настоящей исследовательской работе. Он был прирожденным путешественником, предпочитающим одинокую степную жизнь всем благам цивилизации, и при этом высокообразованным натуралистом.

– Много у вас посетителей бывает? – спросили мы у сотрудницы музея.

– Достаточно, – улыбнулась она. – Нас не забывают. Единственное, что вызывает беспокойство, – это уровень воды в Иссык-Куле. Он постоянно растет. Раньше наш мыс был гораздо выше. Только за последние два года уровень воды поднялся на семьдесят сантиметров. Как бы нас со временем не затопило! Никто не знает, от чего зависит высота береговой линии Иссык-Куля. Почему и откуда прибывает вода, – не известно.

Поблагодарив за интересную экскурсию, мы отправились в Каракол, где нас ждал настоящий восточный рынок: оживленный, жаркий, с изобилием товаров, покупателей и продавцов.

Докдурбай быстро нашел прилавки с дунганскими блюдами и, расхваливая качество кухни, провел нас под небольшой навес с узкими столиками прямо в торговых рядах, где мы заказали чай и то, ради чего сюда приехали, – ашлямфу. Холодная лапша с острым овощным супом, большими кусками белого крахмального студня, щедро политая уксусом, посыпанная зеленью, пришлась нам по вкусу и, кажется, действительно как рукой сняла признаки похмелья у Докдурбая.

– Моя Шахрезада тоже замечательно ашлямфу готовит, сегодня просто времени мало было, – сказал повеселевший Докдурбай, подмигивая жене. – Она у меня большой специалист на кухне. Как-никак казанский университет закончила. Знаете, что это такое? У нас все женщины в Кыргызстане казанский университет должны пройти. Вы вчера его видели на празднике. Вокруг юрт казаны стояли – вот это и называется у нас казанский университет, от слова «казан», ясно? Других университетов женщинам не положено.

Попрощались мы на центральном перекрестке Каракола. Докдурбай вместе с семьей поехал обратно в Тюп, а мы еще немного погуляли по городу, отыскали ЦУМ и обошли его в надежде найти интересные сувениры. Пыльный и знойный Каракол оставлял ощущение, что, кроме названия, в нем со времен Советского Союза совсем ничего не изменилось. Здесь до сих пор можно было встретить как призраки из детства советские автоматы с газированной водой, только деньги нужно было опускать не в щель, а давать улыбчивому кыргызу, который нажимал на кнопку в недрах аппарата, и из него, как и должно, сначала лился сироп, а потом газировка. Рядом с автоматами можно было встретить продавцов прохладных соков, плескавшихся в больших стеклянных воронках с краником на узком конце. Все как в детстве. Даже ларьки «Союзпечати» были живы в Кыргызстане и отлично себя чувствовали. Не говоря уже обо всех обветшавших кыргызских санаториях, пропитанных духом советского времени, будто их боялись ремонтировать с конца восьмидесятых годов, чтобы случайно не смыть соцартовский налет со стен и гипсовых скульптур. В общем, над всем витал дух коммунизма. Каждый второй подвозивший нас кыргыз считал себя обязанным вспомнить дружбу России и Киргизии и вздохнуть о прошлых временах. Из-за этого наше путешествие приобретало дополнительный привкус ностальгии.

Из города вышли около часа дня, наметив на карте ориентир на сегодня – ущелье и санаторий Джеты-Огуз с горячим радоновым источником, который

когда-то, как нам рассказали, посещал сам Юрий Гагарин. Нас с удовольствием согласился подвезти приятный молодой человек на грузовике.

– Меня зовут Улан, я из Каракола. Работаю в совхозе в селе Покровка, сейчас мы с полей солому возим. Туда-сюда. А вы просто путешествуете? Здорово! Я бы тоже так хотел. Но я младший в семье, мне нельзя родителей оставлять.

– Почему нельзя? – удивились мы

– У нас в Кыргызстане такие традиции, – печально улыбнулся Улан. – Младший ребенок в семье всегда остается с родителями, чтобы помогать им. У меня пять братьев и три сестры. Все разъехались кто куда. А я остался.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать четыре.

– А жениться тебе можно?

– Можно, – он улыбнулся. – Я уже женат. Мне невесту родители сами выбрали. У меня уже двое детей. Мы в доме родителей живем. Такие у нас традиции – все за меня отец и мать решают: где работать, чем заниматься. Даже имена для дочерей они выбирали. Так с древности у нас в Кыргызстане заведено. Закон. А вы не младшие дети в семье?

– Нет, нам повезло. Хотя в России нет такой традиции, чтобы младшие с родителями оставались.

– Не знаю, хорошо это или нет, – вздохнул Улан. – У меня родители еще ничего, строгие, но хорошие. А бывают такие, что хоть плачь. Я слышал, у наших знакомых из Барскоона родители дочь сосватали, даже не спросив ее, и до самой свадьбы невеста своего жениха не видела. А на свадьбе оказалось, что он косоглазый и немного… умственно отсталый, в общем. Девушка четыре года после этого с родителями не разговаривала. Но развестись – не развелась. У них уже двое детей, но до сих пор в семье скандалы.

Между дорогой и Иссык-Кулем лежали жаркие желтые поля. Озера почти не было видно, лишь изредка километрах в пяти от нас оно выглядывало между деревьев глянцевой полоской. Инге поглядывала в ту сторону и вздыхала.

– Купаться хочешь? – спросил я.

– Соскучилась по Иссык-Кулю…

– А вы часто купаетесь в озере? – спросила она Улана.

– Последний раз я купался… – он задумался, – лет, наверное, пять назад. Все некогда. Работа. Если вы хотите, я могу вас к озеру довезти. Мы как раз в поле работаем недалеко от берега. Несколько рейсов сделаю, а потом могу вас забрать и на повороте к Джеты-Огуз высадить.

– Здорово! – обрадовалась Инге.

Оставшееся до вечера время мы провели на берегу Иссык-Куля. Улан высадил нас в совершенно безлюдном месте вдали от дороги и аилов, где только горы были свидетелями нашего послеполуденного отдыха. Инге с фанатичным восторгом плескалась в лазурных водах, подпрыгивала над водой, как ошалевшая от счастья русалка.

Часов в семь до верха нагруженный брикетами соломы грузовик Улана остановился на условленном месте. Вместе с Уланом возвращался в Каракол комбайнер, поэтому мне не хватило места в кабине, и я с радостью уселся в кузове среди соломенных кубов. Теплый ветер над кабиной летел мне в лицо, рюкзаки тряслись рядом, подскакивая вместе со мной на благоухающей соломе.

Мы попрощались с Уланом и комбайнером на перекрестке. Дорога к ущелью Джеты-Огуз уходила вверх перпендикулярно трассе, в сторону гор Тескей-Алатоо, окаймляющих весь южный берег Иссык-Куля. Мы прошли пешком несколько метров, и к нам подъехал таксист.

– Хелоу! – энергично закивал он.

– Здравствуйте, мы по-русски говорим, – ответил я, не сбавляя шаг.

– Здравствуйте, садитесь, я подвезу. Вы куда? В санаторий?

– В санаторий. Далеко до него? Сколько возьмете?

– Шестьсот сом, – не моргнув глазом, ответил таксист.

– Вы, наверное, по-прежнему думаете, что мы американцы. Слишком дорого просите. Спасибо, мы сами дойдем.

– Э, не дойдете, очень далеко, – возмутился таксист. – Умрете, ноги отвалятся, вас волки съедят. Садитесь, за четыреста отвезу.

– Спасибо, мы вообще-то автостопом едем.

– Автостопом? Автостопом за триста пятьдесят отвезу, садитесь.

– Спасибо, мы как-нибудь сами. Судя по карте, тут не так уж и далеко. Может, мы еще попутку поймаем.

– Конечно, поймаете, но меньше чем за пятьсот не поймаете. Садитесь, говорю, триста – последняя цена.

Он еще долго, не переставая уговаривать, ехал за нами. Но мы вспомнили правило автостопа: не связываться с таксистами. И непреклонно поднимались вперед. В конце концов таксист махнул рукой и, развернувшись, укатил вниз. Дорога забиралась все круче вверх, справа от нас на дне ущелья бурлила река, а слева выше дороги и параллельно ей тянулась неширокая полоска пастбищ, огражденная с другой стороны грядой высоких холмов. Солнце незаметно скользнуло за горизонт. Впереди не было и намека на санаторий, а позади – пустая дорога без намека на попутку.

Мы прошли километра три в тишине и безлюдье. В сгустившихся сумерках уже не было видно реку, и когда слева на склоне холма мы увидели небольшой кошар с желтой лампочкой над входом, решили попроситься на ночлег.

Маленький побеленный дом со скатной крышей прижимался к длинному сараю и большому загону, где фыркали сонные коровы. Почуяв наше приближение, залаяли собаки.

Навстречу вышла невысокая женщина в длинной до колен шерстяной кофте и платке. Мы поздо-

ровались и спросили, можно ли переночевать. Она только кивнула в ответ и жестом пригласила в дом. В тусклом освещении кухни женщина угостила нас чаем. Суетилась, выставляла на стол розетки с вареньем, хлеб, масло. Потом так же молча села напротив. Мы спрашивали, как ее зовут, есть ли дома еще кто-нибудь, но на все наши расспросы, она смущенно кивала и подливала в пиалы чай. Ни единого слова так и не слетело с ее губ. Когда мы допили чай, она вышла из кухни и, вернувшись через минуту, провела нас в отдельную комнату с расправленной на полу постелью. Мы поблагодарили и пожелали ей спокойной ночи.

– Да, – наконец тихо ответила хозяйка дома, осторожно прикрывая дверь в комнату.

P.S. Легенда. Спасите мои души.

«Зачем ты все это пишешь?» – вдруг спросил я сам себя.

«Ну, как же, – произнес я себе в ответ, – как же не писать? Во-первых, все забудется, сам Пржевальский призывал вести записи путешествий, утверждая, что у путешественника нет памяти. А во-вторых… а, во-вторых, если не записать, то одолеют сомнения, а было ли что-то вообще».

«Ну и что? – не отставал я от себя. – Было или нет, какая, к черту, разница? Был ли ты в десять лет?».

«А как же не был, – не сдавался я, в свою очередь, и, скрывая торжество, подобрался к шкафу, где пылился многолетний личный архив. Не спеша открыл дверцу, приподнял стопку старых книг, груз которых сдавливал пожелтевшие дневниковые тетради. – Вот, гляди, дружище, мои – то есть твои – дневники. Все записано, зафиксировано, пронумеровано. Узнаешь почерк?».

«…а ты сам-то узнаешь?» – выдержав эффектную паузу, фыркнул я себе под нос.

Я вгляделся. Стал вчитываться. Молча пролистнул страницу, другую. Вспомнил, что никогда не любил перечитывать собственные дневники, – в них всегда было что-то отталкивающее, чужое…

«Согласен, – признался я себе, – это писал не я. Но в чем же дело, объясни».

«Хочешь, верь, а хочешь, не верь, – печально усмехнулся я в ответ, – но дело в том, что у человека все время меняется душа… Нет, не в том смысле, что меняется одна и та же душа, взрослеет или меняет цвет, а в том смысле, что совсем меняется, то есть улетает одна, а на ее место прилетает другая. И так постоянно. В течение дня в тебе могут побывать абсолютно разные души, а ты можешь этого даже не заметить. Только настроение слегка изменилось, – а это душа улетела. И ходишь ты слегка «не в духе», а через минуту вроде бы ничего такого не произошло, а «душа поет»… Летают они так туда-сюда, а потом в какой-то момент не возвращаются. Становится в тебе неуютно этой детской душе, начинают летать только взрослые, еще хуже – только старческие. Ты, главное, не путай душу со своей личностью, с личиной то есть. Душа, она ведь… и в Африке душа, а личность это тот еще мусор. Правда, из него, в конце концов, можно вырастить настоящую душу, твою, личную, живую, которая потом и полетит дальше, а все остальное останется и уйдет в прах, на этот раз навсегда. Понял?».

«Кажется, понял, – вздохнул я. – Только, подожди, а зачем же тогда все-таки писать?..».

X

В пять утра мы уже были на ногах. Хозяйка кошара будто и не ложилась – в той же длинной кофте и в том же платке доила коров в сарае. Ей помогали две дочки – младшая Кымбат и старшая Рахат. Рахат хорошо говорила по-русски и смогла, наконец, познакомить нас со своей матерью, которую звали Каиркюль.

Пока мы пили чай, в половине шестого на дороге появился молоковоз с желтой цистерной. Девочки сбежали к дороге с канистрой и подали ее водителю. Он слил молоко в чрево молоковоза.

– Каждое утро все кошары сдают молоко для санатория, – объяснила нам Рахат.

– А кымыса у вас нет? – спросил я.

– Кымыс можете на рынке возле санатория купить, в восемь утра туда обычно привозят.

Мы попросили разрешения оставить рюкзаки в доме и пошли прогуляться.

Утреннее солнце освещало широкое ущелье Джеты-Огуз, до которого мы не дошли вчера всего каких-то пятьсот метров. На большой территории среди высоких холмов и скал рассыпались маленькие домики аила, а в центре белели кирпичные здания санатория. За санаторием река и дорога, обнявшись, прятались в узком ущелье, змеившемся в сторону гряды Тескей-Алатоо. Отвесные стены скалистого ущелья густо покрывал еловый лес, стройные, высокие деревья росли прямо на голых камнях.

На все это просыпающееся великолепие спокойно смотрели «семь быков» – знаменитая скальная гряда из ярко-красного песчаника. В охристо-зеленом пейзаже, покрытом утренней дымкой, вдруг взрывались вверх кровавые пятидесятиметровые исполины, выстроившиеся в ряд как братья-близнецы. Ничего подобного больше нет ни в одном месте на Иссык-Куле.

Мы побродили по склону у подножья легендарных скал, вдыхая, как зеленый чай, воздух, до предела напитанный запахом мяты и звоном кузнечиков. Над нашими головами в спиральной медитации кружили беркуты.

Перед въездом в ущелье жались друг к другу несколько юрт и сараев-магазинчиков. За ними печально белели заброшенные развалины каменных построек еще советских времен, среди которых торчали гипсовые торсы скульптур: пионеров, крестьян или античных богов – по жалким останкам уже невозможно определить. Вид на гряду красных скал от рынка бессовестно портила панельная пятиэтажка, воткнутая в дикий ландшафт каким-то нерадивым архитектором. Ее чуждый местной природе бесхитростно-прямолинейный образ закрывал собой добрую половину пейзажа и почти всех «быков».

У одного из магазинчиков уже столпились местные жители, ждущие привоза кымыса. Хозяин магазина, веселый поджарый кыргыз, рассказал нам легенду о происхождении скал:

– Давным-давно в незапамятные времена один богатый бай, почувствовав приближение своей смерти, решил разделить свое богатство среди семи сыновей. Когда он принялся делить стада лучших в округе племенных яков, оказалось, что из стада исчезли семеро телят. Разделив между собой наследство, братья разошлись в разные стороны, не желая поддерживать между собой хорошие отношения, основав в разных местах побережья семь семейных кланов. В конце концов, их отношения испортились настолько, что стали они помышлять о войне друг с другом с целью забрать братскую долю отцовского наследства. Некогда процветающий край стоял на пороге братоубийственной войны, когда вдруг неожиданная весть поразила всех – семь потерянных бычков нашлись на одном из горных пастбищ. За годы блужданий в горах они выросли и возмужали настолько, что рогами доставали до облаков, а в следах от их копыт образовывались большие озера. Жадность с новой силой завладела сердцами братьев, никто из них и не подумал о справедливом разделе найденных быков. Каждый хотел завладеть всеми семи чудо-яками – кровопролитной войны было уже не избежать. Но один мудрый колдун сотворил невозможное, чтобы спасти братьев от самоистребления. Прибегнув к магической силе, он превратил семь исполинских быков в огромные кровоточащие скалы, у подножья которых вдруг забили горячие источники. Пораженные увиденным, братья побросали мечи и договорились впредь жить дружно в мире и согласии.

Мы заслушались и даже не заметили, как привезли кымыс.

Подкрепившись прохладным кобыльим молоком, мы решили пройти вверх по ущелью. Если верить карте, где-то там был водопад.

На переезде через бурлящую реку нас нагнал микроавтобус, но застрял посреди моста, угодив колесом в выбоину между бревен. Мы бросились помогать и вместе с вышедшими из автобуса туристами вытолкали его из ямы.

– Вы вверх по ущелью? – сощурившись от солнца, спросил водитель. – Садитесь, подвезу. Меня Марсель зовут.

Все туристы оказались иностранцами: швейцарцами, немцами, англичанами и, что особенно порадовало Инге, – французами.

– А вы откуда французский знаете? – спросил Марсель.

– Я преподаю его в университете, – ответила Инге.

– Ух ты! А мы тут мучаемся без переводчика… Мы только английский знаем, а французы его почти не понимают. Сегодня специально для иностранных туристов наша фирма устраивает фестиваль национальных кухонь. Вверху, на Поляне цветов. Слушайте, давайте мы вас в жюри включим. Вам надо будет попробовать все блюда и выбрать лучшую кухню.

Отказаться было невозможно.

Дорога под колесами микроавтобуса становилась все уже и каменистее. Стены ущелья поднимались выше и круче. Каждый раз, пересекая реку по древним и ненадежным мостам, нам приходилось выходить из микроавтобуса. За нами ехали две легковых машины и один мотоцикл, на котором, как нам объяснил Марсель, приехал в Кыргызстан один французский путешественник.

– Он на этом своем мотоцикле от самого Парижа едет. Через всю Европу, Россию и Казахстан.

Француз в гоночном комбинезоне, шлеме и сапогах тоже спешивался перед каждым мостом, и водители легковых машин помогали ему «переводить» нагруженный мотоцикл, подталкивая сзади.

При выезде из ущелья, спустя километров десять, на Поляне цветов, вокруг которой раскинулись красивейшие субальпийские луга, покрытые сочной травой, нас ждал лагерь из юрт. Все уже было приготовлено к празднику. И только увидев своими глазами ломящиеся от свежеприготовленных блюд прилавки уйгурской, дунганской, украинской, русской, татарской, башкирской и кыргызской кухонь, мы поняли, какое серьезное нас ждет испытание.

Русская и украинская кухни спорили по большей части друг с другом, посылая в бой лучшие отряды пельменей и вареников, за которыми шли конницы щей, борщей, рассольников и окрошек. Блины, оладьи, хворост и леденцы были в арьергарде, поддерживаемые самоварами, а за ними – грушевый квас да клюквенный морс. Апогеем гастрономической атаки и одновременно ее артподготовкой были водка с горилкой.

Киргизская кухня скромно начинала с гурсука – чего-то вроде национального хлеба или булочек. И сбивала с толку, выдвигая перед основными частями кулинарных войск сладости. Потом резко атаковала тяжелой артиллерией: кульчетай и бешбармак, плов с бараниной, колбаса из конины и конского жира чучук. Поддержкой служили мобильные части мантов и лепешек – тандырныш и кемеч. И после всего – атканчай: особым способом приготовленный чай с молоком, маслом, сметаной и солью.

Схватка татарской и башкирской кухонь представляла из себя нечто невообразимое. Уже не было никаких сил понять, чей чак-чак слаще, чей бешбармак навaристее, чей чай горячей.

Но самое серьезное сражение велось между столпами Центральной Азии – дунганской и уйгурской кухнями, противостояние которых легче описать на языке Китая, к традициям которого они обе очень близки, чем пытаться описывать экзотически-изощренные фунчозы, ашлянфу, люмяни, шовы, гуль таваки, чощури, енжу тоны, чжинму, чжинфаны и прочие гощ наны с суюк ашами.

Я решил ответственно отнестись к своей добровольной миссии, стараясь ознакомиться с каждым из блюд, отказываясь разве что от водки, щедро раз-

ливаемой представителем русской кухни – дородным балагуром и баянистом в косоворотке. Но чем дальше продвигались мы от юрты к юрте, тем сложнее было уговаривать мои вкусовые рецепторы сохранять форму, а желудок – оставлять место для новых конкурсных заявок. Все мои жалкие попытки отказаться от эмпирического способа вынесения оценок пошли прахом, были сметены щедрыми, манящими запахами яств, ни на секунду не перестающими быть соблазнительными. В общем, я должен был признать, что конкурсанты, в отличие от моего организма, оказались подготовлены блестяще. Впрочем, как и Инге, не поддавшаяся призывам хозяек, поваров и подошедшая к задаче определить лучшую из кухонь более рационально. Моя же система пищеварения пала бесславной жертвой смешения культур и несколько последующих дней требовала лишь уединения, тишины и аскетизма.

А победила дунганская кухня.

Может быть, потому, что единственная была вооружена палочками, а не вилками-ложками. А, может быть, потому, что когда-то член Парижского географического общества Лаббе, по свидетельству Марселя, пригласившего нас в жюри, сказал, что, путешествуя по Азии, нигде не встречал обедов вкуснее дунганских. А мы не считали себя вправе оспаривать мнение почтенного месье Лаббе перед лицом его соотечественников, которым для полного счастья не хватало только одного – хорошего французского вина.

P.S. Легенда. Волшебство зеленого чая.

Чем отличается восточная кухня от западной? Философией бытия.

«Нечего ждать милости от природы! – заявляет западный человек. – Я покорю этот мир, я заработаю тысячу миллионов, и все, что мне нужно, станет моим. Я сделаю всех и достигну гармонии».

«Да», – иронично кивает восточный суфий и уменьшает свои потребности до минимума. И вот уже все, что ему нужно, у него есть даже с излишком, от которого он избавляется с просветленной радостью.

«Нет, – кричат хором европеец и американец, – нечего прогибаться под мир, пусть лучше он прогнется под нас». И, вспотев от азарта, они потягивают ледяную колу, дабы остудить разгоряченные органы.

А человек с востока, закутавшись в байковый халат, потягивает горячий чай, и мир вокруг него становится прохладнее, и вот уже некогда знойный ветер ласкает его виски нежным холодом.

XI

На обратном пути с Поляны цветов в микроавтобусе Марселя рядом с нами ехал Кристоф из Германии. Всю дорогу он оглядывался по сторонам, вздыхал и на ломаном английском удивлялся, как такая красивая и богатая природными ресурсами страна, как Кыргызстан, живет так бедно и в такой разрухе. Почему люди позволяют себе жить среди мусора и развалин, вместо того чтобы построить рай, а для этого нужно совсем немного усилий, каждый день по чуть-чуть…

Казалось, сейчас его сердце не выдержит, разорвется от переживаний. Но мы не знали, какими словами успокоить сына арийской нации, потому что и сами жили в точно такой же стране, от которой Кыргызстану, может быть, и перешло это проклятье – жить в грязи, беспорядке и нищете.

В конце концов Кристоф решил приехать в Кыргызстан в следующий раз не туристом, а волонтером, миссионером доброй воли. И это решение его так ободрило, что прощался с нами он почти счастливым, уверенным в победе здравого смысла хотя бы в этой отдаленной, отдельно взятой стране.

Вернувшись в кошар, мы забрали свои рюкзаки и поблагодарили Каиркюль, пожелали ей счастья и здоровья. От денег за ночлег она решительно отказалась.

Когда мы вышли на трассу, было уже около пяти вечера. Вдоль дороги росли кусты урюка с ярко-оранжевыми плодами. И вся дорога под ними тоже пестрела оранжевым.

Мы остановили потрепанную «Ауди». Коротко стриженный молодой кыргыз с большим круглым лицом сидел за рулем. С ним – двое мальчишек, страшно обрадовавшихся иностранным туристам. Договорились, что добросят нас до Ак-Терека.

– Значит вы из России, изучаете быт кыргызов? – спросил парень за рулем, пожевывая спичку в зубах.

– Да. Как Пржевальский, – сказал я.

– Как Пржевальский? – он взглянул на меня одним глазом. – А ты знаешь, что твой Пржевальский был шпионом?

– Почему шпионом?

– А потому. Настоящий шпион. Доносы писал вашему царю.

– Ну, не знаю. Он был военный офицер, может быть, ему по службе было необходимо отчитываться.

– Ладно! – парень махнул рукой. – Отчитываться! Для этих отчетов он отрубал головы кыргызам и посылал в Москву.

– Ну, уж это ты загнул!

– Чего загнул? – Он выплюнул в окно спичку. – Это всем известно. Брал голову и отсылал, посмотрите, значит, на этих дикарей, как они выглядят и из чего сделаны.

– Послушай, брат, – неожиданно сам для себя я назвал водителя братом, – я уверен, что эту ерунду специально придумывают люди, которые хотят поссорить кыргызов и русских. Пржевальский был великий ученый, он не мог…

– Да что ты говоришь! Если не знаешь, то вообще не говори. Просто не говори больше никому, что как Пржевальский путешествуешь. Думаешь, зря Каракол обратно переименовали? И вообще со старшими не спорь!..

Оставшийся до Ак-Терека путь мы проехали почти без разговоров.

Трасса здесь проходила у самого берега. Сложно было стерпеть и не броситься в объятья Иссык-Куля. Не смотря на то, что нужно было торопиться – до захода солнца оставалось совсем немного, а нам еще нужно было определяться с ночлегом, – мы поспешили к воде. Побросав рюкзаки, раздевшись, мы побежали купаться, прихрамывая на острых камнях.

Освежив горячее тело, я вернулся к вещам. Сидел и смотрел, как Инге, счастливая, плещется в теплой воде.

На той стороне дороги раскинулась плантация персиковых деревьев. Пацанята продавали на обочине полные ведра персиков по невероятно низкой цене. Мы купили большой пакет и с аппетитом поужинали.

С плантации персиков, перейдя дорогу, вышел на берег джигит в высоких резиновых сапогах. Разделся метрах в пятидесяти от нас. Не спеша, зашел в воду по пояс. И долго так стоял, уперев загорелые руки в бока, и, не отрываясь, смотрел на заходящее солнце.

Ночлег мы нашли в Барскооне. На пустынной сумеречной улице встретили девочку лет двенадцати. Спросили, можно ли тут в аиле у кого-нибудь переночевать. Она кивнула и указала на один из домов. Оказалось, что это частный пансионат для иностранцев. А если точнее, – «начинающий» пансионат. Хозяева – супруги Косымалиевы Динара и Кылыч – с радостью приняли нас, усадили за стол, выставили тарелку с огромным дымящимся куском баранины.

– Вы извините, что у нас тут еще ремонт идет, – улыбалась Динара, – все не хватает пока то денег, то времени. Двери не вставлены, но не бойтесь, к вам в комнату никто не зайдет. Спите спокойно. Мы мечтаем в этом году пристрой еще сделать специально для иностранных гостей. Чтобы к нам как домой приезжали, как к родственникам. А не как в какую-то гостиницу, где никто не знает, кто хозяин. Мы хотим, чтобы все уютно было, по-домашнему. Вот едим с вами вместе кыргызские блюда, разговариваем.

Инге с удовольствием уплетала баранину, я же пока еще, мучаясь памятью о недавнем фестивале, предпочитал разговоры.

– Дом построить не проблема, – продолжала Динара под благосклонные кивки мужа. – У нас же все прямо из земли делается: намесил глину, насушил кирпичи и все – через неделю дом готов. Только вот никак не можем придумать, какую планировку сделать. Чтобы и удобно было, и красиво.

Я признался, что работаю архитектором и мог бы подумать над этой проблемой.

– Вот было бы здорово! – подскочила на месте Динара и заулыбалась еще ослепительнее. – Может, вы нам по почте потом как-нибудь пришлете свой вариант? Может быть, так сделать? – она стала рисовать в воздухе очертания своей мечты. – Такой вот двухэтажный дом: на первом этаже – магазинчик, а на втором – номера для гостей. Ну, и подвал, конечно.

Я обещал подумать.

Утром Кылыч угощал нас персиками и давал уроки кыргызского: рассказал нам, что имя его переводится как «меч», а дочку они назвали Айсулу – «красивая луна».

Большую половину следующего дня мы провели на пляже. Иссык-Куль у Барскоона был нестерпимо лазурным, будто Средиземное море где-нибудь во Франции.

Вечером мы проехали километров пятьдесят до пансионата «Салима» вблизи Каджи-Сая. Среди персиковых деревьев стояли ободранные одноэтажные домики с номерами, в одном из которых мы сняли комнату за сто пятьдесят сом. Грязный пляж с рассохшимися лежаками уже не напоминал французский берег, да и обстановка вокруг пансионата была унылой – южный берег Иссык-Куля, вокруг выгоревшие желтые холмы, песчано-каменистая пустыня.

Купались до темна, а вечером познакомились и разговорились с русским соседом по домику – дядей Сашей из Бишкека. Узнав, что мы из России, он пригласил нас к себе в комнату, налил водки и стал вспоминать, когда он в последний раз был на родине. Оказалось, что очень давно. Почти совсем ассимилировался. Он ностальгически вздыхал и наполнял стаканчики.

Кончилось это тем, что мой неокрепший еще со времен великого противостояния национальных кухонь желудок взбунтовался. Я вынужден был поспешно попрощаться с дядей Сашей и выйти на воздух, в темноту, под персиковые деревья, вся трава под которыми была усыпана упавшими фруктами. Они хлюпали под ногами и, несмотря на полумрак, пестрили в глазах, закручивались в спираль.

Инге ушла спать в номер, а я еще долго стоял в темноте, держась за дерево и безуспешно пытаясь надышаться ночным остывающим воздухом.

XII

Целью нашего следующего дня стало Мертвое озеро, про которое нам стало известно где-то в пути. Нам рассказали, что открыли это маленькое, очень соленое озерцо совсем недавно, и что по концентрации соли оно не уступает знаменитому Мертвому морю, а по целебным свойствам воды и грязи даже превосходит его.

В пансионате «Салима» за ночлег мы отдали почти все свои наличные деньги, оставив только на маршрутку до Бишкека. Теперь нам срочно требовался банкомат. Но, похоже, найти его на пустынном южном берегу не представлялось никакой возможности. Все шло к тому, что до возвращения в Балыкчи, а, может быть, и до Бишкека мы становились настоящими автостопщиками и экстремалами.

Ехали с попутным грузовиком по жаре среди пустынного унылого пейзажа. Сопки без всякой растительности тянулись вдоль дороги, которая уходила в сторону от Иссык-Куля до тех пор, пока озеро совсем не исчезло из виду.

На повороте к Мертвому озеру мы долго стояли, ожидая попутную машину. По трассе изредка про-

езжали одинокие автомобили, а сворачивать с нее и вовсе никто не хотел.

Рядом на песчаном холме раскинулось обдуваемое знойным ветром кладбище, словно пустынный заброшенный город из глинобитных кумбезов – склепов с куполами в виде юрт. В стороне от него возвышался огромный, высотой метров в семь кумбез какого-то авторитетного покойника. Памятник покрывала коричневая керамическая плитка, вход преграждали кованые ворота. Два невозмутимых каменных льва на постаментах охраняли могилу.

Побродив вокруг мемориала и так и не дождавшись попутной машины, мы отправились к озеру пешком по пыльной дороге, шедшей сквозь ущелье бок о бок с мутной речушкой.

К Иссык-Кулю мы вышли только спустя полтора часа. Изможденные, разделись и бросились в воду.

Берег описывал крутую параболу, образовывая симпатичный заливчик. Солнце шло к закату, и на его раскаленном фоне поодаль от нас несколько рыбаков тянули из пучины, как струны серебристой арфы, длинные, сверкающие сети. От рыбаков отделилась и направилась к нам высокая фигура. Парень, загорелый дочерна, улыбаясь жемчужными зубами, поздоровался и спросил, кто мы и откуда.

– А меня зовут Куба, – представился он. – Я тут недалеко живу.

Мы расспросили Кубу, как нам добраться до Мертвого озера.

– Нужно еще километра три пройти на восток, вдоль берега, – ответил парень. – Я бы вас проводил или подвез, но мне ребятам помогать нужно сети тащить. Красиво тут у нас, правда?

И он окинул радостным взглядом залив, который и вправду был прекрасен в лучах заката. Иссык-Куль продолжал удивлять нас своим многообразием. Вода блестела в ало-оранжевом свете, чайки ловили ветер над одинокой рыбачьей лодкой. На этот раз можно было подумать, что мы на пляже где-нибудь в Гаване. Не случайно с нами подошел познакомиться сам Куба.

Когда мы подошли к Мертвому озеру, в сумерках оно показалось темной бесформенной кляксой среди выжженных сопок. На берегу, поросшем саксаулом, стояло четыре юрты и старый «ЗИЛ» без колес с фургоном защитного цвета. Обошли шлагбаум, преграждающий песчаную дорогу, и сели отдохнуть и оглядеться на склоне берега. От Иссык-Куля Мертвое озеро отделяла только невысокая гряда холмов шириной метров пятьдесят.

Из юрты в юрту бегал пожилой кыргыз с самоваром, старая облезлая собака, прихрамывая, не отставала от него.

Уже почти в полной темноте мы установили палатку и стали укладываться спать. Воздух заметно остыл, без потерянных в Бишкеке спальников, надобность в которых возникла у нас впервые за все путешествие, мы рисковали продрогнуть к утру. Инге решила попросить у местных жителей одеяло.

Вернулась расстроенная. Хозяйкой юрт оказалась невысокая и злобная женщина, которая безо всякой причины накричала на Инге и вообще приняла нас то ли за бродяг, то ли за попрошаек.

Подъехала машина, ярко осветив нашу палатку. Из нее вышел мужчина крепкого телосложения с военной выправкой.

– Тут Мертвое озеро? – спросил он.

– Здесь.

– Где тут лучше палатку поставить? – он осмотрелся в поисках земли, свободной от саксаула.

Мы познакомились и разговорились. Мужчину звали Нурлан. Он с семьей – женой Галой и двумя детьми – приехал на Мертвое озеро из Бишкека. Мы помогли поставить им палатку, и Нурлан пригласил нас поужинать с ними.

В одной из юрт под тусклым желтоватым светом лампочки, подвешенной к дымкану, заказали манты и чай. Хозяйка Мертвого озера, косо поглядывая на нас, принесла дымящуюся тарелку мантов и четыре набора приборов. Нурлан попросил еще два для нас. Женщина что-то зло ответила по-кыргызски и неохотно принесла вилки.

– Что это с ней? – удивилась Гала.

Инге рассказала о своей неудачной попытке попросить одеяло.

– Не обращайте внимания, бывают такие несчастные люди на свете, – сказал Нурлан.

Я вспомнил, что в наших запасах осталась еще бутылка кыргызского бальзама, и мы выпили по рюмочке за встречу и знакомство. А потом еще – за добрых и счастливых людей. Гала отвела детишек спать, вернулась и мы допили бальзам за то, чтобы все было хорошо. А потом еще долго беседовали. Мы рассказывали про наше путешествие вокруг Иссык-Куля, вздыхали, что оно уже подходит к концу, а Нурлан с Галой объясняли нам разницу между шиитами и суннитами и почему кыргызы-сунниты обычно такие мирные и незлобные.

– А местная хозяйка – это, видимо, исключение из правил, – предположил Нурлан.

Мы согласились, не вспомнив за все путешествие ни одного случая плохого к нам отношения местных жителей.

– А еще кыргызы поклоняются не только Аллаху, – продолжил экскурс в местную историю Нурлан, – но и матери-природе – Умай Эле. Если, например, ребенок улыбается, говорят, Умай Эле развлекает. Или если у новорожденного на попе темное пятнышко, значит, Умай Эле шлепнула, поэтому он и кричит при рождении…

Разговор наш был и приятен, и интересен, и только после полуночи мы неохотно разбрелись по палаткам.

Я проснулся около пяти утра. Сна не было ни в одном глазу, и я с фотоаппаратом отправился бродить по окрестностям, запечатлевая последний наш рас-

свет на Иссык-Куле. Пейзаж вокруг Мертвого озера был пустынен, сух и буквально посыпан солью. Особенно крупные ее хлопья покрывали обмелевшие старицы – бывшую акваторию озера, превратившуюся в высыхающее болото.

Проснулась Инге, и мы вдвоем самые первые в лучах восходящего солнца вошли в воды Мертвого озера, на которых можно было лежать, не шевелясь, как на перине, раскинув в стороны руки и ноги. Плавали до противоположного берега, где на отмели можно было мазаться черной целебной грязью.

Скоро высыпали из палаток другие гости озера, приехала маршрутка с туристами из Чолпон-Аты, и воздух наполнился криками детей, окриками родителей, фырканьем и плеском.

Уже с кем-то спорила хозяйка Мертвого озера.

– Это мое озеро! – истошно кричала она. – Заплати или уходи!

Мы смотрели с противоположного берега, как она – толстая и коротконогая – тащит какого-то кыргыза за руку от воды и грозится натравить на него собак. А собаки, облезлые и худые, лениво прячутся в тени юрт, прижимая уши от ее хриплого визга.

Откуда-то из зарослей сухих камышей к нам вышел мужчина в плавках с пустым полиэтиленовым пакетом в руках. Увидев, что мы мажем друг друга черной грязью, спросил:

– Ой, ребята, а где вы грязь берете?

– Да прямо тут, под ногами… – показал я ему горсть целебной жижи.

Он радостно, с азартом бросился наполнять ею свой пакет. Спросил, счастливо тряся головой:

– А у вас тоже псориаз?..

После обеда в последний раз ходили купаться в Иссык-Куле. Озеро улыбалось нам параболой лазурного залива.

В три часа, попрощавшись с Нурланом и Галой, выехали с маршруткой туристов из Чолпон-Аты. В поселке Балыкчи мы должны были замкнуть кольцо вокруг Иссык-Куля и отправиться обратно в Бишкек.

Инге, не шевелясь, сидела на заднем сиденье, словно оглушенная гомоном вечно возбужденных туристов. В темных стеклах солнечных очков отражались мелькающие за окнами деревья и сверкающая гладь озера.

Я навсегда запомню эту картину.

Потом был снова Бишкек, гостеприимство Оксаны и Димы, маршрутка до Алма-Аты и трудное возвращение домой зайцами через границу из-за опоздания на поезд в бывшей столице Казахстана. Но все это было уже за рамками нашего счастливого путешествия вокруг прекраснейшего из озер. Все это уже не так трогало меня, как та незабываемая картина, рассказывающая мне больше, чем любое другое воспоминание.

...Милое неподвижное лицо в темных очках. Шум и гам незнакомых туристов. И хрустальные слезы, медленно текущие из-под очков.

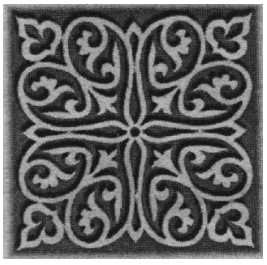
P.S. Легенда. Смотрящийся в Иссык-Куль.

Я часто вспоминаю наше путешествие на Иссык-Куль, и всегда для меня остается загадкой острое ощущение если не самого Бога, то, по крайней мере, близости чего-то Высшего, не покидавшее меня все эти несколько дней дороги вокруг озера. И в этом не могут быть виноваты только одни горы, стеной стоящие вокруг. И даже величие кыргызской природы само по себе не способно вызвать это религиозное чувство. Несмотря на разруху, грязь и бедность, порой охватывающие весь окоем, ни на минуту нас не покидало ощущение высшего соглядатая, его дыхания, его взгляда.

Может быть, ответ скрывается в одной строчке из энциклопедии, случайно попавшейся мне на глаза, и, несмотря на, казалось бы, сухость и краткость, вдруг почему-то сильно взволновавшей меня: «В некоторых местах на южной стороне Иссык-Куля сигнал эхолота, отправленный для измерения глубины, не возвращался».

Не это ли свойство идеального зеркала для отражения Создателя?..

Осень 2008 – лето 2010



Наталья БЕЧКОВА

ДИАЛОГ О МУЗЫКЕ И МУЗЫКАНТАХ

Имя Валерия Яковлевича Митрофанова хорошо известно в музыкальных кругах Ижевска. Он – Заслуженный деятель искусств России и Удмуртии, лауреат Государственной премии Удмуртской Республики, художественный руководитель капеллы мальчиков и юношей «Ингур». Любители хоровой музыки знают Валерия Яковлевича как основателя фестиваля «Мужское певческое братство». Проводимый в Ижевске ежегодно, фестиваль свидетельствует о том, что на наших глазах рождается новый бренд Удмуртии – фестиваль поющих мужчин. По своему масштабу – количеству коллективов и участников – он не имеет пока аналогов в России. В феврале 2011 года он проводился в шестнадцатый раз.

Чтобы подробнее узнать о фестивале и его участниках, я задала несколько вопросов организатору фестиваля и художественному руководителю хора «Ингур» Валерию Яковлевичу Митрофанову.

– Валерий Яковлевич, подводя итоги предыдущей традиционной встречи, можете ли вы сказать, что достигли поставленной цели?

– Целью 15-го фестиваля явилась его «прописка» в районах республики. Так как в силу экономической ситуации не всегда и не все коллективы могли приехать в Ижевск, было решено первый этап проводить на местах. В результате количество участников резко выросло и составило 51 коллектив. Но дело даже не в количестве участников, а в том, чтобы фестиваль увидела вся республика.

– Когда родилась идея проведения фестиваля поющих мужчин?

– В январе 1995 года капелла «Ингур» впервые выехала в Москву, мы выступали тогда в зале им. П.И. Чайковского. Во время этой поездки и родилась идея возрождения в рамках нашей республики истинно российской традиции мужского хорового пения, поддержки коллективов и их совместного выступления. Идея была реализована в этом же году и приурочена к мужскому празднику – Дню Защитника Отечества.

Первоначально в фестивале приняли участие всего три коллектива. Но с каждым годом география участников все расширялась. Само слово «братство» стало диктовать свои условия: это должны быть хоровые коллективы, ансамбли и сводные хоры, когда на одной сцене поют дети, отцы и деды.

– Традиционные встречи мужских, юношеских и детских хоров проводятся уже в 16-й раз. Чем нынешний фестиваль отличается от предыдущих?

– Все фестивальные мероприятия до этого года проходили в Ижевске и в Воткинске. В 2010 году впервые были сделаны «хоровые прививки» – состоялся выезд хоров в Сарапул и в Игру. Открытием стали хор и ансамбль мальчиков Ярской детской школы искусств и мужской ансамбль работников культуры города Воткинска.

Еще одной особенностью предыдущих фестивалей было награждение всех руководителей и концертмейстеров коллективов Благодарственными письмами. Хоры и ансамбли получили дипломы самых различных номинаций. Молодые композиторы также получили специальные дипломы за пополнение репертуара хоровых коллективов.

– «Ингур» в переводе с удмуртского означает «мелодия с небес». Расскажите, пожалуйста, об истории создания капеллы.

– Капелла была создана в 1989 году Анатолием Михайловичем Щербаковым. В 1993 году произошла смена руководителей, и я сначала согласился поработать с коллективом один год. Но в конце сезона ведущий музыковед и лектор Москвы Жанна Григорьевна Дозорцева пригласила нас на фестиваль «Русская зима». Чтобы подготовить мальчишек к выступлению, я остался с коллективом еще на год. В 1994 году выступление капеллы произвело фурор на московском фестивале. Никто не ожидал, что в глу-

Наталья Олеговна Бечкова – внештатный корреспондент республиканских и городских СМИ. Участник литературных конкурсов Союза писателей и Союза журналистов Удмуртии.

бинке появился такой коллектив.

– Валерий Яковлевич, где вы ищете таланты?

– В нашей республике создана школа для одаренных детей коренной национальности, их набирают из районов, где нет музыкальных школ. Здесь учатся будущие деятели культуры Удмуртии. Из их числа мы и формируем состав участников капеллы.

– Что является особенностью работы с мальчишеским коллективом?

– Специфика мальчишеского коллектива в том, что с ними нельзя сюсюкать, но и давить тоже нельзя. Это, прежде всего, – соратники и сподвижники, в них нужно взращивать «мужское зерно». Я никого не называю «Юрочкой». Говорю «Юра» или «Юрий Петрович». В нашем коллективе сейчас 26 человек, и это 26 моих соратников.

– Валерий Яковлевич, как вы считаете, влияет ли характер исполняемой музыки на характер мальчишек, их поведение?

– Безусловно. Воспитание в составе певческого коллектива формирует чувство коллектива, дружбы, братства, соборности. Дух соборности, по-моему, присущ России, христианству. Наша капелла – это дружный коллектив единомышленников. Каждый у нас – на вес золота. Не будет одного, может рассыпаться весь коллектив.

– Чем отличается звучание вашей капеллы от звучания других хоровых коллективов?

– О том, что у нашей капеллы особый звук – не детский, а специфический мужской, – мне впервые сказали на фестивале в Казани. Это плотный, хорошо насыщенный звук, это хорошие дикция и подача. В звучании капеллы чувствуется напор.

– Каким образом вы формируете репертуар капеллы? Что является для вас определяющим?

– Каждое произведение имеет свою драматургию, звучание, требует своей манеры исполнения. В зависимости от этого и формируется наш репертуар, основу которого составляют финно-угорские произведения. Среди них особое место занимают духовные сочинения. Благодаря требованиям организаторов фестивалей и конкурсов, в которых нам довелось участвовать, в нашем репертуаре появились хоровые произведения на двенадцати языках.

– В чем состоит миссия капеллы «Ингур»?

– Исполнение произведений на языке оригинала открывает музыкальное богатство финно-угорского мира для наших сограждан. В этом состоит наша просветительская миссия. Я считаю, что переводные тексты не отвечают исконной народной мелодии, теряют свой колорит, ритм. Синтез мелодии и слова при этом нарушается.

– Музыку каких современных композиторов Удмуртии вы исполняете? Какие произведения ваши любимые?

«Ингур» со своим руководителем В.Я. Митрофановым.

– Все, что писала Евгения Копысова для детей, проходило апробацию в нашем коллективе. Одно из любимых произведений капеллы – песнопение «Ангелу хранителю», написанная ею. При его исполнении возникает чувство покоя и защищенности. Мы всегда поем его перед выступлениями и перед каждой, даже недалекой, поездкой.

Визитной карточкой нашего коллектива является также ее песня «Пумиськон» («Встреча»), написанная на стихи Василия Ванюшева, которая звучит на трех языках: русском, удмуртском, английском. Обычно мы исполняем ее в начале концерта, поскольку основной смысл этого произведения – выражение радости по поводу встречи с новыми друзьями. А программу концерта зачастую завершает еще одна песня Евгении Владимировны – «Время движется», задорная и оптимистичная мелодия которой дает заряд энергии слушателям.

В нашем репертуаре есть сочинения Геннадия Корепанова-Камского, Германа Корепанова. Мы исполняем произведение самодеятельного композитора Юрия Явкина «Навеки с Россией». Среди часто исполняемых – удмуртская песня «Сад возле окна», тайваньская народная песня «Веселое собрание», хоровая миниатюра «Диля» Шамиля Ибрагимова и популярный «Соттельмарш», созданный для духового оркестра, но аранжированный для хора неизвестным автором.

Ариадна ГОЛУБКОВА

ТРИ СЕСТРЫ

Из истории хорового исполнительского искусства Удмуртии*

Прогресс культуры, в том числе – музыкальной культуры, определяется развитием народного искусства, профессионального творчества, наличием педагогической мысли, книг, журнальных и газетных статей о музыкантах-универсалах. В культурном контексте музыка имеет свою специфику. Для музыкального развития важна тройственность: создатель произведения, исполнитель и слушатель. Антон Рубинштейн говорил: «Воспроизведение – это второе творение». По словам Б. Асафьева, вне конкретного исполнения звуков музыки в социально-культурном обмене нет: «Произведение непроинтонированное … существует лишь в сознании композитора, а не в общественном сознании».

В каждый период времени выделяется определенный стиль музыкальных интерпретаций. Кстати, само слово «интерпретация» (в переводе с латинского «толкование») одним из первых в России стал употреблять по отношению к исполнителям в своих журнальных статьях П. Чайковский.

Исполнителя, по мнению некоторых музыкантов, можно назвать даже соавтором. Ф. Лист полагал, что в нотном тексте можно зафиксировать не все, что придает красоту и характерность музыкальному произведению. Это воссоздает талантливый исполнитель. Часто в истории остается именно исполнитель. Мы вспоминаем, как пели Ф. Шаляпин, И. Козловский, какими были исполнитель-инструменталист Д. Ойстрах, пианист и композитор С. Рахманинов.

В данной статье мы рассматриваем хоровое исполнительство в Ижевске в первой половине XX века. Нас интересуют три хормейстера: Э.В. Миронова, Е.В. Молоткова и С.В. Глушкова – их работа над сценическим мастерством и над словом, создание художественных образов, а также организация концертных выступлений.

Исполнительское хоровое искусство Э.В. Мироновой было связано с Ижевской женской гимназией, которая была торжественно открыта в присутствии высшего духовенства и заводских генералов в 1907 году в здании бывшего особняка полковника Березина на улице Береговой. Эмилия Васильевна с 1907 по 1918 год преподавала музыку. Она проводила уроки пения, в программу которых входило изучение нотной грамоты и пение нотных двух- и трехголосных текстов (учебник сольфеджио сохранился), вела занятия с хоровыми коллективами классов и общим хором, занималась с солистами.

В работе с хоровыми коллективами Э.В. Миронова уделяла внимание художественному образу исполняемого произведения. Она включала в репертуар небольшие хоровые сцены из русской оперной классики, например, хоры из опер «Русалка» А. Даргомыжского и «Евгений Онегин» П. Чайковского.

Эмилия Васильевна закончила Петербургскую консерваторию по классу вокала в то время, когда в классах можно было встретить Н. Римского-Корсакова, А. Лядова, а в оперной студии послушать «Снегурочку» или «Пиковую даму». Вероятно, это и определило работу над созданием сценического хорового образа по типу петербургской школы, а также поиски возможной «режиссуры» сценического поведения, работу над мимикой, движением.

С солистами Э.В. Миронова занималась индивидуально. Она была и педагогом пения, и концертмейстером для своих учеников. Обучала правильному произношению слов, прививала навыки театрального исполнительства, работала над постановкой голоса. В программу включались небольшие сольные номера, в основном, – ариозо. Имена Анны Волменской (красивое «бархатное» меццо- сопрано), Марии Антипьевой (сопрано), Евдокии Пикулевой (сопрано) запомнились ижевской публике. Их музыкальная одаренность была очевидной.

Есть данные, что Э.В. Миронова готовила своих солистов для поступления в консерваторию. Одна из ее учениц – Мария Ивановна Антипьева – после успешной учебы в гимназии закончила Московскую консерваторию (класс вокала В. Петровой-Званцевой) и затем много лет работала в Горьком. Именно М.И. Антипьевой мы обязаны многими сведениями о «гимназии музыкальной» и в дальнейшем изложении будем ссылаться на ее воспоминания, на

Ариадна Николаевна Голубкова – музыковед, кандидат искусствоведения, заслуженный деятель науки Удмуртской Республики.

*Статья является главой книги «Развитие музыкального исполнительства Удмуртии в XX веке», над которой работает А.Н. Голубкова.

материалы ее беседы с автором данной статьи.

Э.В. Миронова после трехлетней творческой работы в классе организовала выступление своих учениц в концертном зале, включив хоровые и сольные номера в программы популярных в городе «смешанных» концертов, не ломая их стереотипов. Первый открытый концерт прошел зимой 1910 года в зале гимназии. В концерте прозвучали хоровые сцены из опер «Евгений Онегин» П. Чайковского и «Аскольдова могила» А. Верстовского, песня Вани из оперы М. Глинки «Иван Сусанин», ария Миньон из одноименной оперы А. Тома. Случайно сохранившаяся афиша говорит о включении в программу дальнейших концертов комедий с музыкальным оформлением, модных водевилей («Школьная пара» Е. Бабецкого).

Вскоре в концертном исполнении под аккомпанемент фортепиано (концертмейстер Э. Миронова) прозвучала детская пьеса из жизни животных «Снегурочка». К настоящему времени текст и музыка этого спектакля не сохранились. По воспоминаниям участников спектакля это был очень светлый, наполненный «необыкновенно простыми мелодиями» спектакль. Поставлен он был в одно из весенних воскресений 1910 года в зале гимназии.

В 1911 году в зале гимназии были поставлены отдельные сцены детской оперы композитора Э. Гумпердинка «Ваня и Маша» (под аккомпанемент фортепиано). Но сведений об этой работе мы не имеем.

В 1912 году на афишах впервые появилось сообщение об оперном спектакле «Иван Сусанин». Ее постановка была ближе к концертно-театральному варианту, были и купюры. Но оперный спектакль шел в «сценическом оформлении, с актерской игрой, с мизансценами». Основные картины (сцена подготовки Антонины к свадьбе, сцена в лесу) остались в воспоминаниях современников. Запомнилось исполнение партии Вани. Пела А. Волменская. Ее пение мне довелось слышать позже, в 30-е годы. Волменская была воспитателем детского сада, который я посещала. В дни праздников она устраивала музыкальные утренники .

Постановка оперы «Иван Сусанин», по воспоминаниям М. Антипьевой, «всколыхнула всех любителей музыки нашего города. Спектакли проходили при переполненном зале. Публика шла посмотреть и послушать, « чему научила гимназия своих учеников». Спектакли организовывались по типу благотворительных концертов, с широким распространением билетов, вырученные средства с которых шли на оформление костюмов».

В начале 20-х годов, когда гимназия была закрыта, Э.В. Миронова преподавала пение в школе № 1. В эти годы Эмилия Васильевна принимала участие в записи и редактировании одного из первых сборников удмуртских народных песен с нотами.

Правда, в этой области Э.В. Мироновой удалось сделать немного: ее семья переехала в Пермь, где Эмилия Васильевна жила до конца своей жизни.

В 1918 году в Ижевске начала работать Елизавета Васильевна Молоткова. Она, по-существу, открыла новое направление в хоровом исполнительстве: запись, изучение певческих особенностей и сценическое (концертное) исполнение удмуртской народной песни. В те годы в Удмуртии ощущался недостаток национальных учительских кадров. Ижевское педагогическое училище объявило расширенный прием студентов-удмуртов. Из дальних деревень приехала молодежь, горящая желанием учиться в новой советской школе. Е.В. Молоткова преподавала пение и организовала хоровой кружок, в который отбирала наиболее одаренных учащихся. В хоре педучилища пел А. Клабуков, Г. Титов, К. Ложкин, А. Конюхова, Е. Малых, с которыми автор статьи имела возможность беседовать, что и послужило основой изложенного ниже материала.

1912 год. Концертное исполнение оперы М. Глинки «Иван Сусанин» в Ижевской женской гимназии. Хормейстер, режиссер – Э.В. Миронова.

Основой хоровой работы Е.В. Молотковой в педучилище послужили удмуртские народные песни, которые ей напели кружковцы. Они же исполняли их в концертах. Детский писатель Аркадий Клабуков вспоминает: «А какой хороший хор у нас был тогда! Собственными руками, огнем собственного сердца создала его Елизавета Васильевна Молоткова. Хор педучилища в течение первых 10 лет пользовался в городах неизменным успехом. В нем при непосредственной помощи Елизаветы Васильевны выросли таланты удмуртского вокального искусства Григорий Иванович Титов – народный артист Удмуртской республики и Кузьма Алексеевич Ложкин – заслуженный артист РСФСР. От учащихся техникума Елизавета Васильевна записала удмуртские песни и опубликовала их отдельным сборником. Она постоянно пропагандировала музыкальное творчество удмуртского народа, стремилась показать его русскому народу». (Газета «Советской Удмуртия», 1950 год, 1 июня).

«Сборник удмуртских песен с нотами» Молотковой (Ижевск, 1925), о котором говорит А. Клабуков, содержал 17 песен. Нотный текст отличается некоторым схематизмом, но мелодии песен самобытны и выразительны, что явилось причиной их широкого распространения.

Е.В. Молоткова. Педагог музыки Ижевского педагогического техникума, хоровик.

Ученики рассказывали Е.В. Молотковой о характере удмуртской песенной культуры, о содержании песен, о народных костюмах, об обычаях. Все это нашло отражение в составлении концертных программ. «Выступать приходилось часто, – вспоминает бывшая солистка хорового кружка, автор первого удмуртского букваря Августа Васильевна Конюхова. – Пели в заречных школах, клубах. Приглашали нас и в районы. Всем коллективом вместе с Елизаветой Васильевной, которая всегда сопровождала нас и аккомпанировала нам в концертах, ходили пешком от деревни к деревне, через леса, поля. Пели всегда в ярких костюмах, отчего наши концерты превращались в красочный спектакль, где звучали удмуртские и русские народные песни, дуэты из опер, где были и пляски, и классические романсы. Помню, что в программу включались инсценировки и танцы, из которых наиболее яркими были «Боярский танец», «Тройка». С успехом исполняли на сцене вольные упражнения. Несколько номеров концерта отводилось ансамблю народных инструментов, которым тоже руководила Елизавета Васильевна. Играли студенты на гитарах, мандолинах и балалайках. Мы любили петь не только народный, но и классический репертуар: дуэт Лизы и Полины из оперы Чайковского «Пиковая дама», «Серенаду» Шуберта, «Жаворонка» Глинки, старинный русский дуэт «Нелюдимо наше море». Пели русские народные песни – «Песнь ямщика», «Улица, ты, улица широкая моя».

Вероятно, опора на широкий, в том числе, – новый репертуар стала возможной, благодаря консерваторским знаниям и многолетней концертной деятельности Елизаветы Васильевны.

Е.В. Молоткова родилась в музыкальной семье школьного учителя пения. Она училась в гимназии города Елабуги, там обнаружили ее певческие способности. В 1905 году она окончила Петербургскую консерваторию по классу вокала и в этом же году получила приглашение в оперную труппу Петербургского Народного Дома. В течение десяти лет Елизавета Васильевна была солисткой оперного театра Народный Дом, была на гастролях в городах Вятской губернии, выступала в Финляндии, Париже, Швейцарии. Муж Елизаветы Васильевны Н.П. Молотков тоже был оперным певцом, исполнял басовые партии. По рассказам дочери, выступал вместе с Ф. Шаляпиным, который иногда бывал в их петербургском доме.

Начиная с 1933 года, хормейстер Е.В. Молоткова принимала участие в подготовке оперных спектаклей в Ижевске.

Организатором труппы и первым дирижером был Д. Васильев-Буглай. Оркестр, хор – все было создано силами музыкантов-любителей. Труппа солистов формировалась из профессиональных певцов, в Ижевскую оперу были приглашены опытный режиссер и дирижер. За несколько месяцев был подготовлен репертуар. Автору статьи посчастливилось слушать оперу Н. Римского-Корсакова «Снегурочка». В памяти осталось чудесное исполнение «Песни Леля».

В эти же годы Е.В. Молоткова стала хормейстером Удмуртского радио. Из лучших любительских хоровых коллективов города Елизавета Васильевна организовала хор и ежедневно проводила занятия. В репертуаре были удмуртские, революционные песни, переведенные на удмуртский язык, сцены из «Пиковой дамы» П. Чайковского, «Паяцев» Р. Леонкавалло, «Майской ночи» Н. Римского-Корсакова.

Председатель областного радиокомитета Л. Будина вспоминает: «Стал пополняться репертуар удмуртского музыкального вещания. Мы привлекли учительницу пения и руководительницу хора педагогического техникума, мастера хорового пения и концертмейстера Елизавету Васильевну Молоткову. Она внесла огромный вклад в развитие музыкальной культуры не только в педучилище, но и в целом по Удмуртии. Ее усилиями был создан хор в радиокомитете, который выступал по радио, в зале Дома связи и на открытых площадках в деревнях».

Работой в музыкальной школе (педагог фортепиано) завершилась деятельность в Ижевске музыканта-просветителя. Многие из ижевских музыкантов получили в классе Елизаветы Васильевны уроки музыки. В их числе – автор данной статьи. В памяти осталась интеллигентная, всегда спокойно сидящая у рояля и ровным уверенным голосом разговаривающая со своими учениками «первая учительница в мире музыки».

Во время войны в Ижевске начала работать хормейстером третья сестра семьи Покровских – Софья Васильевна Глушкова. Ее деятельность в нашем городе была менее продолжительной, но успешной и плодотворной. Софья Васильевна более десяти лет руководила хором Мотозавода, который стал самым интересным хоровым коллективом города.

В молодости Софья Васильевна была известной оперной актрисой. Она училась в Петербургской консерватории по классу профессора Н.А. Ирецкой, которая стажировалась у Полины Виардо. В своей концертной деятельности нередко выступала «в ансамбле с Рубинштейном». Со второго года обучения Софья Васильевна была приглашена в оперу и двенадцать лет пела в Петербургской Музыкальной драме. Она исполняла роль Маргариты в «Фаусте»

С.В. Глушкова. Оперная певица Петербургского театра драмы, хормейстер и руководитель хора Мотозавода.

Ш. Гуно, Татьяны в опере «Евгений Онегин» П. Чайковского, Виолетты в «Травиате» Дж. Верди. Петербургские газеты опубликовали десятки рецензий, где талант актрисы получил высокую оценку.

В 1918 году Софья Васильевна уехала в Кисловодск, где продолжила концертную деятельность. В 30-е годы вернулась в Петроград, где ее застала война. Софья Васильевна пережила блокаду и в 1943 году вернулась в Ижевск.

Софья Васильевна – большой мастер хорового дела. Ее руководство хором – это целая школа, где обучают пению и воспитывают музыкальный вкус. Не случайно, в отличие от других коллективов, оперная хоровая музыка занимает в выступлениях этого хора должное место. Главное в исполнительской манере – ощущение формы произведения, передача его внутренней динамики. Продуманность исполнительского плана делает каждое произведение, над которым работает хормейстер, выпуклым, архитектоничным. Но радует не только это: радует чистота интонации и тонкая нюансировка.

Эмилия Васильевна Миронова, Елизавета Васильевна Молоткова, Софья Васильевна Глушкова – выдающиеся музыкальные деятели нашего города. Их труд удивляет своим энтузиазмом, жаждой просвещения. И мы с полным правом называем их «нашими любимыми музыкальными просветителями».

Наталия ГУЩИНА

КОРНИ СТАРЫЕ – ВЕТВИ НОВЫЕ

Жил в городе Подольске мальчик Паша, а в Рязани – девочка Катя. Учились в школах, потом в институтах... Поиски своего пути привели их к призванию вокалистов. Узнали друг о друге, познакомились.

Несколько лет назад они приезжали к Пашиной бабушке Валентине Николаевне в Глазов. Отсюда родом мама Павла, здесь прошло его детство.

Он проучился полтора года на филфаке Глазовского пединститута, успешно занимался научной работой, участвовал в фестивалях «Весна ГГПИ», пел в церковном хоре и вокальном коллективе.

В августовские дни 2008 года Павел и Катя вновь приехали в Глазов. Охота, рыбалка на побережье Пызепа, грибы, шашлыки, пьянящий хвойный аромат леса, солнце, – словом, отдых и радости жизни в глуши…

Но есть у этой молодой супружеской пары еще немало поводов радоваться, а нам – гордиться тем, что эти молодые люди предпочли отдыху за границей наши края.

Павел Владимирович Быков – личность уникальная и разносторонняя: оперная сцена (выпускник Гнесинской академии), литература (он окончил Литературный институт имени Горького, прозаик, член Союза писателей России), педагогический дар (дипломированный преподаватель-словесник). Но, быть может, один из главных талантов Павла – памятливость, чувство «верности своим корням», необыкновенный дар благодарности и умение доставлять радость окружающим от общения с ним.

К чему, скажите на милость, этому успешному человеку его глазовское прошлое? Почему он не теряет связь не только с бабушкой, братьями, но и с сокурсниками, педагогами, помня всех по имени-отчеству? Почему на празднование 150-летия Короленко он приходит к памятнику писателя с фотоаппаратом? Для чего изучает в отпуске, обложившись книгами, этнографию и историю удмуртов, самозабвенно делится с нашими музфаковцами секретами мастерства от З. Долухановой, с интересом смотрит фильмы В. Тронина и любуется картинами В. Наговицына, размышляет над строками В. Мельма, бродит по залам музея «Иднакар», разыскивает священную рощу, аукается с солнцем с Солдырь-горы, где по-особому думается о вечном? Отчего, публикуя свои рассказы в московском журнале «Литературная учеба», указывает в своем коротком «досье», что печатался в глазовском «Красном знамени», что его рецензенты – доцент из Глазова и весь пятый курс филфака, обсуждавший его загадочную притчу-антиутопию в сетевом журнале литературной словесности и критики?

Вероятно, оттого, что иначе он не может, потому что это для него важно. Может быть, именно это и делает его личностью…

Отрадно, что рядом с Павлом не просто красавица-коллега, но и единомышленница! Журчание удмуртской речушки, гомон птиц, горделиво стоящий у дороги «одуван», наши пейзажи Катя предпочла столицам и американ-европам. А мир они уже успели повидать!

Павел Быков – лауреат международных конкурсов вокалистов, его голос звучал в Италии, Франции, Испании, Америке… А его Катя – та самая Екатерина Щербаченко, солистка Большого театра, что блистала на Миланской сцене в роли Татьяны в опере П. Чайковского «Евгений Онегин», а на Международном конкурсе в Англии пела на четырех языках сложнейшие партии и была признана лучшей певицей мира 2009 года. Спустя четырнадцать лет после торжества Дмитрия Хворостовского это долгожданное достижение русской вокальной школы.

На родине великого композитора супружеская пара дорожила каждым прожитым днем. Катюша и Павел хлопотали у костра, ходили босиком по нашим тропам, возились с местными пацанами, устраивали соревнования по взятию крутого обрыва, загорали и с удовольствием плескались в бодрящем Пызепе. Время от времени из неумолкающих сотовых следовали заманчивые приглашения в Милан, Париж, Хельсинки. Впереди – фото-сессии, пресс-конференции, репетиции, концерты, гастроли...

Будем надеяться, что, вспоминая дни, проведенные в Удмуртии, молодые люди будут любоваться в далеком Питтсбурге видами малой родины фотомастера из деревни Юберки Ярского района В. Трефилова.

«Русская красота! Как жаль тех, кто, живя здесь, в России, не замечает ее…», – сказал Павел Быков.

Как это искренне и просто!..

Денис МОДЗЕЛЕВСКИЙ

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ И ДВА ЧАСА С АНАТОЛИЕМ МАМОНТОВЫМ

Кто хоть немного знает, что такое Удмуртия, без долгих раздумий назовет наш лучший художественный коллектив и его руководителя в числе главных достояний родникового края. «Италмас» и Мамонтов – эти два имени стали неразрывными. Даже в огромной России очень немного творческих структур и музыкантов, которые уже долгие десятилетия держат на огромной высоте поднятую когда-то планку. И не просто держат, а небезуспешно стремятся поднять еще и еще.

В июле исполнилось ровно полвека, как Анатолий Васильевич впервые взял в руки палочку дирижера республиканского ансамбля песни и танца. Вскоре талантливый хормейстер и композитор назначается его художественным руководителем, коллектив обретает название, получает статус академического, становится орденоносным. Мастерство удмуртских артистов с репертуаром из многих сотен произведений различных жанров и народов востребовано в России и за рубежом.

Журналист Денис Модзелевский попросил народного артиста Российской Федерации и Удмуртской Республики, лауреата Государственной премии, Почетного гражданина Удмуртии и Ижевска вспомнить самые яркие эпизоды из истории знаменитого ансамбля, рассказать о его сегодняшнем дне, немного поразмышлять о будущем. Почти двухчасовая беседа вышла далеко за обозначенные рамки и стала от этого только интересней.

– Анатолий Васильевич, поющий, танцующий и играющий на музыкальных инструментах коллектив Удмуртии был создан до вашего рождения, однако многие называют «Италмас» ансамблем Мамонтова. Насколько это справедливо, говоря без ложной скромности?

– Да, ансамбль появился в 1936 году, а я родился в 37-м. До меня в его истории тоже было немало интересных страниц и имен. Прекрасным музыкантом был, например, организатор коллектива, выпускник Московской консерватории Аполлон Васильевич Каторгин. В годы Великой Отечественной все артисты-мужчины ушли на фронт, а женщины постоянно выступали перед ранеными в госпиталях, перед тружениками тыла.

Сам же я начал работать здесь 18 июля 1960 года после окончания Казанской консерватории. С раннего детства я, выросший в небогатой удмуртской деревне, знал, что такое праздник – с песнями, зажигательными танцами. Казалось бы, война, горе, недоедание и недосыпание, а место для радости все равно оставалось! Праздники были нечастыми, но настоящими, не надуманными. Позже с интересом и восхищением следил за творчеством ведущих коллективов страны, искусство которых тоже как праздник – это моисеевцы и александровцы, хор Пятницкого, молдавский «Жок», «Берёзка», Воронежский и Уральский хоры, украинские и прибалтийские музыкально-хореографические ансамбли.

Человек я был молодой, амбициозный и решил: Удмуртии тоже нужен ансамбль, который смог бы котироваться на международном уровне. Вскоре коллектив стал называться «Италмас». Почему так? Удмурты издревле предпочитали всем цветам именно этот, который рождался в очень редких, заповедных местах: не в лесу и не в огороде. Поэт Михаил Петров написал талантливую стихотворную легенду о том, как девушка-красавица, вынужденная уйти от любимых людей, превратилась в цветок и каждой весной появлялась, чтобы повидаться со своим народом. Молодой композитор Геннадий Корепанов-Камский сочинил на этот сюжет одноименный балет, а я и мои единомышленники решили дать такое название и ансамблю.

Получилось удачно: наши старожилы вспоминают с юмором, как во время гастролей в Италии тамошние журналисты допытывались, не итальянской ли музыкой навеяно подобное имя. Так или иначе, не знаю даже, насколько это справедливо, – «ансамбль Мамонтова». Но очень горжусь, что мне и моим единомышленникам удалось в какой-то мере прославить Удмуртию, ее народ.

– Приходилось слышать мнение, что «Италмас» Мамонтова есть своего рода сочетание качеств и приемов упомянутых выше отечественных коллективов-грандов. С той только

Денис Владимирович Модзелевский – главный редактор газеты «Справедливая Россия в Удмуртии», пресс-секретарь депутата Государственной Думы ФС РФ, член Международной федерации журналистов и Союза журналистов России, лауреат премий Союза журналистов Удмуртии и России.

разницей, что эти качества и приемы переложены на удмуртский национальный колорит…

– Доля истины здесь есть, ведь ничего, практически ничего не создается на голом месте. Действительно, я преклоняюсь перед гением Игоря Александровича Моисеева, его постановками и филигранным мастерством балета, перед грандиозным многоголосием Краснознаменцев-александровцев, которое и повторить-то практически невозможно. С другой стороны, моисеевский ансамбль использовал и ряд наших находок, о чем король русского танца говорил и писал мне, эти записки и письма храню как самое дорогое. Причем использовал не один к одному, а воплотив их по-своему!

Еще до консерватории я запоминал и собирал удмуртские мелодии, а студентом не столько для диплома, сколько для себя постигал Моцарта, Верди, других классиков, пел их шедевры. Так что вопрос, наверное, не в сочетании как таковом, а в том, насколько твоя душа способна постичь то лучшее, что сделано до тебя и помимо тебя. Постичь и сделать в итоге что-то свое. Новаторство же ради новаторства, альтернативу ради альтернативы не приемлю в принципе.

– Помимо Игоря Александровича, вам доводилось общаться и сотрудничать с мэтрами?

– К счастью, очень со многими. Из работающих до сих пор теплые отношения с Анатолием Авдиевским, народным артистом СССР, руководителем украинского хора имени Верёвки, с Володей Курбетом из «Жока», с главой Кубанского казачьего хора Виктором Захарченко. Приглашаем друг друга выступать, обмениваемся идеями. Поддерживаю контакты и с зарубежными коллегами. Вот недавно звали с концертами во Францию, но не получилось по финансовым причинам.

– Финансы – тема отдельная, к ней еще вернемся, а пока такой вопрос. В биографии любой художественной структуры подобного уровня есть легенды-были, позволяющие лучше понять и познать ее душу. Не могли бы вы рассказать пару таких историй?

– С удовольствием, тем более, что никто еще об этом не спрашивал. Ну вот, лет тридцать назад мы гастролировали в Японии. Показываем «Танец с колокольчиками», там они живые, шестнадцать штук. Дирижирую и вижу: какой-то японец бегает и бегает около сцены, потом сзади. Я даже испугался, а потом мне рассказывают: оказалось, он искал фонограмму – не поверил, что ансамбль работает без нее. Вскоре ситуация один к одному повторилась в Германии. А раньше, еще в шестидесятых, после концерта в Сочи к нам подходит один из зрителей и спрашивает: почему у вас глаза круглые? Я вопросом на вопрос: а какие должны быть? Мужчина говорит: узкие, вы же северный народ. Пришлось объяснять, кто такие удмурты, где живут. Сейчас таких вопросов уже не задают…

– Хор, оркестр, балет – что в ансамбле главная составляющая?

Анатолий Васильевич Мамонтов за партитурой.

– У нас эти составляющие равноценны и самодостаточны, хотя сам я прежде всего музыкант. Помимо семидесяти артистов есть еще костюмерный цех, он тоже наша большая гордость, имеющая свою историю.

Когда я пришел в ансамбль, то практически сразу понял, что надо шить классные костюмы – бытовые, даже украшенные, не пойдут, если мы хотим на что-то претендовать. Поехал в Москву, обратился к друзьям: нет ли на примете способного художника-костюмера, еще не известного – известному платить не позволяли средства. Мне отвечают, что есть, заканчивает текстильный институт вместе со Славой Зайцевым, который уже тогда набирал силу. Так в ансамбле появилась Марина Андреевна Барт, потомственная художница, совсем юная, хрупкая девушка. Обойдя все наши ведущие музеи и детально изучив особенности удмуртских национальных костюмов, она вернулась в столицу со словами: Анатолий, у удмуртов одежды – одни из самых красивых в Европе, особенно женские.

С тех пор мы шили костюмы для выступлений по ее эскизам в Москве и Ленинграде. Поначалу некоторые местные художники ворчали – у нее и то не удмуртское, и это, а, в конце концов, вынуждены были признать, что ее творения – нечто. Она давно не приезжает в Ижевск, мы только переписываемся и перезваниваемся, а созданные ею костюмы по-прежнему радуют глаз зрителей, где бы италмасовцы ни выступали. Уверен, что и после меня будут радовать.

– Национальные, народные хоры и ансамбли существуют сегодня во многих регионах, но именно «Италмас» был и остается одним из ведущих. Да и ваше имя долгие годы стоит в ряду лучших худруков, дирижеров, хормейстеров страны. Чем вы это объясните?

– В первую очередь, хорошим подбором артистов, искренне любящих свое дело. На таланты нам везло и везет. Что касается меня, я получил хорошее образование – сначала в музучилище, затем в консерватории, очень много работал, в том числе, – над собой, судьба, повторюсь, свела меня с потрясающи-

ми творцами сцены, давшими неоценимые уроки мастерства. И еще: как, скажем, настоящий футболист, я стремился и стремлюсь не просто бегать по полю, но обязательно забить или сделать голевую передачу, при этом стараясь зажечь и других.

– Вместе со страной ансамблю не раз доводилось переживать тяжелые времена. Как удалось сохранить структуру в таком сильном виде, качественно и количественно?

– Легко нам никогда не было. А в самые тяжелые времена нас выручало то, что мы не отступали от традиций, не изменяли себе в угоду очередной моде или кампании. Помню, когда я только стал руководителем ансамбля, Никита Сергеевич Хрущёв задумал очередную реформу. Выражаясь современным языком, он хотел оптимизировать искусство, всех и вся подсократить. Я написал письмо министру культуры Фурцевой, меня вызвали в Москву на совещание. И вот огромный зал, в президиуме – Свешников, Александров-младший, другие светила. Вдруг министр: кто здесь самый молодой, смелый? Собравшиеся смотрят на меня, дыхание перехватило, я встаю, а Фурцева, улыбаясь: иди, садись сюда. Поднимаюсь на сцену, она: письмо писал, что просишь? Я еще раз объяснил, что и почему. Министр кивнула, а уехал я, держа приказ, переводящий ансамбль в первую категорию с увеличением состава и материальной базы. Так рисковать приходилось не раз, но я всегда знал – за мной большой коллектив, артисты в меня верят, и не мог иначе.

– Нынешняя среднеарифметическая зарплата в «Италмасе» позволяет относительно безбедно существовать?

– Извините, я воздержусь от ответа. Скажу только, что делаю для этого все возможное, от меня зависящее. Кстати, кто ставит деньги превыше всего, у нас долго не задерживается, как и в большинстве академических ансамблей. Артистов привлекает другое – возможность творить, совершенствоваться, возможность показать себя на престижных концертных площадках. Здоровое честолюбие я только поощряю и поддерживаю.

– В последние годы наши лучшие академические коллективы нередко экспериментируют с современными жанрами: александровский, моисеевский ансамбли можно увидеть на открытии «Евровидения» или на других аналогичных шоу, в окружении рок- и поп-звезд. Ваше отношение к подобным новациям, пытались ли сами идти таким путем?

– Есть новации и новации, звезды и звезды, главное же в любом случае – не переступать грань, а она очень тонка. Лично мне обидно видеть хор и балет Краснознаменного ансамбля в компании с абсолютно безголосыми, вальяжными певцами и певицами, которых раньше бы и на порог в этот коллектив не пустили. Ради шутки ли это делается, для рекламы ли, а все равно неприятно.

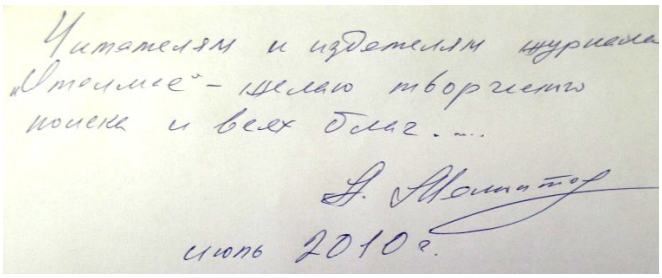
По поводу нас: у «Италмаса» тоже есть ритмические, молодежные номера, они пользуются успехом, но идти дальше этого пока не рискуем. Тем более, что когда выступаем, скажем, за рубежом, ансамблю нередко ставят условия: исполнять только наши песни и танцы – удмуртские, русские, украинские, только вживую и только в своем стиле…

«Италмас» на сцене.

– …У нас же некоторые «акулы пера» утверждают, что «псевдонародные» песни и танцы – поднадоевший всем штамп и лубок, исполняющие их хоры и плясуны – позавчерашний день, сейчас, дескать, эпоха авангарда, индивидуализма. Один мой коллега-оригинал прямо заявил: долой, хватит пугать мир подобным искусством! Что вы на это скажете?

– Во-первых, авангард авангарду тоже рознь, как и музыкально-хореографические ансамбли совсем не одинаковы по уровню. Во-вторых, лучшие наши коллективы подобного плана по-прежнему собирают по всему миру полные залы, их приглашают снова и снова – это факт. «Акулам», что ли, решать, какое искусство нужно людям, кого возить на Запад? Посмотрите наше телевидение, и так уже сколько нарешали в таком вот духе. В конце концов, пусть иные индивидуумы поставят и исполнят хотя бы один танец уровня Игоря Александровича Моисеева, который уже десятки лет везде проходит «на бис»! Пусть, как Александр Васильевич Александров, напишут и разложат на многоголосый хор песню уровня «Священной войны», от которой в любой стране зал встает! Все, что могу сказать.

– Вы считаете, сегодня в России нет молодых певцов, хормейстеров, балетмейстеров экстра-



Автограф Анатолия Васильевича Мамонтова.

класса?

– Убежден, что есть: они всегда появлялись, даже в самые тяжелые времена. Другое дело, что я их не вижу, не слышу – по телевизору одни и те же лица, по радио одни и те же ритмы. Очень жаль, что государство не рекламирует молодые таланты, не поддерживает.

– Как же заставить государство, телевидение делать это?

– Вряд ли скажу тут что-то новое, а общеизвестные вещи повторять бы не хотелось. Наверное, беда еще и в том, что в искусстве становится все меньше настоящих флагманов – руководителей и артистов, способных заинтересовать ту же прессу не дешевеньким трюком, а достоинством, благородством, потрясающей человеческой культурой, образованностью, эрудицией. Когда Моисеев со своим ансамблем впервые приехал в Париж и начал на чистейшем французском рассказывать о нашей стране, об искусстве, о своих французских корнях, остроумно шутить, все сами потянулись к нему, не надо было никакого «пиара»! Настоящее-то притягивает в любые эпохи и режимы! Только вот где они, новые настоящие, – не знаю…

– Еще один больной вопрос: а с удмуртской культурой что происходит? Радиофонды, хранящие голоса Ложкина, Титова, Корепанова-Камского, – в плохом состоянии, концерты «Италмаса» в приличных залах вроде «Аксиона» – редкость, записей главного ансамбля республики найти практически невозможно, даже приемная у вас, простите, как у директора очень средней школы или ПТУ…

– По-моему, здесь основная проблема в следующем: министерствами, управлениями культуры, коли таковые существуют, должны руководить профессионалы и, главное, – люди, болеющие за дело душой, не просто чиновники. С этим у нас в последние годы было весьма неважно, отсюда и результат. Надеюсь, с новым министром что-то изменится, вроде, он человек творческий.

Приемная – ладно, переживу, а вот вопрос с залами действительно больной. Своего позволить себе не можем, в тот же «Аксион» попасть, – сами знаете... Только филармония остается. Был когда-то ДК «Металлург», сейчас там кинотеатр, сам же зал пропадает. Слышал, на здание претендуют какие-то богатые москвичи, сравните их возможности и мои.

А ведь у нас еще и прекрасная детская студия, которую около двадцати лет назад создала моя жена Элеонора Викторовна, балетмейстер, ученица самого Игоря Александровича, заслуженная артистка России. Ребята уже имеют международные награды, выступают с ансамблем и самостоятельно, а мы по-прежнему «безлошадные», то есть «беззальные». Бегать по инстанциям и выпрашивать, – не в том уже возрасте. Очень хорошо, что вы спросили меня обо всем этом: возможно, публикация нашей беседы поможет сдвинуть хоть какие-то из поставленных вопросов с мертвой точки.

– Не хотелось затрагивать эту тему, и все-таки: когда-нибудь придет время оставить дирижерский пульт. «Италмас» без Мамонтова, без Мамонтовых – что это будет?

– Все будет хорошо, с таким багажом коллектив, структура не пропадет. У меня, у Леоноры Викторовны есть талантливые ученики, хотя педагогикой в прямом смысле мне заниматься не доводилось. Верю, новое руководство привнесет и что-то свое, способное приумножить наши достижения. Хотя пока еще поработаем (*улыбается*).

– Мамонтов вне работы, вне ансамбля – какой он? Чем интересуетесь, что читаете, слушаете?

– Слушать музыку, к сожалению, сейчас редко получается, да и столько уже за свою жизнь слышал, что стоит иногда остаться одному, как в голове зазвучит какая-нибудь прекрасная, вечная мелодия. Из классики очень люблю Бортнянского, Глинку, Мусоргского, нашего Петра Ильича, Римского-Корсакова и особенно Шостаковича – одна Ленинградская симфония, симфония-подвиг, достойна воинского салюта!

Из литературы близок Достоевский, не раз читал его и перечитываю, нравятся мемуары, книги о великих артистах. Собираюсь сам написать воспоминания, но руки все не доходят.

Еще я аквариумист, развожу рыбок, с четвертого класса держу собак, сейчас у меня веселый и смешной друг-пинчер.

Когда выдается пара-тройка свободных дней, с удовольствием уезжаю в родной Завьяловский район пообщаться с земляками, покопаться на огороде. Ну и, конечно, семья: жена, двое сыновей, внуки – с ними мне тоже более чем повезло. Каждому бы так!

– Спасибо, Анатолий Васильевич, за интервью. Многие вам творческие лета!

Фото автора.

НОВЫЙ ТРУД ПЕРЕВОДЧИКА

«Евгений Онегин» А. Пушкина в переводе Р. Яшиной

Литературное призвание определило для Розы Ивановны Яшиной беспокойное место в жизни. Критик и литературовед, автор ряда замечательных удмуртских лирических стихов, много лет занимавшаяся преподавательской и научной работой, она упорно и целенаправленно трудится сейчас над переводами русской классики на удмуртский язык. Многие ее работы составной частью вошли в объемные, тепло встреченные удмуртскими читателями и критиками русско-удмуртские (на двух языках) книги последних лет: «Сергей Есенин. Избранные произведения» (Ижевск, 2002), «Н.А. Некрасов. Избранные произведения» (Ижевск, 2005), «А.С. Пушкин. Избранные произведения: стихотворения, отрывки из поэм» (Ижевск, 2007), «М.Ю. Лермонтов. Избранные произведения» (Ижевск, 2008).

Такие издания особенно полезны сегодня, когда классическая поэзия, да и вся литература в благородном своем варианте исчезает в темной утробе развлекательно-отдыхательного, нарочито-умозрительного с разными на вкус пилюлями «измов» чтения.

И вот новый труд автора-переводчика: к удивлению многих удмуртских литераторов, Роза Яшина смело взяла пушкинского «Евгения Онегина» в охапку и бережно и поучительно впервые перенесла в свою родную литературу. От начала и до конца удалось ей передать удмуртским языком тончайшую атмосферу своеобразного, ритмически организованного смыслового мира русского поэта. Хотя переводчица и не всегда придерживается пушкинского метра, от главы к главе тщательно сохранены стилистические и лексические особенности, исторический и локальный колорит произведения. Как точно звучат интонация, музыка пушкинских строк:

Тилед мон гожтисько – бен мар?
Мар быгато на вераны?
Я к вам пишу – чего же боле?
Что я могу еще сказать?

Роза Ивановна Яшина при переводе тщательно отыскивает нужные смысловые соответствия, что, собственно, возможно лишь при наличии культурного равенства двух языков. Если их нет, в ее арсенале – диалектные, порой незаслуженно забытые удмуртские слова и словосочетания, которые под ее пером начинают излучать свет, например: *кылскись* (послушный), *чыжыос* (предки), *жонзе пеляз* (в слухе шум), *асгажан* (тщеславие) и т.д.

Язык переводчицы Розы Яшиной состоит из сплава высоких слов, порою прозаизмов, а также народных речений; она владеет всеми регистрами удмуртской речи.

Путь от русского языка к удмуртскому, от русского слова, выражающего определенную мысль как терминированной, так и образно-фигуральной речью, к удмуртскому слову, которое наделено тем же смысловым наполнением, чаще всего бывает извилист и многотруден. Роза Ивановна Яшина постигла, увидела, обрела способность во всем объеме воссоздать увиденное и постигнутое в романе А. Пушкина «Евгений Онегин». Это яркий пример того, что удмуртская литература с давних времен развивалась и развивается в живом общении с русской литературой.

Рукопись «А.С. Пушкин. Евгений Онегин» в переводе на удмуртский язык Р.И. Яшиной вышла отдельной книгой. Она, на мой взгляд, адресована, в первую очередь, студентам, преподавателям вузов, учителям и учащимся общеобразовательных школ, всем тем, кому дорога классическая литература.

Вениамин Никонорович Ившин – член Союза писателей России, заслуженный работник культуры Удмуртской Республики и Российской Федерации, лауреат Государственной премии Удмуртской Республики, кавалер ордена Дружбы.

Сергей РЕШЕТНИКОВ

ЖЕНЩИНА-ДИПЛОМАТ

Рецензия на книгу Михаила Труша «Жизненный путь Александры Коллонтай»

Жизни и творчеству Александры Коллонтай, первой женщине-дипломату такого ранга, посвящено немало книг. Эти произведения можно разделить на две категории. Первые – исследования, статьи той поры, когда торжествовала партийная коммунистическая идеология, когда, в известной мере, образ А. Коллонтай был слегка идеализирован и несколько далек от истинного. Другая категория произведений – те, что вышли в период постсоветской истории. Впечатление таково, будто эти книги и статьи написаны о разных людях. В работах, вышедших в последние десять-пятнадцать лет, в большей степени делается упор на ее взгляды как феминистки, проповедующей свободные гендерные отношения.

Как всегда, – истина где-то посередине.

Не надо ни идеализировать, ни очернять образ этого человека. И, прежде всего, – женщины: неординарной, красивой, не оставлявшей вокруг себя равнодушным ни одного мужчину даже тогда, когда ей было немало лет.

В ряду многих произведений об Александре Коллонтай особое место занимает книга талантливого ученого М.И. Труша «От политики революционной борьбы к победам на дипломатическом фронте. Жизненный путь Александры Коллонтай». Михаил Иванович, прежде всего, выступает здесь как историк, рассматривающий совершенно конкретные условия, сформировавшие характер, творчество А. Коллонтай и тот вклад, который она внесла в развитие России и Советского Союза.

Что же сформировало характер и жизненный путь этой необыкновенно эрудированной, образованной женщины? Думаю, что, прежде всего, – романтика того революционного времени, в которое вступала Россия в тот период, когда А. Коллонтай была уже взрослой девушкой. Конечно, она не могла пройти мимо этих событий и того положения страны, в котором та находилась на сломе XIX–XX веков.

Трудно себе представить, как из обеспеченной, благополучной жизни юная Шурочка Домонтович шагнула в романтику революционных преобразований, революционной жизни, полной лишений, невзгод и просто отсутствия бытового комфорта. Тем не менее, это произошло. Наверное, у нее были для этого причины и психологический настрой.

Хочется отметить особый случай в ее жизни – ее встречу с Г.В. Плехановым. Он был интеллектуалом социал-демократии, каких было очень мало в революционном движении. Жаль, что Россия не пошла по пути социал-демократии. Так получилось, что возобладала точка зрения В.И. Ленина – большевизм. История, как мы помним, не имеет сослагательного наклонения, поэтому говорить о том, что не произошло, бессмысленно. Тем не менее, хочется отметить, что встреча с Плехановым совершенно обворожила и очаровала Коллонтай. Тогда она поняла, какие интеллектуальные силы стоят на стороне революционного движения в России. Причастность к этому движению вынудила ее к эмиграции. Это также были отголоски некоторого романтизма того времени...

К 1917 году, когда А. Коллонтай прочно встала на путь РСДРП, ей было почти сорок лет. Это была уже взрослая, зрелая женщина. В это время на протестной волне родились различного рода феминистские движения: борьба женщин за свои права и в быту, и на работе, и с точки зрения гражданских свобод. А. Коллонтай подхватила многое из того, что проповедовали Клара Цеткин и Роза Люксембург. Но ей напрасно приписывают теорию свободной любви. Она была слишком умным человеком, чтобы исповедовать эту неинтеллектуальную теорию.

Тем не менее, находясь в гуще событий, А. Коллонтай прочно обосновалась в лагере большевиков. Огромное впечатление на нее произвели встречи с В.И. Лениным. Личность Ленина, сильного поли-

Сергей Максимович Решетников – доктор химических наук, профессор Удмуртского государственного университета, член редакционного совета журнала «Италмас».

тика, логически безупречного дискутанта, помогла сформировать многие взгляды А. Коллонтай. Таких умных людей большевики использовали в правительстве. Александра Михайловна была, по сути дела, министром социальной защиты населения в первые годы советской власти. В то же время она как образованный человек, знающий пять или шесть языков, воспитанный в генеральской семье, сильно отличалась от многих большевиков, не имеющих системного образования, не знающих правил этикета. Поэтому в конце концов Правительство приняло решение направить ее на дипломатическую работу, и решение это было абсолютно прагматичным.

Вначале Коллонтай была направлена торговым представителем в Норвегию. Это было связано с тем, что, во-первых, Норвегия была ближайшей соседкой России, обладающей большим запасом морских ресурсов, которые хорошо добывались и были не так дороги. А Россия тогда испытывала трудности с продовольствием. Второе, – Норвегия была высоко технологичной страной, что было также очень важно для контактов зарождающейся тогда российской промышленности. Надо сказать, что в первый период своей работы в Норвегии Коллонтай выполняла все функции посла. Впоследствии она стала чрезвычайным и полномочным послом, вручив королю свою верительную грамоту.

Удивительно, как эта женщина, не имеющая экономического образования, но имеющая очень богатую интуицию и дар предвидения, практически вывела отношения с Норвегией, страной капиталистической, противостоящей советскому строю, на уровень, когда правительства обеих держав уже не могли мешать торговым отношениям между странами. По сути дела, экономика победила политику, и Норвегия, эта маленькая страна, стала одним из крупнейших партнеров Советского Союза по торговому обороту.

Успехи А. Коллонтай были столь велики, что не могли быть не замечены в Наркоминделе. Кому-то пришла идея отправить А. Коллонтай на такой же дипломатический пост в Мексику. Этот период ее жизни сопряжен с трудностями и героизмом, потому что Мексика тоже переживала революционный период, и можно было просто пропасть, быть убитым. Нашей героине удавалось лавировать между группировками, налаживая нормальные взаимоотношения. Но, к сожалению, климат абсолютно ей не подходил. Она стала часто болеть, и ее отозвали в Москву, чтобы вернуть в Норвегию.

Норвежский период, очень подробно описанный М.И. Трушем, вызывает большую симпатию к А. Коллонтай. Она сделала эффективной работу всего дипломатического корпуса Советского Союза в этой стране, часто используя свое женское обаяние, женские чары. Когда она выходила с какими-то предложениями в Правительство Норвегии, трудно было ей в чем-то отказать.

Успехи ее были столь впечатляющи, что она проработала там до 1930 года. За это время Норвегия стала крупнейшим экономическим партнером СССР, а экономические отношения повлияли и на элементы внешней политики двух стран. После того, как А. Коллонтай была отозвана в Москву, ей предстоял путь в Скандинавию. На этот раз – в Швецию, которая была страной более значимой и по населению, и по промышленному потенциалу, чем Норвегия. Поэтому налаживание с ней связей было поставлено Правительством СССР как задача № 1. В Швеции производились высококачественные металлы, была развита металлургия всех видов. Кроме того, Швеция – одна из стран, где было развито машиностроение, в том числе – и для оборонных нужд. Поэтому здесь перед А. Коллонтай стояли задачи уже более высокого порядка.

Нельзя скрыть того, что отношение к ней было настороженным. Во-первых, потому что она – женщина. Во-вторых, она была из Советского Союза, этого лагеря большевизма. Но когда после прибытия в Швецию она побывала с визитом в Министерстве иностранных дел со всеми атрибутами, положенными послу, – а это ранг министра, – то ее внешний вид, манера держаться и говорить, великолепное знание языка привели к тому, что отчуждение растаяло, и Коллонтай смогла одержать много очень крупных дипломатических и экономических побед. Были подписаны очень выгодные экономические соглашения.

Швеция – благополучная, сытая страна, королевство с высокоразвитыми традициями, которые чтят, – никогда не принимала женщину-посла. Нужно было что-то делать с этикетом. Дипломатический этикет – вещь очень тонкая, и его нарушение может привести к потере престижа страны, потере посла. Как не нарушить протокол? С одной стороны, король никогда не вставал с трона, когда к нему подходили, даже если это были президенты других стран. С другой стороны, король всегда вставал, когда к нему подходила женщина. Как быть? Очень знаковая ситуация, описанная М.И. Трушем: Коллонтай повела себя так, что король все-таки встал и, стоя, приветствовал посла. Это была важная победа.

Одновременно с представительством в Швеции на Коллонтай была возложена функция представи-

тельства в Лиге Наций. Это была большая и трудная работа. Наша героиня взялась за нее без сомнений, великолепно ориентируясь в отношениях между странами. Она повела себя правильно и яро отстаивала интересы своей страны в Лиге Наций.

А. Коллонтай очень переживала, когда в отставку отправили М.М. Литвинова, наркома иностранных дел. Это был дипломат старой закалки, как говорили тогда, «ленинской школы». Отставка его была понятна только тем, кто ее осуществлял, то есть высшему руководству Советского Союза. Несмотря на то, что М.М. Литвинов оказался в некоторой опале, А. Коллонтай нашла в себе мужество сказать о нем очень теплые слова и в то время, и в последующее, очень высоко оценивая этого великого дипломата, который на «переднем крае» боролся за величие нашей страны.

Многое из того, что знала и умела А. Коллонтай, – результат ее самообразования. Она была блестящей самоучкой, великолепно все схватывая на лету. Ее интуиция позволяла ей делать это быстро, выполняя те функции, которые были на нее возложены.

На фоне многочисленных мужских имен, сопровождающих ее имя, совершенно забывается другая Коллонтай: патриотка, беззаветно преданная своей стране, отдавшая жизнь на благо служения Родине.

Первым ее мужем был дальний родственник, выпускник Военно-инженерной академии, офицер Владимир Коллонтай. Брак оказался, с ее точки зрения, не очень удачным, хотя В. Коллонтай стал генералом еще в царское время, и она могла бы обеспечить себе безбедную жизнь. Но Александра Михайловна не смогла реализовать себя в тесных рамках семейной жизни.

Другой наиболее яркой фигурой был Павел Дыбенко. Это был необразованный матрос крестьянского происхождения, который в революционной России занимал высокие посты в командовании КА, ВМС. Для него Коллонтай была в определенной степени идеалом женщины: он ее боготворил. Первые годы жизни с ним были счастьем и для той, и для другой стороны. И хотя Коллонтай была старше П. Дыбенко, это было серьезное чувство. Но разница культур была слишком велика, и ее отношения с Павлом Дыбенко сошли на нет.

Михаил Иванович Труш в своей книге проводит тонкую грань между теми, кто старается очернить нашу героиню, и теми, кто считает ее романтичной дамой революции. Скорее всего, – второе: не «черная пантера» революции, а романтик.

А. Коллонтай – женщина, которая, несмотря на возраст, всегда привлекала внимание мужчин, она всегда выглядела значительно моложе своего возраста. Когда она работала послом в Стокгольме, ей было под шестьдесят. Но никто не видел в этой красивой, статной женщине пожилого человека. Михаил Иванович восхищается ею, и мне понятны слова автора книги о том, что мы можем гордиться: в истории нашей страны есть имя А. Коллонтай – поистине замечательной женщины.

Александра Коллонтай оставила после себя довольно много дневников и писем. Я думаю, многое она переписывала, исправляла, расставляла подругому акценты. Такая уж была жизнь в ту пору: писать что-то негативное было опасно. Даже если что-то и было написано, то потом это было, конечно, исправлено.

Михаил Иванович описывает встречи А. Коллонтай с И.В. Сталиным. Надо сказать, что сама она описывала их очень сдержанно. В то же время она с удивлением отмечала, что вождю великой державы можно запросто позвонить и договориться о встрече. И он ей не отказывал. Она с ним говорила очень откровенно, подолгу. Сталин испытывал к ней определенное доверие, выражал ей свою симпатию, иначе бы ее не назначали на высокие посты. Может быть, образ Сталина несколько приукрашен в ее дневниках, но факты их встреч описаны в объективных и положительных тонах.

После М.М. Литвинова министром иностранных дел стал В.М. Молотов. Среди дипломатов В.М. Молотова называли «каменной з..ницей». Он был тяжеловесным тугодумом, человеком, который десять раз подумает, прежде чем принять окончательное решение. Когда начались события, предшествовавшие Второй мировой войне, и нужно было срочно реагировать на них, А. Коллонтай забросала своими звонками и телеграммами Наркоминдел и ждала от Молотова конкретных инструкций. Происходящие события сказывалось на экономической стороне дел: срывались выгодные для Советского Союза договоры на поставку оборудования, металлов. Молотов очень долго не отвечал. Она очень сдержанно пишет об этом в своих дневниках. Но этот эпизод ярко говорит о том, что он, внезапно будучи назначен на должность наркома иностранных дел, не был ни морально, ни психологически готов к этой службе, где требовались: мгновенное решение, быстрая реакция и огромная самостоятельность в принятии решений без оглядки на вождя нации. Вольно или невольно, и А.М. Коллонтай, и М.И. Труш показали эту тяжеловесность Молотова как министра иностранных дел.

Хочется отметить, что Михаил Иванович Труш изучил огромное количество литературы о Коллонтай, а также ее литературное наследие. Я вслед за ними тоже постарался сделать это, тем более, что в книге обширный библиографический список.

Мне показалось, что в отношениях с противоположным полом романтизма в характере Коллонтай, безоглядного, абсолютного альтруизма было значительно больше, чем холодного расчета, рационального мышления. Там, где дело касалось ее личной жизни, взаимоотношений с мужским полом, она оставалась до глубоких лет романтичной. Там, где речь шла о службе, был тонкий расчет, железная логика, беззаветное и безусловное служение своей стране. Она сохранила это в себе до самой смерти и никогда не сожалела о том, что была такой. Так кажется мне.

Так следует из ее дневников. Она пробила брешь в дипслужбе и показала пример того, как женщина может быть успешным дипломатом, оставаясь при этом женщиной.

Если попытаться провести какие-то параллели между Коллонтай и другими женщинами-дипломатами, (у М.И. Труша это прослеживалось в книге о Кондолизе Райс), то в качестве примера такой женщины-дипломата можно назвать американского госсекретаря Мадлен Олбрайт (не самый положительный пример для нашей страны). Она тоже выполняла роль человека, который стоит на страже интересов своего класса, своего государства. Но сравнить Коллонтай и Олбрайт по изяществу мышления, по внешнему виду, по тому, что отличает женщину от мужчины, конечно же, нельзя, потому что все сравнения идут в пользу Александры Коллонтай.

Напрашивается отдаленная параллель и с Кондолизой Райс, которая тоже продолжала пробивать брешь в стене не только как женщина-дипломат, но и как женщина-дипломат – афроамериканка. Потому с такой симпатией М.И. Труш описывает биографию К. Райс, с такой симпатией и любовью описывает путь А. Коллонтай. Мне кажется, эта параллель, выявленная автором, прослеживается здесь наиболее ярко.

Но, как бы то ни было, Александра Коллонтай – наша выдающаяся современница, блестящий дипломат, незаурядный государственный деятель России. Своей работой, своим служением отечеству она принесла огромную пользу. Работа М.И. Труша во многом проливает новый свет на жизнь, творчество и личность Александры Михайловны Коллонтай. Всем советую прочитать эту увлекательную книгу.

Для создания литературного шедевра одного таланта мало. Талант должен угадать время. Талант и время нерасторжимы.

М. Арнольд

Литература служит вам проводником в другие эпохи и к другим народам, раскрывает перед вами сердца людей – одним словом, делает вас мудрым.

Д. Лихачев

Из научных произведений читайте самые новые, из литературных - наиболее старые.

Э. Бульвер

Писателей можно разделить на две категории. Для одних главное – высказаться. Вторые хотят быть еще и услышанными. Одни жаждут самовыражения, вторые еще и честолюбивы.

С. Довлатов

НОВАЯ КНИГА

В феврале 2011 года в издательстве «Удмуртия» состоялась презентация книги «Литература в письмах». Основу книги составила личная переписка члена Союза писателей России, известного в стране литературоведа З.А. Богомоловой. За долгую жизнь Зоя Алексеевна была участницей многих важных событий в литературной жизни страны: съездов, пленумов, секретариатов, конференций Союза писателей, Дней литературы и искусства, работала в Ассоциации женщин-писательниц СССР, создала в Удмуртии Федерацию женщин творческих профессий. Ее литературная, общественная и педагогическая работа привлекла к ней внимание многих известных деятелей литературы, поэтов, писателей, ученых, ставших ее корреспондентами. Она была дружна с К. Симоновым, Ю. Бондаревым, С. Михалковым, вела активную переписку с главным редактором журнала «Север» Д. Гусаровым. Письма, поздравления, посвящения, составившие книгу «Литература в письмах», содержат бесценный биографический материал, давая широкую панораму культурной и общественной жизни России середины XX – начала XXI века. Редакционная коллегия журнала «Италмас» сердечно поздравляет своего главного редактора с выходом новой книги и от всего сердца желает новому изданию долгой и счастливой жизни на полках общественных и личных библиотек читателей и почитателей творчества Зои Алексеевны Богомоловой.

Надежда БЕСОГОНОВА

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ В «ТРИДЦАТКЕ»

Содержательная статья «Тридцать лет в «тридцатке» талантливого педагога и организатора учебного процесса Надежды Георгиевны Бесогоновой – это не только рассказ о том, чем живет знаменитая в республике и за ее рубежами «Школа № 30», но и о тех новациях, которые сопровождают деятельность педагогического коллектива и его руководителей в эпоху советской власти и в новых социально-политических условиях.

Статья Н.Г. Бесогоновой – методическое пособие, которое может помочь другим учебным заведениям организовать воспитательную работу, вовлекая в нее не только учителей, но и учащихся. Обладая высокой культурой педагогического мышления, автор статьи делится своим тридцатипятилетним опытом работы в школе, которая не одно десятилетие является образцом тщательно продуманного педагогического процесса. Статья приобретает особую актуальность в наше время, когда новая школьная реформа, осуществляемая Министерством образования России, буквально взбудоражила общественность страны, вызвав к себе негативное отношение.

Пожелаем Надежде Георгиевне и всему коллективу знаменитой «тридцатки» продолжать поиски, утверждать новые открытия, новые методы воспитания и образования будущих строителей новой России.

З. Богомолова

Первое сентября 1980 года. У нашего сына Дениса прошел первый в его жизни учебный день. Так много интересного он услышал и узнал за этот день, что с восторгом рассказывал нам с папой за праздничным ужином о своей учительнице Эвелине Геннадьевне, о ребятах, о школе. В первый день в школу его увел папа, так как я рано утром ушла в свою 62-ю школу, где в то время работала заместителем директора по учебно-воспитательной работе.

Наконец, уроки были выполнены, сын уснул, муж, Анатолий Павлович, продолжил работу над кандидатской диссертацией, пора было и самой заняться расписанием – этой очень трудоемкой и изнурительной работой.

В десять часов вечера раздался телефонный звонок. Звонил директор 30-й школы Николай Александрович:

– Добрый вечер, Надежда Георгиевна. Завтра вы выходите на работу в школу № 30. Вопрос решен на уровне горкома партии, переход оформлен переводом, директор 62-й школы поставлен в известность. Жду вас завтра утром в школе.

На некоторое время я потеряла дар речи:

– Извините, Николай Александрович, подойти завтра к 7.30 не смогу. Во-первых, я должна утром встретить детей в своей школе, во-вторых, работаю над расписанием, без которого, сами знаете, школа не может, и, в-третьих, мне необходимо передать дела...

В тайне я давно мечтала поработать в знаменитой «тридцатке», но к такому повороту событий была совсем не готова. Муж, узнав, кто звонил, не был удивлен и как человек строгой логики разложил все на преимущества и недостатки:

– Школа рядом с домом, будешь рядом с Денисом, а что касается трудностей, – справишься, не в первый раз.

Легко сказать: «справишься»! Какая это ответственность – работать в такой школе, – наверное, представляют не все. Нужно не просто хорошо работать, – надо делать все лучше, чем другие.

Так началась моя трудная, интересная, счастли-

Надежда Георгиевна Бесогонова – с 1980 года заместитель директора по учебно-воспитательной работе Ижевского естественно-гуманитарного лицея «Школа-30». Отличник народного просвещения СССР, Отличник народного просвещения РСФСР, заслуженный работник народного образования УР, народный учитель Удмуртской Республики. Публиковалась в журнале «Италмас».

вая жизнь в «тридцатке».

Я работаю и живу рядом с удивительными людьми, мастерами своего дела, с детьми, которых я люблю и которых мой муж Анатолий Павлович называет «живая ртуть». В нашей с ними жизни не все бывает просто, но мы находим взаимопонимание, а это самое главное. Поэтому школа для меня всегда была и есть «оазис» добра, чистоты и уважения.

Николай Александрович был директором школы № 30 с 1972 по 1982 год. Заслуженный учитель РФ, награжденный орденом «Знак почета», он был высокоэрудированным человеком, фанатом математики, хорошим организатором, профессионалом своего дела, учителем учителей. Коллектив, которым он руководил десять лет, отличался высоким профессионализмом: другого его руководитель не признавал.

Первые математические классы в Удмуртии были открыты в «тридцатке» под его руководством. Николай Александрович работал практически без выходных. Он вел в то время математические классы, в которых было по 40 учеников, в основном мальчишек. Работать в таких классах было очень сложно, но увлекательно. Учащихся отличала высокая мотивация к учебе, любознательность, широкий кругозор, с ними было интересно общаться и работать.

В школе работали настоящие корифеи педагогики: талантливейший учитель математики Евгения Николаевна Анисимова, обладающая искрометным умом и прекрасным чувством юмора; учительница химии Ефросиния Николаевна Бурдина, умевшая при всей своей миниатюрности виртуозно управлять огромными классами с педагогическим тактом и твердостью.

Удивительным талантом увлечь, организовать, заинтересовать внеклассными делами, умением жить интересами пионерской дружины и комитета комсомола обладала Лилия Фёдоровна Богатырева. Она явилась основателем школьного музея, и вся поисковая работа проводилась и проводится под ее руководством. В результате комсомольская организация «тридцатки» семь раз подтверждала звание «Ударник смотра», пионерская дружина имени Люси Канторович одиннадцать раз подтверждала звание «Правофланговой», а музею присвоено звание «Народный музей». Поисковая работа под руководством Лилии Фёдоровны продолжается в лицее и по сей день.

В школе работала замечательная группа учителей гуманитарного цикла: учителя иностранного языка Элеонора Адамовна Суздальцева, Евгения Фёдоровна Никитина – руководители КИДа. Среди молодых учителей истории выделялась Тамара Сергеевна Верещагина – организатор и вдохновитель археологических экспедиций с участием старшеклассников. Уроки изумительного, хотя и строгого литератора и языковеда Любови Андреевны Барановой учащиеся запомнили на всю жизнь. Это были уроки нравственности и гуманизма. Строки стихотворения «Забыты эти строки» ее ученика Дениса Бесогонова, написанные им в пятнадцатилетнем возрасте во время учебы в «тридцатке» (1988), еще раз подтверждают незыблемость устоев патриотизма в школе:

Забыты эти строки
Из пожелтевших книг.
Утеряны истоки –
Никто их не постиг.
Их просто прочитали,
Не применив к себе,
Лишь вызубрив морали
О долге, о добре.
Так свечку затушили,
Хотя и жаль порой.
Так душу не омыли
Признания слезой.
А гордые герои
Усталые стоят
У стен погибшей Трои,
У входа в Ленинград!
Врачуя и колдуя,
Нас греют их сердца.
Но больше не волнуют
Их судьбы до конца.
Их раны поистлели,
Их голос не звенит.
Героям в самом деле
Забвение грозит.
И не в цене отвага,
И подвиг не в цене.
Любовь, герой и шпага
Мельчают на земле.
Их образы стареют,
А новых нет и нет.
И чудеса лелеют
Лишь до десятка лет.
Ну, черт с ней, – бездуховность!
Закрыть на все глаза.
Вот только эта ровность
И мира бирюза
Зловещими тонами
Порой уже горят,
Дороги с валунами
О многом говорят.
Убьем в себе героя,
Затопчем мудреца
И мир сдадим без боя
На милость подлеца?

С 1982 года школу возглавил Владимир Иванович Хохряков – прекрасный организатор ученического и учительского коллективов, обладающий великолепными аналитическими способностями, умением видеть перспективу и стратегию развития школы, основанным на глубоком понимании детской психологии и любви к ребенку. Сильный характер, прекрасные знания, высокое чувство долга перед детьми, ответственность за их будущее способствовали тому, что педагоги под его руководством постоянно совершенствовали свое профессиональное мастерство, искали новое, отбирали наиболее оптималь-

ные методы обучения и воспитания. У Владимира Ивановича было твердое кредо: уважение и доверие к педагогу, ученику и родителям, поэтому весь коллектив работал на максимуме творческих сил.

Красной нитью через всю работу педагогического коллектива лицея № 30 вот уже много лет проходит задача воспитать человека, способного заниматься самообразованием и самовоспитанием. Мы были первыми в Удмуртии, кто начал изучение английского языка с 1-го класса, первыми, у кого появился чешский лингофонный кабинет, четверо наших учителей прошли стажировку в Англии. Наши дети неплохо владеют английским, ежегодно выпускники выбирают профессии, связанные с иностранным языком, обучаются за рубежом, занимают призовые места на олимпиадах, защищают ученые степени по филологии иностранного языка. За время существования программы обмена учащимися FLEX девять наших учеников стали победителями этого конкурса, обучались и обучаются за рубежом. В 2008 году МОУ ИЕГЛ «Школа-30» присвоено звание лауреата Российского заочного конкурса «Познание и творчество» в номинации «Иностранные языки: английский язык» (по итогам работы Н.Г. Бесогоновой – *ред.*).

С 1994 года в лицее были введены четыре урока двигательной активности в неделю (два урока физкультуры и два урока ритмики). Наши ученики к выпуску умеют не только танцевать, но, прежде всего, – хорошо двигаться: укрепляется осанка, координация движений, чувство ритма, улучшается здоровье.

Несколько лет мы проводили кроссы «Класс – километр». Организатором и вдохновителем была Людмила Павловна Белякова. Один раз в месяц учителя и дети с родителями выходили в парк Кирова и бежали кросс: осенью, весной , зимой. Учишься в 1-ом классе – бежишь один километр, учишься в 11-ом – бежишь одиннадцать километров. После бега собирались классами, родители угощали детей горячим чаем, делились впечатлениями. Это имело огромное воспитательное значение!

Я думаю, у многих остались неизгладимые впечатления о туристических походах с ночевкой старшеклассников в начале каждого учебного года. Ребята буквально с первых чисел сентября начинали об этом говорить, и первый вопрос к Владимиру Ивановичу на сентябрьских линейках был о походе. К походам готовились серьезно: все продумывалось до мелочей, создавалась комиссия, где каждый отвечал за определенный блок работы (доставка дров для костра, обеспечение палатками и т.д.). Все это делалось под руководством педагогов, но и для детей это была хорошая организаторская школа. Очень жаль, что многое уже утрачено.

Использование различных передовых методик носит в лицее не фрагментарный характер. Мы учимся у носителей метода и применяем их методики: Шаталовский метод, методика «французских мастерских», методика критического мышления и т.д. Метод Близниной применяет Людмила Матвеевна Полякова, рисунки ее учащихся экспонируются на многих выставках.

Педагогический коллектив «тридцатки» постоянно находится в творческом поиске. Абсолютное большинство учителей лицея владеют компьютерной грамотностью. Они – инициаторы многих проектов, создающих интеллектуально-творческую систему работы для развития личности ребенка: «Мой электронный учебник», «Зажги свою звезду», «Хочешь быть успешным – будь им», «ICT – инфраструктура лицея». Своим богатым опытом мы делимся с коллегами республики. На базе лицея ежегодно проходит от 10 до 15 районных , городских и республиканских семинаров по всем предметам.

В 1994 году школа по праву получает статус Ижевский естественно-гуманитарный лицей «Школа-30». На совете лицея была принята эмблема, утвержден гимн лицея, которым до сих пор открываются или закрываются, в зависимости от регламента, наиболее важные лицейские мероприятия. В память о славной истории «тридцатки» в названии лицея было решено оставить «Школа-30». Вот эти замечательные строки, написанные выпускниками лицея – семьей Шибановых:

Мы, как Пушкин, вошли в первый класс,
Пусть не твердо мы ставили ноги,
Но мы выбрали эти пороги,
Перейдя через них в первый раз.
Такова, говорят, «селяви»,
Лучше раньше учиться, чем позже.
Здесь мы знанья по полкам разложим,
Здесь мы станем, конечно, людьми.
Здесь узнали мы, был ли Адам,
Кто был прав, Птолемей иль Коперник,
Что в Европу рубил Петр Первый,
Кто парижский возвел Нотр–Дам.
Мы пойдем дальше наших отцов,
Мы украсим планету цветами.
Будем славить Державу мы с вами,
А лицей в своем сердце хранить!

Интеллектуально-творческая деятельность в лицее строится как система разновозрастного общения на основе самоуправления и осуществляется в нескольких направлениях. Организация научно-исследовательской деятельности лицеистов начинается с начальных классов. Интеллектуальные марафоны, учебные поездки в Санкт-Петербург по программе внеаудиторного образования «Город в подарок», конференции и фестивали, научно-практические конференции «Шаг в науку» для учащихся начальной школы, «Юность, наука, культура» – для учащихся 5-9 классов; работа старшеклассников над рефератами или курсовыми проектами. Традиционные научно-практические конференции лицеистов связаны с учебой. Работая в течении года над той или иной проблемой, лицеист приобщается к самостоятельной работе, учится быть в научном поиске, объективно оценивать свои достижения. Поэтому нашим выпускникам легко адаптироваться в вузах.

Многие годы нас радовал школьный пресс-центр, итогом работы которого был ежемесячный выпуск газеты «Перекресток» (руководитель Ирина Борисовна Хабибуллина). Многие из ребят получили путевку в жизнь, в будущую профессию благодаря работе в пресс-центре. Выход очередного номера газеты был праздником для всех.

С 1994 года «тридцатка» совместно с Министерством образования и науки УР была инициатором создания летнего лагеря для призеров предметных олимпиад «Академгородок», которым несколько лет руководила Людмила Константиновна Александрова. Лагерь работал по четырем направлениям: научная программа под руководством ученых УдГУ, интеллектуально-творческая деятельность, художественно-эстетическая деятельность и развитие физического здоровья. За десять лет работы лагеря выросло целое поколение «академгорожан», многие из которых хорошо известны в научных кругах республики и России.

Учащиеся лицея ежегодно являются победителями районных, республиканских, Российских, Соросовских, Международных олимпиад. Пятеро учащихся лицея – победители Международных олимпиад: Яков Коган, 1990 год, Прага, биология, учитель Лилия Федоровна Богатырева; Николай Ханжин, химия, учитель Любовь Михайловна Воронова; Владимир Иванов, 1994 год, Тайланд, биология, учитель Наталья Борисовна Мотовилова; Артур Измайлов, 1996 год, Канада, химия, учитель Людмила Константиновна Александрова; Игорь Жилин, 1999 год , Тайланд, химия, учитель Любовь Михайловна Воронова.

С 2002 года учащиеся выпускных классов проходят государственную итоговую аттестацию в форме единого государственного экзамена – ЕГЭ . Независимая аттестационная комиссия высоко оценивает знания лицеистов. Учащиеся стабильно показывают высокое качество знаний по всем экзаменационным предметам. Ежегодно от 2 до 7 учащихся получают на ЕГЭ 100 баллов.

Только за последние тридцать лет 251 выпускник окончили лицей с золотой и серебряной медалями. Практически все учащиеся выпускных классов продолжают обучение в вузах нашей страны и за рубежом. За все время в «тридцатке» получили образование более 6500 учащихся, из них 433 окончили школу с медалями. На 2000 год врачами стало 1198 выпускников, инженерами – 1597, преподавателями – 441 выпускник. Среди них два академика АН, семь профессоров, двенадцать докторов, девяносто один кандидат наук.

Лицей – дипломант Всероссийского конкурса воспитательных систем. Девиз современных лицеистов: «Твоя линия в спектре наших возможностей». В лицее работает творческий центр, где работа строится по трем направлениям: техническое и прикладное творчество; спорт, семья, здоровье; художественно-эстетическое воспитание. В «тридцатке» работает более 30 различных кружков, секций и клубов. Театр «Творильня», которым руководит Владимир Аркадьевич Рубцов, – неоднократный лауреат Международных фестивалей детских театральных коллективов в Москве и Санкт-Петербурге. Хоры «Юность» и «Поющее мужское братство», которыми руководит Вера Леонидовна Кулагина, – постоянные призеры республиканских фестивалей. Но важнее то, что его участники, уже будучи студентами, продолжают петь в хоре. Танцевальный ансамбль «Непоседы», которым руководит Татьяна Михайловна Малькова, дарит заряд энергии и жизнеутверждения любой аудитории.

Все говорят о духе «тридцатки». Прежде всего, это учителя – носители традиций лицея. Самая главная традиция – культ знаний, которые может дать только профессионал.

Своим трудом учителя «тридцатки» завоевали уважение детей, родителей, выпускников. Руководство Удмуртской республики многократно отмечало достижения наших учителей.

Почетное звание «Заслуженный работник народного образования РФ» носит Николай Александрович Ушаков. Звания «Народный учитель УР»

удостоен Владимир Иванович Хохряков (и Надежда Георгиевна Бесогонова – *ред.*). «Заслуженными работниками народного образования УР» названы: В.И. Хохряков, Е.Н. Анисимова, Л.А. Баранова, Е.Н. Бурдина, Р.А. Басова, Т.А. Пискунова, С.А. Козак, Л.М. Воронова, Н.А. Левченко, Н.Б. Мотовилова, Т.С. Верещагина, Т.В. Майер, М.Ф. Крысова, В.Д. Шабунов, С.Б. Мохов, Л.П. Белякова (и Н.Г. Бесогонова – *ред.*). О.В. Бельцева, В.А. Рубцов и В.Л. Кулагина носят звание «Заслуженного работника культуры УР». 33 учителя лицея удостоены звания «Отличник народного образования РФ», «Почетный работник общего образования РФ».

Гордость коллектива – победители приоритетного Национального Российского Проекта «Образование», названные лучшими учителями Российской Федерации: Н.Б. Мотовилова, О.Д. Огородникова, Г.В. Романова (2006); в 2007-м – Л.К. Александрова, М.Ф. Крысова (и Н.Г. Бесогонова – *ред.*); Н.А. Автушко, Г.Е. Смолина, М.Н. Кузьмина (2008); в 2009-м – В.Л. Кулагина, И.В. Созыкина.

Выпускники «тридцатки» совершенно справедливо отмечают, что с ними работают замечательные, талантливые, умные, терпеливые и понимающие учителя. Это подтвердило анкетирование выпускников, на основе которого учителям «тридцатки» было 52 раза присвоено звание «Соросовский Учитель» в области точных наук.

В «тридцатке» есть прекрасные традиции, и прежде всего, это культ знаний. Школа сильна своими корнями: ей 76 лет, и у нас учатся целыми династиями: прадедушки, дедушки, папы, мамы, внуки и теперь уже правнуки. Учителя-ветераны всегда желанные гости в лицее, а дважды в год – 1-го сентября и 9-го мая – они традиционно приходят в лицей на праздник. Добрые проводники заботы и помощи – Лилия Федоровна Богатырёва и Маргарита Григорьевна Стерхова.

Трудна работа учителя и незаслуженно обойдена вниманием государства. Порой школа существует не «благодаря», а «вопреки». Поэтому мы всегда радуемся, когда наши выпускники после окончания вуза возвращаются работать в родную «тридцатку». На сегодняшний день 8 из 52 учителей – наши выпускники. В добрые руки передаем мы эстафетную палочку знаний, творчества, энтузиазма.

С 2005 МОУ ИЕГЛ «Школа-30» – республиканская экспериментальная площадка по работе с одаренными детьми. В 2006 году коллектив лицея был награжден золотой медалью «Достояние нации» за благородство помыслов и дел и стал победителем конкурса общеобразовательных учреждений, внедряющих инновационные образовательные программы. В 2007 году школа награждена дипломом за проект «ICT – инфраструктура лицея», ей присвоено звание лауреата Международной конгресс-выставки «Образование без границ». В 2008 школе присвоено звание лауреата Зональной конгресс-выставки «Образование без границ-2008» за разработку и реализацию инновационных проектов. В 2010 году МОУ ИЕГЛ «Школа-30» включен в национальный реестр «Ведущие образовательные учреждения России».

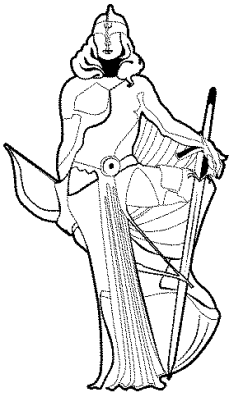
Писать о «тридцатке» можно много. Каждый день – день открытий и поисков.

Хочется закончить мои воспоминания мнением о школе выпускников, которые никогда не забывают о своей «альма матер». На встречах эти уже взрослые, много знающие люди часто говорят о «духе тридцатой школы», связанном с культом знаний, творчеством, выдумкой, юмором, школьной, самой крепкой дружбой, которая всегда помогает им в жизни. Как поется в нашем гимне:

А лицей – что лицей?
Это жизнь, а не цель.
Поживешь здесь с мое –
Наживешь сто друзей.

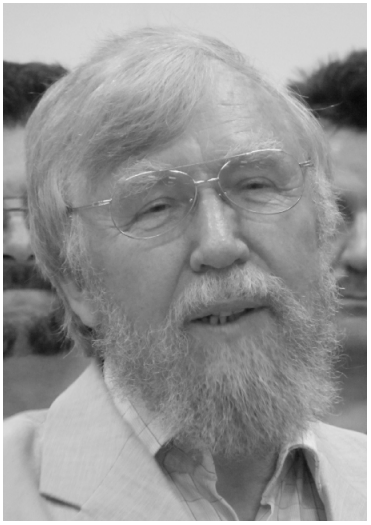
Выпускники «тридцатки» работают во всех областях экономики, образования, здравоохранения, занимают высокие посты в управленческих аппаратах не только нашей республики, но в России и за рубежом. Добиться успехов во многом им помогают качества, заложенные учителями их любимого лицея.

С сентября 2009 года «тридцатку» возглавляет Марина Ивановна Рудольская, «Почетный работник общего образования РФ». Лицей стоит на пороге удивительных перемен. Президент Удмуртской Республики Александр Александрович Волков утвердил строительство пристроя к зданию нашей «тридцатки». При патронаже президента будут оборудованы два современных компьютерных класса, а это значит, что откроются новые, прекрасные возможности для реализации творческого потенциала учащихся и педагогов. Уверена, что добрые традиции школы № 30 не исчезнут, а будут преумножены.



Владимир ВЛАДЫКИН

САМОБЫТНАЯ РЕЛИГИЯ УДМУРТОВ



О религии удмуртов, очевидно в силу ее некоторой таинственности и экзотичности, больше всего писали в прошлом и, пожалуй, именно этот вопрос более всего запутан. Даже в определении религии удмуртов у исследователей не было единства: ее определяли как шаманизм, фетишизм, анимизм и даже буддизм.

О значительной сложности и развитости древней религии удмуртов свидетельствуют многочисленный пантеон, особые служители культа, специальные места молений, детально разработанные и строго регламентированные обряды и ритуалы – все это было призвано идеологически обеспечить функционирование системы «человек – общество – природа», то есть налицо построение достаточно целостной системы мировосприятия и мироосмысления традиционного удмуртского общества.

Наиболее ярким компонентом любой религии является ее пантеон. Для удмуртского пантеона характерно большое количество всевозможных богов, божеств, духов и различных существ, порой не совсем ясного происхождения, общее число которых, по мнению исследователей, доходило до сорока. Однако все они, как полагали верующие, так или иначе оказывали воздействие на жизнь человека и природы в целом, отдельных ее состояний или проявлений.

Построение пантеона было строго иерархично, его «обитатели» имели довольно жесткую субординацию между собой, четкое определение сфер своего влияния и функций, свои ритуалы жертвоприношений, хотя порой и конкурировали друг с другом. Низшими, «домашними», божествами и духами были существа, «населяющие» непосредственно удмуртскую одворицу: коркамурт (домовой), гидкуамурт (существо, живущее в дворовых постройках), обиньмурт (существо, живущее в овине), мунчомурт (существо, живущее в бане). С социальной дифференциацией удмуртского общества не замедлили произойти и соответствующие изменения в терминологии и статусе божеств и духов; *мурт* (человек) уступил место *кузё* (хозяин, господин): коркамурт – коркакузё и т. д.

Более высокое положение и более широкие сферы влияния имели *вумурт* – водяной, *нюлэсмурт* – леший, *тӧлпери* – божество ветра, *палэсмурт* – нечто бездуховное, злое (буквально: половинный человек) и другие.

Целая группа духов у удмуртов ассоциировалась с различными болезнями: *кыж* — нечто грязное, нечистоплотное; *кыль* – злой дух; *мыж* – болезнь, порча, требование божества жертвоприношения, которое было обещано ему кем-то; *дэй* – дух, насылающий фурункулы, грыжу и т.п.; иногда встречается объединенное *кыльдэй*, очевидно, уже более позднего происхождения. Эти понятия с аналогичными значениями имеются и у других финно-угорских народов. *Чер* (чур) – злой дух тяжелых, заразных болезней, эпидемий (отсюда «черланы» – долго, тяжело болеть). Иногда *чер* называют божеством, ведающим лошадьми и их болезнями. Обилие болезнетворных духов и божеств, их весьма подробная разработанность в религиозно-мифологическом плане свидетельствуют о постоянной актуальности этой темы в жизни удмуртов в прошлом.

Весьма характерными для древней сферы религиозно-мифологической картины мира удмуртов были их воззрения о духах — праматерях: *Ву-мумы* – мать воды, *Пызеп-Чупчимумы* – мать рек Пызеп и Чепца, *Вожо-мумы* – мать особого переходного времени, летнего и зимнего солнцестояния; *Музъем-мумы* – мать

Владимир Емельянович Владыкин – этнограф, поэт, историк, доктор исторических наук, профессор УдГУ, лауреат Государственной премии УР, лауреат литературной премии им. Кузебая Герда. Почетный иностранный член этнографического общества Венгерской АН, Финно-угорского общества (Финляндия), Почетный иностранный член финского литературного общества, Почетный работник высшей школы РФ, Почетный гражданин УР.

земли, *Пужмер-мумы* – мать инея и холода; к материям-небожителям относились *Ин-мумы* – мать неба, *Шунды-мумы* – мать солнца, *Толэзь-мумы* – мать луны, *Гудыри-мумы* – мать грома, *Инву-мумы* – мать небесной воды.

На вершине удмуртского Олимпа возвышался могущеснный бог *Инмар*, очевидно, восходящий к прафинно-угорскому божеству неба, который первоначально был просто одним из божеств, представляющих небесную сферу. Было даже несколько инмаров. Возвышение Инмара над другими божествами – явление, несомненно, позднее. Наряду с Инмаром, в верховную триаду входили творец земли и растительности *Кылдысин*, который ведал и подземным миром; *Куазь* – божество атмосферы, погодных явлений. Позднее этим термином стали обозначать просто погоду, например: *чебер куазь* — хорошая погода, *куазь зоре* – идет дождь и т.д. Триада богов Инмар, Кылдысин, Куазь осознавалась как светлое, доброе начало, покровительствующее людям, природе. Их мифологической оппозицией, средоточием темных, злых, разрушительных сил воспринимались *Луд, Керемет, Шайтан*, по существу разные названия одного и того же злого божества. Однако, строго говоря, четкой границы между добрыми и злыми духами не существовало. Не случайно в удмуртской мифологии Керемет (Шайтан) вначале трактуется как брат Инмара, и лишь после ссоры он стал «специализироваться» на зле.

Перечисленными выше божествами и духами не исчерпывался пантеон удмуртов – это лишь основные структурные уровни. Системой язычества удмуртов за тысячелетнюю историю было выработано или приобретено в результате этнокультурного сотрудничества такое многообразие религиозно-мифологических образов, что они заполняли практически все природно-экологические и социокультурные «ниши».

Это многообразие требовало соответствующего осмысления, интерпретации, выработки норм культового этикета. Этим ведали служители культа, они же, очевидно, в значительной степени были и непосредственными творцами тех или иных религиозно-мифологических идей, распространителями их среди своих соплеменников, а также своеобразными посредниками между божествами и общей массой верующих.

Удмуртское общество, уровень его социального развития еще не позволяли выделить из сферы производства людей, занимающихся исключительно делами культа. Удмуртский языческий клир – это в основном выборные представители общины, правда, уже с элементами наследственности. Обычно удмуртский деревенский мир по названию двух центральных святилищ – *Куалы и Луда* (о них смотрите ниже) – по традиции делился на две эндогамные культовые группы: род Куалы (куала выжы) и род Луда (луд выжы). Соответственно для обслуживания этих культовых комплексов из каждой группы выбирались особые служители – жрецы: в куале – *вӧсясь* в значении руководителя моления, в луде – *утись* – хранитель святилища. В помощь им выбирались или назначались служители низшего ранга: *кунул кутӥсь* (тот, кто поддерживает под руки главного жреца), *партчась* (тот, кто закалывает жертвенное животное), *тылась* (тот, кто ведает священным огнем-костром), *тусьтыдуры миськись* (тот, кто ведает ритуальной посудой). Главные жрецы обычно исполняли свои обязанности пожизненно или избирались на определенный срок, чаще на 12 лет (этот срок мог сокращаться по болезни, из-за смерти жены жреца: вдовец не мог быть жрецом и т. д.). Иногда главным жрецом могли выбрать и малолетнего ребенка, тогда при нем назначался своеобразный регент (*вӧсь утись* – ведающий молением).

Был выработан специальный обряд избрания главного жреца. Для этого издалека приглашали *туно* (буквально: гадатель), который обслуживал обычно целую округу. Это был могущественный знахарь-колдун, пользовавшийся шаманскими приемами. Бешеной пляской или стягиванием пояса особым кушаком он приводил себя в состояние транса и выкрикивал имя будущего жреца. Главным жрецом предпочитали выбирать человека с красно-рыжими волосами и бородой как наиболее любимого богами.

Весьма своеобразное место среди служителей культа удмуртов принадлежало *тӧро* – наиболее уважаемому, почетному лицу, которое уже только своим присутствием как бы освящало молитвенные ритуалы, хотя непосредственного участия (тем более руководства) в них не принимало. Однако *вӧсясь* – главный жрец – все свои действия совершал как бы с позволения тӧро, без которого моление считалось недействительным. О важности института тӧро у удмуртов говорит то, что, кроме культового, были еще светские тӧро: *тӧро пукись* – почетный гость, *жӧксьӧр тӧро* – глава застолья, *сюан тӧро* – тысяцкий, который запевал главную мелодию свадьбы, *гурт тӧро* – старшина селения.

Удмуртские служители культа имели специальную одежду; это был длинный холщовый кафтан с широкими рукавами (иногда без рукавов) светло-лилового цвета, подпоясанный кушаком. На голову надевался вязаный колпак с кисточкой из разноцветных ниток. Для всех других участников молений обязательным цветом ритуальной одежды был белый.

Общение удмуртских жрецов с божествами и духами во многом осуществлялось через традиционные обращения к божествам – заклинания (куриськон), называемые иногда удмуртскими молитвами. До появления у удмуртов письменности вся информация, в том числе и социально-культового характера, оформлялась, накапливалась и передавалась через традиции фольклорной памяти и устно-поэтического творчества. Удмуртские *куриськоны*, как наиболее развитая канонизированная форма культового фольклора, представляют значительный интерес в религиозно-мифологическом и философско-этиче-

ском аспектах, поскольку отражают древнюю систему мироосмысления, комплекс этических и эстетических ценностей, поведенческие стереотипы, представления об идеальном устройстве общества и природы, их будущем и т. д.

Языческая обрядовая жизнь удмуртов осуществлялась в особых местах-святилищах. В каждой деревне они были четко определены и освящены: *гуждор* – место первого весеннего моления; *куяськон кыз* – ель, под которой отдаривались от злых духов; *куркуян* – место, куда выбрасывали вещи покойного; *ӟазег*, *чуньы сиённи* – место, где приносили в жертву гуся, жеребенка; почитались также отдельные деревья, камни, родники, реки и т. п.; имелись культовые места и для объединения нескольких, чаще родственных, деревень: *Булда, эль, мер, губервӧсь* и другие. На эти моления собиралась вся округа (мер – мир?, губер – губерния?), до 50 – 70 селений. Из всего многообразия мест обрядовых молений выделим два наиболее значимых собственно святилища: это *куа/ла* и *луд*. Куа/ла – это особая ритуальная постройка, ведущая свое происхождение, видимо, от древнейшего типа жилья, известного почти всем финно-угорским народам. Однако, по наблюдению Н.М. Маторина, «зачаток храма мы находим лишь в молитвенной куале вотяков». (Маторин Н.М. Религия у народов волжско-камского края прежде и теперь. М., 1929. С. 147). У удмуртов было два святилища типа куа/лы, отличающихся размерами: малая семейная (покчи куа) и великая или родовая (быдӟым куа). Наряду с куа, в каждой удмуртской деревне имелась священная роща *луд/кереметь* у южных удмуртов или *вӧсяськон* ӵӓӵӵа – у северных. Рощи, в которых молились несколько деревень, назывались *быдӟым луд*, то есть великая священная роща. Подобные же молитвенные рощи были в Поволжье у мари, чувашей и кряшен.

Культовые места всячески почитались: их осквернение, нарушение святынь, рубка священных деревьев, считалось, караются всенастигающим гневом духов и богов, насылающих ужасные несчастья, болезни или даже смерть на виновного.

Определенным свидетельством развитости религиозно-мифологической системы удмуртов являлась весьма сложная обрядовая жизнь. Большое разнообразие всевозможных духов и божеств требовало к себе соответствующего отношения – отсюда многочисленные моления и жертвоприношения; в году их насчитывалось до 70 (даже в гости удмурт порой не осмеливался отправляться, не заручившись поддержкой своих божеств); однако крупных молений было немного – около десяти.

Системой язычества удмуртов за многовековую историю были выработаны ритуалы жертвоприношений с довольно жесткой регламентацией и порой детальным предписанием: на моление/жертвоприношение отправлялись, обязательно помывшись в бане, в белой одежде; непременный атрибут жреца – головной убор: «при молитве жрец без шапки – все равно как без головы». При молении в родовой куа жрец в одной руке держал чашу, в другой – ветку. Ветвь (березовая, еловая, пихтовая и т.д.), по многочисленным свидетельствам, была обязательной принадлежностью каждого, кто обращался с молитвой к богам, так как «без ветки молитвы – не молитвы».

Здесь ясно видны элементы почитания священных деревьев, восходящего, возможно, к тотемам-деревьям. Во время моления все роли и функции были четко определены-освящены: тӧро занимал почетное место, гусляры играли на гуслях (быдӟым крезь) священные мелодии, наибольшую известность среди которых получила мелодия поисков небесной росы – *инву утчан гур*, *вӧсясь* руководил молением, *куриськись* читал молитву, *партчась* закалывал жертвенное животное, *тылась* следил за жертвенным костром и т.д. В священное место могли входить только жрецы, мужчины вставали по правую сторону, женщины – по левую, внутрь куа женщины обычно не заходили.

Инмару молились под сосной, Кылдысину — под березой, Куазю — под елью. Что касается жертвенного животного, то здесь тоже существовал ряд обязательных правил: животное назначал туно, если это особо ответственная жертва, или его посвящали для моления уже при рождении; оно должно быть определенной масти, без изъяна, его угодность для богов определяли, поливая водой через ветви, – вздрагивание животного служило добрым знаком.

Разным божествам и духам в соответствии с их рангом предписывались разные жертвоприношения, и сам ритуал был различен. Самые торжественные и значительные ритуалы были посвящены триаде верховных богов. При жертвоприношении Инмару кровь, кости, часть мяса жертвенного животного сжигали, «чтобы дым поднимался кверху, к Богу, и он заметил, что мы молимся», Кылдысину закапывали – «дарили» земле, Куазю – шкуру животного подвешивали на ель. Инмару жертвовали животных белой масти (быка, жеребенка, овцу, гусей), Кылдысину – черной, Куазю – красного быка с большими рогами; Нюлэсмурту жертвовали птиц – гуся, утку, тетерева, рябчика; Вумурту – утку,иногда жеребенка; Коркакузё – черную овцу; Кереметю – коз, баранов; Шунды-мумы – солового жеребенка; Булде – жеребца, быка, телку, барана; Черу – гнедую старую лошадь или черных живых кур и т.д.

Кроме того, в состав наиболее частых подношений входили хлеб, крупа, соль, яйца, пиво, куски тканей, нитки, лен, шерсть животных, перья, крылья птиц, медные и серебряные монеты, то есть практически все, чем владели удмурты, они в символической форме делились со своими божествами. Одним из самых распространенных подарков богам была водоплавающая птица (чаще всего утка). Культ утки имеет древнейшие истоки и считается наиболее надежным религиозно-мифологическим «определителем» финно-угорских народов.

Значительное место в молитвенных ритуалах уд-

муртов занимала домашняя водка (кумышка, аракы), пришедшая на смену пиву (сур); подобные опьяняющие средства были известны в культовой практике многих народов.

Несмотря на крайнюю пестроту и разнохарактерность как по происхождению, так и по функционированию, отдельные компоненты религиозно-мифологического комплекса удмуртов могут быть объединены вокруг двух главных стержней: семейно-родовых и аграрных культов. Все прочие формы верований (тотемизм, знахарство, ведовство, шаманизм, промысловые культы и др.) входили в них в качестве исторически более ранних структурообразующих компонентов или своеобразных идеологических подсистем.

У удмуртов были две формы семейно-родовых культов: культ семейно-родовых святынь-покровителей и культ предков. Эти две формы верований стадиально соответствовали двум этапам развития древнеудмуртского общества: материнскому и отцовскому роду, однако, причудливо переплетаясь между собой, а также с новыми, иногда заимствованными, представлениями, они сохранялись и в более позднее время.

Культ семейно-родовых святынь-покровителей особенно ярко проявлялся в почитании *Воршуда* – особого божества-покровителя рода и семьи. В Урало-Поволжском регионе Воршуд удмуртов носит уникальный характер, поскольку этот религиозно-мифологический институт в исторически недавнее время зафиксирован с такой относительной полнотой и целостностью только у удмуртов (некоторые аналогии с ним обнаруживает чувашский *йерех* и марийский *кудо-вадыш*, возможны и сибирские параллели, например, *культ онгонов*).

Оформившись, очевидно, в эпоху материнско-родовой организации в качестве тотемной группы, Воршуд, утрачивая социально-хозяйственные функции, постепенно превратился в чисто культовый институт, вошедший позднее в другие формы религиозных образований.

Все удмурты знали, к какому Воршуду они относятся. Если в деревне жили представители нескольких воршудов, соответственно столько же было и родовых святилищ – быдзым куа/ла – культовых сооружений в честь Воршуда, которые строили во дворе жреца или чаще в лесу около ручья или родника неподалеку от деревни. Это небольшая срубная постройка из тонких бревен с двускатной крышей без окон. Низкая дверь вела внутрь куалы. Посреди земляного пола из камней был сложен очаг, над очагом на деревянном крюке или цепи висел котел. Вдоль стен тянулись лавки, в дальнем левом углу от двери стояли для тӧро стол и стул, выдолбленный из ствола дерева и покрытый вышитой подушкой, набитой перьями жертвенных уток и лебедей; после моления внутрь стула убирали ритуальные полотенца и скатерть. Над стулом – полка (мудор), украшенная ветками деревьев (березы – летом, ели – зимой), ритуальными полотенцами, здесь же помещались антропо- или зооморфное изображение Воршуда, а также воршудная коробка с ритуальными предметами. Обычно это были беличьи шкурки, крылышки или хвост рябчика, перья тетерева, ритуальная посуда, помеченная воршудной тамгой (каждый Воршуд имел свой знак), кусок специально испеченного ритуального хлеба, часть последней принесенной жертвы (косточка с мясом), ветка дерева (чаще всего березы), сушеная рыбка, клубки шерсти, льна, мука и крупа, завернутые в холстину, то есть здесь была символически сосредоточена своеобразно материализованная, предметная информация об окружающем мире на всех его важнейших структурных уровнях.

С этим комплексом культовых атрибутов интересно соотносится миф о превращениях Кылдысина (божества-творца): люди, стоя у священной березы, долго молили Кылдысина спуститься к ним, и он появился на вершине дерева в образе красной белки. Охотники, намереваясь вынудить божество навсегда остаться на земле с ними, подстрелили белку, но она превратилась в рябчика, рябчик – в тетерева, затем – в окуня, и тот скрылся в реке. Миф как бы оживляет содержимое воршудной коробки, тем самым происходит акт творения самого мира, обитателей его небесной, земной и водной сфер.

Большого внимания заслуживает удмуртский *Мудор* (буквально: центр, край земли). Первоначально он, очевидно, воспринимался как центр мироздания, земли, начало начал, позднее он стал главным местом святилища, которое было построено по поводу его и буквально вокруг него: *Мудор-куа*. Убранство куалы, все предметы, находящиеся в ней, целиком куала считались священными, но особо почитались очаг и Мудор с Воршудом – именно их переносили при создании нового святилища, устраивали *Мудор сюан* – свадьбу Мудора. Тогда же трое уважаемых стариков в течение одного дня, от восхода до захода солнца, должны были построить новую воршудную коробку.

В семейной куале было до 70 молений (йыбырскон) в год, то есть не было ни одного более или менее значительного события в жизни удмуртской семьи, по поводу которого не обращались бы к семейному покровителю – Воршуду. В родовой куале проводились собственно моления, их было всего 3-4 в год: на Пасху (Быдзым нунал), Петров и Покров день, только тогда разрешалось войти в куалу, поэтому обряд так и назывался *куала пырон*, то есть вхождение в куалу. Самое большое моление, длившееся почти неделю, происходило осенью на Покров (14 октября).

Если в семейной куале обряд проводил глава семьи со своей супругой, то в родовой куале были выборные жрецы – *вӧсясь*. Значительную роль в культе куалы играли женщины, особенно жены жрецов. Они занимались изготовлением ритуальных полотенец, скатертей, украшали куа свежими ветками, готовили хлеб, кумышку для молений.

Исследователи отмечали очень большое значе-

ние культа предков в религиозных представлениях удмуртов: «уважение к памяти умерших родителей или родственников у них развито в сильной степени», «красной нитью через всю жизнь проходит трепет по отношению к обитателям загробного мира». Для удмуртов не было клятвы сильнее, чем клятва их предками, которых они всячески почитали и даже боялись.

Наиболее характерно культ предков выступал в похоронных и поминальных обрядах. Полагали, что смерть наступает после того, как душа (лул) покидает тело. По представлениям удмуртов, у человека две души: *лул* – душа живого человека и *урт* – душа умершего, его двойник. Считали, что последняя может превратиться в *урткы*ч – летучую мышь или в *уртбубыли* – ночную бабочку (подобные воззрения были присущи не только многим финно-угорским народам, но и этносам Сибири, Средней Азии). Глаза и лицо умершего в прошлом покрывали, по-видимому, берестяной, кожаной или металлической маской. Загробный мир представляли как зеркальное отражение мира живых, где все делается наоборот, как вечную страну холода, находящуюся в полуночной стороне, поэтому даже летом были нередки захоронения в шубах. Первоначально, очевидно, хоронили на лубе – *кур вылын* или в долбленых колодах (подобная традиция бытовала у северных великоруссов, карел, сету, мордвы, коми), позднее – в гробах. С воззрениями о загробной жизни связано сопровождение умершего различными вещами и едой; при этом практиковалось символическое «умерщвление» ритуальных предметов: керамику разбивали, ножи ломали и т.п.

В повседневной жизни – и особенно в кульминационные моменты – удмурты практически ничего не решались предпринять, будь то свадьба или проводы в рекруты, поездка в гости или забота об урожае, не посоветовавшись со своими умершими сородичами, предками.

Угощения в честь умерших — поминальные обряды — удмурты проводили на 3, 7, 9, 40 ночь и в годовщину. Кроме того, особенно ярко и значительно в религиозно-мифологическом комплексе культа предков проходил поминальный обряд *вир сётон* – жертва крови, позднее он стал называться у южных удмуртов *йыр-пыд сётон* – жертва головы и ног, поскольку жертвовали только эти части животного. Иногда его называли *вал сюан* – свадьба коня, *кулэм мурт сюан* – свадьба умершего, *уллань сётон* – жертва нижнему миру. Он состоял в том, что через 3 года после смерти родителей (иногда через 5, 7, 10, 20, 30 лет, но обязательно в течение жизни, иначе долг останется детям) им устраивали особое благодарственное жертвоприношение: матери посвящали корову, отцу – лошадь. Весь обряд проводился как «свадьба наоборот», разыгрывался целый спектакль: умерших «приглашали», «угощали», старались, чтоб умершим было весело, как на свадьбе, их «провожали» специальными песнями, напоминавшими свадебные, но на поминках мужчины пели мелодии, исполняемые на свадьбе невесты, тогда как на поминках женщины пели свадебную мелодию, исполнявшуюся в доме жениха. Кости жертвенных животных развешивали на специальных деревьях. Подобные обряды были известны и другим народам Поволжья, особенно выразительно они проходили у марийцев и мордвы.

Удмурты издревле занимались земледелием, и в их религии большую роль играли аграрные культы. Корни этих культов – в бессилии древнего земледельца перед силами природы. Отсюда стремление умилостивить божества, связанные с плодородием, земледелием. Зародившись вместе с земледелием в виде земледельческой магии, свою развитую форму земледельческие культы приобрели лишь с появлением сельской общины, носителя этой формы верований. У каждой удмуртской деревни или объединения нескольких родственных деревень были свои аграрные обряды.

Аграрные обряды четко делились по циклам, связанным с периодами сельскохозяйственных работ. У удмуртов их можно разделить на весенне-летние и осенне-зимние. Первые связаны с подготовкой к севу и посевом хлебов, вторые – с ожиданием и сбором урожая, с жертвоприношениями богам в благодарность за урожай. Кроме того, земледельческие обряды можно разделить на экстраординарные, проводимые по случаю града, засухи и т.д., и регулярные, канонически проводимые раз в году.

Наиболее популярными были обряды весенне-летнего цикла: *гырыны потон*, *геры поттон* или *акашка* — праздник сохи или плуга. Во время цветения ржи, когда земля считалась в тягости, строго соблюдались многочисленные запреты, чтоб не тревожить землю, в это же время отмечался весьма своеобразный обычай именин земли, воды и грома. С поворотом солнца устраивались очень яркие ряженья (пӧртмаськон), входившие, очевидно, в более широкий цикл культов плодородия.

К ежегодным молениям, входящим в систему аграрных молений летнего цикла, у южных удмуртов можно отнести моление в *луде*, которое проводилось на Петров день. Каждая удмуртская деревня имела свой луд — священную рощу, находившуюся обычно на возвышении, вершине горы, господствующей над селением. Почитание священной рощи было широко распространено у многих финно-угорских народов и восходит, очевидно, к культу растительности, культу деревьев, что было связано с лесным охотничьим хозяйством. Постепенная эволюция этих форм верований привела их в систему аграрных обрядов. Кроме того, в поклонении удмуртами священной роще отчетливо проступают и заимствованные черты, связанные с культом *Керемета*. (К е р е м е т – арабское слово, означающее «чудеса святых». Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981. С. 31 – 32).

Почитание Керемета, известное многим народам Поволжья и Средней Азии, у удмуртов как бы нало-

жилось на культ священной рощи, что произошло, очевидно, в булгарскую эпоху через предков чувашей. Сами удмурты говорят о заимствованном характере культа Керемета. У северных удмуртов, которые не имели развитых контактов с тюрками, нет и обрядов почитания Керемета. Южные удмурты метаморфозу своих представлений о священной роще объясняют так: «Молимся в луде, но Керемету», то есть луд стал восприниматься как место обитания злого божества Керемета.

Моление в луде отличалось от других удмуртских обрядов рядом существенных черт. Прежде всего, это система жестких регламентаций. Место моления в луде строго табуировано, за ограду разрешалось входить только во время моления 1-2 раза в год. Женщины и жители других деревень на моление не допускались. Впоследствии это требование, как и другие ограничения, соблюдалось не очень строго. Луд, очевидно, был одной из древних форм сакрализации пространства. Луд состоял из ряда кругов по степени святости. К самому священному месту в нем – к жертвенным кострам – могли подходить только жрецы, которых избирали из *рода Луд*, в молении принимали участие в основном представители этого рода, остальные, то есть из *рода Куалы*, были лишь зрителями. В жертву Керемету приносили лошадей, овец, коз, но иногда крупный рогатый скот и птицу, как в других обрядах. Только при молениях в луде употреблялся пресный хлеб, здесь не разрешалось курить, употреблять спиртные напитки.

Иначе, чем другие удмуртские обряды, проходил сам обряд моления Керемету. К вечеру, накануне дня моления, на гору, где находилась священная роща луд, поднимались жрецы. Они зажигали костер, приносили в жертву барана или овцу и готовили ритуальную пищу, которая варилась в котлах всю ночь. К утру собирался народ из деревни. Жрецы, обратившись лицом к солнцу, приветствовали его первые лучи, обращаясь к божествам с молитвой. Все становились на колени и совершали поклоны. Молитва была традиционной, в ней в основном у богов просили благополучие и хороший урожай. Затем устраивалась общая ритуальная трапеза, после чего вновь обращались к богам с благодарственной молитвой. На этом моление в луде заканчивалось, и он закрывался до следующего года.

В системе язычества удмуртов общей для многих народов является ее наиболее древняя сфера, в частности культ огня, воды, земли, представления о жизни и смерти, душе. Общим для финно-угров было поклонение божеству неба (Инмар – Ilmari – Joma), культу деревьев и священной рощи, наличие особой ритуальной постройки типа куа/ла. Эти компоненты обнаруживают стадиально-типологические и, вероятно, генетические параллели и берут свои истоки, возможно, в далекой эпохе уральской этнокультурной общности. С наибольшей полнотой и выразительностью они выявляются в системе верований удмуртов. В значительной степени это произошло, по-видимому, потому, что дореволюционный хозяйственно-бытовой уклад в силу ряда исторических причин развивался замедленно, это способствовало некоторой консервации и длительному сохранению в духовной культуре удмуртов весьма архаических комплексов, уже утраченных другими финно-угорскими этносами.

Замкнутость религиозной системы никогда не была абсолютной. В процессе функционирования она вступила в контакт с духовной культурой других этносов Урало-Поволжского региона. Тем не менее это не вызвало существенной трансформации религиозных представлений удмуртов, так как контактирующие стороны находились примерно на одинаковом стадиально-типологическом уровне развития.

Существенные изменения произошли в традиционном религиозном комплексе удмуртов при его соприкосновении с мировыми религиями – исламом и христианством – в зоне их активного противоборства. Прежде других мусульманское влияние испытали южные удмурты, наиболее тесно контактировавшие с тюркским миром и входившие в состав Волжской Булгарии (где в X веке ислам утвердился в качестве государственной религии), а позднее – Казанского ханства. Видимо, от поволжских татар удмуртами были заимствованы такие религиозные образы, как *албасты, акташ, акшан, пери, шайтан* и другие. Раннефеодальные государства Волжская Булгария, Золотая Орда, Казанское ханство и соответствующая им система сакрализации верховной власти содействовали началу оформления идеи единобожия удмуртов. Но этот процесс оказался весьма длительным и не получил своего полного завершения и в более позднее время.

Существенно большим было воздействие на религию удмуртов со стороны христианства после присоединения удмуртов к Русскому государству, а фактически и несколько раньше – с начала проникновения «православного язычества» вместе с первыми русскими крестьянами-переселенцами в XII – XIII века. Массовая христианизация удмуртов началась в XVIII веке, когда большинство удмуртского населения подверглось крещению. Правительством была разработана целая система мер по обращению инородцев в православие и закреплению у них новой веры.

Особую известность в XIX веке получила так называемая система Ильминского, согласно которой большое внимание уделялось распространению христианского учения на родном языке. С этой целью в Поволжье открывались миссионерские школы, учительские семинарии для инородцев, переводились и издавались церковные тексты. Однако догматы христианского вероучения не были поняты (и не только из-за языкового барьера) и не были приняты удмуртами во многом из-за насильственных, жестоких методов христианизации, что приводило порой к массовому бегству удмуртов, в частности, на свободные башкирские земли. Многие христиане-удмурты, по существу, оставались верны своей старой религии.

Туала вӧсясьёс.

Произошло как бы разделение сфер функционирования религии: в официальной сфере господствовало православие, в семейно-общинной сохранилась своя «домашняя» религия. Постепенно начался процесс их взаимопроникновения, в результате чего стали складываться специфические образы религиозного синкретизма: Николай Чудотворец слился с удмуртским Нюлэсмуртом, очень популярный в Поволжье Илья-пророк – с Гудыри-мумы, Кылчин стал ангелом-хранителем; триада удмуртских божеств Инмар – Кылдысин – Куазь стала трактоваться как тройственная сущность христианского Бога; религиозные обряды, начинаясь в церкви, иногда завершались по языческим предписаниям; на языческие моления порой приглашали православных священников; в удмуртском святилище куа появились христианские иконы – их стали называть *мудором*; вместо *дэндора* – родового – знака стали носить христианский крест.

Религиозный синкретизм удмуртов оставался живой реальностью до эпохи революционных преобразований в удмуртской деревне (начиная с 1917 года до периода коллективизации). С уничтожением вековой замкнутости семейно-общинного быта удмуртов были подорваны социальные корни, питавшие религиозные воззрения.

Трагические деформации, произошедшие в советском обществе в 1930-е годы, не могли не отразиться на удмуртском этносе и его духовной культуре. Под лозунгом борьбы с культурной отсталостью и замкнутостью беспощадно уничтожались традиционные религиозные институты, многие священные места были разрушены, служители культа и часто даже участники молений объявлялись «врагами народа».

Вместе с тем было бы неверным ожидать, что столь сложное социально-историческое явление, как религия, функционировавшее тысячелетиями и уже в силу этого обладающее огромной консервативной силой, может исчезнуть в течение короткого исторического времени.

Специфика удмуртской религии на современном этапе характеризуется приобретением особо сложных форм синкретизма, где порой причудливо переплетаются не только элементы собственно религии (язычества, ислама, христианства), но и фрагменты несистематизированных научных знаний.

Довольно широко проводятся поминальные обряды, сохранились некоторые святилища – куа, все более популярным становится республиканский праздник Гербер с традиционным, сакральным зачином.

Более того, в последнее время, как и в других регионах ойкумены, в Удмуртии все больший интерес проявляется к исконно самобытным религиозным представлениям, «этнической», «природной» религии. Создана общественная организация «Удмурт Вӧсь» – «Удмуртское Моление», – призванная сохранить и приумножить духовное наследие предков.

Пётр ПОДАЛКО

РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ДНИ КАНТОСКОГО ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ 1923 ГОДА

1 сентября 1923 года разрушительное землетрясение силой 7,9 баллов, произошедшее в районе Канто в восточной части страны, практически полностью уничтожило ряд городов и поселков, включая столицу Токио и крупнейший порт Иокогама, унеся при этом жизни более 100 тысяч человек (всего погибших, раненых и пропавших без вести насчитывалось по позднейшим данным около 140 тысяч человек). 570 тысяч семей остались без жилья, общий ущерб составил порядка 6500 млн. иен в ценах 1923 года, что равнялось 10-11% общего благосостояния тогдашней Японии .

Шок, вызванный колоссальными размерами этого стихийного бедствия, был так велик, что первое время газеты всего мира пестрели удручающими сводками, точно состязаясь друг с другом в стремлении преувеличить размеры катастрофы. Говорилось об исчезновении с лица земли не только городов, но и целых территорий, сообщалось о гибели всего золотого запаса, флота и так далее. Делались даже прогнозы относительно того, что отныне Япония на долгий срок будет низведена в разряд второклассной или даже третьеклассной державы.

Действительно, потери, и, в первую очередь, людские, были огромны. Но, как отмечал известный ученый-востоковед Д.М. Позднеев в своей книге о Японии, опубликованной в Москве через два года после землетрясения, уже в январе 1924 года газета «Осака Майнити» писала, что спустя всего 100 дней после великой катастрофы Токио обнаруживает признаки возрождения и что хотя «пройдет несколько лет раньше, чем новый Токио возникнет из развалин, но и сейчас уже город дышит возрождающейся деятельностью» .

Очевидцем этой катастрофы был Д.И. Абрикосов, принимавший непосредственное участие в ликвидации последствий землетрясения. В своих мемуарах Абрикосов подробно описывает обстановку тех дней в целом, всевозможные меры, предпринятые японским правительством и членами международного сообщества для оказания помощи пострадавшим. Кстати, им же приводится интересный факт, подтверждающий общеизвестную истину о том, насколько человек бывает бессилен в попытках состязаться с силами природы или хотя бы стать с ними вровень, опираясь на свой интеллект.

Согласно свидетельству Абрикосова, буквально за несколько дней до землетрясения некий профессор Ояма, известный специалист-сейсмолог, выступил в Токио с публичной лекцией, в которой он утверждал несостоятельность возможности крупномасштабного землетрясения в столичном регионе в ближайшем будущем. Случившаяся катастрофа так потрясла его, что почтенный профессор заболел и вскоре скончался, не перенеся «потери лица» от совершенной им ошибки. Сам Абрикосов в момент землетрясения находился в горной местности Никко (префектура Тотиги), куда его пригласил провести выходные дни военный атташе генерал-майор М.П. Подтягин.

В субботу, 1 сентября, Абрикосов и Подтягин, гуляя между знаменитыми храмами Никко, ощутили несколько сильных подземных толчков, но не придали этому особенного значения, – подобное происходит в Японии слишком часто, практически ежедневно в разных районах страны, и ничего необычного в этом не было. На следующий же день, как писал об этом впоследствии Абрикосов, он был разбужен рано утром слугой, от которого и узнал, что накануне, примерно в полдень (по официальным данным – в 11 часов 58 минут 44 секунды – *П.П.*) три подземных толчка необычайной силы обратили в груду развалин две трети японской столицы.

Первые дошедшие оттуда слухи были крайне про-

Пётр Эдуардович Подалко – выпускник Новосибирского государственного университета, более 17 лет живет и работает в Японии. Учился и преподавал в университете г. Осака. Защитив диссертацию, стал профессором Университета Аояма Гакуин в городе Токио, где работает около 10 лет. В совершенстве владеет японским и английским языками. Исполнительный директор Ассоциации по изучению Восточной ветви русского зарубежья. Автор книг «Япония в судьбах россиян. Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии», «Русские в Японии».

тиворечивы, но все сходилось на том, что бедствие приобрело невероятный, ни с чем не сравнимый размах. Как и следовало ожидать, Абрикосов предпринял все возможные меры, чтобы скорее вернуться в Токио; в этом ему помог случай. В Никко в те дни отдыхал император Тайсё , и Абрикосову удалось получить пропуск на единственный поезд, специально заказанный для доставки в столицу правительственных чиновников и придворных, бывших при императоре. Выехав из Никко вместе с ними, он прибыл в Токио вечером того же дня, затратив на дорогу в общей сложности около десяти часов вместо обычных трех. По пути пассажиры видели много разрушенных домов, а в одном месте им даже пришлось самим перебираться через реку по висящим в воздухе рельсам, так как мост, по которому они были проложены, рухнул в воду. «Я чувствовал себя героем приключенческого фильма, совершающим рискованный трюк», – пишет об этом Абрикосов, замечая далее, что лишь пример пожилого министра императорского двора графа Макино, проделывавшего рядом с ним то же самое, побудил его к выполнению этого «трюка».

Токио, вернее, то, что от него оставалось, все еще продолжал гореть, когда они уже на другом поезде прибыли на ближайшую к городу станцию. Оттуда уже можно было двигаться по городу пешком. Подземные толчки продолжались, и первый иностранец, встреченный Абрикосовым на улице (очевидно, немец), смог лишь сказать ему, что «весь Токио был «капут» . Можно представить, каково же было удивление русского дипломата, когда он добрался, наконец, до цели и обнаружил, что здание российского посольства, находившееся в ту пору неподалеку от парламента Японии рядом с парком Хибия, устояло и в сравнении с большинством окрестных строений почти не пострадало.

Случилось так, что направление ветра уберегло этот район от распространяющихся повсеместно пожаров, в то время как другим кварталам повезло меньше, и некоторые выгорели дотла. Так, например, полностью сгорели американское и французское посольства, миссии Нидерландов, Китая, Бразилии, Испании, Чили, а здания итальянского и английского посольств были повреждены столь сильно, что, как позднее выяснилось, стали в итоге полностью непригодны к дальнейшему их использованию.

В русском посольстве повреждения тоже были значительные: центральное отопление нарушено, во многих помещениях упавшие трубы продавили потолки и перекрытия, окружающая посольство стена рухнула. Однако при этом сохранился ряд комнат, пригодных для временного проживания (хотя боязнь повторения подземных толчков и вынудила в итоге сотрудников посольства в продолжение нескольких дней ночевать на открытом воздухе). Ко времени возвращения Абрикосова из Никко на территории посольства уже собралась большая толпа русских эмигрантов, искавших убежища, среди них были Архиепископ Японский Сергий и епископ Владивостокский Михаил.

Уже 6 сентября Абрикосов отправил в Париж в Совет послов на имя М.Н. Гирса телеграмму следующего содержания: «Размеры бедствия колоссальны: две трети Токио, вся Иокогама превращены в груду развалин. Посольство повреждено, но уцелело; продолжает функционировать. Личный состав невредим. Консульство в Иокогаме уничтожено; легко раненые Консул и Секретарь спаслись на стоящих на рейде судах. Среди русских есть убитые, число коих выясняю». Через четыре дня пришел ответ: «Сердечно поздравляю всех сослуживцев счастливым спасением. Глубоко соболезную пострадавшим. Гирс».

На территории посольства его сотрудниками был создан пункт по приему и размещению беженцев, на лужайке перед зданием расстелены одеяла и разбито некое подобие «временного лагеря», пока не прекратятся подземные толчки. Абрикосов упоминает любопытные подробности, как, например, стремление японских слуг и здесь соблюсти официальный протокол, отводя каждому лицу место в соответствии с его общественным статусом: к примеру, самому Абрикосову как старшему по чину футон (матрас) на ночь стелили между двумя епископами.

По городу распространялись слухи, в том числе – о внезапно начавшихся корейских погромах. Самих корейцев при этом обвиняли в организации поджогов в условиях паники. Было решено вооружить сотрудников посольства, и Абрикосов также приобрел револьвер, который ночью клал под подушку, хотя и не был уверен, что когда-нибудь придется им воспользоваться.

Учитывая сложившуюся обстановку, а также введение в Токио военного положения, оставлять на территории посольства, лишенного отныне внешней ограды, большое скопление людей было теперь небезопасно, и Абрикосов в качестве официального представителя обратился за помощью в городское управление, занимавшееся временным размещением и организацией питания населения. В его последующих отчетах Совету послов в Париж специально отмечается, что местные власти, как и иностранные представители, относились ко всем запросам из посольства исключительно доброжелательно, а японские служащие посольства и прислуга даже получали специальные продуктовые пайки из японского министерства иностранных дел.

Как только восстановилось пригородное железнодорожное сообщение, группа сотрудников посольства в сопровождении епископа посетила Иокогаму, пострадавшую, как оказалось, гораздо сильнее, чем Токио. В Иокогаме, где на момент землетрясения проживала большая русская колония, была отслужена панихида по погибшим соотечественникам. Русское консульство в Иокогаме рухнуло при первом же толчке, как и находившееся неподалеку консульство США. При этом погибли все японские служащие консульства, а сам российский консул А.К. Вильм чудом уцелел, будучи погребен среди развалин и получив в

итоге лишь легкое ранение руки.

Его коллегам из других стран повезло меньше: погибли американский и французский консулы, а всего уже в первые дни жертв среди иностранцев насчитывалось около 150 человек, среди них 15 русских. Впоследствии, по мере получения новых данных, число погибших российских граждан возросло еще на 60 человек, но точно определить число жертв было невозможно, так как некоторые лица, объявленные пропавшими без вести, обнаруживались впоследствии среди эвакуированных в город Кобе. Среди сохранившихся в архиве посольства справок подобного рода последняя по времени написания датирована 20 декабря 1923 года, то есть спустя почти четыре месяца после катастрофы.

На тот момент в Японии находилось около 1000 русских беженцев или «белых русских»: так они зачастую именовались в документах японской администрации и полицейских донесениях. Большая часть их проживала в районе Токио-Иокогама. Принимая во внимание, что установление официальных дипломатических отношений между Японией и СССР произошло спустя полтора года после описываемых событий, можно утверждать, что практически все подданные бывшей Российской империи, находившиеся осенью 1923 года на территории Японии, могут быть отнесены к этой категории. Для тех из них, кто выжил, землетрясение стало своеобразным «катализатором решимости», толчком к «продолжению бегства» в Америку, Австралию и другие страны, а неизбежные в этой ситуации материальные затруднения, которые и послужили для многих причиной их затянувшегося пребывания в Японии, были сняты благодаря разнообразной и обширной международной помощи, оказанной Японии правительствами разных стран и, в первую очередь, США.

Американское посольство сняло целиком «Империал отель» в центре Токио, ставший чем-то вроде штаба по сбору информации и размещению беженцев, где можно было всегда навести справки о пропавших; здесь же устраивались обеды для иностранных граждан, оплаченные посольством США. При этом помощь американцев распространялась на всех иностранцев без исключения, не делалось никаких различий по национальности, подданству и т.д. Абрикосов в своем подробном отчете в Париж счел необходимым специально подчеркнуть, что «при ограниченности ресурсов Русского Посольства мне за эти дни было бы гораздо труднее, если бы я не встречал со стороны Американского Посольства полную готовность помочь как мне, так и каждому обращавшемуся к нему русскому» . Многие русские ходили в эти дни на бесплатные обеды в «Империал отель», называя это «поесть за счет президента».

Были также специально арендованы океанские суда для вывоза иностранных граждан, в их числе – и русских эмигрантов. На какое-то время был ослаблен режим выдачи эмигрантам въездных виз в Европу и Америку, и одновременно начался сбор средств в пользу тех, кто не имел возможности приобрести билеты; существовали и другие виды помощи.

Японское министерство иностранных дел с первых же дней приступило к выдаче свидетельств на выезд эмигрантов из Токио (в основном – в Кобе); при этом ни в Токио, ни в Иокогаму, где помимо всего прочего возникла угроза продовольственного кризиса, никого из однажды выехавших в течение какого-то времени старались обратно не впускать. Одновременно японские чиновники не скрывали, что наиболее желательным для них был бы не временный переезд, а окончательный отъезд русских беженцев из страны. В русское посольство поступали специальные обращения из японского министерства иностранных дел с просьбой вести разъяснительную работу среди эмигрантов о том, что отныне добывать средства к существованию им будет крайне тяжело. Необходимо отметить, что все перевозки сушей и морем до Кобе и других мест на территории Японии делались из правительственных резервов японскими властями бесплатно, с выдачей небольших сумм в качестве компенсаций на питание и первое время.

В мемуарах Абрикосова встречается немало критических замечаний, которые он, разумеется, не включал в официальные донесения, рисующих довольно неприглядные стороны поведения некоторых его соотечественников. Так, например, когда улеглись первые волнения, среди части русской колонии вдруг поднялась волна «золотоискательства» в покинутых и разрушенных домах. Кто-то из эмигрантов пустил слух, что некоторые лица из числа соратников казачьего атамана Г.М. Семенова, не доверяя японским банкам, хранили у себя дома значительные запасы золота. И тогда «золотоискатели», вооруженные лопатами и заступами, стали ежедневно покидать здание посольства рано утром и уезжать в Иокогаму, возвращаясь поздно вечером, как правило, ни с чем. Хотя сотрудники посольства и осуждали подобные взгляды, они не могли лишить этих людей временного убежища на территории посольства. Все

это контрастировало с японским населением, в массе своей напрочь чуждым мародерства.

Кроме того, постоянно возникали разнообразные проблемы, связанные с отправкой эмигрантов из Японии. Многие совершенно потеряли голову от неожиданно вставшей перед ними долгожданной возможности уехать из страны: одни метались в поисках выбора направления, другие выдвигали неожиданные претензии по смене уже определенного заранее маршрута, требуя, к примеру, чтобы их везли в Мексику или США, но непременно – через Харбин или Шанхай для встречи с проживавшими там родственниками. Некоторые женщины, продав уже полученные ими ранее бесплатные билеты, приобретали на эти деньги косметику и наряды, после чего снова обращались в комитет по оказанию помощи с требованием выдачи новых билетов. Один из представителей иностранной колонии, ведавший вопросами эвакуации и материального обеспечения неимущих беженцев в городе Кобе, впоследствии во время личной встречи признался Абрикосову, что он «не видел в своей жизни более странных людей, чем русские».

Все японские и иностранные суда, находившиеся в японских портах, включая военные корабли Первой эскадры адмирала Такэсита, были мобилизованы для вывоза пострадавших, чьи дома были разрушены, а имущество погибло. По японским данным, 67% из более чем двухмиллионного населения Токио осталось без жилья. В эти первые дни японские миноносцы совершали дважды в день рейсы по маршруту Иокогама–Кобе; при этом океанские суда, находившиеся вблизи японских берегов, также отзывались со своих маршрутов. Примером того, какие неожиданные при этом возникали ситуации, можно назвать случай, происшедший с компаньоном известного в Японии русского купца и предпринимателя, одного из основателей кондитерского производства в Кобе Ф.Д. Морозова, чей эмигрантский путь с семьей из Харбина в Америку пролегал через японский порт Иокогама в августе 1923 года.

Морозов, за плечами у которого уже был шестилетний опыт жизни в эмиграции в Китае, решил переселиться в США, в город Сиэтл, где он планировал начать новое дело со своим русским партнером, также харбинцем. Однако будущий компаньон Морозова задержался с выездом из Иокогамы, в результате чего корабль, на котором он собирался плыть, был возвращен в Японию, где пассажиры вместе с командой приняли активное участие в ликвидации последствий землетрясения. Увиденные там разрушения и многочисленные жертвы настолько потрясли сознание компаньона Морозова, что он, уже по прибытии в Америку, не вынеся мучительных воспоминаний, покончил с собой .

Приведенный выше пример является далеко не единичным случаем. Согласно материалам японской прессы, приводимым Д.М. Позднеевым, в сентябре 1923 года токийской полицией было зарегистрировано 56 случаев самоубийств на почве страданий, явившихся следствием катастрофы; в октябре и ноябре зарегистрировано по 66 случаев самоубийств, при этом далеко не все подобные случаи были зафиксированы официальными органами. Из общего числа 182 самоубийств в течение первых трех месяцев 39 случаев объяснялись безумием, 34 – пессимизмом или болезнью, 34 – отчаянием от постигших людей лишений. При этом 30% самоубийц были в возрасте 20-30 лет .

Российское посольство в первые же дни выразило глубокое соболезнование правительству Японии и благодарило его за помощь русским эмигрантам, лишенным, в отличие от прочих иностранцев, какой-либо поддержки с родины. Со стороны посольства, в Кобе, где на тот момент отсутствовал русский консул, был командирован секретарь (по другим данным – вице-консул) консульства в Иокогаме П.П. Боровский, которому поручалось выяснить сложившуюся там ситуацию, чтобы затем выработать план по оказанию помощи «в согласии с желаниями отдельных пострадавших». Сам Боровский во время землетрясения спасся чудом, успев выскочить из окна здания, где находился. В дальнейшем он и нес на себе основной груз решения возникающих проблем, вплоть до прибытия из Фузана (ныне – Пусан, Республика Корея) консула В.А. Скородумова. Для оказания помощи П.П. Боровскому к нему был направлен подполковник Н.В. Осипов. Перед ними стояла задача обеспечить выезд из Японии как можно большего числа русских беженцев.

Относительно сбора денежных средств на оказание помощи беженцам, как писал в своем отчете Совету послов в Париже Д.И. Абрикосов, «достигнутые результаты превзошли все ожидания». В дополнение к 30 тысячам иен, направленным из средств посольства и российского военного агента на оказание немедленной помощи пострадавшим русским, Иностранный Комитет в Кобе выделил на эту же цель сначала 10 тысяч иен, потом – еще 20 тысяч иен. Японское Благотворительное общество в Кобе пожертвовало 20 тысяч иен на оказание содействия к организации выезда русских из Японии, такую же сумму на ту же цель передал местный губернатор, весьма заинтересованный в скорейшей отправке беженцев.

За исключением сумм, выделенных посольством и военным агентом, все деньги расходовались под строгим контролем Иностранного Комитета; на них русские эмигранты содержались в Кобе в специально снятых помещениях и постепенно эвакуировались из Японии .

Около 50 человек русских жителей Иокогамы нашли спасение на французском пароходе «Андрэ Лебон» и выразили желание плыть на нем дальше, во Францию. Посольство стремилось отправить их прямо до Марселя, но получило ответ, что «по приходе в Кобе обязанности парохода в отношении дачи убежища спасающимся от землетрясения оканчиваются, и пароход превращается в коммерческое предприятие, могущее перевозить людей лишь в качестве пассажиров», то есть за плату. Правда, поскольку среди русских оказалось несколько семей известных фамилий (Толстые-Милославские, Фитингоф, Шелковниковы и др.), уже давно собиравшихся уезжать в Европу, французский посол господин Клодель обещал Абрикосову специально запросить правительство Франции о возможности льготного получения ими виз и проезда на французских пароходах. Впоследствии часть эмигрантов сумела таким образом перебраться во Францию.

Справедливо полагая, что насильственная эвакуация беженцев в Шанхай или Харбин, к чему могли бы в итоге прибегнуть японские власти, сведется для русских «к переходу из одного безвыходного положения в другое», Абрикосов начал добиваться для них права уехать в Америку, обойдя при этом существующие для иностранцев квоты на въезд в США. Используя наряду с официальными каналами также личные связи, он специально запрашивал по данному вопросу американское посольство, а также консульство США в Кобе, ведавшее эвакуацией. Такой же запрос был послан им и в министерство иностранных дел Японии в надежде, что правительство, заинтересованное в скорейшем выезде иностранцев, окажет свою поддержку. Речь шла о бесплатном переезде в Америку около 200 человек русских при общем числе пострадавших около 300 человек, по предварительной оценке Абрикосова. Ежемесячная квота на всех русских иммигрантов, включая ехавших из Европы, России и других стран, составляла меньшую цифру. Американский посол со своей стороны обещал оказать содействие в решении проблемы и в присутствии Абрикосова направил соответствующие указания консулу в Кобе, ведавшему вопросами эвакуации.

Наряду со всем перечисленным, существовала еще одна причина, заставлявшая Абрикосова торопиться: необходимо было оказать материальную помощь жертвам землетрясения. В силу непредвиденности и значительного масштаба землетрясения средства на его ликвидацию сокращали и без того ограниченные финансовые возможности российского посольства по дальнейшему ассигнованию беженцев, сосредоточенных в других районах Дальнего Востока, главным образом, в Маньчжурии, Шанхае и на Корейском полуострове. Как уже говорилось, в то время посольство в Токио являлось крупнейшим «донором» для российской диаспоры в Азии.

В итоге совместными усилиями иностранного Комитета в Кобе и русского посольства в лице его сотрудников Д.И. Абрикосова, М.П. Подтягина, П.П. Боровского, В.А. Скородумова и других удалось отправить из Японии более 250 русских эмигрантов, из которых большинство предпочло уехать в Америку. При этом те из эмигрантов, которые не сумели или не успели получить своевременно американскую въездную визу, направлялись в Мексику или Канаду, чтобы затем перебраться в США. Около 30 человек выехало в Европу : на оплату именно их переезда и ушла основная часть средств, ассигнованных посольством.

Во время работы по оказанию помощи пострадавшим, сотрудникам посольства пришлось столкнуться с попытками советской пропаганды уговорить часть беженцев вернуться на родину. Так, представитель РОСТА (де-факто – представитель СССР) А. Вознесенский, оказавшийся в Японии накануне землетрясения, прибыл на «Императрице Австралии» в Кобе, где вскоре сумел войти в состав членов международного Комитета по оказанию помощи пострадавшим и активно убеждал последних вернуться в Россию. Его деятельность, однако, не встретила поддержки со стороны других членов международного Комитета; в итоговом отчете Комитета числился лишь один человек, пожелавший уехать во Владивосток. В целом, по мнению Абрикосова, большинство русских эмигрантов, переживших землетрясение, так или иначе попытались уехать из Японии .

(Фрагмент работы «Из истории русско-японских дипломатических контактов»)

г. Токио

Весть о неожиданной кончине Алексея Геннадьевича Красильникова вызвала такую реакцию в республике, что вечером у меня было не менее пятидесяти звонков. Во-первых, все хотели сообщить, что он скончался. Во-вторых, выразить ему свое высокое уважение. Не подозревала, что он как личность и государственный деятель, как ученый пользуется таким непререкаемым авторитетом. Мы помним, что он сын одного из талантливейших писателей, классика удмуртской литературы Геннадия Дмитриевича Красильникова, творчество которого составляет целую эпоху в удмуртской литературе. Но сам Алексей Геннадьевич за годы своей творческой и государственной жизни завоевал репутацию человека масштабно и аналитически мыслящего, глубоко порядочного. Особенно радует то, что за годы «перестройки» он не изменил своего мировоззрения. Не важно, разделяю я его убеждения или нет: у меня вызывают глубокое уважение люди, которые не отрекаются от своих идеалов, своих привязанностей, надежд, друзей.

А.Г. Красильников был истинным коммунистом и остался им до конца. Он был человеком идеи. Идеи вечной, идеи социализма, пусть сегодня эта идея кажется утопической, тем не менее, он верил в нее и не отстранился от деятельности КПРФ. У многих, может быть, это и вызывало осуждение, но у меня люди, верящие в идею, в мечту (а сегодня социализм скорее мечта), вызывают глубокое уважение.

Алексей Геннадьевич был кандидатом филологических наук и доктором философских наук, а это необычное сочетание. Это свидетельство масштабности его знаний. Он был широкообразованным человеком, закончил факультет романо-германской филологии УдГУ. Вспоминаю, как он сдавал мне литературу. Надо было видеть тогда мое лицо и понимать мое настроение, когда я слушала его, студента третьего курса. Он говорил как зрело мыслящий человек, давая глубокие оценки явлениям современной литературы. Я понимала, что передо мной – будущий успешный филолог, каким он и стал. Специализировался Алексей Геннадьевич по английской литературе, длительное время стажировался в Англии, а по возвращении читал курс зарубежной литературы на английском языке, заведовал кафедрой в университете. А.Г. Красильникову был хорошо знаком с мировой литературой, не случайно первую диссертацию он защитил по творчеству Р. Киплинга.

Умение сочетать организационную, государственную и творческую работу с педагогической деятельностью делало его личность значимой. Работал в Госсовете, избирался депутатом трех созывов, возглавлял постоянную комиссию по науке, образованию, культуре и молодежной политике. В последние годы был ректором «Института повышения квалификации и переподготовки работников образования Удмуртской Республики». Он был везде на своем месте. На любой вопрос, волновавший тебя, ты всегда получал исчерпывающий ответ у А.Г. Красильникова.

Его отношение к литературе, в том числе и отечественной, не совпадало с моим, он не до конца разделял мое восторженное отношение к ней, видя в ее развитии еще много белых пятен. У него как у человека, принадлежащего к удмуртскому народу, очевидно, были к родной литературе свои требования. И, возможно, эти требования были справедливыми. Сейчас уже трудно судить.

Вспоминается эпизод. Однажды я пришла к А.Г. Красильникову и увидела стол, накрытый для гостей, на нем – множество букетов цветов и поздравления: от государственных лиц, от друзей, от родных. Это был красивый натюрморт, посвященный дню его рождения, и надо было видеть, как именинник радовался тому, что его так тепло поздравили. Видимо, ему не хватало в жизни тепла и внимания...

Мне кажется, Алексей Геннадьевич был личностью в себе. Я редко видела его раскрытым, распахнутым. Наверное, люди его масштаба приходят в мир, «чтобы не соглашаться», как писал М. Горький. У них своя жизненная программа, свой взгляд на историю, на современность, на будущее. Мне думается, Алексей Геннадьевич был человеком будущего. Он нес в себе те качества личности ученого, организатора, педагога, которые нам просто необходимы в будущем.

Я должна выразить глубокую признательность за доброе отношение ко мне. В книге «Женщина на Олимпе» (2003), собранной на кафедре русской филологии факультета удмуртской филологии профессором А.С. Зуевой, небольшая глава называется «Шатл». Я была поражена символикой, которую нашел Алексей Геннадьевич, чтобы рассказать о моей скромной работе.

Мне выпало счастье семнадцать лет дружить с его отцом. Помню неизбывное горе Алексея Геннадьевича, когда скончался Геннадий Дмитриевич. Гражданская панихида по сыну состоится в Филармонии. Оттуда же выносили его отца, Флора Васильева, Семёна Самсонова. В этом есть что-то знаковое...

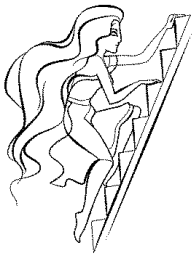
Есть что-то трагическое в том, что из жизни уходят выдающиеся люди, не дожив до срока, до зрелости. В удмуртской литературе большинство писателей ушли в раннем возрасте. Это очень горько. Наверное, закономерно, что становление нации сопровождается драматическими обстоятельствами...

А.Г. Красильников принадлежал к элите удмуртской интеллигенции, тем горше осознавать, что его нет. Я прочитала его предисловие к книге «Смешное в серьезном» замечательного государственного деятеля, человека редких дарований А.М. Фоминова. Каждая фраза несет глубокую оценку содержания книги.

Об Алексее Геннадьевиче с глубокой скорбью и уважением говорил профессор В.Е. Владыкин. Мы с Владимиром Емельяновичем сошлись во мнении, что смерть А.Г. Красильникова – невосполнимая утрата для удмуртской литературы, удмуртской науки, удмуртской интеллигенции и удмуртского народа.

Вечная ему память!

Зоя Богомолова
4 марта 2011 года



Лев РОДНОВ

* * *

Хватаю прошлое, как ящерку, за хвост,
благословенна будь, наивность! –
и красного заката красный воск,
и грешников игра в невинность.

О, я его поймал, тот миг – любить! –
когда клонились дерева над нами
и ласточки, крича, стремились вить
невидимую нить под небесами.

Нет, все не так, мой друг, произойдет…
За кем погнался я, тот гонится за мною,
и прошлое, как хищник, рвет и пьет
кровь тишины и плоть земную.

На влагу губ осядет медью слов
обиженность и чувств неизреченность.
Не покидай меня, наивность, я готов
для звездочки одной быть небом черным.

* * *

Случайность, тихая случайность
обворожила две души,
но вдруг разлукой увенчалось
искусство чувствующих – жить.

Никто над выдумкой не плачет,
душа душе – давно не власть.
Я просто жив. И это значит:
жизнь, несомненно, удалась!

* * *

В немоте языка, вне движения
безрасчетная робость ждет:
кто ты, вечная моя женщина,
сколько лет еще, сколько дён?

Безглагольная, ты существенна
в предложении с запятой…
Многоточие, как сошествие
от признания – в мир иной.

Жизни зверь в ноябрях стремится
шкуркой набело полинять.
Сердце прыгает старой птицей,
взгляда черного не поднять.

* * *

Тобою живущий друг,
швыряющий год за годом,
восходит на новый круг
сближения с антиподом.

Заткни его жадный рот
медлительным поцелуем –
продлит стихотворный род
постели кричащий бубен!

Граница и перебежчик:
как быть, коли скучен мир?
Преступность сердец излечит
от недолюбови флирт.

Встану, замру босым,
тающих лет не убудет…
Хочешь, у нас будет сын?
В нем, бывшие, оба будем!

* * *

В безжизненной провинциальной глубине,
где ил во рту и мхами порастают руки,
нас окрыляет брань и согревает снег,
и возбуждает одномерность скуки.

Не в силах разрешить пространство,
внутрь слепоты преобразуем яро
иных земель целебную прекрасность,
иль верим в ненасытность мавра.

Слова шуршат, как шепоток соломы:
в звероподобных снах неотразимы тени!
И сломлен тем, что он никем не сломан
стакана мыслящего гений.

Нет выхода в ином. Найдем друг в друге,
как дети, волшебство самоотдачи…
Зачем нам твердь? На образе и звуке
содержат небеса чтецов прачек.

* * *

Лихой пилот, водитель тела,
детеныш демонов, душа,
благословляет финиш, беглый,
и – воспаряет не спеша.

Круговорот ее в природе
питают грубости земли –
от всех одежд беглец свободен
в неизрекаемой дали.

И мы с тобой, как дух, нагие,
крест-накрест губы положа,
спасенье ищем и погибель –
с душой сливается душа!

В комочек стыд, обняв колени,
свернется – финиши просты:
нам бесконечное паденье
не отличить от высоты.

* * *

Сквозь клочковатый мрак полунакальных ламп
ботинки, крадучись, носками, компасу подобно
стремятся в гавань снов, на пол прихожей.
Не каждый раз теперь хозяин может
свой покидать диван, раскинувшись, как краб,
упершийся в экран не взглядом – костью лобной.

Зачем идти? Чтобы воткнуть в набухший дождь
тупой конец зонта? Не велика морока. Скука,
она, проклятая, подошв прошивку портит!
Смысл есть не в этом житии; и тем он благороден,
что бродит в лености и в логике уступок:
пора прилечь... В ближайшей туче –
ангелы подошв!

Я эти странные слова пишу, чтобы отвлечься,
чтобы любить любить любовь своей любимой.
Дождь слишком затянулся.

* * *

Насладившихся битвою, мучает дух перемирия.
Воспевших убогость, богатство красивых печалит.
Веселому страннику, словно болезнь, остановка.
Влюбленные спят.

Текут изречения в русле не слова, а цифры.
Торгующих страхом никто не изгонит из храмов.
Дракон океана проснулся и брызжет
слюною на сушу.
Влюбленные спят.

Не скальпель, а память плоть времени
надвое делит.
Утративший вкус обладаний утешится
смаком потерь.
Сквозь сито крушений просеяны всхожие зерна.
Влюбленные спят.

* * *

Тело что вопль, наднемотная веха,
Кратко восстанет под сводами: "Где я?!"
Гулок вопрос, да в ответ ему – тихо...
Тело что призрак. Лишь памяти эхо
Несколько раз отразится, слабея,
В трех-четырех поколениях крика.

* * *

Наитие стечет в мечту и в мысль,
чтобы родиться в звуке и отлиться в знаке.
Читай! – Поймешь, какого черта сбыл
небесный лавочник земной собаке.

Чу, сторожи чертог да получай
паек души – приваду слов и чувства…
Хозяин спит. А его пес – печать.
На небе пир, когда берут на чай
последний разум у собачек грустных.

Чем отслужить? Да так себе, на чай… –
отдашь лишь душу, чтоб ей было пусто!
в обмен на флаги.

* * *

Осенняя дача, галоши и насморк,
Прокисшие листья на солнце странны.
А вот и диван! Не хотите ли на бок,
Лицом отвернувшись от этой страны?!

Прекрасные грезы! Париж и поэзы!
Отчаянный храп, словно крылья, силен...
Осенняя дача. Сентябрик болезный:
уснешь – укорочен, очнешься – длиннен.

И руки немыты, и очи не блещут.
Так чем же мы живы, слова говоря?
Окрепнут иллюзии, сделавшись вещью,
Да скрипнет диван: «Зря уходите, зря!»

* * *

Сказочник в сказку не верил,
но, все же, ее рассказал.
И слушатель сказкой измерил
Обманутой жизни вокзал.

Неспешный хрипел репродуктор
о том, что срок жизни – транзит,
что сказка, плацкартная сука,
не хочет бесплатно везти.

Накоплена слабость в суставах,
да знак пустоты за плечом…
О сказочно быстрых составах
соври напоследок, внучок!

* * *

На всякий день ума не напастись,
На взгляд и возглас духом не ответить.
Не убежать! Не хватит Палестин…
Что остается? Смерть. И – дети.

Земля покрыта зычным самозванством,
Чарует пришлых и гнетет своих.
В подъезде грязном малолетний гангстер
Судьбу целует, коротая дни.

Кто тянет ближнего, кто тянется за ближним,
Всех горизонтов даже миром не достать.
Завещано: важнее жизни — выжить!
И никому не избежать креста.

* * *

Хранил мой город деревянный
Горизонтальный образ мысли:
Заборы, протяженность луж и ямы,
И проводов волноподобные провисы.

Он слишком плоскостной, как мох,
Казенные скрывавший тайны,
Роднивший всякого, кто народиться смог
В живосплетеньях городской поляны.

С древесным градом завершился флирт.
Сады снесли. Квартироваться – дали.
Сплошные незнакомцы гонят лифт
В двенадцатиэтажной вертикали.

* * *

Легко сказать: «Любви не существует!» –
Когда она тебя в расчет уж не берет…
Мужланов мощь одна во сне кукует
И женщин красота сама себе уж врет.

Мы образуемся в любовных поединках.
Но непонятный созревает плод:
Ленив рассудок и душа, как льдинка,
И чувств глубины перейдены вброд.

* * *

Границы пали, жизнь сбежала,
В иную даль, в стакан вина.
Всемирной гордости не стало,
А местечковая – смешна.

И флаги есть, да нет победы…
Как нет и канувшей страны.
Лишь покалеченные деды
Имперским пугалам верны.

* * *

Жизнь не рассчитана «на дальность».
Милее всех земных причуд
Сиюминутная глобальность
Неиссякаемых пьянчуг.

Бурлим в пространстве говорливом,
Волнует мебель и базар…
Про город, слизанный приливом,
Как сплетню, диктор рассказал.

* * *

Учеников остаться не должно!
Мудрец идет невидим и неслышим,
Роняет в пыль слов новое зерно, –
Ах, как смешно: кто ж пылью дышит?!

Кто не готов, тому не суждены
Часы судеб без приводов пружинных.
Скопцы небес! Насильно, зажжены
Сердца рабов, их фитилек наивный.

Умри, кумир, без выхода в сие!
Пусть люди пьют, плодятся, говорят,
Взлетают, рушатся, кривляются в белье…
И бога пусть творят.
А не воруют.

* * *

Нет времени прошедшего,
Есть времена идущие,
Нет человека бывшего –
Есть опозданье ждущего.

Нет ничего несвязного.
Но в немоте бессвязности
Слоения тайн показаны –
Чтобы язык жил разностью.

Колонна мыслит формою,
Певцу дано – стремление!
Зачем душа голодная
Клюет зерно сомнения?

* * *

О, память, память! Слой за слоем
Ты безымянной ляжешь в холм,
Лишь будут дети над тобою
Кичиться доблестным стихом, –

Тем, что над мрачною стихией
Овеществленною мечтой
Взлетает с именем: «Мессия!»
И обновляется – «Долой!!!»

Валерий НИКУЛИН

Зима

Солнцемороз, хрустящий наст
И снега белизну
Зима – как душу передаст
Кисть краской полотну…

* * *

Из любви сосуда
Не жалей, плесни,
В нем еще прибудет
В эти дни весны.

Жизнь несется быстро:
Пока – как ручеек,
Но наступит утро,
Когда – как с гор поток…

И тогда окажется,
Что даром берегла,
Пожалела, кажется,
Хранила, не пила…

А теперь не надо
Ни тебе, ни мне,
Что в сосуде ядом
Плещется на дне…

* * *

Как земля от гроз –
Влагою глаза,
И брильянты слез
Словно как роса…

И ресницы тоже,
Боже ж, как милы…
Но обидной дрожью,
Гневом тяжелы…

Я тебя обидел
Снова невзначай,
Грани не увидел –
Не специально, знай…

Просто зачерствела,
Видимо, душа,
Коркой раскусилась,
Крошками кроша…

Но, впитавши влагу
От любимых глаз,
Заблестит на драге,
Как в воде алмаз…

* * *

Мне лучше слов не говори:
В них «нет!» боюсь услышать,
И обещаний не дари,
Лишь «да» шепни чуть слышно.

* * *

Когда-нибудь случится,
Ведь жизнь такой роман,
Что счастьем обернется
Губительный обман.

Переплетутся судьбы –
Сыграют гены роль.
Повременилось чуть бы –
И нищим стал король,

Любимый – нелюбимым,
Дворянка – на панель,
Внезапно, жарким летом, –
Завьюжила метель…

Детей единокровность
Все спутает концы,
Детей одноутробных
Признают вдруг отцы.

Вдруг рухнут в одночасье
Надежды на престол,
И карты разной масти
Составят «перебор»…

Историкам – работа,
Генетикам – «на хлеб»,
Пусть умирает кто-то,
А кто-то – глух и слеп.

Наверное, случится –
Во сне иль наяву,
И быстро превратится
В легенду иль молву…

* * *

Чаще частого в откуп от бед,
Чтоб ее не ломали мы,
Дарит нам судьба тридцать лет,
Чтобы жили мы, как могли…

А затем идут тридцать лет,
Когда нужно нести свой крест,
Когда нужно дать свой ответ
И составить свой манифест…

Чтобы первые тридцать лет
Жизни мы б вернули сполна,
Коль не сможешь, – кучкой монет
Станет дар судьбы с «серебра»…

Коли сможешь гордое «Нет!»
Ты Иудам в жизни сказать,
То получишь счастье в ответ,
Сколько сможешь ты в сердце принять!

Детям станет немало лет,
Даже внуки уже подрастут,
И огромный из роз букет
В юбилей тебе поднесут…

Только если в душе тридцать лет
Сохранишь ты и в шестьдесят,
Значит, это и есть ответ
Всем ненастьям, что нам грозят…

И лишь в третьи по тридцать лет,
Взяв лачугу на диком бреге,
Кинув на ноги теплый плед,
Развести огонь в очаге…

Будто б не было долгих лет,
Все вернется в памяти вдруг,
И тогда лишь найдешь ответ,
Кто был враг твой, а кто был друг…

* * *

Скажи, что любишь, очень любишь,
Что лучше в мире не найдешь,
Что одного меня голубишь,
Что замуж за меня пойдешь…

Скажи, и я во все поверю,
Приму на веру, как Коран,
Забыв, что первого апреля
Всем разрешается обман…

* * *

Как солнце моя жизнь иль как тайфун,
То луч вдруг из-за туч, то катаклизм.
Как горе от ума, так мне – от дум…
Наверное, давно мне не вставляли «клизм»…

* * *

Чтобы прочной стала,
Закаляют сталь,
Боль чтоб отступала, –
Уезжают вдаль.

Чтоб дворец построить,
Рушат прочный дом,
Силы чтоб утроить,
Мирятся ладом.

Друг друга уважают,
Чтоб друзьями быть,
В деле ободряют,
Чтоб не навредить.

И, казалось б, мелочь –
Сделать первый шаг.
Главное – навстречу,
В гору, не в овраг…

* * *

Только люди рождаются в муках,
Чтоб задумались: нужно ли нам
Покоренье гранитов науки,
Если все остальное – бедлам;

Чтоб проснулись – в объятьях любимой
(Есть ведь выбор: крысиный подвал,
И жевать хлеб, похожий на глину,
Или: паперть, столичный вокзал…).

Только творчество – есть созиданье,
Только мысль подвигает любовь,
Страсть, увы, лишь рождает желанье, –
Мозг гормоны бросает нам в кровь!

Материнство, отцовство и детство,
Без сомненья, в природе важны,
Но куда от терзания сердца
Убежать, разве только во сны…

И асфальт приподнимет травинка,
А родник разрушает гранит,
И к жилью приведет нас тропинка
Сквозь тайгу, что эпохами спит.

Осенний поезд

Серой мглой за окошком мелькают осины,
Разделенные белью поникших берез…
У окошка задумчиво в мыслях застыну,
Предаваясь осенним мечтаниям грез…

* * *

По жизни и по совести грешу,
Не знаю как, от счастья счастия ищу.
Прощения, прощения, прощения прошу.
Но сам себе – уж ничего я не прощу.

* * *

Сияющие знаки неба,
Как ноты музыки в ночи,
Когда, и где, и кто бы не был, –
Пред вашей мудростью молчит.

Вы – радость мира познаванья,
Извечные звезд письмена,
На вас загаданы желанья
Во всех народов времена.

Как вестница победы Ника,
Как музыку сложивший бард,
Вы разноцветны, многолики,
Вас миллиардов миллиард.

Таите вы разнообразие
Бесчисленных скоплений форм,
Галактики – как звуки джаза,
Туманности – как в храме хор.

И чернота пространства неба
Для нас привычна с детских лет,
Как черного горбушка хлеба,
Как неба утреннего свет.

Мы – тоже космоса частицы,
Земля – гигантский космоплан,
С огромной скоростью он мчится
В безбрежный черный океан.

И наша жизнь – одно мгновенье,
Одна секунда, квант один.
Мелькнет, растает, как виденье,
Как звездного тумана дым.

Наш экипаж – людей планета,
Багаж – идеи и любовь,
На нас – история одета,
Дела и мысли – наша кровь.

Нас гравитация не держит,
И биосфера не зовет,
Любовь земная нас удержит
В челне, что к подвигам идет.

Красивы, сказочны названья
Созвездий в небе над землей,
Как благодарность иль признанье
Наречены людской молвой.

Расклад

Я не король бубновый, а трефовый,
Пусть не козырный я, зато – фартовый…
И ты – не дама пик, скорей – червей,
Но ты в азарта миг – дороже королей…

Ссора

Ну, вот и все: как будто бы и не было,
Мы расстаемся, потушив костер…
Трава любви теперь не скоро вырастет
На пепелище наших бывших ссор…

* * *

Только было встрепенулся,
Ты меня по крыльям – «Бац!»…
И от мечтаний я очнулся:
Жизнь не перина, а матрац…

* * *

Ой, не влюбляй, ой, не терзай!
Итак уже пылаю…
Ой, не играй, ой, не бросай!
Итак уже теряю…

Илья МАРКОВ

* * *

От А до Я совсем короткий путь
И времени недолгий промежуток,
Малюсенький отрезок на прямой
Меж двух соседних точек. И *забудь*
Сливается с *люблю* в теченье суток,
А летний день сменяется зимой

Вообще одномоментно. Перспектива
Пространственно и жизненно чиста,
Как вымытый хрустящий лист салата.
На первый взгляд все выглядит красиво,
Но вслед за обрушением моста
Бросаешься на поиск виноватых.

Ты будешь жить в картинах и стихах
В турнирных бланках, в море итернета,
Ты не умрешь, покуда не позволю.
Мне каждый шаг теперь внушает страх,
Все порываюсь выйти до рассвета,
Но на душе кровавые мозоли.

Но все таки я боль превозмогу
И, несмотря на холод и пургу,
Найти сумею верную дорогу.
От А до Я без ропота пройду,
И все пройдет и кончится в аду
Или раю. Не знаю. Слава Богу…

* * *

Я тебя никогда никому не отдам,
Не обижу ничем и нигде не предам,
Ты Богиня моя, мое царство и храм –
Я твой верный священнослужитель.
Даже в самые черные черствые дни
Я зажгу для тебя перед домом огни,
В нем мы сможем с тобою остаться одни –
В нем никто не признает обитель.
Я тебя заслоню и закрою собой
От вселенской тоски и печали любой,
На тебя я нахлыну, как ночью прибой,
И укутаю теплою пеной.
И, покуда мы живы, мы будем вдвоем
И сдавать свои души не станем в наем,
Будем просто светить, согревать окоем,
Разгонять облака над вселенной.

* * *

Сшейте куклу, дайте имя,
Нарисуйте ей глаза,
И она легко обнимет
И поднимет в небеса.
Кукла – не пустая маска,
Не набитое тряпье.
Кукла – радость, кукла –сказка,
Посмотрите на нее.
Нет ужимок, есть движенья,
Благородство, гордый вид.
Но внушает уваженье
Не стремительный гапит,
А уверенность актера
И живое ремесло,
Что, не требуя суфлера,
Добротой тревожа зло,
Зажигает осторожно
Свет в глазах, за рядом ряд…
Люди могут врать безбожно,
Куклы правду говорят.

* * *

Наклонись над рекой и взгляни на свое
отраженье,
Размахнись и ударь по нему изо всех своих сил –
Ты узнаешь черты, что внезапно открыли
движенье.
Не об этом ли ты так давно безнадежно просил?
Не скули и не бойся, а если статичность вернется,
Чтобы маской пустой замереть на глазури воды,
Вновь удар нанеси, и реальность тебе улыбнется,
В новой форме своей, унося от привычной беды.
Ты хозяин судьбы, а не раб и тем паче
не пленный,
Перестань же цепляться когтями за старую жизнь,
Чтоб увидеть во сне очертания новой вселенной
Нужно в сердце убить, а в душе отпустить
миражи.

* * *

Поднимаю палочку – раз, два, три –
В лужах отражаются фонари,
К небу поднимается белый пар,
Начинает двигаться тротуар.
Проплывают мимо дома, мосты
Будто в сказке выпрямлены, чисты.
А за ними следует тихий сквер,
Где бунтует царственный кавалер,
Усмиряя вздыбленного коня
На исходе жизни, на склоне дня.
В каменной оправе стоит река –
Жизнь ее размеренна и легка,
А над ней, сияя, поет игла,
Заслоняя море от армий зла,
Что стремятся с юга войти сюда,
Чтобы сразу сгинули без следа
Купола Исакия, Эрмитаж…
Этот город Господа, а не наш.
Опускаю палочку – волшебство –
Продолженье города самого!

* * *

За минуту до смерти просить о прощении многих
Убиенных, раздетых, оболганных,
напрочь забытых
Одноклеточных, водных, ползущих,
пернатых двуногих,
Что в центральных живут городах
и окраинных скитах.
За минуту до смерти успеть расквитаться
с долгами,
Заплатить по счетам, накормить до отвала
питомца,
Примириться, насколько возможно, со всеми
врагами
И уже, наконец, перестать заслоняться от солнца.
За минуту до смерти поняв, что прожита напрасно
Сумма дней и ночей, что твоим называется веком,
Не кидаться с рыданьем в шуршащую бездну
матраса,
А стоять в тишине, ощущая себя человеком.
За минуту до смерти опять превратиться
в ребенка
И, уже растворяясь в объятиях нового мира,
На дырявых коленях увидеть следы от зеленки
И во рту ощутить снежно-вафельный привкус
пломбира.

* * *

Выйдя из житейского тумана,
В год, какой не помню и не важно,
Я пришел на берег океана,
Он вздыхал безоблачно и влажно.
Мой визит был краток и случаен,
Как в пустыне выпавшая влага.
Океан был светел и печален
И почти недвижен, как бумага.
Моего прихода не заметив,
Он как будто даже не проснулся,
Но в моей душе родился ветер,
И в туман я больше не вернулся.

* * *

Новый век приносит свои законы.
Соловьи не в чести, на виду вороны,
Что картавой и резкой манерой пенья
Привлекают внимание без сомненья.

Мы хотим результата, процесс не важен,
Мы качаем ресурсы из старых скважин,
И, из жадности, новые рядом бурим,
С изумленьем внимая небесным бурям.

Мы читаем все реже, тоскуем дольше,
Мы завидуем Латвии, Мальте, Польше,
Уважаем Китай, ненавидим Штаты
И с опаской детей отдаем в солдаты.

Мы снимаем кино, расщепляем атом,
Но, как прежде, привязаны к круглым датам,
Отмечаем их с пышностью и размахом,
Но не можем сладить с обычным страхом.

Мы живем за решетками и дверями
В тишине, ощущая себя зверями.
Если нас и учили чему- то в школе,
То искусству искусно менять пароли.

Говорить мы устали, да нам и не с кем.
Доверяя задернутым занавескам,
Мы себя отгораживаем от мира,
Принимая на ночь стакан кефира.

Но в небесной глуби существует некто
Задающий единственно верный вектор,
Не дающий исчезнуть всему живому
И свалиться душе в отрицанья омут.

И поэтому счастье пребудет с нами –
Захлестнет неизбежностью, как цунами.
Жизнь откроет окно, переставит сроки
И окажется лучше, чем эти строки.

* * *

Оторвись от манящей сиреневой бездны экрана
Ноутбука, мобильного, кино- и фотоприборов,
Да, возможно в начале себя ты почувствуешь
странно,
Но потом ощутишь, что устала от всех разговоров
По контакту, по аське и даже любимому скайпу
Помечтай в тишине, если хочешь, откинься

на спину
И когда ты поймешь, что тебе это дело по кайфу, –
Начинай представлять перед мысленным взором
картину:
Ты приходишь ко мне, мы сидим, не касаясь
друг друга,
Просто смотрим в глаза, не мигая, как мудрые
дети,
Ты уже не жена, но еще далеко не подруга,
Мы чужие с тобой после прожитых вместе
столетий.
Ты не дева Мария, а я, видит Бог, – не Иуда,
Нас случайность свела, и она же потом разлучила,
Но в любви, как известно, совсем не важна
амплитуда,
А сокрытая в сумраке тела духовная сила.
Как мгновенье одно пролетит незаметно неделя,
И в ушах зазвенит, и в сосудах расплавится
плазма,
И душою твоей я тогда навсегда овладею
На пределе, который сильнее любого оргазма.
Мы прощаемся молча в пустой и нарядной
прихожей –
Так расходятся, верно, любые миры во вселенной,
С ощущением яркого счастья под порванной
кожей,
Что сумели ввести прямо в душу,
а не внутривенно.
Ты приходишь домой, опьяненная чувством
свободы,
И, включив монитор, медитируешь в вордовском
файле,
Наконец долгожданно взрываешься новою одой,
Только ставишь в конце вместо точки танцующий
смайлик.

* * *

Раннее утро. Пушистый май.
Третья неделя. Вторник.
Где-то вдали дребезжит трамвай.
Машет метлою дворник.
Птицы щебечут. Поет листва
Вылупившись из почек.
Сила всеобщего торжества
После холодной ночи,

Что называют еще зимой,
Мир поднимает к небу,
Пахнет черемухой и хурмой,
Свежим печеным хлебом.
Утро прозрачно и хрустко, как
Вымытый лист салата.
В космос направлен большой кулак
Бронзового солдата.

Как ты любимая, где и с кем?
Ревность горит во взоре.
Девочка в Питере, я в тоске.
Буквы на мониторе.
Губы обветрены. Боль в висках
Прыгает воробьенком.
Телом уже обращаясь в прах,
Буду в душе ребенком.

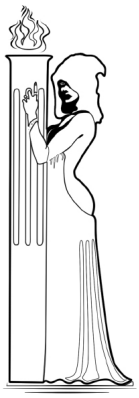
Хочется нежности и любви,
Ласки, тепла, заботы.
В скрипе рассохшихся половиц
Слышу чужие ноты.
Нет в них гармонии, естества,
Даже сиянья звука.
В деле – отравленные слова,
Невозвращенья мука.

Издали каждый глядит, как друг,
Честно и сиротливо,
Но берегусь обнаженных рук
В страсти больном порыве.
Действую медленно и с умом –
Даже весной и летом.
Правда хранится во мне самом –
Помню всегда об этом.

Мир – это созданный Богом храм
(В каждой квартире фреска),
Просто распиленный пополам
Кухонной занавеской.
Сдерну ее. Распахну окно.
Брошу себя наружу.
И обнаружу, что там давно
Радость царит, не ужас.

Сытый, распаренный чернозем
Бережно примет щеку.
Миг – и свободен я, и спасен,
Счастлив и пьян. Еще бы –
Мне повезло. Перейден предел
Между стыдом и страхом.
Все, чего сам так давно хотел
Сердцем, умом и пахом

Стало моим навсегда, – причем
Сразу необратимо.
Вечность лежит за моим плечом.
Люди шагают мимо.
Если и есть во вселенной рай,
Я не его затворник.
Раннее утро. Пушистый май.
Третья неделя. Вторник.



70-летию Аллы Кузнецовой посвящается

Зоя БОГОМОЛОВА

«ВЕЧНАЯ» АЛЛА КУЗНЕЦОВА...

Во всех областях духовной жизни, науки, культуры, в человеческом общежитии есть свои Аллы Кузнецовы – люди нередко с неустроенной судьбой, бессребреники, душевно щедрые, активно ищущие свои идеалы, общественные и человеческие и, как правило, глубоко неудовлетворенные поисками, но безмерно талантливые, для которых творить, – значит, жить, дышать полной грудью, верить в светлое начало в людях, надеяться и верить в самое главное, стержневое – в любовь, любить беззаветно, поклоняться своему кумиру, не требуя ничего взамен. Такой была Алла Алексеевна Кузнецова (1940-2003), удмуртская поэтесса, ни на кого не похожая, разве что на Ксению Некрасову – талантливую русскую поэтессу с тоже неустроенной судьбой, не роптавшую на трудные обстоятельства бытия.

Как-то довелось услышать: «Не надо идеализировать этого поэта. Он так умело создал свой имидж, что трудно понять, когда он естественен, а когда в своем образе».

Мне Алла Кузнецова всегда казалась «в своем образе», и если она и создала его, то создала талантливо. Покоряла ее отзывчивость, готовность живо откликаться на любую просьбу, предложить свои услуги («Хотите – помою у вас окна?»), написать доброе слово о своем коллеге, выразить участие, вместе погоревать. Людмила Бусыгина назвала поэзию Аллы Кузнецовой «поэзией души», поэзией «свободы души».

Алла Алексеевна была открытым, откровенным человеком, она, действительно, выплескивала все, что у нее на сердце, стоит лишь прочесть ее сборник «Лушкем яратон. Инитим» (1995, на русском и удмуртском языках). Она подарила его мне с автографом: «Богомоловой Зое Алексеевне, любя и поклоняясь. Автор». Берегу его как память о поэтессе и человеке благодарного сердца.

Не только этим отличался характер А.А. Кузнецовой. Она была безгранично одаренной, причем, как отмечали многие, обладала даром импровизации. Н.Н. Бочкарева вспоминала, как на одном из литературных вечеров она самозабвенно читала по ходу вечера сочиненные ею сонеты, посвященные великой удмуртской поэтессе Ашальчи Оки, чью литературную премию она заслуженно получила.

Если внимательно проанализировать стихи основоположницы удмуртской поэзии Ашальчи Оки и Аллы Кузнецовой, то обнаружится немало общего. Прежде всего, это схожесть женских судеб поэтесс (любовь, замужество), а также судеб их героинь, женщин-удмурток: стремление к социальной и духовной свободе, смелость в выражении чувств, отстаивание права на любовь – это главные темы их поэзии. Даже в личной, женской судьбе у них немало общего: поиск идеала, служба ему и безответная любовь (Ашальчи Оки и Кузебай Герд, Алла Кузнецова и Флор Васильев).

Не случайно О.А. Поскребышев весьма высоко ценил поэзию А. Кузнецовой, считая ее одной из самых талантливых среди современниц. А на оценку этого мастера стиха можно положиться.

Закономерно, что в поэтическую антологию «Песни солнечного леса. Стихотворения и поэмы удмуртских поэтов», вышедшую в Москве в издательстве «Современник» в 1989 году, А.Г. Шкляев включил 22 стихотворения Ашальчи Оки и 22 – Аллы Кузнецовой в переводе А. Смольникова и Р. Романовой. В сборник вошли стихи А. Кузнецовой «Плач бездетной», «Когда зима с земли уходит», «Я ищу тебя», «Благодарение», «Царские проводы» и другие. Завершающее подборку стихотворение «Помню глаз твоих я пречистый свет» заканчивается такой строфой:

...Но нетленная память вешних дней,
Как осколки, а грудь замурована:
Чтоб не стала я без тебя бедней,
Наше прошлое мне даровано.

Функция времени играет существенную роль в сюжетном построении стихотворений А. Кузнецовой, хотя она и не всегда несет в себе конкретное начало. Но время всегда присутствует в стихах поэтессы: молодость, зрелость, а также узнаваемы географические приметы – пребывание на разных широтах страны.

Нередко, рассказывая о себе устами лирической героини, поэтесса свои чувства, ощущения, переживания переносила на эмоциональную жизнь предметов:

Вечер гладит ласковой ладошкой
Трепетное тело тополей,
Словно шепчет: «Милые, немножко
Будьте посмелей...».
Тополя, разбрасывая вечно
Легкий и пушистый летний снег,

Серебристо, мягко шелестели:
«Стыдно... боязно... и нет, нет, нет...».
Ты ли, я ли... или теплый вечер,
Так и не осмелились на встречу...
Ну зачем? Зачем об этом я?!.

Очеловечивание, олицетворение образов природы входят свободно в художественный мир поэзии А. Кузнецовой. Ее лирика биографична, вместе с тем в ней немало от типизации и обобщения.

Впервые после двух сборников стихов Ашальчи Оки лучшие образцы удмуртской женской поэзии собраны А.С. Зуевой в книге «Мир женской души» (1992), включившей в себя стихи поэтесс-классиков: Л. Кутяновой, Т. Черновой, А. Кузнецовой, Г. Романовой. В сборник вошло около шестидесяти стихотворений А. Кузнецовой в переводах разных поэтов и автора. Составитель в предисловии «Поэзия женского сердца» писала: «Драматическая напряженность переживаний, сила чувств и энергия действий отчетливо выражена в лирике... Аллы Кузнецовой (1940). Многие стихи... положены на музыку и распеваются в народе...».

Алла Кузнецова (1940–2003)

Профессиональная музыкальная страница в творчестве А. Кузнецовой – песни, созданные на ее стихи талантливым композитором Е.В. Копысовой, музыкальные дуэты с которой не раз украшали сцену республиканской филармонии.

Алла Кузнецова – двуязычная поэтесса. В моем присутствии она экспромтом сочиняла стихи на русском языке. Очевидно, сказалась и география ее жизни – не только Удмуртия: Сарапул, Ижевск, Завьялово, но и Орел, Абхазия, Туркмения. Бывали мы с Аллой Алексеевной и в Дебесах на Широбоковских чтениях (1992), и везде ей сопутствовал успех. Она нередко выезжала в районы республики, участвуя в Днях литературы и искусства. Слушатели встречали ее тепло. Почему? Свободная манера поведения, простота, искренность, безыскусность стихов и близость их слушателям:

Я не умею жить.
Денег никогда нет.
Кланяться не умею.
В горе пою, в радости плачу...
В спорах горяча, в суждениях откровенна,
Поэтому часто попадаю в немилость...
Ну и пусть.
Зато меня не казнит совесть.
И я говорю судьбе:
Не вразумляй меня, не надо,
Пусть я никогда не научусь жить.

Жизненная «установка» Аллы Кузнецовой – жить на миру, ничего от него не скрывая, не боясь, «что подумают...».

Любили Аллу Алексеевну и маленькие слушатели детских садов. Она обладала знанием человеческой психологии, это было заложено в ее характере. У нее было право называться, как и Ашальчи Оки, народной поэтессой.

В 1976 году вышел ее первый сборник стихов «Чуръёсы тыныд» («Строки тебе»). Книгу составила интимная лирика, адресованная близким людям, в ней – любовь к большой родине («Камшур»), память о малой родине – о детском доме, о войне, о хлебе, о любви, о родном удмуртском и русском языках, о природе: солнце, воде. Все это согрето теплом души поэтессы. Второе стихотворение А. Кузнецовой было опубликовано на русском языке в 1966 году в популярной тогда молодежной газете «Комсомолец Удмуртии». В 1979 году увидела свет подборка ее стихотворений «Орловские дали» в Туле. Ее стихи печатались в журнале «Молот», в альманахе «Между Волгой и Уралом», в Эстонии, в Будапеште. О поэзии Аллы Алексеевны писали В. Владыкин, Л. Айтуганова, М. Решитько, А. Перевощиков, Т. Романова, А. Арзамазов, Т. Чернова, Л. Федорова.

Вот что написал журналист и поэт Р. Хайдаров о творчестве А. Кузнецовой в библиографическом справочнике «Писатели и литературоведы Удмуртии» (1976): «Стихи А. Кузнецовой гражданственны, посвящены современности, в них звучит память о войне. По-особому тепло воспринимается ее творчество, посвященное детям, глубоко искренна любовная лирика».

Высоко оценена Книга Памяти об А. Кузнецовой «Сестричка, моя сестричка...» (2010), собранная ее сестрой Людмилой Тимофеевной Созоновой–Лукиных. Художественно оформленная, сопровожденная документами, фотографиями, книга содержит бесценные страницы биографических свидетельств, воспоминаний друзей, коллег, стихи-посвящения. Одно из них – «Дорогие имена» (акростих) – неожиданно обнаружила посвященным автору этой статьи:

Забыта и забита ныне доброта,
Открытая, доступная вода.
Я знаю, доброта – как красота...

Профессор В.Е. Владыкин говорил: «А.А. Кузнецова рождена для поэзии, рождена, чтобы писать стихи. Это была ее жизнь, ее профессия, ее устремления».

В книгу «Удмурты» (Москва, 2005) я, как составитель, включила семь стихотворений Аллы Алексеевны в переводе В. Емельянова: «Архимед», «Мой Бог», «Взгляд», «Молчаливо цветок на поляне растет...», «Словно в мрачную баню попали...», «В эту ночь...»,

«Лист березы похож на зеленое сердце...». Сами заглавия говорят о тематическом разнообразии ее поэзии. В стихотворении «Архимед» поэтесса писала:

Когда мне было десять лет,
Я верила: я – Архимед.
Вот подрасту и всю страну прославлю
И мир переверну...
Семнадцать минуло. И вдруг
Меня заставил трепетать
Стихов твоих волшебный звук...

Поэтесса точно определила «звук» поэзии, давая ему имя «волшебный».

В книгу Памяти о Кузебае Герде «Как молния в ночи» (1998) вошло ее стихотворение «Обращение к землякам». История написания его такова. Работая над составлением книги, я обратилась к Алле Алексеевне с просьбой написать посвящение. Это было в 1997 году в филармонии на одном из литературных вечеров. Она ответила: «Спасибо. Сейчас». И она начала экспромтом читать:

Эй, Кузьма, Кузебай!
Вставай!
Руку дай!
Твой остров Соловки пусть не будет могилой.
Из гроба – за стол,
Из врагов – в красный угол
Мы тебя сажаем
Сквозь слезы славы.
Ведь сегодня
Сбывается твоя мечта,
Дружбой завязывается в узел
Твой финно-угорский народ...

Это стихотворение – обращение к великому поэту, написанное верлибром, – чистая публицистика. Далее говорится, что в стране произошло расслоение на богатых и бедных, о судьбе последних так заботился Герд. Поэтесса выражает опасение, что «кто-то останется без отчего дома», ибо «кусками продается наше добро». И, обращаясь к землякам, призывает их «быть поумнее... ничего за так не отдавать на сторону». Последняя строка стихотворения – пожелание: «Крепкими хозяевами надо стать, земляки, друзья!». Обращение к землякам написано в ключе тревог Кузебая Герда за судьбу своего народа, за обретение им своего достойного места среди других народов страны. Не случайно К. Герд вместе с М. Прокопьевым, Т. Борисовым занимал твердую позицию: Удмуртия должна стать не автономной областью, а республикой.

В книгу «Как молния в ночи» вошли стихи многих поэтов. И, тем не менее, стихотворение Аллы Кузнецовой, посвященное К. Герду, выделяется четко выраженной авторской гражданской позицией, а также программой жизни поэта и гражданина К. Герда.

Вот что писала Алла Алексеевна о том, чем для нее была поэзия: «Стихи... с раннего детства не давали мне покоя, просились на бумагу. Любя Пушкина, Некрасова, Лермонтова, я перечитывала их по-своему, по их мотивам писала свои стихи или же, отталкиваясь от произведений классиков, продолжала импровизацию. Так было до 14–15 лет, пока я не встретилась с творчеством Ашальчи Оки, Михаила Петрова и особенно Флора Васильева». Это признание Аллы Алексеевны из статьи «Но осталась над полями песня», опубликованной во втором издании книги «Восхождение» (1996). Эта статья тоже написана почти «на ходу». Сначала она рассказала содержание своих воспоминаний о Ф. Васильеве, который и как поэт, и как личность был ее кумиром, а затем через день прислала мне статью. В ней – история знакомства с поэтом, которому она принесла на «суд» свою пьесу, и оценка его поэзии: «Стихи Флора Ивановича покоряли проникновенностью. Светлой грустью, чем-то хорошим, зовущим к познанию неизведанного, творить добро, дарить улыбку...». Рассказала о том, как однажды по радио услышала песню на слова Ф. Васильева: «Сколько в ней тепла, нежности, а слова такие простые, сердечные. Долго бредила я ими... а затем стала писать, подражая ему».

Если говорить о поэтической школе Аллы Кузнецовой, то наравне с классической русской поэзией XIX века был поэт, особенно ею чтимый, – Александр Блок, о чем свидетельствует стихотворение «10 марта. Похмелье» и другие стихи в сборнике «Интим».

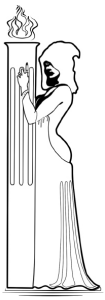
Но не следует забывать, с чего начиналась удмуртская национальная профессиональная поэзия: с фольклора, с народной песни, с легенды, мифа и других жанров устно-поэтического творчества, чье влияние весьма заметно в поэзии А. Кузнецовой: жанрообразующее начало, а также мелодия, язык, система поэтических тропов и образов.

Алла Алексеевна последние годы жила вдали от писательской среды, друзей, родных, жила трудно. Чувствовалась ее неприкаянность, поиски чего-то более стержневого в жизни. К ней уже пришла заслуженная известность, ее поэзия была востребована широкими кругами читателей, и сама она как Поэт была желанной в разной аудитории. Но 12 августа 2003 года Алла Кузнецова, как и ее учитель Флор Васильев, трагически погибла в расцвете творческого дарования.

Заканчиваю заметки о творчестве А.А. Кузнецовой строками из стихотворения-реквиема талантливого ученого и поэта В.Е. Владыкина, посвященного Флору Васильеву. Пусть они будут и памятью о талантливой удмуртской поэтессе, неповторимой личности Алле Алексеевне Кузнецовой:

Большие поэты не старятся
И не умирают.
Они погибают,
Они сгорают,
Чтоб осветить сумрак Вселенной
И наших душ.

Февраль 2011 года.



Евгения КОПЫСОВА

ГИМН ЖИЗНИ И ЛЮБВИ

Сердце готово выскочить,
Чтобы с ручьями слиться...
Алла Кузнецова

Алла Алексеевна Кузнецова была удивительно талантливым человеком. Талантливым и одаренным во всем: в сочинении стихов, в жизнелюбии, в добром отношении к людям, не смотря на то, что жизнь ее была нелегкой. Она любила людей и открывала им душу.

Почему отроду я такая?
Вижу лишь хорошее повсюду.
Всех людей улыбкой привечая,
В них искать плохое я не буду.

В стихах А. Кузнецовой вся ее биография. Она писала стихи так же, как жила, – быстро, стремительно, со страстью, без какого-либо расчета.

Однажды я прочитала в журнале печальную историю о женщине, которая не разрешила сыну жениться до его ухода на службу в армию. Сына послали в Афганистан, где он погиб, а мать винила себя за то, что не позволила ему завести семью.

Мне захотелось написать об этом песню, и при встрече с Аллой Алексеевной я рассказала ей о своем замысле. Она тут же загорелась желанием сочинить стихи.

С удовольствием вспоминаю, как мы с ней сочинили песню «Афганская мать». Я спросила ее: «Неделю хватит на сочинение стихов?». Она ответила: «Давай сейчас писать!».

Я наигрывала на пианино мелодию, которая по характеру и настроению соответствовала этой истории, Алла писала стихи. Читала строчку. Если по ритму или настроению музыка и слова не подходили, то она исправляла стихи, а я переделывала музыку. Я плакала от печальных, пронзительных слов, она – от музыки.

Через три часа была готова песня, которая каждый раз, когда ее исполняли, вызывала слезы у зрителей:

Отшумела вешняя вода,
Отшумели с веснами года.
Подошел сын в ноги поклониться:
«Мама, я хочу жениться!»
«Подожди немного. Подожди, сынок,
Тебе в армию идти уже подходит срок.
Вот вернешься, будет все, как у людей.
Будет свадьба, будет полный дом гостей.
Не женись, сыночек, погоди,
Твое счастье где-то впереди.
Подождет два годика невеста».
В армию идти пришла повестка.
«Подожди немного, подожди, сынок,
Тебе в армию идти уже вышел срок.
Вот вернешься, будет все, как у людей.
Будет свадьба, будет полный дом детей...
Голова седа седым туманом,
Пеплом, как песком Афганистана,
Сердце замуровано в груди –
Мой сынок единственный погиб!
Ты прости меня, прости, сынок!
Не женила я тебя, когда вышел срок.
Были б сношенька да внуки у меня,
А теперь на белом свете я одна».

Алла Алексеевна чутко реагировала на жизненные события, они рождали в ней новые стихи. Услышав однажды на концерте выступление вокального трио в составе Николая Копысова, Вячеслава Фатеева, Николая Вахрушева, она подошла к ним, высказала свое восхищение их пением (она была очень эмоциональным человеком) и сказала, что хотела бы написать для них что-нибудь.

Сообща решили, что нужна песня, которая бы представляла это трио. На следующий день стихи были готовы. Я написала музыку. Получилась веселая, шуточная песня «Тон но, мон но» («Ты и я»), в которой пелось о том, что Слава и Коля влюбились в одну девушку, а она никому их них не ответила взаимностью. Они погоревали, погоревали и пошли искать другую. Стихи были настолько выразительны, что зрители с первых фраз песни начинали смеяться и аплодировать.

Творчество Аллы Алексеевны Кузнецовой – это гимн жизни и любви!

Евгения Владимировна Копысова – известный в республике и за ее пределами композитор, автор множества музыкальных произведений, Лауреат государственной премии УР.

Надежда БОЧКАРЁВА

МОИ ВСТРЕЧИ С АЛЛОЙ КУЗНЕЦОВОЙ

Как скоротечна жизнь комет,
И все же их завидна участь.
Вот так бы мне ,стихами мучась,
Над чьей- то жизнью ,чьей-то тучей
Пусть хоть на миг исторгнуть свет.
Алла Кузнецова

Во Дворце машиностроителей раньше проходили очень интересные фольклорные вечера. Организатором и ведущим этих вечеров был А.А. Митрофанов. Там всегда было много народа и было очень весело. После выступлений коллективов в фойе были танцы ,пляски под гармонь. На одном из вечеров среди пляшущих я увидела нелепо ярко одетую молодую женщину, которая от души лихо отплясывала, чем невольно обращала на себя внимание. Я удивленно смотрела на нее, потом спросила у М.М. Самсоновой: кто это, такая смешная . Вот она мне и сказала: эта женщина пишет стихи, говорят, очень талантливые. Это была моя первая встреча с Аллой Кузнецовой.

Раньше в Дни города краеведческий отдел Национальной библиотеки выходил на Центральную площадь с литературой. Иногда это были выступления совместно с писателями или с активом клуба « Край удмуртский». В один из Дней города мы взяли с собой стопку только что вышедшего в Московском издательстве «Современник» сборника стихов удмуртских писателей «Песни солнечного леса». И пошел сильный ливень. Народ разбежался кто куда. Мы спрятались перед входом в театр оперы и балета. Собралось много людей, и ведущая из Санкт-Петербурга начала развлекать собравшихся. Рядом с нами оказалась А. Кузнецова. Я, недолго думая, подошла к ведущей и показала на Аллу Кузнецову. Та представила ее публике. Алла нисколько не растерялась и замечательно прочитала свои стихи из сборника. Народ аплодировал, раскупил все книги, многие просили автограф, некоторые дали больше денег, чем стоила книга. Эти «излишки» я отдала Алле. Это были, конечно, небольшие деньги. Дождь кончился, и мы, довольные, босиком по щиколотку в воде побрели к трамвайной остановке.

В Краеведческом отделе Национальной библиотеки проходили мероприятия, иногда на них присутствовала Алла. Как-то мы ней договорились ,что она приедет к нам в клуб. Но оказалось, что Алла в больнице. Я приехала за ней к больничному корпусу, она ждала меня на улице. Пока шли до библиотеки, она сочинила очень хорошее большое стихотворение и тут же прочитала его наизусть. В библиотеке она прочитала его еще раз, и все были удивлены и восхищены.

Позже я встречала Аллу то на творческих вечерах ,то на общественных мероприятиях. Иногда она заходила в библиотеку, делилась своими жизненными невзгодами, удачами в творчестве.

А.А. Кузнецова начала писать стихи с детства. Первое стихотворение было напечатано в газете « Советской Удмуртия» в 1965 году. Позднее она много печаталась в газетах и журнале «Молот». Ее стихи звучали по радио и на телевидении. Отдельной книгой ее стихи вышли в издательстве «Удмуртия» в 1976 году. Сборник назывался «Чуръесы тыныд» («Строки тебе»). Это были стихи о тяжелых военных годах, обездоленном детстве и, конечно же, о любви.

В 1984 году вышла вторая книга Аллы Кузнецовой «Малы меда?» («Почему же?»). Об уважении к своему народу, о природе родного края, о любви стихи этого сборника.Есть удивительно красивый акросонет.

Следующий сборник – «Чимошур ,Чимошуре…» («Чимошур мой ,Чимошур…» вышел в 1991 году и посвящен Флору Васильеву. Автор откровенно делится с нами своими переживаниями , рассказывает о своей нелегкой судьбе, о любви.

В 1993году в серии «Удмурт нылпи садъеслы» («Удмуртским детским садикам») вышла книга для маленьких «Будиськом ! Будиськом! Лыдпусэн тодматскон» («Растем! Растем! Учимся считать») в прекрасном художественном оформлении Василия Мустаева.

На двух языках – удмуртском и русском – в 1995 году вышел сборник «Лушкем яратон» («Интим»). В новую книгу включены стихи о любви, созданные поэтессой на удмуртском и русском языках. Трудно быть женщиной, и в то же время быть женщиной – счастье. Об этом ее сокровенная лирика – лирика страстной, любящей женщины.

Надежда Николаевна Бочкарёва – ведущий библиотекарь Национальной библиотеки Удмуртской Республики. Заслуженный работник культуры УР, лауреат литературной премии имени Ашальчи Оки.

К 60-летию Аллы Кузнецовой в 2000 году вышел еще один прекрасный сборник стихов – «Улонысь но…уйвотысь но»(«Из яви …из снов»). В сборник вошли разножанровые произведения: стихи, сонеты, акросонеты, прекрасный венок акросонетов, посвященных А. Оки, поэма «Кызьпуос» («Березы»), баллада, венок сонетов, посвященных месяцам года, целый раздел акросонетов , посвященных дорогим ей людям , друзьям.

Для детей дошкольного возраста в 2003 году вышла книга-раскраска на удмуртском и русском языках «Ойдо лыдъялом !» («Давай, подсчитаем!»).

Многие стихи А. Кузнецовой вошли в сборники стихов: «Песни солнечного леса» (Москва, « Современник», 1989), «Голубые дали» (Саранск, 1990), «Мир женской души» (Ижевск, 1992), «Лэчыт кылъес» («Колючие слова». Дружеские шаржи, эпиграммы. Ижевск, 1996), «Азвесь лодка».Удмурт кылбур антология («Серебряная лодка». Антология удмуртской поэзии. Таллинн, 2005), «Зарни дэремен шунды». Кылбуръес. Семьяын лыдзон книга («Солнышко в золотой рубашке». Стихи. Книга для семейного чтения. Ижевск, 2006).

Множество стихов Аллы Кузнецовой превратились в песни, и с любовью поются народом.

В Национальной библиотеке имеется кассета интервью с А.Кузнецовой, записанная М. Гавриловой–Решитько.

Юлия РАЗИНА

ТРИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Памяти А.А. Кузнецовой

Я тысячу раз умирала...
Я тысячу раз возрождалась...
Алла Кузнецова

* * *

Топорщась против горестей,
Растущих дерзко остьями,
И испытав сполна трагичность пут,
Споткнувшись для причинности,
«Осто! – воззвать успев, – прости!», –
Пустилась в бесконечный, вечный путь...
Роняло время беглый взгляд
И на ее заросший сад,
Качало время головой: «Так-так...»,
Освобожденная ж душа
Сама – без сада – хороша,
На свет летит, вне времени дыша.
От мук рождения до грез
В сметанной пене облаков
Ее гоняла мачеха-хула.
Но, тыщу раз горевшая,
И – вновь и вновь – воскресшая,
Являлась – добродушна и мила...

* * *

Трех встреч часы песочные,
Разрывы междустрочные,
Интуитивно-вечное – любовь...
Вопросы – вереницею,
Слова про счастье – птицею...
– Тик-так... ну, а теперь – разбор стихов?
– Разбросаны, раздарены...
Еще не напечатаны:
Черед не подошел или – прошел...
– И нашей встречи дождь грибной –
Он до сих пор не спет тобой?!
– Когда-нибудь... – Смотри! Долг – за тобой!
...А капли с крыши – капи-кап!
Крапивы след – багряный крап –
Меняет время на нейтральный блеск.
А визг колес – прощальный крик
Любившей жизнь. Печальный штрих
Обычных биографий поэтесс...

Юлия Разина – поэтесса, переводчик, член Союза писателей России. Живет в Ижевске.

Милитина РЕШИТЬКО

«А ЧТО БЫЛО, ТО БЫЛО...»

Сегодня красивый день. Выпал снег. Все стало бело. Кусты сирени как будто снова зацвели белыми кистями. Воробьи сели на побелевшие от снега веточки жасмина и о чем-то переговариваются.

В такой же белоснежный ноябрьский день я тебя, Алла, провожала домой, и ты рассказывала о встречах с Флором Васильевым. Он спросил тебя: почему ты не пишешь о своих родных местах? Какая же ты тогда поэтесса? Каждый поэт должен прославлять свою родину. «После этого, – добавила ты, – я в 1991 году выпустила сборник «Чимошур. Чимошуре», где можно найти стихи о родной деревне, о речке Чимошурке, о Воложке, где растет синий мышиный горошек, – все это об удмуртском крае, что на карте напоминает вперед шагающего медведя».

Мою деревню Чимошур
Создали двое братьев:
Удмурт Кайван-батыр
И русский парень Завьял-батыр...
Оба пели о любви,
Один на русском, другой на удмуртском.
Прославляли они родину свою.

Подстрочный перевод.

Алла Алексеевна Кузнецова тоже хорошо писала на удмуртском и русском языках, кроме того, переводила с туркменского языка. Писала, как и общалась, легко, свободно. На встречах с читателями свои стихи читала наизусть, артистично, чем привлекала слушателей. Она выпустила при жизни пять сборников стихов: «Строки тебе», «Почему же», «Чимошур. Чимошуре», «Тайная любовь. Интим», «Из яви... Из снов».

Писать стихи начала рано, их печатали в газетах, журналах, но сборники выходили редко, несмотря на то, что ее стихи читатели горячо принимали и любили. По нраву они пришлись и композиторам – как профессиональным, так и самодеятельным. Среди исполнителей и сейчас особенно популярна песня «Капи-кап-капи». Поют ее и удмурты, и русские. На вечерах редко бывает, что ее не исполняют:

Капи-кап-капи... С крыши капают,
Капли с солнцем играют!
Капи...кап...капи... По щеке бегут,
Душу наполняют слезой!

Время летит. Прошло уже семь лет, как нет с нами Аллы Кузнецовой. Нет уже и тех, кто давал ей уроки стихосложения: Петра Поздеева, Семена Перевощикова. Но люди их помнят. На их устах и имя Аллы Кузнецовой. Проходят вечера воспоминаний, читаются стихи, их печатают в газетах и журналах, делают передачи на радио и на телевидении. Институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, ректором которого был ныне покойный, доктор философских наук А.Г. Красильников, выпустил диск из серии «Современная удмуртская поэзия», посвященный творчеству лауреата премии имени Ашальчи Оки Аллы Алексеевны Кузнецовой. Называется он «Пусть говорят мои строки». Автор проекта – кандидат филологических наук Андрей Клементьев.

Главным объектом диско-фильма является сама поэтесса. Алла Кузнецова предстает перед зрителями как живой, эмоционально читающий стихи человек, рассказывающий о своей жизни, о рождении некоторых своих стихотворений. Из ее рассказа узнаем мы о ее жизни, ее счастье и несчастье, радостях и бедствиях, победах и поражениях, любви и разлуке: это поэзия. Все, что с нею случалось, она оставляла на бумаге, в стихах. И это было ее счастьем. По ее словам, не было бы стихов, – не было бы у нее жизни. Может быть так оно и есть...

В редакции литературно-драматических передач была рубрика «Поэзия», куда приглашались читать свои стихи поэты. Спросишь Аллу: «Есть ли новые стихи?». На что она отвечала: «Нет, но я приду и у вас же напишу». Через некоторое время приходила на радио, открывая дверь, говорила: «Скорее дайте листки и ручку или карандаш, чтобы стихи не успели убежать». Сядет за стол и быстро-быстро начинает писать. Через какое-то время стихи готовы. Спросишь ее: «Как это у вас получилось?». Она отвечает: «А слова сами откуда-то идут».

При жизни Алла Алексеевна не часто говорила о

Милитина Васильевна Гаврилова-Решитько – публицист, журналист, автор очерков о деятелях культуры республики, заслуженный работник культуры УР, член СП России, лауреат литературной премии имени Ашальчи Оки.

детстве. Ее сестра Л.Т. Сазонова рассказывает, что Алла с детства писала стихи, обращая внимание буквально на все, что попадалось на глаза. Увидит: летит бабочка, и – за ней, начинает с ней играть и сама как бы летает, тут же придумывая стихи. Увидит диковинную травинку, наклонится к ней и начинает с ней разговаривать: какая она маленькая и красивая, как она дружит с другой травинкой, – напрочь забывая, где она находится, что она должна принести, за чем ее послали. За это ей не раз попадало от мамы.

Поэтессу глазами ученого представила на диске доктор филологических наук А.С. Зуева-Измайлова. Она отмечает драматическую напряженность переживаний чувств поэзии А. Кузнецовой. Ее лирическая героиня, как и сама поэтесса, – женщина нелегкой судьбы, пережившая трудное военное детство, детдомовские будни, безденежье. «Любовная лирика А. Кузнецовой – страстная и исповедальная. Это гимн земной женщине», – говорила критик А.С. Зуева-Измайлова:

Я – грешная и святая,
Возвышенная и земная,
Я – женщина,
Просто – женщина,
А, значит, – любовь сама.

Любовь, семья, дом, природа – любимые темы А. Кузнецовой, в ее стихах слышится мелодия удмуртской народной песни. И неудивительно, что многие ее стихи стали песнями и распеваются не только на удмуртском, но и на других языках.

«Поэзия Аллы Кузнецовой в школьной программе» – этот блок на диске освещает кандидат филологических наук В.Л. Шибанов. В качестве примера он цитирует стихотворение «Я тысячу раз умирала...».

Помнится, в одном из выступлений по радио критик А.А. Ермолаев тепло отозвался о женской поэзии Л. Кутяновой, Т. Черновой, Г. Романовой, А. Кузнецовой. Удмуртские поэтессы подняли ее на новую высоту, работая дружно и помогая друг другу, «как невестки в одном кеносе». Мне понравилось это высказывание, я даже статью написала под таким названием.

На диске со своими воспоминаниями выступают Г. Романова, Т. Чернова, подруга детства, жительница Завьялова Р. Моторина и другие. Они отмечают открытость и смелость характера поэтессы, которая могла говорить и спорить с любым, если не соглашалась, но не всегда могла защитить себя. Многим читателям ее стихи помогали жить, о чем на одной из встреч говорила Л. Тёпина.

А. Кузнецова очень любила Родину, Удмуртию, родные места, родной язык, который чуть было не забыла в детстве, будучи в детдоме.

...Это случилось в 1976 году. В те времена еще проводили коммунистические субботники. В качестве редактора литературно-драматических передач я работала второй год. Суббота. Я в рабочем кабинете. Только-только открыла окна, чтобы помыть стекла. Дверь резко открылась, и в проеме показалось улыбающееся лицо Аллы.

– Я пришла тебе помочь, – сказала она.

– Ты откуда?! – спросила я, зная, что в городе ее нет.

– Из Таджикистана, – ответила она. – Я не смогла там больше. – И добавила: – Я так соскучилась по Удмуртии. Ты не поверишь, утром просыпалась, думаю, – говорит радио: «Вераськe Ижевск!». Подбегаю к репродуктору, добавляю звук, а там... не наш язык: слезы из глаз, сердце замирает. Словно голодная, хотела слышать удмуртский язык, хотела говорить на своем языке... Все бросила и приехала.

Она тогда не думала, где будет жить, где будет работать, куда привезет своих детей. Она хотела домой.

Мы с ней помыли окна, убрались в кабинете, пообедали и разошлись, договорившись, что завтра она принесет свои стихи на радио. Так все и началось: наша дружба и выход ее как поэтессы к широкому читателю.

1 декабря 2010 года в библиотеке им. А. Гайдара на расширенном теоретическом семинаре филологов УдГУ состоялся «Круглый стол», посвященный 70-летию талантливой удмуртской поэтессы, лауреату литературной премии имени Ашальчи Оки Аллы Алексеевны Кузнецовой. Трагический случай унес жизнь одной из самых ярких фигур в женской поэзии финно-угорского мира, творчество которой получило признание не только в родной Удмуртии, но и за ее пределами.

В обсуждении творческого наследия поэтессы принимали участие ее сестра Л.Т. Сазонова-Лукиных, автор и составитель Книги Памяти «Сестричка моя, сестричка...» (Ижевск, 2010), достойной высокой оценки и по полноте освещения фактов биографии Аллы Алексеевны, и по содержанию воспоминаний ее современников, включенных в сборник. На семинаре выступили председатель Союза писателей УР, народный писатель Е.Е. Загребин, лауреат премии М.А. Кастрена М.В. Гаврилова-Решитько, народный писатель УР В.М. Ванюшев, известный искусствовед А.Я. Евсеева, заслуженный деятель искусств УР Е.Г. Красновская. С обстоятельной речью о сестре, выросшей в трудные военные и послевоенные годы, выступила Людмила Тимофеевна – сестра поэтессы. Итоги «круглого стола» подвела руководитель семинара З.А. Богомолова.

125-летию Габдуллы Тукая посвящается
(1886 – 1913)

Габдулла Тукай – выдающийся татарский народный поэт, литературный критик, публицист, переводчик. В своем творчестве Г. Тукай достиг таких высот, что современные исследователи оценивают его как некий итог тысячелетнего периода развития тюркской литературы.

Надежда

О, взойди, светило мысли!
Туча, прочь уйди скорей!
Совесть мертвую, о солнце,
Оживи, лучом согрей!
Сбился я с дороги верной –
Протяни мне, солнце, нить!
Вкруг меня бушует пламя.
Как его мне погасить?
Пропасть гибели ужасна –
Все во мне разорено.
Пусть же мысль веревку бросит
Злополучному на дно.
Мой светильник несравненный,
Драгоценная свеча!
Что мне светочи вселенной,
Если ты не дашь луча?!
Дни прекрасные рождая,
Лей свое сиянье ты!
Пусть в саду моем пылают
Счастья алые цветы.
Я сейчас во тьме блуждаю,
Пусть растает сумрак злой.
Пью не воду – яд глотаю,
Ем не хлеб, а прах земной.
Как слепой иду, и вязнут
Ноги,– тяжко мне бродить
И лягушку вместо птицы
Неудачливо ловить.
Тьма сплошная. Я не вижу,
Где восход и где закат,
Я с врагом дружу, а друга,
Как врага, ударить рад.
Чтоб ко мне душа вернулась,
Освети мои пути!
Помоги мне, о светило,
След потерянный найти!
Не зашло мое светило,
Верю в светлые года,
И моя проснется совесть,
Не уснула навсегда.
Нет, душа не будет низкой,
Высота – ее удел.
Знайте все: орел могучий
На овин случайно сел!

Перевод Анны Ахматовой.

Поэт

Пускай состарюсь я, беспомощен и сед,
И стан согнется мой под грузом трудных лет,–
Душе состарится не дам я никогда,
Она останется сильна и молода.
Пока огонь стиха живет в груди моей,
Я годен для борьбы, я старости сильней.
Ясна душа певца, весна в душе навек,
Она не знает зим, ей неизвестен снег.
Пускай состарюсь я,– не стану стариком,
Что богу молится да мелет языком.
На печку не взберусь, вздыхая тяжело,–
Возьму я от стихов мне нужное тепло.
А смерть придет ко мне – я громко запою,
И даже Азраил услышит песнь мою.
Пусть в землю я сойду,– спою в последний раз:
«Я ухожу, друзья! Я оставляю вас...».

Перевод Семёна Липкина.

Родной язык

Родной язык – святой язык,
Отца и матери язык,
Как ты прекрасен! Целый мир
В твоем богатстве я постиг!
Качая колыбель, тебя
Мне в песне открывала мать,
А сказки бабушки потом
Я научился понимать.
Родной язык, родной язык,
С тобою смело шел я вдаль.
Ты радость возвышал мою,
Ты просветлял мою печаль.
Родной язык, с тобой вдвоем
Я в первый раз молил творца:
–О боже, мать мою прости,
Прости меня, прости отца.

Перевод Семёна Липкина.

ДЕБЮТ

Григорий СТАРОВОЙТОВ

родом из Ижевска
учится в РГПУ им. Герцена
пишет стихи

* * *

Ты говоришь:
– К чертовой матери эти плацкарты,
Вонючие поезда,
Попутчиков,
Севших нигде, едущих в никуда,
Пьянки, карты.
Слышишь?
К черту разъезды, когда
Дышишь –
И то через раз, а порой через два!

Ты говоришь:
– Ну что тебе там, где нас нет?
Там небо другое? Другой рассвет?
Ладно в Мадрид или там в Париж!
Срывается голос.
Щека на казенной подушке.
Я сплю. Ты спишь.

* * *

Прыгает точка-дочь,
Вытянулась в тире.
Режу по всей длине,
Ее прогоняю прочь,

Чтоб не шалила так.
Спутанные слова
В алых больших губах
Крошатся, как зола.

Как огонек во мгле,
Стал истончаться я,
Нету меня нигде,
Только в окне луна.

Хлоркой крошила ночь
Зимний промозглый свет.
В красный, тяжелый снег
Падала точка-дочь.

* * *

Валяется в пыльной неба прихожей
Старым матрасом ветхая туча,
И заревный прыщик царапает луч
На пепельно-серой облака коже,

Но где-то за краем равнин полусонных,
Куда никогда не дотянется взор,
Ветер полощет багряный узор
Октябрьских звезд на апрельских знаменах.

И солнце щетинит острые пики,
А он, командир мирового парада,
Отмашку дает... Ревет канонада,
И небо взрывается птичьими криками.

* * *

Город меньше, чем есть на деле.
Победный набросок,
Картонный тир.
На люстре висли руки капели,
Сочились сквозь стены
Старых квартир.
Вялая дрожь рассыпалась в теле,
Взгляды стыдливо
Поймали в прицел
Тех, кто болтался в петлях карусели.
Но я еще цел.

* * *

Вселенная дремлет в режиме он-лайн:
Рыхлое тело.
Гамак проводов
Стонет под весом неоновых снов,
Плачет громада, что нет больше тайн
Для хищных зрачков человечьего стада:
Под веками солнце размером с точку,
И твари читают бегущую строчку
«Космос, прости, просыпаться не надо».

родом из Ижевска
учится в СПбГУКИТ
пишет прозу

Ася ВАРЛАМОВА

АБХАЗСКАЯ ТЕТРАДЬ

Повесть
(Отрывок)

Пляж, на который привез нас Тимур, был песчаным. Это большая редкость в Абхазии, где почти все пляжи в крупных камнях и галечнике, и ходить по ним первое время очень сложно, тем более – бегать. Поэтому по пляжу в Пицунде мы могли носиться, чтобы парео развевались на ветру, и просто дурачиться, как в детстве. Но мы этого не делали, – ведь с нами был мужчина.

Надя все время была рядом с Тимуром, и я старалась им не мешать. В конце концов, они взрослые люди, и сами разберутся.

Я плавала одна. Море нежное, легкое, и заплывать далеко было совсем не страшно. Можно плыть себе и плыть. Тут главное – просто довериться морю и, как Ежик из любимого мультика, говорить:

– Я в воде, пусть волна сама несет меня...

Закрыть глаза и оказаться в центре всего этого пространства. И понимать, что море – оно живое. Что в нем – целые царства: рыбы, медузы, коньки, дельфины, если уж на то пошло. А мы – гости, поэтому нужно с этим царством общаться дружелюбно и спокойно. Море совсем не хочет напугать, оно не принимает и не ласкает, оно просто живет своей жизнью, и, если ты к нему дружественно настроен, оно ответит тем же.

Загорать я не очень люблю. Можно читать книгу, но обычно солнце яркое, поэтому глаза быстро устают. Приходится просто лежать и о чем-то думать.

Надя с Тимуром загорали недалеко от меня и о чем-то разговаривали. Я взяла фотоаппарат и начала снимать: море, волны, лежащие тела, камни, песок, горы. Мне это нравилось. Зато не нравилось Тимуру. Он попросил, чтобы я удалила все его фотографии. Я кивнула, но, конечно, не сделала этого.

Вечерело, когда он повез нас в центр Пицунды. Город представлял собой длинную аллею, которую окаймляли многоэтажки гостиниц и панисонатов, невысокие дома коренных жителей прятались в глубине. Пицунда, скорее всего, изначально строилась как город для туристов. На удивление, на вечерней аллее было много людей: русские, абхазы, мусульмане в традиционных одеждах, хиппи, туристы, приехавшие к морю с палатками, и богатые туристы на дорогих машинах, – люди из самых разных слоев общества и самых разных национальностей, которых объединило наслаждение морем и воздухом, подаренными Абхазией.

В тот момент, когда мы посреди аллеи вышли к морю, меня накрыла волна ностальгии по тем временам, когда я была маленькой и ездила в лагерь в Крыму. Картинка из детства: вечереет, вокруг много отыхающих и вкусно пахнет – запах сладкий-сладкий и хочется мороженого. Можно устроиться на скамейке, купив сладкую вату, можно сесть на камни и смотреть на небо. Вечереет, море переливается изумрудно-бирюзовым, над водою розовеет небо, цвет гор переходит из глубокого синего в светло-серый. Зажигаются первые фонари, легкий ветер раздувает еще влажные волосы, и бледной полоской выплывает белый месяц. Если посмотреть направо – еще видно край солнца, которое превращает горизонт в красно-желтое пятно, если посмотреть налево – горы уже темные. Тебе некуда спешить. Полное умиротворение.

Меня охватила волна внутренней радости, какого-то счастья, и снова в голову пришла мысль, что теперь действительно не страшно умирать. Я умру, но все равно на свете останется эта красота, которую люди вряд ли способны уничтожить.

Втроем мы заехали по пути домой в кафе и выпили не меньше трех литров сока – ананасового и персикового. Официантка угостила меня конфетой. Хотя, признаться, я сама на радостях попросила. Очень хотелось сладкого.

Возвращались уже по темной дороге. Когда подъезжали к Новому Афону, я почувствовала, что немного замерзла, – в машине были открыты все окна. Надя предложила пойти искупаться в ночном море, но я отказалась. Хотелось в кровать: писать или просто, наконец, побыть одной. Тимур отвез меня домой, а они с Надей поехали куда-то на побережье.

Пришла в комнату, разделась и легла. Но не спа-

лось. Я думала о том, что надо сходить в монастырь и обязательно увидеть Юру. Это казалось очень важным.

Я его, кажется, очень любила, когда мне было девять лет. Это была детская, немного смешная любовь. Но это чувство мне тогда казалось очень серьезным. Когда мне было одиннадцать, бабушка спросила: кого ты любишь? Я ответила, что Юру и что это со мной уже давно: третий год. Она сказала, что я верная и что это правильно...

Я думала о том, что было бы, если бы мы и дальше с ним общались. Или что было бы, если бы он меня тогда тоже любил, а я этого не знала. А что если бы мы спустя много лет встретились и неожиданно для себя полюбили друг друга, и он бы принял решение уйти из монастыря. Потом я осеклась – так мечтают только дети, начитавшиеся сказок. Но, если уж хотите знать, дети себя ни в чем не ограничивают и верят в невозможное, поэтому с ними чаще случаются чудеса. Вот и я, стараясь уснуть, просто разрешила себе помечтать. Представила, как бы мы вместе купались в море, а потом как бы он мне первым сказал, что решил уехать со мной, как бы мы вместе переходили границу и впервые поцеловались...

Проснулась от громкого стука двери. Это Надя пришла. За окном было еще темно. Она смеялась, но в ее смехе было какое-то отчаяние. Она не могла остановиться и все говорила, говорила, говорила:

– Мы сидели на берегу, на пристани, смотрели на темное небо и даже успели заметить, как упала огромная звезда. Она была как комета – огромная и с длинным хвостом...

Я очень хотела спать и едва слушала. Надя быстро поняла, что я не в силах отвечать, разделась и легла в кровать. Перед тем, как уснуть, я услышала, как она громко рассмеялась в темноте.

В городе сегодня свадьба. По дорогам туда и обратно ездят машины и громко сигналят всем встречным. Машин немного, но каждая украшена надувными шарами и бантами. Тетя Наташа сказала, что свадьбы в Абхазии проходят бурно. Приглашается до двух тысяч гостей, обычный подарок входящего – от трех до пяти тысяч рублей. Тогда после свадьбы жених с невестой могут купить квартиру или дом в горах. Но, как правило, деньги уходят на свадебное застолье. А квартиры и дома новобрачным родственники дарят уже без повода. Хорошим подарком считается кухня или прихожая.

На улице звуки клаксонов – они радостные, и в городе сразу появляется атмосфера праздника. Все улыбаются, когда видят жениха с невестой. Близко увидеть свадебную процессию нам с Надей не удалось, зато после плавания мы решили прогуляться до вокзала.

Возле железной дороги много зеленых деревьев и кустарников. На другой стороне железнодорожного полотна – горы, они высокие, синеватые. Поезда здесь давно не ходят, вокзал после войны разрушен. В рамах окон нет стекол, мусор, и только один милиционер смотрит за площадкой. Он немного пьян, он учит нас колоть орехи руками. По дороге сюда мы не удержались от покупки нечищенного фундука, который гораздо дешевле чищеного. Ни ножа, ни молотка у нас не было, и мы придумали колоть орехи ногами. Кладешь орех на асфальт, трескаешь по нему пяткой – и готово! Орех раскалывается, становится плоским, но вполне съедобным. Остается только очистить его от скорлупы. Вкуснотища!

Вообще-то милиционером подвыпившего дяденьку назвать нельзя. Он одет не по форме, и его слегка покачивает. Но сразу видно, что он тут главный. Увидев, как мы колем орехи, он сделал нам замечание. Но не в грубой форме, а очень осторожно, даже мило. Так мужчины в Абхазии относятся к приезжим девушкам. Они пытаются показаться важными, независимо от статуса, и в то же время внимательно смотрят на тебя, давая понять, что ты привлекательна.

Милиционер взял два орешка, положил их между большим и средним пальцами, закрыл ладонь и второй ладонью нажал сверху. Его руки были похожи на лопаты – неаккуратные и даже грубые. Ногти коротко острижены – так стригут свои ногти хирурги и музыканты. Треснул только один орех. Так бывает, когда в пасху христосуешься яйцами: всегда разбивается только одно – второе остается целым. Он расколол несколько орехов, а у нас не получилось: то ли орехи мы неправильно клали в ладонь, то ли руки были недостаточно крепкими.

Кроме вокзала, мы побывали в заброшенных домах, стоящих между железной дорогой и храмом. Оттуда тропа вела вверх, к монастырю. Эти дома стали заброшенными после войны. Видимо, в них попали снаряды, потому что ни окон, ни дверей не было. Только деревья сливы выжили. На стенах что-то вроде граффити, выполненных совсем не художниками. Скорее всего, кто-то просто находил баллончики с краской и впервые, не зная как это делается, рисовал на стенах: «Здесь был Вася», или «Ахра был» (скорее Ахра, чем Вася). Так пишут у нас на заборах.

Неподалеку от этого места находится библиотека. Я все еще читаю «Завтрак для чемпионов» Воннегута, которую купила в Сочи. В книге полно сумасшедших рисунков.

Тимур сидел на скамейке возле аптеки под большим деревом – там тень и людей немного. Мы подсели к нему. Нам было жарко в купальниках и легких юбках. Тимур был одет в голубую рубашку с короткими рукавами и темные джинсы, на ногах ботинки, в которых в Питере большая часть населения ходит в сентябре. Видимо, ему было совсем не жарко. Он прятался не только от людей, но и от солнца. И загар у него был глубокий, но только до половины предплечья – «загар тракториста».

Мы сидели под листьями большого дерева втроем, я читала, Тимур с Надей о чем-то разговаривали. Потом мы гуляли и домой вернулись уже во второй

половине дня. Купили хачапури с сыром и мясом, похожие по вкусу на макароны по-флотски, выпили кефира. Мы все еще ходим в тот магазин, который тетя Наташа показала нам в день приезда. Там есть практически все, что нам нужно: айран, сметана, сыр, овощи, хлеб, что-то к чаю.

После длительных прогулок начинаешь привыкать к тому месту, где живешь. Когда не в первый раз встречаешь каких-то людей и знаешь, что за поворотом будет кофейня или аптека, начинает казаться, что ты здесь свой и город этот для тебя роднее того места, откуда приехал. С каждым днем начинаешь чувствовать себя все свободнее, и уже легко идти дальше открывать новые пути, уже не боишься потеряться. Это называется освоением территории. Хотя меня посещала мысль, что здорово было бы жить в Пицунде среди таких же туристов, как мы, знакомиться с теми, кто в первый раз приехал в Абхазию, с кем ты бы мог завязать приятельский разговор и знать, что вы будете общаться и после возвращения домой. Так хотелось встретить кого-то, с кем можно было бы просто дружить. Ощущение какой-то покинутости не оставляло меня.

С нашей веранды видна церковь. Ее купола возвышаются среди гор, которые кажутся зелеными, все в деревьях и кустах. Каждый день оттуда доносится колокольный звон. Он напоминает мне о Юре, которого я хочу увидеть. И каждый раз, когда звонят колокола, я думаю о том, как он там.

Тетя Наташа говорила, что если ты хочешь купить что-то на рынке, – вставай с солнцем. Во-первых, на рынке все дешевле, а, во-вторых, – все свое, то есть с огородов и полей Абхазии. А значит, – без удобрений, химикатов и прочих вредных вещей. Это все равно что покупать в Питере фрукты и овощи у бабушек – они привезли их со своих дачных участков, они сами это едят.

Подняла себя с кровати около семи часов утра, умылась, тихо оделась, чтобы не разбудить Надю, и пошла, нацепив на спину рюкзак. Подумала, что в рюкзаке куда удобнее нести овощи и фрукты, – я собиралась закупить их в большом количестве, чтобы хватило надолго.

Солнце уже встало из-за гор, а людей на улице мало, только местные. Туристов привезти еще не успели, те, кто живет в Афоне, еще не проснулись. А город уже ожил – кто-то метет в своем дворе, кто-то едет на машине, кто-то несет пакеты с мусором. Я еще ни разу так рано здесь не поднималась, поэтому смотрела на Афон как на что-то новое, непривычное.

Рынок находится почти на краю города. Если идти от пещеры к вокзалу, как раз и окажешься там, где нужно. Вокзал в стороне Сухуми, рынок – чуть дальше. У входа уже стоят машины, на крышах которых лежат пакеты с орехами на продажу. Ты еще не успел войти, а тебе уже предлагают товары. Абхазы умеют торговать – вовремя улыбнуться, пошутить, завоевать твое внимание, и вот ты уже достаешь кошелек и покупаешь то, в чем меньше всего нуждался. Просто не хочешь обидеть или показаться недружелюбной.

На рынке торгует много женщин. Чего только нет на их прилавках! И зелень, уже нарезанная и связанная пучками, и перец, и яблоки, много инжира. Я накупила целую кучу персиков, зеленых яблок, в которых много железа и витамина С, повышающего настроение и помогающего гормонам счастья работать. Долго ходила от одной лавочки к другой, чтобы прицениться и выбрать лучший товар. Надо сказать, что рынок в Новом Афоне небольшой – едва ли тридцать торговцев наберется, зато сразу чувствуешь себя уютно, охватывая взглядом все сразу и зная, на что можешь рассчитывать.

Затолкав в рюкзак помидоры, огурцы, кинзу, петрушку, укроп, персики, яблоки, я вышла с рынка опустошенная. Потратила много, а купила всего-ничего. На какое-то мгновение мне показалось, что я купила действительно очень мало, что можно было бы потратить те же деньги более продуктивно. А может быть, мне просто стало грустно, что все закончилось. Выходя с рынка, я услышала за спиной:

– Девушка, девушка, красавица, подожди!

Это был мужчина лет пятидесяти в светло-голубой рубашке. Он подошел ко мне, взял за плечо и предложил:

– Фундук, хороший, свежий, за пятьдесят рублей отдам, на вот, – он протянул пакет с орехами. Пакет оказался довольно тяжелым, а фундук крупным. Я взяла.

– Спасибо! – улыбнулась я, потому что мужчина мне понравился. Он был хорошим и добрым. Бывает же так – видишь человека, совсем его не знаешь, а он тебе нравится. И не красавец, а все равно нравится. Было в нем что-то. А иногда человек нравится, потому что ты нравишься ему. Одним словом, орехи я у него сразу купила, даже как-то оправдываться перед собой не стала, что они-то мне как раз и не нужны.

С огромным рюкзаком фруктов, орехов и зелени я отправилась в монастырь. «Мне обязательно нужно увидеть Юру, – подумала я. – Просто узнать, как он теперь живет...».

Иногда нам хочется, чтобы в жизни случались удивительные совпадения. А когда они случаются, нам очень хочется знать их причину. И я цеплялась за каждую ниточку, за каждый факт, находя объяснение, почему Юра уехал из дома в Новый Афон, а я, спустя некоторое время, приехала сюда отдыхать, хотя никогда об этом не мечтала. То есть не то чтобы не позволяла себе мечтать, просто не думала об этом месте, как если бы его не было.

До монастыря длинная дорога – вверх по горе. Говорят, Екатерина II поднималась за грехи на эту гору на коленях. Мне и представить страшно, как долго она это делала и как больно ей было. Дороги к монастырю ведут неровные, увалистые, выложенные камнями.

Перед тем, как отважиться подняться туда, я за-

шла в кафе на берегу моря, выпила маленькую чашечку кофе, разделила фрукты и орехи в два пакета: один для нас с Надей, другой для Юры.

Для Юры я выбрала самые спелые и самые красивые персики и яблоки. Мне хотелось, чтобы он ел их с удовольствием. Я представляла, что мы встретимся, о чем-то поговорим и быстро разойдемся, чтобы думать о следующей встрече. Нет, мы ни за что не будем о ней договариваться, но каждый внутри будет знать – мы, конечно, снова увидимся и будем этой встрече рады. Я буду представлять, что мы встретились на берегу моря, и вдруг пошел дождь и заставил нас скрываться под мостом. Этот дождь был ловушкой, чтобы два давно знакомых и близких друг другу человека остались наедине. А он будет есть самое спелое яблоко, вспоминать, как мы в детстве ругались в подъезде из-за его фамилии (я говорила, что у него дурацкая фамилия из трех букв, а он доказывал, что в его фамилии четыре буквы и она самая распрекрасная), лазили по деревьям и кидали на спор в землю острые ножи. Откусывая от яблока, он представит, что мы встретились у подножия горы – он шел в пещеры, а я шла домой: так и встретились. Одним словом, сортируя фрукты, я мечтала.

Солнце уже разгоралось. Еще пару часов, и оно будет обжигать, а пока оно совсем нежное – не греет, а будто гладит. И легкий утренний ветер. Все это радовало меня.

Когда я дошла до середины горы, пришлось остановиться, чтобы восстановить дыхание. А ведь сюда и старики поднимаются. Как им это удается? Настоящее чудо! Вдоль дороги расставлены палатки с медом, иконами и другой утварью. Я обошла их стороной, перекинула рюкзак через плечо и тронулась дальше.

Честно говоря, подниматься было не столько тяжело, сколько страшно. Я совсем не знала, как себя вести, что говорить, у кого спрашивать про Юру и как объяснять, зачем я тут. Я не знала, как он отреагирует на мое появление и понравлюсь ли я ему. И если мы начнем разговор, – что уместно спросить, а о чем лучше промолчать. Одним словом, я была напугана, но шла вперед, полная сил и надежд.

У входа в церковь стояла немолодая пара. Рядом стояла их серебристая машина.

– Церковь еще закрыта, она открывается, – мужчина посмотрел на часы, – через полчаса, ровно в десять.

– Понятно, – говорю, а сама думаю: как странно ощутить первую преграду на пути. До последней минуты я сомневалась и в глубине души отговаривала себя идти на встречу, хотела повернуть обратно. В конце концов, можно фантазировать, но в настоящей, реальной жизни мне этого совсем не хотелось. Я вспоминала слова мамы – сделай, чтобы потом не сожалеть о несделанном, – и шла дальше.

Монастырь представляет собой несколько соединенных между собой зданий, образующих полукруг. Откуда-то сверху спускался молодой человек, совсем не похожий на священника: в обычной одежде, с ведерком в руках. Я сразу подумала, что это такой же, как Юра, послушник, и решила не упустить возможность что-нибудь выяснить:

– Здравствуйте. Скажите, а вы знаете такого Юру, Юрия, он здесь работает.

– Из Ижевска что ли?

– Да, – говорю радостно, – конечно, из Ижевска!

– А что? – он даже не улыбнулся.

– Просто мне надо с ним увидеться, мы друзья детства.

– Выходной у него, не будет его сегодня, – сказал молодой человек и ушел дальше со своими ведрами. Я, растерянная, осталась стоять в шортах с рюкзаком за спиной, наматывая платок на плечи и голову.

– Ищете кого-то? – мужчина сделал шаг вперед. Он явно был не меньше меня удивлен поведением этого равнодушного человека, служащего богу. В его вопросе я услышала желание поддержать.

– Да, – говорю растерянно, но стараюсь улыбаться, чтобы не показывать своего внутреннего отчаяния. Неужели это все? И сейчас мне придется развернуться и идти домой? А как же фрукты?! Нет, думаю, останусь и буду ждать до вечера.

– Здесь служит мой друг, мы знакомы с самого детства, я хочу его найти, не виделась с ним десять лет.

Мужчина улыбнулся. Женщина давно ушла под арку смотреть виды Нового Афона с вершины горы, а мужчина остался. Он меня очень поддержал.

– Вы подождите, храм откроется, все и узнаете.

Я пожала плечами:

– Да, наверное.

У нас был короткий разговор, но я успела узнать, что они с женой путешествуют вдоль моря на машине. Приехали из Коми и вот уже седьмой день в пути – с остановками, ночевками, кафе и плаванием. Я подумала, что это настоящая находка для пожилой пары вот так взять и уехать путешествовать. Ехать себе в машине, пить клюквенный морс, говорить обо всем или молчать, потому что без слов все понимаешь, смотреть на закаты солнца, на приливы и отливы моря, ругаться с другими водителями, пропускать пешеходов, разворачивать огромную карту и искать кафе, чтобы пообедать, переодеваться и бежать к морю, закапывая ключи поглубже в песок, чтобы никто не украл. Они оба мне сразу понравились.

Когда к монастырю начали подходить люди, я прошла дальше к входу и вдруг увидела, что возле скамеек на земле работает несколько молодых людей. Они были чуть старше меня, и я снова решила, что они могут быть Юриными друзьями. Не боясь отказа, со знанием дела, как большая, я подошла и снова спросила:

– А вы знаете Юру такого?

– Какого такого? – ко мне повернулся бородатый упитанный мальчик. Он улыбался и воспринимал все, как ребенок, с радостью, как будто каждая фраза – возможность ввязаться в какую-то игру.

– Такого, из Ижевска, – говорю. А сама уже и не

спрашиваю, а играю, как будто мне уже и не интересно по-настоящему узнать, где же Юра, а интересно быть вовлеченной в эту игру.

– А, – он закачал головой, – высокий такой, шоколадки все время лопает?

– Не знаю, – я улыбнулась. Мне очень понравилось, что Юра высокий и ест шоколадки, как маленький. – Я вообще-то его с девяти лет не видела и каким он вырос, не знаю.

– А зачем он вам тогда? – спросил с удивлением бородатый мальчик. Работавшие рядом послушники отвлеклись от своих дел и, кажется, заинтересовались.

– Мы в детстве дружили, и так случайно оказалось, что я приехала сюда, а он уже здесь. Я подумала, хорошо бы нам увидеться.

Он улыбнулся:

– Ну-ну… Юра здесь по утрам мусорки убирает, но сегодня у него выходной.

– Ясно, спасибо! – и только я повернулась, чтобы уйти, как он громко крикнул мне вдогонку:

– Да вы подождите батюшку, он вам все расскажет.

– Ладно, – говорю, – спасибо. Спасибо!

Я пошла вдоль дороги, мимо главного входа, смотрела на скамейки, на мусорные баки, в которых чего только не было, и представляла, как Юра аккуратно достает пакет из бачка, вытряхивает из него мусор в огромный мешок, укладывает в бак новый пакет, достает из кармана плитку шоколада, разворачивает ее, откусывает огромный кусок и смеется: такой высокий, что приходится сильно наклониться, чтобы бросить в мусорку хрустящую сребряную фольгу. И сразу после этого разговора и Юра, и люди, и монастырь этот стали как-то роднее.

Открытия церкви я так и не дождалась. Увидела, как пускают женщин-торговок в арку главного входа, и рванулась за ними. Человек, открывший дверь, меня не пустил, сказал, что рано. Я осталась стоять у дверей с тяжелым рюкзаком и небрежно наброшенным на голову платком. Человек в темно-зеленом платье с длинной бородой стоял у входа с ключами, как охранник.

– Чего? – он смотрел на меня так, будто я воровка, пришедшая просить милостыню.

– Я ищу одного человека, может, вы знаете…

И в который раз рассказала историю нашей с Юрой дружбы. Я ждала, что он мне поможет – все-таки он был ближе, чем другие, к тому месту, куда мне хотелось попасть, – монастырю. Но не тут-то было. Он вышел ко мне через дверь, стал рядом и долго мучительным голосом рассказывал о том, какой это грех – искушение.

– Человек спастись приехал, а вы его обратно тянете. Так и утянете. – Помолчал немного и спросил: – Вы платья красивые любите?

– Нет, – говорю, – не очень.

Я не понимала сначала, о чем он, но он настойчиво продолжал:

– А что любите?

– Книги, – говорю.

– Вот представьте, увидели вы книгу где-то, но купить не можете. Будете о ней думать?

– Буду, наверное, – говорю.

– Так и здесь, увидит он вас, думать будет не о спасении души и не о боге, а о мирских делах, мечтать будет, искушаться. Так что идите отсюда, живите дальше, как хотите, а парня не трогайте...

Дома никого не было, когда я вернулась. Надя ушла к морю. Я заправила кровать, положила фрукты в холодильник на кухне, быстро поела.

Надя лежала на расстеленном на горячих камнях парэо. Она только что искупалась – вода еще не успела высохнуть на теле – и загорала. Она повернулась ко мне и, щурясь от солнца, сказала:

– Привет!

– Привет, – сказала я и расстелила свое парэо рядом.

Когда солнце было в зените, мы накрылись платками и пошли гулять. По пути встретили лавку с надувными шарами, плавательными кругами, матрасами и купили новый круг. Он был в мелкий голубой горошек, с прозрачным верхом и плотным голубым низом.

К морю мы вернулись около двух часов и сразу залезли в воду. С новым кругом я заплыла дальше обычного. То отпуская, то догоняя его, доплыла с Надей до места, где море меняет цвет – становится прозрачным, глубоким, ультрамариновым. Наверное, именно здесь заканчивается просто море и начинается море Черное.

Рядом летали чайки. Они играли с рыбами – стремительно подлетали к поверхности воды, хватали рыб, взлетали вверх и отпускали свою добычу обратно, тут же пускаясь за ней вниз...

Жюри подвело итоги конкурса молодых литераторов, проводившегося литературно-художественным и публицистическим журналом «Италмас» совместно с Благотворительным фондом имени писателя Михаила Петровича Петрова. Лауреатами литературной премии имени Михаила Петрова 2010 года названы:

Анна Бубнова (проза)

Даша Володских (поэзия)

Эльгюн Нимазов (эссеистика)

Награждение победителей состоится на заседании очередной «Литературной гостиной Зои Богомоловой».

Анна ЕВСЕЕВА

«НЕ ИГРАТЬ НА СЦЕНЕ, А ЖИТЬ...»

Слово об актере Вячеславе Байкове

В середине лета 1973 года (я тогда работала в училище культуры) в вошедшем в учительскую молодом человеке мы с моей коллегой Д.Н. Стрелковой узнали своего ученика Славу Байкова.

Всегда приятно встретиться с теми, кто учился у вас, оставил след в душе и, тем более, с теми, кто не забыл своих педагогов.

Мы знали, что Слава поступил в высшее театральное училище имени Щукина, и были рады за него. Он вернулся, получив специальность актера драмы и кино. Поделиться радостью, впечатлениями о жизни в Москве, встречами с известными актерами, с которыми ему и его сокурсникам пришлось вплотную соприкасаться, Слава зашел в училище. Рассказывал эмоционально, темпераментно, не скрывая гордости и восхищения. Слушая, мы радовались его успехам, сожалея о том, что далеко не каждому выпадает счастье учиться у таких корифеев театрального искусства как В.Л. Этуш, М.М. Толмачев. В.Т. Кольцов.

В 1967 году на режиссерское отделение нашего училища культуры был большой конкурс. Группу набирали из более 40 человек. Многим пз поступивших, особенно девочкам, хотелось быть артистами. Проучившись семестр, несколько человек оставили учебу, узнав, что училище готовит не актеров, а руководителей драматических коллективов. Но такие предметы, как актерское мастерство, сценическая речь, техника сцены, сценическое движение в программе были обязательными. С учащимися работали опытные педагоги – заслуженный артист РСФСР М.А. Алешковский. Н.И. Дуркина и другие. Поэтому наиболее терпеливые ребята, поистине мечтавшие об актерской карьере, остались до конца учебного года.

Среди них было два хороших мальчика: Слава Байков и Саша Врешинин (впоследствии режиссер ряда театров, в том числе и Удмуртского). Хороших в том понимании, что они не просто интересовались театральным искусством, но и много читали, стараясь постичь азы актерского мастерства, знакомились с работами К.С. Станиславского.

Весной 1968 года Министерство культуры объявило об очередном наборе в театральный институт для подготовки молодых актеров, владеющих удмуртским языком, чтобы пополнить труппу Удмуртского театра. Слава не задумываясь участвует в конкурсе. Строгая комиссия отбирает лучших, в числе которых оказался и он. Спустя пять лет он сидит перед нами – профессиональный артист.

С началом нового сезона на афишах Удмуртского театра появились названия спектаклей, в которых играли молодые актеры, выпускники Щукинского училища. С собой они, как и их предшественники, привезли дипломные спектакли. В их работах чувствовалась Вахтанговская школа.

Теперь уже «щукинцы» служат театру сорок лет. Чего только не приходилось играть Вячеславу Байкову за эти годы: стариков, мальчиков-подростков, молодых людей, героев в высоком понимании этого слова и даже разных животных в сказках. Байков – артист широкого диапазона. В каждой роли он старается соизмерять правду образа с правдой жизни. Его девиз: «Не играть на сцене, а жить». Обаятелен его Егор Полушкин, человек чистой души («Не стреляйте в белых лебедей» по повести Б. Васильева). В комедии Ж.-Б. Мольера «Лекарь поневоле» он – Сганарель, обладающий острым умом, юмором, ощущающий дыхание зала, реакцию зрителей.

В спектакле по пьесе А. Григорьева «Григорий Петухов» Вячеслав Петрович при помощи комических приемов раскрывает внутренние черты характера Капырьянова. Настолько достоверно создан этот образ, что зрители ассоциируют имя артиста с именем созданного им образа, которое стало нарицательным. Актер признался, что сам не может понять, как получилось, что роль выписана как будто специально для него. Он говорит с характерным «кавказским» акцентом, а зритель, веря ему, не перестает удивляться,

---

Анна Яковлевна Евсеева – театровед, заслуженный работник культуры Удмуртской республики, автор нескольких книг по истории театра, член Федерации женщин творческих профессий.

как это Капырьянов выучился удмуртскому языку.

Помню спектакль «Гаян» по роману М. Коновалова (сценарий Е. Загребина и А. Берладина, режиссер-постановщик В. Ушаков). Роман исторический, главный герой в нем – Гаян, удмуртский крестьянин. Не выдержав унижений и оскорблений со стороны царских сатрапов, он уходит из родной деревни, решив присоединиться к повстанцам Пугачева. В Пугачева поверил Гаян и готов идти с ним до конца.

Образ Пугачева в спектакле воплотили два актера: заслуженный артист РФ, народный артист УР В. Байков и заслуженный деятель искусств РФ, народный артист УР Л. Романов. Каждый из них по-своему трактует своего героя. В. Байков, артист очень интеллигентный, наделяет Пугачева умом, тонко раскрывая внутренний мир «мужицкого царя». С простым народом он доброжелателен, доверчив, но крут по отношению к врагам и предателям. Пугачев Л. Романова несколько иной. Он выше ростом, более резок в движениях и выражениях. Но, тем не менее, оба артиста проявили в создании образа Пугачева мастерство перевоплощения.

Пробовал себя Вячеслав Петрович в режиссерской работе, поставив две сказки: «Золотая птица» Т. Ардашевой и «Волшебное колечко» Г. Ходырева на удмуртском языке. К сожалению, эта сказка прошла у нас всего несколько раз, так как детей, знающих удмуртский язык, в Ижевске немного: факт печальный не только для театра.

«В сказках, – говорит Вячеслав Петрович, – много фантазии, ставить и играть их нелегко. Тут нужен особый талант. Очень нравится, когда дети с удивлением, искренней радостью и непосредственностью реагируют на то, что происходит на сцене».

Интересно работалось ему над главной ролью в первом удмуртском полнометражном фильме «Тень Алангасара».

Все «щукинцы» с благодарностью вспоминают учебу и работу на сцене Вахтанговского театра. Их занимали в массовых сценах. Тогда они ощущали себя единым целым, находясь на одной сцене с Ю. Яковлевым, М. Ульяновым и другими известными московскими актерами. А Вячеславу Петровичу даже довелось сыграть Якова Маякина в спектакле «Фома Гордеев» по М. Горькому. Это, конечно. была хорошая школа. Не случайно на сцене Удмуртского национального театра им сыграно более сотни ролей. Все герои, созданные артистом, любимы зрителем: Алангасар, хитрый, жадный, одураченный работником герой в «Свадьбе» В. Садовникова, искренний, тяжело переживающий несправедливое обвинение Акмар.

Несмотря на то, что заслуженный артист РФ, народный артист УР В.П. Байков осуществил свою мечту, зародившуюся в детстве, – быть артистом, душу его беспокоит неудовлетворенность. Ему хочется свободы, простора, как его герою Эзопу из одноименной трагедии (кстати, перевод пьесы Г. Фигейредо на удмуртский язык его же), но, как говорит сам актер, «мы варимся в собственном соку».

В жизни Вячеслав Петрович – интересный собеседник, обладающий оригинальностью мышления, юмором. Пишет, читает на публике юмористические рассказы, побасенки, забавные случаи из жизни артистов. Сам он их называет «Байки от Байкова».

Волнуют его проблемы театра, культуры. Он уверен, что театр нужен, театр очищает душу, учит правильно понимать жизнь. Ему, как и многим его коллегам, хочется верить в то, что Национальный театр – истинный носитель духовной культуры удмуртского народа.

Таким состоялся актер Вячеслав Петрович Байков – мальчик из деревни Новый Утчан Алнашского района. Отрадно читать приветственные строки артисту за подписью председателя Союза театральных деятелей России А. Калягина по случаю присвоения Байкову В.П. почетного звания «Заслуженный артист Российской Федерации»: «Искренне рады вместе с Вашими коллегами, друзьями и верными поклонниками – зрителями сказать Вам слова самой глубокой признательности и и уважения за Вашу плодотворную творческую деятельность. От всей души желаем Вам вечной неуспокоенности истинного Художника, той неистребимой жажды творчества, которая сподвигает к новым поискам и свершениям!».

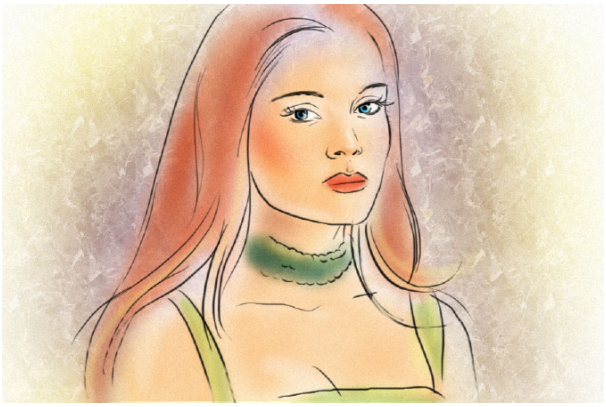
«ВРЕМЯ... ЛИЦА...»

Новые работы дизайнера Елены Никулиной

Ангел

Акварелька

Сирин



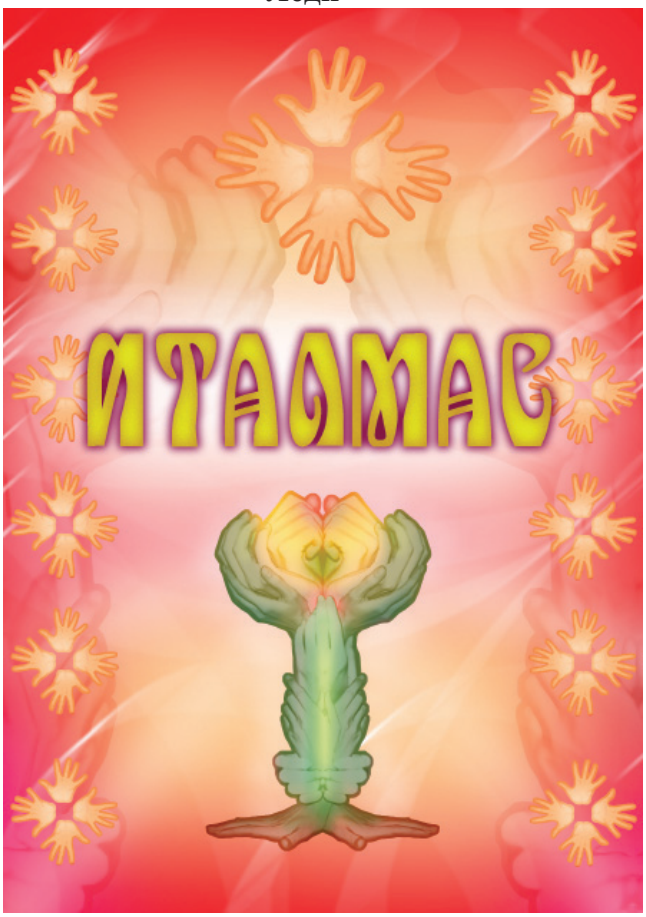
Лола

Елена Валериевна Никулина – выпускница факультета дизайна Камского института гуманитарных и инженерных технологий, член Союза дизайнеров России, член редакционной коллегии журнала «Италмас».

Лиллиан

Леди

Лилли



Новая обложка журнала «Италмас»

Сергей РЕШЕТНИКОВ

РОМАНСОВАЯ ЛИРИКА В УДМУРТИИ

Слово об Элеоноре Тамаркиной

В октябре 2009 года внезапно после короткой, но тяжелой болезни ушла из жизни Элеонора Алексеевна Тамаркина. Она заведовала кафедрой русской литературы XX века и фольклора филологического факультета УдГУ.

Это была удивительная женщина, которая всю свою жизнь посвятила изучению русского фольклора в Камско-вятском крае, а если конкретно – в той местности, которая населена и удмуртами, и русскими. Ее последний труд называется «Романсовая лирика Удмуртии».

С Элеонорой Алексеевной я знаком с самого первого дня существования нашего университета, то есть с 1972 года. Так получилось волей первого ректора УдГУ Б.Н. Шульги, что мы стали в какой-то степени коллегами и по полдня сидели в одном кабинете. Она была назначена ученым секретарем Совета УдГУ, а я был начальником научного отдела. Обе эти должности мы исполняли на общественных началах (тогда таких должностей в штате вуза не было, и очень многое делалось без дополнительной оплаты).

Э.А. Тамаркина была человеком очень кропотливым в своей работе. А время было такое, что многих приходилось принимать на работу через конкурсные процедуры: преподавателей, доцентов, профессоров. Здесь нужен был человек, который бы досконально знал нормативную базу, умел работать с документами и одновременно обладал высокой внутренней культурой, чтобы не обидеть того или иного ученого, не сказав ему резких слов и, в то же время, добившись представления требуемых документов. Таким человеком и была Элеонора Алексеевна, в то время кандидат филологических наук, доцент.

Она занималась исследованием фольклора на территории Удмуртии. Для меня, человека далекого от литературы в то время, фольклор представлял собой устное народное творчество, сказы, сказания, в лучшем случае, – баллады. Но Э.А. Тамаркина открыла мне другой пласт фольклора – романсовую лирику Удмуртии. Ранее я себе представлял, что романсы – некий салонный жанр, когда в богатых имениях помещики, а в городах дворянское сословие и мещане «под фортепьяно» поют романсы, но я, оказывается, ошибался. Дело в том, что романсовая лирика была широко распространена среди простого народа и, как ни странно, среди сельского населения, крестьян. Это и было предметом исследования Э.А. Тамаркиной.

К концу XVIII – началу XIX века родился жанр городского романса. В основу его ложились литературные произведения как известных авторов, так и неизвестных. Это всем широко известные произведения: «Я о прошлом уже не мечтаю...» («Темно-вишневая шаль»), «Скоро, скоро придется расстаться...», «Зачем, зачем вы слово дали...», «Зачем ты, безумная, губишь...», «Кого, кого я полюбила...». Все забыли, что «Не брани меня, родная...» – не народная песня, ее автор А.Е. Разоренов, русский народный поэт, автор романса «Ах, зачем эта ночь так была хороша...» А.М. Давыдов, а «Меж крутых бережков...» написал М.И. Ожегов. Думаю, мало кто помнит, что романс «Хас-Булат удалой» тоже имеет автора, это известный поэт А.Н. Аммосов.

Первые фольклорные студенческие экспедиции под руководством Э.А. Тамаркиной проходили в 1972–1975 годах. Мы тогда убедили ректорат, финансовые органы УдГУ, что это благородная задача – собирание того, как поются, как сохраняются известные всем романсы в разных районах Удмуртии. Поразительно, что романсовая лирика наиболее хорошо сохранилась в сельских районах, особенно в небольших деревнях, где практиковались посиделки.

Когда женщины собирались на завалинках, на скамейках, обязательно находился кто-то из молодых парней, кто владел гитарой. Романсы получали разную интонационную окраску, дополнительные куплеты, подчас меняли свое содержание и исполнение в зависимости от того, в какой местности этот романс звучал.

Э.А. Тамаркина открыла интересный факт: наиболее сильна была традиция исполнения романсов в северных районах Удмуртии. Исследователь объясняла это тем, что эти районы испытали наибольшую экспансию со стороны русскоязычного населения, а именно оно являлось носителем и хранителем многих романсов.

В то же время, как оказалось, русские романсы на русском и удмуртском языке поют также и в удмуртских деревнях. Это замечательное открытие, которое меня поразило! Причем, как отмечала Элеонора Алексеевна, в удмуртских деревнях русские романсы исполнялись по-разному. Романсы удмуртских исполнителей более напевны, более лиричны, более протяжны, а романсы в исполнении русских певцов можно назвать не столько городскими, сколько «жестокими» романсами. И, хотя эквиваленты на этих двух языках были близки при переводе, но интонации и то, что не передается формально языковыми эквивалентами, а передается только в живом исполнении были разными.

Эту работу Э.А. Тамаркина закончила в 90-е годы. Было собрано много: несколько десятков тысяч записей, в том числе, и живого исполнения, что явилось основой ее многочисленных научных исследований. Интересен вывод, который она сделала и к которому я присоединяюсь: носителями устной народной культуры, настоящего фольклора являются сельские жители. Городская поп-культура все перемолола: наши бесконечные дискотеки и клубы, массированное навязывание радио и телевидением чего-то усредненного, часто не соответствующего духу русского и удмуртского народов, успешно вытесняют из нашего сознания, нашего информационного поля то богатство романса, которое было характерно для конца XIX и начала XX века.

Хочу сказать: основными носителями романсовых текстов и основными исполнителями были, конечно, женщины, что наложило своеобразный отпечаток на этот жанр. Чаще всего это были романсы о неудавшейся любви, об измене мужа, любимого, о несчастной жизни женщины в городе или селе в дореволюционное время. Это была лирика чаще всего о событиях, редко окрашенных положительными эмоциями. Конечно, были и есть оптимистичные и радостные романсы, но они теряются в той череде романсов, которые соответствовали настроению женщины или девушки, что-то потерявшей в любви, в жизни, в чем-то ущемленной. Часто это романсы о том, что молодой девушке не позволялось выйти замуж по любви, когда ее судьбу решали родители. Но не все так печально: многие романсы были, повторюсь, оптимистичными.

К сожалению, жанр романса постепенно уходит из нашей жизни потому, что носителей его остается все меньше и меньше. Как пример, – исполнителями русских романсов на концертах высокого уровня являются две грузинских артистки – Тамара Гвердцители и Нани Брегвадзе. Непонятно, почему русский романс не занял достойное место в сценическом творчестве русских певцов. На мой взгляд, из популярных певцов России на первом месте по любви к романсовой лирике стоит, наверное, Александр Малинин. После него, с очень большим отрывом, идут Николай Басков и Алексей Погудин. Мы забыли этот жанр и почти вычеркнули его из нашей повседневной культурной жизни. Именно об этом писала талантливый фольклорист Элеонора Алексеевна Тамаркина, анализируя историю романсовой лирики в Удмуртии.

Александр ФОМИНОВ

ЖИВЕТ СЕЛО ВЕРХНЯЯ ТАЛИЦА

В очередной раз перечитал очерк «Все подвластно моей современнице» из книги З.А. Богомоловой «Голоса эпохи» о Зое Афанасьевне Никоновой, председателе колхоза «12-я годовщина Октября» Верхней Талицы Воткинского района. Прозвучал же очерк задолго до его публикации по удмуртскому радио где-то в начале восьмидесятых годов прошлого века. Перечитал и будто снова очутился в том далеком времени, в кругу близких мне людей, о которых так тепло и искренне написала Зоя Алексеевна. Захотелось мысленно воскресить в памяти забытое, взглянуть на все новым взглядом с высоты прожитых лет, рассказать о Талице нынешней и судьбах тех, о ком был написан очерк.

А началось все с памятного телефонного звонка, прозвеневшего три десятка лет тому назад и оставившего глубокий след не только в жизни З.А. Богомоловой, но и в моей жизни, в жизни героев прозвучавшего на всю республику очерка. Зоя Алексеевна пригласила меня тогда домой, в свою уютную квартиру, чтобы обсудить свою задумку: написать об этой удивительной женщине и ее односельчанах.

Помню наш разговор за чашкой чая, сомнения Зои Алексеевны: стоит ли браться за очерк, это новое направление в творчестве. Получится ли глубоко понять, раскрыть и показать сельскую жизнь со всеми ее радостями и горестями, разобраться с характерами живущих там людей? Сколько горячих слов произнес я тогда, убеждая Зою Алексеевну взяться за написание очерка, потому что был уверен, что лучше нее вряд ли кто сможет сделать это. Так и получилось.

Много воды утекло с того далекого дня. Не стало больше страны, сменился политический строй. Да что там строй, сменился век и целое тысячелетие, а очерк живет. И будет жить. Потому что в нем все правда: и село Верхняя Талица, и колхоз «12-я годовщина Октября», и, главное, люди, – те, кто еще жив, и те, кого уже нет, – простые сельские труженики, завоевавшие славу своим трудом, став героями большой литературы.

Я часто бываю в Воткинском районе, в Верхней Талице и не понаслышке знаю, как тут живут люди. После перевода меня на работу в Ижевск я ни на один день не терял связь с районом. Избирался депутатом Верховного Совета республики, позднее – Государственного Совета от Воткинского района.

Верхнюю Талицу постигла та же участь, что и тысячи других сел и деревень по всей России-матушке. Производство сельхозпродукции сократилось наполовину. Жилье практически не строится. Вместо прославленного колхоза «12-я годовщина Октября» теперь СПК «Талица». В конторе по-прежнему стоят Красные Знамена ЦК КПСС, Совета Министров СССР.Висят на стенах грамоты и дипломы, напоминающие о былых заслугах бывшего колхоза. Но село живет. Работает школа, детский сад, дом культуры. Скоро откроется новый фельдшерско-акушерский пункт. В котельные и жилые дома пришел природный газ. Не остаются без внимания и производственные объекты. Совсем недавно отремонтирован коровник на двести голов, приобретен новый молокопровод.

Возглавляет нынешний СПК Владимир Безносов – сын Валентина Сергеевича и Лилии Геннадьевны Безносовых, которые, к сожалению, рано ушли из жизни. Зоя Алексеевна в своем очерке сказала о них много добрых слов. Владимир продолжает трудовую династию родителей. Все попытки перевести его на работу в Воткинск окончились ничем. Он глубоко врос корнями в Талицкую землю.

После работы в Администрации района вернулся в родное село бывший энергетик колхоза Евгений Павлович Гусев. Он избран Главой местной администрации, на которою по новому закону о местном самоуправлении возложены все социальные проблемы территории.

По-прежнему трудится в хозяйстве и еще одна героиня очерка – Галина Ивановна Поносова. Тогда она работала секретарем партийной организации. Выйдя на пенсию, она с семьей стала заниматься фермерством. Взяла причитающийся ей земельный пай и стала выращивать товарный картофель.

Особый разговор о Любови Абрамовне Поносовой, так полюбившейся Зое Алексеевне. Тогда ей было уже 72 года. Она до последних дней своих оставалась жизнерадостной, неунывающей женщиной, деятельной и абсолютно здоровой. Посещала все колхозные мероприятия, концерты, встречи. Была в курсе всех сельских событий. Всегда, как только представлялся случай побывать в Талице, я заходил к Любови Абрамовне, испытывая к ней самые сердечные, сыновьи чувства. Ее отношение ко мне было таким же искренним. Обменивались новостями, говорили об общих знакомых, вспоминали Зою Афанасьевну. Во время

Александр Михайлович Фоминов – депутат Государственного Совета Удмуртской Республики.

газификации села спросил Любовь Абрамовну, будет ли она подводить газ к дому.

– Зачем? – удивилась она, – у меня же русская печь есть. Мужики все сделают, только крикни. Водки у меня запасено много еще с советских времен, когда талоны были. Для дела продукт нужный.

Когда газ пришел в Верхнюю Талицу, все село собралось у распределительной подстанции, чтобы в торжественной обстановке зажечь газовый факел. Сделать это было поручено, конечно же, старейшей жительнице – Любови Абрамовне. Надо было видеть волнение и счастье на лице этой старой женщины, когда над родным селом от ее рук вспыхнул веселый, пляшущий на ветру огонь.

– Хотите или нет, Любовь Абрамовна, – сказал я тогда при всем народе, – но газ к вам в дом мы все-таки проведем, чтобы последние годы жизни вы пожили в настоящем комфорте. Сделаю я это за свой счет с помощью сельской администрации. Не мог я это сделать своим родителям, так в память о них сделаю вам. Да и не по-хозяйски это будет: проложив газовую трассу в несколько тысяч километров через всю страну, остановиться за тридцать метров от вашего дома.

Через месяц, когда снова приехал в Талицу, в доме Любови Абрамовны еще работали слесари. Но праздничный стол был накрыт. И вот наступил долгожданный момент – пуск отопления. Загудела газовая горелка, и вскоре в небольшом деревянном доме стало тепло и уютно. Выпив рюмочку, Абрамовна заговорила:

– Пожалуй, Александр Михайлович, я теперь до ста лет проживу в такой благодати. А когда умру, расскажу там на небесах Зое Афанасьевне и Валентину Сергеевичу, что есть теперь газ в Талице. Больно уж они об этом мечтали.

Но не дожила Любовь Абрамовна до своего столетнего юбилея всего пять лет и шесть дней. В августе 2008 года перестало биться сердце этой простой сельской труженицы.

А теперь о главной героине очерка – Зое Афанасьевне Никоновой. Верно написала Зоя Алексеевна, что в то время З.А. Никонова была новым типом современной деловой женщины. Она, дочь крестьянина, с молоком матери впитала те лучшие качества, которые свойственны истинному труженику земли.

В марте 1978 года я был избран первым секретарем Воткинского райкома партии. Первым руководителем, пришедшим ко мне на прием, была Зоя Афанасьевна. С присущей ей широкой улыбкой, крестьянской бесхитростностью поздравила с назначением и тут же начала рассказывать о текущих делах колхоза и его людях. Рассказывала с теплотой, знанием дела, с присущим ей юмором, изображая в лицах наиболее колоритные колхозные персонажи. Было видно: это ее жизнь, ее любовь и судьба. Потом, будто опомнившись, сказала:

– Что это я все говорю и говорю. Вы приезжайте в Верхнюю Талицу. Сами увидите. Уважьте единственную бабу-председателя. Мужики подождут.

Так и зародилась наша дружба с легендарной З.А. Никоновой.

Колхоз «12-я годовщина Октября» стал испытательной площадкой района по продвижению новых направлений в сельскохозяйственном производстве. Это внедрение и перспективных сортов в растениеводстве, и прогрессивных технологий в заготовлении кормов и молочном животноводстве, в организации и оплате труда. Колхоз являлся и своеобразной школой воспитания людей, начиная с местного детского сада, школы, общественных институтов, где непререкаемым лидером была Зоя Афанасьевна. К единственной женщине-председателю прислушивались руководители-мужчины не только в районе, но и в республике. Ее выступления на любых форумах всегда поражали простотой, образностью, юмором.

Все десять лет нашей совместной работы Зоя Афанасьевна была членом бюро райкома партии. Надо было видеть, насколько бескомпромиссна она была к тем, кто любил выпивать, нарушать трудовую дисциплину.

– Тебе не стыдно передо мной, бабой, – обращалась она к провинившемуся. – Я сегодня с четырех утра на ногах и не знаю, когда спать лягу, но ведь трезвая. А почему ты пьешь? Совсем совесть потерял? Или, может быть, все дела переделал, меня, бабу, перегнал?

Слово «баба» она очень любила и часто использовала в разговоре. На мужчин такие слова действовали пострашнее партийного выговора.

26 лет проработала Зоя Афанасьевна председателем колхоза. Но годы брали свое. Стало подводить здоровье. И в феврале 1987 года в шестидесятилетнем возрасте ушла на заслуженный отдых. Несколько лет прожила в Талице в своем большом доме, но стала все чаще заводить разговор о переезде в Воткинск поближе к родным и городской больнице. Да и видеть, что стало происходить с селом в так называемый перестроечный период, не могла. Село на глазах стало приходить в упадок.

7 июля 2003 года З.А. Никонова скончалась в возрасте 76 лет. В последний путь пришли проводить ее друзья и соратники – те, кто был верен ей, кого любила она. Выступая на гражданской панихиде, я завершил эту траурную церемонию словами, взятыми из очерка Зои Алексеевны Богомоловой: «Вспомнилось авторское раздумье в романе народного писателя Удмуртии Т. Архипова «У реки Лудзинки»: «Да разве может быть председателем человек, который в летнее время ни разу не видел своими глазами восхода солнца?». Сколько за свою человеческую и председательскую жизнь Зоя Афанасьевна встретила летних и зимних рассветов, восходов солнца. Любовь к земле – вот мерило нравственных отношений, по ее разумению, крестьянина с землей».

С этими словами были согласны все стоящие у гроба Зои Афанасьевны Никоновой. Ведь они подводили своеобразный итог всей жизни этой замечательной женщины, нашей современницы.